

Дуглас Ричардс
Око разума

Часть первая

Парадокс реальности в том, что наиболее притягателен образ, видимый только мысленным взором.
Шана Александер

1

Смрад был настолько ужасен, что, казалось, атаковал каждую клеточку его организма – омерзительная вонь гнилья и протухшей пищи, богомерзкого потустороннего месива схлестывающихся между собой десятков запахов, каждый из которых отвратителен сам по себе, но в сочетании они поистине тошнотворны, самым невероятным образом.

Осознав, что тонет в этом тлетворном облаке, он запаниковал, но почему-то никак не мог вдохнуть, словно позабыл, как это делается; будто его мозговые связи, запускающие непроизвольную дыхательную реакцию, были начисто перерезаны садовым секатором и больше не вели к груди или легким. Он не сомневался, что жить ему остаются считанные секунды.

И вдруг на малую часть его рассудка снизошло озарение, и он понял, что вовсе не тонет, а пребывает в самой гуще яркого реалистичного кошмара, и его дыхательный рефлекс отказал, потому что он находится в мире грез, а его физическое тело спит и парализовано. Он вложил всю свою волю в мощный рывок, чтобы сбросить сокрушительно тяжкую пелену забытья, и мгновение спустя все его сознание вырвалось на поверхность, как ныряльщик, слишком долго пробывший в сумрачных и холодных океанских глубинах и ускользнувший от смерти как раз вовремя.

Полностью придя в сознание, хотя и не оклемавшись до конца, он ощутил тяжесть век, перекрывающих его взор. Услышал шепот в сознании, десятки шепотов. Улавливал отдельные слова и фразы, выхватывал образы. Калейдоскоп деятельности прямо под поверхностью, сливающийся в белый шум; нескончаемая болтовня сотен безостановочных пустомель, треплющихся одновременно. Он тряхнул головой в попытке остановить бесящие шепоты в сознании, но тщетно.

И с досадой открыл глаза.

Его встретила абсолютная, непроницаемая тьма.

Борясь с паникой, нахлынувшей с преумноженной яростью, он осторожно протянул правую руку – и был вознагражден, когда она вошла в контакт с гладкой поверхностью, на ощупь напоминавшей сталь. Продолжил зондирование окружения – и секунду спустя ладонь вошла в контакт еще с одной поверхностью над головой. Крышка. Из стали, как и найденная стена.

Крышка была тяжелой, но, подняв обе руки выше плеч, он сумел толкнуть ее вверх, затопив свое узилище ослепительным светом. Продолжал толкать, пока не достиг поворотной – в прямом смысле – точки, и крышка откинулась на петлях, шумно грохнувшись о боковину стального контейнера.

Еще до того, как зрение успело приспособиться к свету, он увидел, что находится в живом море мусора, до половины заполнившего большой ящик, покрашенный зеленой краской знакомого оттенка.

Он внутри мусорного контейнера.

Вид мерзких отходов вкупе с запахом вынудил его сделать то, чего его тело в беспамятстве ухитрилось избегать до этого момента. Он перегнулся пополам, и его стошнило, хотя желудок был, вероятно, почти пуст, потому что все ограничилось позывами и сухими спазмами, не выдавив почти ничего.

Он высунул голову над краем контейнера промышленных размеров. Глаза уже полностью приспособились к свету. Он находился на задворках чего-то вроде торгового ряда, и, судя по помоям, в которых он сидел,

изобиловавшего гастрономами, бакалейными и мясными магазинами и ресторанами с пунктами смены подгузников.

Выкарабкавшись из контейнера, он захлопнул за собой крышку, радуясь, что никто этого не видел. Пусть он и провел ночь в помойке, но явно не утратил хоть жалких остатков гордости.

Осмотрел себя. Обут в кроссовки, одет в черную футболку и джинсы, покрытые кляксами жидкостей неведомого рода, в том числе и той, что могла быть кровью – а может, и нет.

Что он делал в помойке? Он начал обшаривать память.

И не нашел ровным счетом ничего.

Как же это надо нализаться, чтобы не запомнить ночлег в гробу, набитом помоями?

Он ахнул, когда до рассудка дошла куда более существенная истина. Мир прямо-таки заходил ходуном, когда его потрянуло от бессилия: он не мог вспомнить вообще ничего. Не только того, как попал в помойку, а вообще откуда явился на этот свет.

Он тужился припомнить хотя бы свое имя, но тщетно.

Обшарил карманы, но не нашел ни бумажника, ни каких-либо документов.

Что за дела?

Пuls зачастил, перевалив далеко за сотню ударов в минуту, и голова от шока и выброса адреналина закружилась. Надо успокоиться. Надо подумать.

Ему нужна помощь. Врач. Способ выяснить, что случилось и кто он такой.

Но сосредоточиться ему было трудно. Шепоты и образы в рассудке не отступали, и он не мог вообразить ничего более сбивающего с толку или пагубного для организованного мышления. Остановить их он вроде бы не мог, зато мог хотя бы отчасти подавить, загнав в более глубокие и менее выпячивающиеся уголки сознания. И все равно не мог не гадать, сколько еще сможет выдержать, не лишившись рассудка.

Или уже лишился?

Нет. Не может быть. Он чувствовал, что рассуждает вполне разумно. И совершенно здраво.

Он расхохотался. «Уж конечно, – подумал он, – я ничуть не менее рассудительный и здравомыслящий, чем любой другой субъект, лишившийся памяти, проснувшийся в помойке и слышащий голоса в голове».

И что теперь?

В его нынешнем виде всякий, к кому он обратится за помощью или еще за чем-то, учует его еще прежде, чем увидит, и рванет куда подальше во всю прыть. Прежде чем приступить к чему бы то ни было другому, надо помыться и принять презентабельный вид.

Он огляделся. Вдали, за пустырем, поросшим травой и чахлыми кустиками, углядел заправку «Шелл» с возносящимся высоко над станцией знакомым символом желто-красной раковины; знакомство знака как-то утешило его. А еще там должен быть туалет.

Он тотчас же направился к знаку и пять минут спустя вышел к узкому переулку, где помедлил, чтобы пропустить единственный проезжающий автомобиль с открытыми окнами и орущей музыкой.

Песню он узнал сразу же. Логично. Он мгновенно вспоминает слова первой подвернувшейся песни, но не имеет ни малейшего понятия, где живет, да и вообще что бы то ни было о себе...

За рулем сидел парнишка лет семнадцати-восемнадцати.

– Опа, чё это с этим чуваком? – отчетливо услышал он слова водителя, когда машина проезжала мимо. – Он чё, не слыхал о такой штуке, как душ? – добавил подросток, а потом интонации его изменились, выдавая тревогу и замешательство. – У него чё, кровь на шее?

Но человек без прошлого понимал, что не мог слышать этого, потому что в это самое время смотрел на водителя – и губы у подростка даже не шелохнулись. Кроме того, автомобильный приемник выдавал слишком много децибел, чтобы он мог расслышать слова настолько отчетливо, даже если б подросток действительно их произнес.

Его снова замутило. Эта последняя реплика, которую он якобы слышал, была просто очередным голосом у него в голове, куда более громким, чем фоновый гомон, и таким внятным, словно он тогда сидел с пареньком в машине.

Он энергично потрянул головой, как пес после купания, но голоса остались. Затем пересек узкий переулочек и через считанные минуты приблизился к «Шелл». Мужской туалет оказался тесной клетушкой на одного человека позади главного здания станции, и чуть приоткрытая дверь сообщала, что «удобства» пока свободны.

Войдя в тесную уборную, он аккуратно закрыл и запер за собой дверь.

Поглядел в зеркало – дешевое, грязное и малость кривое, – но не узнал лицо, взиравшее на него оттуда.

Впрочем, одну вещь он узнал тотчас же – засохший ручеек крови, сбегавший от линии волос, и целый колтун запекшейся крови на голове.

И тут же вытаращил глаза, припомнив слова подростка за рулем проезжавшей машины. Должно быть, слова ему померещились. Парнишка сказал, что у него кровь на шее. Довольно точно для галлюцинации. Осторожно ощупав свой скальп, он нащупал чувствительное местечко, в котором его пальцы распознали запекшуюся кровь и свежий струп, и быстро отдернул руку, чтобы случаем не вскрыть рану.

Снова уставившись в зеркало, он продолжил изучение собственной персоны. Ладно скроен; черные, как смоль, волосы на голове зачесаны назад, на щеках одно– или двухдневная щетина. Зубы идеально ровные, хотя у него забрезжило ощущение, что в этой безупречности изрядную роль сыграли несколько лет в бреккетах, субсидированных любящими родителями, припомнить которых он не мог. Не классический красавец, но лицо достаточно симметричное и мужественное, чтобы привлекать особ противоположного пола, как ему показалось. А росту, наверное, чуть меньше шести футов.

Сняв с себя омерзительную рубашку, волглую во многих местах, где она впитала соки и запахи, он швырнул ее в мусорный бачок в углу, брезгливо наморщив нос. Тело поджарое и мускулистое, грудь безволосая.

Он вглядывался в себя несколько долгих секунд, силясь вернуть память. Не тут-то было.

К счастью, в уборной имелись дозатор жидкого мыла и уйма бумажных полотенец. Он отдраил каждый дюйм лица, шеи и туловища, вымыл грязь и кровь из волос, не жалея жидкого мыла для рук, но не забывая проявлять особую аккуратность рядом с раной. Наделал луж в одноместном туалете, мою голову над крохотной раковиной, как мог, и пригоршнями плеская воду на волосы, пока не смыл все мыло. Потом спустил джинсы и отдраил ноги. Выйти из туалета без рубашки куда ни шло, но штаны надеть придется, понимал он, с большой неохотой натягивая их.

Из толпы вдруг выбился ясный голос.

Из десятков шепотов и образов в его голове один прорвался сквозь гомон, явив себя его сознанию. Вид мужского туалета снаружи. Того самого, где он как раз находился.

Он напрягся, чтобы сфокусироваться на образе, даже не понимая, почему его подсознание решило, что именно этот шепоток нуждается в столь экстренном внимании. Дверь туалета была видна сквозь ветровое стекло автомобиля, заезжавшего на стоянку «Шелл». Он увидел палец, нажимавший на сенсорный экран мобильного, чтобы набрать номер, а затем телефон скрылся из виду.

– Я нашел нашего парня, Холла, – услышал он с внезапной ясностью, и на миг вспыхнул образ лица, которое он разглядывал в зеркале за считанные секунды до того. Его лица.

Вот только сейчас он в зеркало не смотрел. Ощутил, что должен быть этим Холлом. Однако это имя не пробудило ни чувства «а ведь правда», ни шквала воспоминаний.

– Дай остальным знать, что могут сворачиваться, – продолжал голос. – Удача улыбнулась моему посту.

Эти слова сопровождало мимолетное видение крыши здания близ торгового ряда и бинокля, озирающего окрестности.

И снова человек в туалете, решивший временно присвоить имя Холла, пока не узнает иного, понял, что не слышал ни одного из этих слов. Во всяком случае, ушами. Но тем не менее прозвучали они с предельной четкостью.

Он читал мысли этих людей.

Да, это невозможно, но сомнению уже не подлежит. Может, он и не знает о себе ничегошеньки, зато ни капельки не сомневается, что верит в науку и не верит ни в теорию заговоров, ни в призраков, ни в инопланетян, ни в экстрасенсорику.

Но экстрасенсорика – единственное доступное объяснение. Что безумнее – слышать голоса в голове или думать, что читаешь мысли? Пожалуй, что в лоб, что по лбу, решил он.

«Заставил же ты нас побегать, Холл, – ясно расслышал Холл и понял, что это невысказанная мысль, хотя и не представлял, как это понял. – Но теперь ты отбегался, сучонок».

– Без понятия, – продолжал человек, на этот раз вслух – несомненно, в ответ на вопрос. – Важно, что мы предположили, что он лег на дно, и оказались правы. Кому какое дело, где... Должно быть, подумал, будто ускользнул от нас, потому что я засек его прямо на открытой местности – просто идущим через голый пустырь. Машины у него не было. А эта заправка – оазис посреди пустыни. Так что я смогу убрать его без шума и пыли. Без свидетелей.

Он помолчал.

– Перезвоню, когда он будет трупом.

Холл мгновенно решил действовать так, словно он не безумен, и слышанные им голоса полностью соответствуют истине. Если человек за дверью хочет его смерти, не остается ничего другого, как принять это допущение.

Он ясно читал в сознании этого человека растущее нетерпение. Жертва торчит в сортире уже давно, думал тот. И хотя изначально он планировал идти за преследуемым по пятам, поджидая возможности пристрелить его в уединенном местечке, теперь убийца заметил, что вокруг ни души, и пришел к заключению, что выстрел с глушителем в голову, как только Холл высунется из туалета, а то и два-три выстрела на уровне груди сквозь закрытую дверь распрекрасно сделают свое дело.

Холл прикинул, что у него от силы сорок пять секунд, чтобы найти выход. Его рассудок работал на всю катушку, несмотря на присутствие в голове мириадом голосов. Если его экстрасенсорные способности настоящие, стоит открыть дверь, и он покойник, – а может, даже раньше. Ни в туалете, ни у него самого ничего такого, что могло бы послужить оружием, – ни монтировок, ни зажигалок, ни ножей. Ничего, кроме воды, небольшой пластиковой корзинки для мусора, диспенсера полотенец и фирменной туалетной бумаги.

Он мог бы попытаться проломиться сквозь стену напротив двери в надежде, что это общая стена с основным зданием заправки, и уже собирался так и сделать, когда вдруг понял, что может запросто прочесть мысли даже не догадывающегося об этом заправщика, изолировав их от остального галдежа. Даже попытка совершить это подымет в здании достаточно шума, чтобы заправщик вышел поглядеть, в чем дело.

Но, уже заноса обутую в кроссовку ногу для удара пяткой в стену, Холл понял, что опоздал. Он уловил твердую решимость в уме преследователя и понял, что тот уже пересекает десять ярдов, отделяющих его от двери, держа пистолет с глушителем под своей серой хлопчатобумажной ветровкой.

В рассудке Холла материализовался отчаянный план. Он бесшумно отжал серебристую кнопочку посередине дверной ручки, отпирая замок.

Тот продолжал искусно приближаться, не издавая ни звука. Пять чувств Холла вряд ли засекали бы, что снаружи кто-то есть, не говоря уж о его точном местоположении, но шестое, которым Холл теперь обладал, позволяло ему видеть глазами нападающего, так что он мог со сверхъестественной точностью определить, когда бросаться в атаку.

Он предельно резко распахнул дверь – изо всех сил – в тот самый миг, когда человек перед его мысленным взором начал поднимать пистолет, и с удовлетворением ощутил, как ручка двери, а за ней и дверь всем своим весом врезаются в вытянутую кисть и предплечье.

Нападавший был изумлен сверх всякой меры, а Холл краешком сознания отметил, что его экстрасенсорное восприятие должно быть настоящим, иначе на пути двери был бы только воздух. И метнулся к пистолету, пока противник не оклемался от шока и минимум двух сломанных пальцев.

– Стоять! – бросил раздетый по пояс Холл гортанным повелительным тоном, но достаточно тихо, чтобы не расслышал заправщик. И понял, не глядя, что сотни голосов в голове по-прежнему доносятся из торгового ряда через дорогу, а они с противником вне поля зрения заправщика и двоих посетителей, заправляющих машины прямо сейчас.

– Повернись, – приказал Холл. – Руки за голову. Кто ты?

«Блин, – прочел он в мыслях несостоявшегося убийцы. – Ни хера себе... Как этот тип услышал мое приближение?»

Тот повернулся, перебирая в уме возможные контратаки. Подумал о запасном пистолете в кобуре на лодыжке, прикидывая, удастся ли, разыграв рвотный позыв, перегнуться пополам и дотянуться до него вовремя. И решил, что не стоит. Мало того что слишком рискованно, так еще и сломанные пальцы помешают действовать быстро.

– Ты кто? – повторил Холл.

– Пошел в жопу, – произнес тот, с горечью сплюнув.

Но не успел он еще договорить, как в рассудок Холла хлынул целый поток его мыслей и образов. Звали его Фрэнк Балдино. Раньше он был инфорсером мафии, но поцапался с боссом. Посему, учитывая, насколько он хорош в ремесле убийцы и насколько любит его, сделал пластическую операцию, чтобы изменить наружность, и начал карьеру высокооплачиваемого наемника.

Когда Балдино сформулировал свой ответ из трех слов, Холл услышал его с деликатным, но уловимым вибратором. Будто эхо, вызванное разницей во времени между приемом мысленных слов и слов, услышанных ушами. Рассогласование в считанные миллисекунды – вероятно, потому что мысль летит быстрее звука, что вполне логично, если это электромагнитный или какой-нибудь более экзотический феномен, – а может, из-за

легкой задержки между мыслью о слове и его произнесением. Холл тут же сообразил, что раз этот анализ мгновенно выскочил у него в сознании, то он, должно быть, получил довольно хорошее образование.

– На кого ты работаешь? – спросил Холл, и когда стало ясно, что ответа не дождется, внедрился поглубже в сознание Балдино и выудил ответ сам.

Фрэнк Балдино не знал, на кого работает. У него был посредник, устраивавший ему заказы за процент. Он прислал фото Холла, назвал его имя и последнее местоположение – и на этом всё. Балдино не имел ни малейшего понятия, с какой это стати кому-то понадобилось отправить Ника Холла на тот свет, да и не придавал этому ни малейшего значения.

Холл усвоил тот факт, что его, должно быть, зовут Ником, но решил особо не заморачиваться по этому поводу.

Куда больше его заворожило укрепляющееся осознание, что ему удастся добираться до мыслей и воспоминаний Балдино с такой же легкостью, как и самому Балдино. Он не мог не подивиться крайней иронии ситуации, когда он способен мгновенно извлечь любой интересующий аспект прошлого Балдино, но только не своего собственного.

И снова из нескончаемого кружения подспудных слов и образов вынырнул один, с воплем прорвавшись сквозь остальные прямо в сознание. Один из посетителей закончил заправляться и отъедет меньше чем через минуту, и тогда Холл у него будет как на ладони – в замызганных джинсах, без рубашки и целящий из пистолета в Балдино. Единственный способ привлечь более пристальное внимание – разве что устроить фейерверк.

Его время на исходе.

– Марш в туалет, – приказал он, и Фрэнк Балдино сделал как велено, одновременно прикидывая, как бы ему поменяться с Холлом ролями.

Но ему не выпало ни единого шанса. Едва он переступил порог, как Холл врезал твердой рукояткой пистолета Балдино тому по затылку изо всех сил, подстегнутых адреналином.

Балдино рухнул ничком в тесный туалет, как марионетка с обрезанными ниточками, и у Холла не осталось и тени сомнения, что сознание его отключилось. Согнув ноги Балдино в коленях, он втиснулся в туалет за ним, а потом закрыл и запер за собой дверь. Протянув руку, прижал пальцы к шее Балдино, нащупывая сонную артерию и пульс. Ни следа. Пощупал запястье Балдино и поднес ухо к его рту. Ни пульса. Ни дыхания.

«Вот же говно! – чуть ли не в истерике подумал он. – Я убил его».

Покачнувшись, Холл ухватился за край раковинки для поддержки. Он убил человека. Холл не помнил собственной личности, но был уверен, что до сих пор еще никого не убивал. При мысли о том, что он отнял жизнь у другого человека, пусть даже убийцы, под горло подкатила желчь, и Холла стошнило бы, будь у него в желудке хоть что-нибудь.

Сколько фильмов и телесериалов он видел, где человека вырубает ударом пистолетной рукоятки? Десятки? Сотни?.. Но не мог припомнить – его уже не забавляла досадная ирония того, что он помнил о мире все, кроме того, что касалось его лично, – чтобы хоть в одном из них подобный удар оказался фатальным. Впрочем, с другой стороны, он знал, что один крепкий удар кулаком в лицо пошлет в отключку почти кого угодно, однако Голливуд частенько показывает потасовки, в которых драчуны, обменявшись десятками безумно сильных ударов, начинают разве что малость подтормаживать.

Балдино был выше и крупнее его, но учитывая, что он не провел ночь в помойке, его одежда – просто-таки дар судьбы. С громадным трудом раздев его в тесноте туалета, Холл вскоре щеголял в слаксах песочного цвета и светло-зеленой рубашке-поло – и то, и другое на размер великовато, – а хлопчатобумажную ветровку бросил.

Покопавшись в бумажнике Балдино, он не нашел ни документов, ни кредитных карт, зато обнаружил толстую стопку двадцаток – и тут же их конфисковал. Присвоил пистолет Балдино с глушителем, заодно сунув в карман и маленький пистолетик из кобуры на лодыжке, хотя даже смутно не представлял, как пользоваться ими.

Взял ключи от серебристой «Акуры» Балдино, припаркованной снаружи, Холл уделил еще минуту тому, чтобы обтереть намыленным бумажным полотенцем кроссовки, потому что они побывали в помойке.

Наконец, ощутив, что в пределах видимости ни души, Холл вышел из туалета, нажал внутреннюю кнопку на ручке и закрыл дверь, заперев ее изнутри. Он понимал, что это отсрочит обнаружение трупа лишь ненадолго, но на счету может быть каждая минута.

Сделав глубокий вдох, Ник Холл спокойно зашагал к «Акуре» Балдино. Поблизости был проволочный стеллаж с несколькими стопками бесплатных буклетов – один по продаже подержанных авто, а второй был озаглавлен «Дома на продажу в Бейкерсфилде, Калифорния. Ваш бесплатный путеводитель».

Итак, он в калифорнийском Бейкерсфилде. Полезная информация. Вот только эти сведения, как и его собственное имя, отнюдь не спровоцировали лавины воспоминаний. В памяти всплыл длинный список калифорнийских городов: Лос-Анджелес, Сан-Диего, Палм-Спрингс, Сан-Франциско, Окленд и другие, – но, насколько мог судить, до сих пор он даже не догадывался о существовании Бейкерсфилда.

Холл завел машину и, хотя в крови бурлило столько адреналина, что, казалось, под кожей разбойничает целая колония хищных муравьев, заставил себя неспешно выехать на улицу и спокойно направиться прочь от заправочной станции.

3

Ник Холл проехал несколько миль, а голоса все продолжали рикошетить в его голове. Понимание, что он каким-то образом обзавелся экстрасенсорными способностями, ничуть не делало эти голоса менее раздражающими или менее способными свести его с ума. Время от времени более сильные мысли выбивались из общей какофонии на первый план, а иногда ему было трудновато отделить собственные мысли от остальных.

Он был шокирован, глянув время на цифровых часах автомобиля. Ему почему-то казалось, что сейчас утро, но на самом деле он очнулся во второй половине дня. Мог бы понять это и по положению солнца на небе, но тогда его голова была занята другим – и это еще слабо сказано.

Воздух еще хранил прохладу – градусов под семьдесят[1], – откуда следует, что в Бейкерсфилде осень или зима. Хорошо. Будь сейчас лето, он изжарился бы живьем в стальной барбекюшнице с помоями. Не так он рассчитывал умереть. Наверное, ему виделась кончина, как-то связанная с чирлидершами «Даллас ковбойз»[2] и отказом сердца от переутомления.

Холлу ничего не оставалось, как признать, что он вовсе не болен на всю голову. Чувства подсказывали, что теперь он может читать мысли, и окружающий мир ведет себя в полном соответствии с этим новым миропорядком. Но это вековечный камень преткновения философов. Что есть реальность? Реально ли вообще хоть что-нибудь? Разве каждый шизофреник не убеждает себя, что его реальность самодостаточна и рациональна?

Так что же ему известно? Ему известно, что большая группа опасных людей преследует его, и сомнению это не подлежит. Очевидно, он улизнул от них, нырнув в помойку. Нужно пребывать в крайнем отчаянии, чтобы решиться на подобное, но, учитывая отданный Балдино приказ убить его на месте, подобное отчаяние отнюдь не в диковинку.

Так почему же они хотят его смерти? Должно быть, из-за его телепатии. Из-за чего ж еще? Несмотря на потерю памяти, Холл знал, что это нечто новенькое; прежде он подобными ментальными способностями не обладал. Даже в своем неукротенном виде – способном довести до умопомешательства, потому что, несмотря на наличие регулятора яркости, выключателя у нее нет – эта способность наделяет его невероятными преимуществами. Без нее на полу в туалете «Шелл» вместо трупа Балдино лежал бы он сам.

А если эта способность полезна даже в неуправляемом виде, даже находясь в распоряжении человека, напрочь лишенного памяти, только-только начавшего ею пользоваться, насколько же полезна она будет укрощенной и во власти человека со знаниями и опытом? Она даст высочайшее превосходство. Чего бы только ни отдал любой властолюбец на любой стезе – преступник, бизнесмен, политик, государственный деятель, военный – за обладание подобным могуществом? И чего бы он ни сделал, чтобы его получить?

Но тогда зачем убивать его? Было бы куда разумнее захватить его в плен и использовать в качестве подопытной крысы. Попытаться выяснить, откуда у него эта способность, и попытаться ее воспроизвести. Или подчинить ее для своих целей.

Холл поразмыслил. Единственный повод так жаждать его прикончить, если...

Что, если он прочел чьи-то мысли? Нечто очень важное? В таком случае его надо устранить любой ценой.

Холл остановился на красный свет. По мере того, как со всех сторон останавливалось все больше и больше машин, голоса в его голове все усиливались. «Хватит!» – крикнул он во весь голос, зажимая уши ладонями, отчего, разумеется, гомон ничуть не пошел на убыль.

Холл заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Сколько себя ни накручивай, положения это ничуть не облегчит. Если не удастся найти способ выключить это, придется найти способ привыкнуть. Игнорировать это, как-то отстроиться. Но сказать легче, чем сделать.

И словно мало жить с неумолчным гвалтом в мозгах, да еще и преследуемым по пятам командой киллеров, намеренных его убить, – так еще он и не имеет ни малейшего понятия, кто он и что ему известно. Такое знание хотя бы дало ему шанс. Он бы знал, какой ход сделать дальше. Мог бы предать гласности секрет, извлеченный из ума того, кто пытается его убить, создав этому субъекту проблемы посерьезнее, которые мигом сделали бы

устранение Холла делом бросовым. Или можно было бы воспользоваться знанием, чтобы заключить сделку ценой в жизнь. Пригрозить оглаской информации в случае, если его убьют...

Но в сложившихся обстоятельствах он – сущий заяц в лучах фар, совершенно беспомощный и дезориентированный без воспоминаний. Новоприобретенные способности пока что оберегают его жизнь, но он не питает иллюзий, что эта сила способна в одиночку задержать банду, следующую за ним по пятам. Если б дверь туалета на заправке «Шелл» открывалась внутрь, а не наружу, он был бы уже покойником, несмотря ни на какое внечувственное восприятие.

Надо сориентироваться. Хоть как-нибудь.

В некоторых отношениях его память просто безупречна. Он знает тексты песен. На миг задумавшись, Холл понял, что заодно может припомнить несметное множество виденных некогда кинофильмов. Может, он и не сумеет вспомнить, где жил или в каком кинотеатре его смотрел, зато знание фильма чуть ли не наизусть говорит хотя бы о том, что Холл видел его много раз и любил – к примеру, первый фильм «Терминатор». Он мог процитировать реплику Кайла Риза, словно играл эту роль самолично: «Ты до сих пор не врубаешься, а? Он отыщет ее! Вот что он делает! Только ЭТО он и делает! Его невозможно остановить! Он пройдет сквозь тебя, схватит ее за горло и вырвет ее гребаное сердце!»

Холл невольно тряхнул головой оттого, что единственный фильм, пришедший ему в голову, был связан с неудержимым убийцей, преследующим беспомощную жертву, даже не догадывающуюся, что за ней охотятся. Просто класс.

Он предположил, что места будут воздействовать на него точно так же, как фильмы и песни. Если он подумает об окрестных населенных пунктах, и один из них спровоцирует высокий уровень отклика, как «Терминатор», это будет полезно хотя бы тем, что поведает ему что-нибудь о нем самом.

Холл прокрутил в памяти населенные пункты Калифорнии. И когда дошел до Ла-Хольи, вдруг понял, что она куда более знакома ему, чем остальные упомянутые. Увидел мысленным взором высокую бетонную дорожку, врезающуюся в океан, с видом на маленький пляжик, куда любят выбираться тюлени, чтобы понежиться на солнце. Вспомнил рестораны и парк дельтапланеризма над скалами. Он знал, что Ла-Холья – фешенебельная прибрежная община в Сан-Диего с изрядной долей научных работников, особенно по части биотехнологий...

При мысли о науке в его рассудке тотчас же вспыхнул образ Института океанографии Скриппс. Знал он его недостаточно хорошо, чтобы поверить, что работал там, но, наверное, был знаком с кем-то из его работников. В публичном аквариуме или магазине сувениров...

Есть лишь один способ выяснить это. Нужно нанести личный визит. Если очень повезет, кто-нибудь его узнает. И сможет поведать ему, кто он такой. Наделить его прошлым.

Автомобили продолжали миновать Холла, пока он ехал куда глаза глядят, погрузившись в раздумья и высматривая знак, который выведет на скоростное шоссе, но попадались лишь знаки приближения к перекрестку Фримонт и Централ.

Холл включил бортовой GPS-навигатор, за последние пару лет успевший стать элементом стандартной комплектации даже самых бюджетных автомобилей.

– Как проехать от Фримонт и Централ в Бейкерсфилде до Института океанографии Скриппс? – сказал он, старательно выговаривая каждое слово на случай, если ему попался навигатор винтажной модели, увидевшей свет еще до того, как технологии распознавания голоса начали себя оправдывать.

И ахнул, потому что улица перед ним исчезла!

Салон машины, дорогу, едущие автомобили и пешеходов напрочь затмил объемный вид Калифорнии из космоса, материализовавшийся перед его лицом прямо из ниоткуда, вкуче с маршрутом, прочерченным красной чертой от его текущего местоположения до Ла-Хольи. Вид поглотил его поле зрения целиком – откуда следовало, что теперь он вел машину вслепую.

4

Холл врезал по тормозам, застав этим врасплох водителя машины, ехавшей следом, и вынудив его вслепую вильнуть в следующий ряд, чтобы избежать столкновения, едва не врезавшись в приближавшийся автомобиль в той же полосе. В обеих полосах визжали покрышки и ревели гудки, и лишь благодаря слепому везению его действия не привели к куче-мала из множества автомобилей.

«У тебя что, не все дома, мудак?!»

«Что там стряслось?»

«Проклятье, – подумал подросток, выезжавший из “Макдоналдса” на углу с полным пакетом еды. – На волосок проскочил. Было бы круто, если б долбанулся».

В голове Холла зарикоштели десятки других мыслей, связанных с его безрассудным маневром, но он не обратил на них ни малейшего внимания. Он был чересчур занят паникой. И потугами увидеть хоть что-нибудь, кроме трехмерной карты, парящей прямо у него перед носом.

И вдруг дорога снова показалась. Его рассудок внес какую-то поправку. Карта присутствовала в его поле зрения по-прежнему, но появилась и дорога. И он мог выбирать, на что смотреть. Будто два телевизора бок о бок, и на каждом идет свой футбольный матч. Он мог сосредоточиться на любом из двух, полностью отгородившись от второго, если захочет. Как в бифокальных очках. Когда хочешь посмотреть вдаль – смотри через верхнюю половину; на что-то вблизи – через нижнюю.

Запрокинув голову, Холл испустил в потолок долгий вздох облегчения, игнорируя гудки, продолжавшие облаивать идиота, решившего устроить себе академический отпуск посреди оживленной улицы, и мириады разных изысканных слов, которые он мог прочесть, куда менее снисходительных, чем «идиот».

Решив игнорировать карту, Холл убрал ее из виду и осторожно возобновил движение. Пару минут спустя он остановил машину на парковке минимаркета. Теперь карты не стало. Должно быть, раз он какое-то время совсем не фокусировался на ней, стоящее за ней программное обеспечение отдало ей команду исчезнуть.

Холл принялся разглядывать GPS-навигатор машины. Тот тоже показывал дорогу до Ла-Хольи, но только стандартную, а не парящую куда крупнее натурального вида прямо перед носом с трехмерной четкостью сверхвысокого разрешения. Протянув руку, Холл выключил навигатор, а заодно и зажигание.

– Как мне добраться от минимаркета на Восьмой стрит до Института океанографии Скриппс? – вслух произнес он, и тотчас же карта вспыхнула перед ним снова, зависнув прямо перед глазами. Холл несколько долгих секунд с недоверием разглядывал ее. Стандартная «гугловская» карта. Даже с логотипом «Гугла», и маршрут выглядел точным. И притом не был сгенерирован автомобильным GPS-навигатором, потому что тот был отключен.

Он подумал об исчезновении карты, и та исправно повиновалась.

Совпадение? Или она как-то отреагировала на его мысли? Компании проводили крупные исследования с игровыми контроллерами, управляемыми одной силой мысли, так что подобное отнюдь не исключается. Холл подумал о возвращении карты, и та появилась тут как тут.

Но с одними ли картами он может проделать этот фокус?

«Покажи мне статью “Википедии” о Бейкерсфилде, Калифорния», – подумал Холл, и тут же, как и карта, словарная статья «Википедии» встала перед глазами, наложившись на его реальное зрение. И снова он мог сфокусироваться на обоих изображениях сразу, однако, словно при просмотре двух разных фильмов, весьма поверхностно. Впрочем, как и прежде, стоило сосредоточиться на чем-то одном, как второе полностью гасло, пока Холл не решал сосредоточиться на этом снова.

Он попробовал предпринять еще несколько поисков один за другим, и результаты не заставили себя ждать. Как ни крути, он подключен к Интернету. Способен заниматься веб-серфингом с помощью одной лишь силы мысли, и текст, графика или видео, как по волшебству, проецируются у него перед глазами со сверхвысоким разрешением.

Но чем проецируются? И как?

Холл несколько минут ломал голову, как это может функционировать, прежде чем до него дошло, что разобраться в происходящем можно с помощью самого же Интернета. «Искать “доступ в Интернет под управлением только мысли”», – скомандовал он тому, что отвечало за это техническое чудо.

Выскочила страница результатов. Это не был «Гугл» или какая-либо другая из знакомых ему поисковых систем, так что, наверное, это была проприетарная разработка исключительно для данной цели.

Холл пробежал страницу взглядом, выбрав самую раннюю по дате публикацию из «Компьютер Уорлд Ю-Эс» от 20 ноября 2009 года. Она начиналась с цитаты исследователей компании «Интел», предсказывавших, что когда-нибудь «вам не будет нужна ни клавиатуры, ни мышь, чтобы управлять своим компьютером. Вместо того, – продолжал Холл читать страницу, всегда остававшуюся по центру, куда бы он ни повернул голову, – пользователи будут открывать документы и заниматься веб-серфингом, используя всего-навсего волны собственного мозга».

Холл приостановился, усваивая эту мысль. Он не сомневался, что прежде об этой технологии не слышал, хотя она явно обсуждалась еще в 2009-м. И продолжил чтение:

Ученые исследовательской лаборатории «Интел» в Питтсбурге работают над поиском способов улавливать и использовать человеческие мозговые волны для управления компьютерами, телевизорами и сотовыми

телефонами. Мозговые волны можно подчинить с помощью разработанных в «Интел» датчиков, имплантируемых в человеческий мозг.

Ученые утверждают, что этот план вовсе не позаимствован из научно-фантастического кино... Исследователи рассчитывают, что свобода, обретаемая благодаря использованию имплантата, будет востребована потребителями.

«Я полагаю, человеческий организм отличается удивительной способностью к адаптации, – заявил Эндрю Чен, вице-президент по исследовательской деятельности и руководитель исследований будущих технологий в лабораториях “Интел”. – Если б вы сказали людям двадцать лет назад, что они будут носить с собой компьютеры постоянно, они бы ответили: “Да не хочу я, мне это не нужно”. А теперь людей не заставишь с ними расстаться. Есть масса вещей, которые необходимо осуществить до этого, но я думаю, это [имплантация чипов в человеческий мозг] вполне укладывается в рамки возможного».

Ученый-исследователь «Интел» Дин Померло сказал, что скоро пользователям надоеет зависеть от компьютерных интерфейсов и выуживать устройство из кармана или сумки, чтобы воспользоваться им. Он также предсказал, что пользователям надоеет манипулировать интерфейсом с помощью пальцев. Вместо того они будут запросто манипулировать своими разнообразными устройствами с помощью мозгов.

«Мы пытаемся доказать, что с помощью мозговых волн можно делать интересные вещи, – отметил Померло. – Со временем люди проникнутся большей приверженностью... к мозговым имплантатам. Только вообразите, что сможете заниматься веб-серфингом с помощью силы своей мысли».

Холл прочел еще несколько статей, но стало ясно, что всего пять-шесть лет спустя все усилия в этом направлении со стороны «Интел» и остальных были по большей части заброшены, оставив лишь несколько разрозненных очагов деятельности. Проблемы оказались куда серьезнее, чем предполагали поначалу, вожаемые же выгоды брезжили в куда более отдаленной перспективе. А моделирование на животных, хоть и оказалось на диво полезным, но не дало достаточного объема данных, чтобы полностью перенести эту технологию на человека.

Впрочем, очевидно, ее вовсе не забросили, как заставили всех подумать. Он – живое тому доказательство. Холл не сомневался, что стал выгодоприобретателем имплантатов, упомянутых в той статье.

Откуда следует, что изображения вовсе не проектируются перед ним. На самом деле дальнейшее чтение совершенно недвусмысленно прояснило, что его имплантаты то ли каким-то образом связаны со зрительной зоной коры изнутри, то ли посылают информацию непосредственно в зону его мозга, отвечающую за интерпретацию непрерывного потока визуальных данных от глаз.

Имплантаты преобразуют интернет-изображения в сложный многогранный двоичный код, поступающий прямо в его зрительные центры. Его рассудок, располагающий только опытом получения этих сигналов через глаза, от источников, находящихся вовне, упорно интерпретирует эти образы как парящие перед глазами, а не поступающие изнутри.

Пионером в этой области была некая Шейла Ниренберг, пытавшаяся исцелить слепоту. Холл посмотрел видео презентации, которую она устроила перед организацией под названием TED в октябре 2011 года, чтобы разъяснить сложный характер электрических импульсов, создаваемых сетчаткой при обработке информации, поступающей от сотен миллионов фоторецепторов. Холл был способен каким-то образом «прослушать» презентацию Ниренберг – значит, система посылает сигналы заодно и к слуховым центрам его мозга.

Он попробовал поискать Ника Холла, но попытка найти себя была чистейшим безумием. Быстрый поиск выявил, что имя Николас в девяностые входило в десятку самых популярных, а фамилию Холл, согласно данным переписи населения США, носит свыше полумиллиона человек.

Его доступ в Интернет был почти мгновенным. Веб-страницы вспыхивали, почти не тратя времени на загрузку. Холл знал, что технология 6G Wi-Fi, только-только успевшая охватить страну, на целые порядки быстрее и обеспечивает куда лучшее прохождение сигнала, чем все предыдущие поколения Wi-Fi, но видеть появление веб-страниц на ПК или планшете по мановению мыши или пальца – одно дело, а когда они выскакивают со скоростью мысли – совсем другое.

Программное обеспечение тоже впечатляло, и не просто впечатляло. Реализованный в нем алгоритм поиска и отображения был ошеломительно совершенным. И оно вроде бы даже способно к самообучению. Даже после пары-тройки проведенных поисков система работала все более и более гладко. Более интуитивно. Даже с самого начала она как-то определяла, когда он хотел получить доступ к внешней информации, а когда просто думал или высказывал вопрос без намерения посылать системный запрос. И допустила лишь одну оплошность, когда

Холл вслух произнес вопрос для автомобильного GPS-навигатора, неправильно интерпретировав вопрос как направленный к системе и соответственно отреагировав – попутно едва не погубив его в автокатастрофе.

Но теперь, проработав с ним всего десять минут, система уже эволюционировала, совершенствовалась, и любой интересующий его контент выскакивал как по волшебству чуть ли не до того, как Холл в полной мере осознавал, что тот ему нужен. И алгоритм считывал его интерес со сверхъестественной точностью, бросая вызов даже последним итерациям «Гугла» и совершая ошибки лишь изредка.

Холл тоже все более осваивался, легко извлекая и усваивая информацию, не теряя при этом зрения. Чуть поднаторел он и в манипулировании вторым, внутренним потоком данных, идущих к зрительным центрам его мозга, без сбоев переключая взгляд, чтобы смотреть через верхнюю или нижнюю половину своих метафорических бифокальных очков.

Человеческий мозг чрезвычайно талантлив по части манипуляций сложнейшей визуальной информацией, которая поступает от сетчатки вверх ногами и задом наперед и нуждается в переворачивании, да еще и со слепым пятном, которое мозг заполняет по собственному произволу. Лазерные хирурги начали сплошь и рядом проводить операции, где взамен бифокальных очков резали один глаз так, чтобы тот хорошо видел вдаль, а второй – вблизи, в расчете на то, что мозг чудом произведет пересчет, мгновенно внесет поправки и обеспечит безупречное бинокулярное зрение на любом расстоянии.

Он задумался, насколько же сложную хирургическую операцию провели на его мозге, и его внутренний Интернет предоставил ответ, прежде чем Холл сформулировал мысль до конца. В воздухе перед ним повисла статья из «Уолл-стрит джорнал» за июнь 2012 года.

Нейроимплантаты, также именуемые мозговыми имплантатами, – медицинские приборы, предназначенные для размещения под черепной коробкой на поверхности головного мозга. Имплантаты, по размерам зачастую не больше таблетки аспирина, используют тонкие металлические электроды, чтобы «прослушивать» и в некоторых случаях стимулировать активность мозга. Нейроимплантат, настроенный на взаимодействие нейронов, может «прослушивать» деятельность вашего мозга, а затем «говорить» непосредственно с ним.

Если вас подташнивает от этой перспективы, вы изумитесь, узнав, что установка нейроимплантата происходит относительно легко и быстро. Под анестезией в скальпе делается разрез, в черепе сверлится отверстие, и прибор устанавливается на поверхность мозга. Диагностическая связь с прибором может осуществляться без проводов. И хотя это не амбулаторная процедура, как правило, пациенту приходится задержаться в больнице всего на одну ночь.

Ощупав свой череп кончиками двух пальцев, Холл нашарил ряд небольших изъязов, которые могли быть шрамами, но он недавно перенес травму, так что уверенности не испытывал.

Холл сидел на тесной стоянке уже двадцать пять минут и понимал, что больше не может позволить себе задерживаться. Он знал, что в желудке у него пусто, но теперь голодная резь стала достаточно сильна, чтобы наконец достучаться до его внимания сквозь адреналин, панику и фоновый шум сотен разумов.

Минимаркет – отнюдь не лучший выбор для изысканного обеда, но он буквально умирает с голоду, а здесь можно перехватить чего-нибудь съедобного и через считанные минуты тронуться в путь. Войдя в магазин, Холл прошел по нескольким проходам, озирая шоколадки, подносы с пончиками, выглядевшие так, будто они брошены там со времен Второй мировой, и замороженные буррито для приготовления в микроволновке. А когда увидел в глубине магазина закрытый контейнер с нагретыми стальными валками, поджаривавшими пышные, чисто говяжьи хот-доги «Хибрю нэйшнл», то отреагировал почти как собака Павлова. И решил, что либо обожает говяжьи сосиски больше всего на свете, либо его организм знает, в чем нуждается, и воспринимает их, как быструю легкоусваивающуюся дозу углеводов и белков.

Рядом стоял длиннющий пинцет, и Холл быстро извлек одну за другой три сосиски и положил их на булочки. Пару кварт воды, и можно трогаться.

И тут сквозь шум в голове пробилась мысль, донесшаяся снаружи минимаркета – отчетливая, как набат.

У него вот-вот будет компания. Он мешкал на стоянке слишком долго.

Кто-то знает, что он в магазине. Некий Коди Радич.

Тот уже мысленно подсчитывал премиальные, которые получит за прекращение жизни Холла, каковое планировал на ближайшее время с беспощадной эффективностью.

Радич, потенциальный убийца Холла, неспешно приближался к двери, и пси-способность Холла сообщила,

что он изо всех сил старается выглядеть совершенно заурядным и не представляющим угрозы. Дождется, когда Холл рассчитается, а потом украдкой появится у него за спиной, может, даже придержит для него дверь открытой. И, следуя за ним по пятам, выпустит пулю через глушитель прямо Холлу в сердце, а когда тот повалится перед ним, Радич опустится на колени, чтобы посмотреть, что стряслось с бедолагой, одновременно крича, чтобы кто-нибудь позвонил в «911», – как добрый самаритянин, просто оказавшийся рядом, когда человек упал.

Холл не мог не восхититься планом, который Радич мысленно вертел так и эдак, рассматривая с разных сторон, – не проглядел ли, случаем, что-нибудь. Нет. Как и Холл.

Бросив сосиски, он начал бродить из конца в конец прохода, пока Радич держался в отдалении, делая вид, что читает журнал со стойки, и приглядывая за жертвой в большом круглом зеркале безопасности, приткнувшемся в заднем верхнем углу магазина и дававшем искаженный, но четкий обзор изрядной части интерьера. И снова Холл даже не догадывался бы об этом, если б не его новоприобретенная способность.

Он проделал быстрый поиск в своем внутреннем Интернете, продолжая изумляться тому, насколько быстро способен добыть полезные сведения. Дождался, когда невысокая чернокожая женщина с детской коляской покинет проход, в котором находился Радич, сделал глубокий вдох и устремился туда, чтобы присоединиться к преследователю.

Когда он приблизился, Радич даже не поднял глаз от журнала, но Холл знал, что каждое его чувство и мысль сфокусированы на нем, как лазер. Холл же со своей стороны сфокусировал все внимание на перехвате каждой мысли Радича.

Подняв «Глок», взятый у Балдино, Холл нацелил его на противника.

Глаза Радича широко распахнулись, а рассудок буквально взорвался изумлением. «Как он вычислил? Это невозможно!»

– Повернись, – прошептал Холл. – Сунь руки в задние карманы.

Радич заколебался. О Холле ему почти ничего не сказали. Предполагалось, что жертва сообразительна, но совершенно не обучена. Гражданский до мозга костей. В хорошей спортивной форме, но не дрался, наверное, класса с третьего. А пистолет, вероятно, ни разу в жизни и в руки-то не брал. До сих пор.

– Не в свои сани сел, Холл, – сказал Радич, и снова тот уловил легчайшее эхо между приемом этих слов слухом – и сознанием. – Ты и правда собираешься застрелить меня из «ствола» Балдино? А тебе не кажется, что сперва надо было снять его с предохранителя? – глумливо бросил он.

И хотя парень напустил не себя пренебрежительный вид, рассудок его был предельно бдителен и взведен, ожидая, что Холл бросит взгляд вниз, на пистолет в своей руке, высматривая предохранитель, так что можно будет сделать выпад и обезоружить его.

Но Холл не отвел взгляда от глаз Радича ни на миг.

– Отличная попытка, – негромко произнес он. Вызванная веб-страница с инструкциями о том, как пользоваться пистолетом, находящимся у него в руке, все еще светилась в его зрительной коре. – Но нам обоим известно, что у «Глоков» нет обычных предохранителей, не так ли? Если при выстреле нажимаешь и главный спусковой крючок, и крохотный вспомогательный, всё в ажуре. – Он окинул Радича испепеляющим взглядом. – У этого пистолета пятифунтовое спусковое усилие, жопа, а я сейчас давлю где-то на четыре с половиной. Так что поворачивайся. Больше я просить не стану.

«Вот ведь говно!» – подумал Радич, поворачиваясь и засовывая руки в задние карманы. Ему сказали, что он преследует необученного шпака, а вместо того он напоролся на субчика, владеющего пистолетом с такой сноровкой, словно даже спит с ним. Полученные им сведения – полное дерьмо.

Радич жестоко недооценил свою жертву. И решил, что надо действовать безотлагательно – или он труп. Бросив взгляд на круглое выпуклое зеркало безопасности в верхнем углу магазина, он напружинил мышцы ног, чтобы метнуть тело назад в отчаянной попытке переменить положение.

Холл сделал несколько приплясывающих шагов назад. Поймав это действие в зеркале всего за долю секунды до броска, Радич едва-едва сумел прервать попытку, которая теперь оказалась бы совершенно бесплодной.

– Я не причиню тебе вреда, если не будешь артачиться, – проговорил Холл, тужась казаться спокойным вопреки зачистившему сердцебиению и пульсации в висках.

Радич был прав, понимал Холл. Он действительно сел не в свои сани. Далеко не в свои. И понимал, что ему очень повезет, если никто не войдет в этот проход в ближайшие тридцать секунд. Пси-способность поведала ему, что два человека у кассы рассчитываются, а один выбирает шоколадку двумя проходами дальше. Но еще двое посетителей только что вошли в магазин, и его везение на исходе.

– Что тебе надо? – спросил Радич.

– Ключи от твоей машины и «ствол». Сперва ключи. Если я получу их в ближайшие десять секунд, уйдешь без царапинки. Если нет – всажу тебе пулю в башку, и будь что будет. Девять. Восемь. Семь...

Убийца повернулся, показав пустые ладони, а потом медленно потянулся к правому карману.

– Я сказал, сперва ключи, – прошипел Холл, выставляя пистолет. – Которые в другом твоём кармане. Четыре. Три...

Рука Радича нырнула в левый карман. Выудив связку ключей, он метнул их Холлу, пока тот не закончил отсчет. Холл поймал их в полете.

– А теперь оружие. Вытащи двумя пальцами и положи на пол.

Радич повиновался.

– А теперь пошел! – скомандовал Холл громким шепотом, головой указав в задний угол магазина, где виднелись две двери, помеченные М и Ж. В самый обрез. Пожилая женщина войдет в проход через считанные секунды.

Радич зашагал к дальнему углу, и Холл последовал за ним, по пути подхватив пистолет с пола. Женщина ступила в проход у него за спиной, но тело Холла заслоняло пистолет от ее взгляда, пока они снова не скрылись из виду.

– В женский, – отрывисто бросил Холл, по-прежнему помня, что повышать голос нельзя.

Он мысленно заглянул в оба туалета и знал, что мужской занят; иначе ему пришлось бы сначала подергать за ручку двери.

– Живо! – потребовал, зная, что Радич вывихивает мозги в попытке понять, какая извращенная логика заставила Холла предпочесть женский туалет мужскому. Какие-то жалкие потуги унижить его, в конце концов заключил Радич.

Холл подозревал, что жизнь его по-прежнему зависит от того, насколько убедительно он разыгрывает из себя крутого, хотя из-за сосущего ощущения под ложечкой и колотящегося сердца был практически уверен, что похож на кого угодно, кроме «конкретного пацана».

– Откроешь эту дверь в ближайшие пять минут, и мое обещание не трогать тебя улетучится, сменившись обещанием разнести твою долбаную башку вдребезги.

Едва дверь закрылась, как Холл целеустремленно зашагал к выходу, по пути поглядывая в зеркало безопасности, чтобы убедиться, что Радич не пытается увязаться следом.

Затем он завел машину и выехал на улицу. Сотни голосов бурлили у него в голове, но, к счастью, потише, чем прежде. А вот интересно...

Холл простер свой рассудок, стараясь дотянуться им до уборной в минимаркете, уже скрывающемся далеко позади. И узнал мысли Радича моментально, даже не представляя, возможно ли оно и как это проверить, но тем не менее все удалось. Радич в это самое время по телефону докладывал о местонахождении Холла.

«Блин!» – мысленно вскипел Холл. Каким же идиотом он был! Надо же уделать такую глупость, оставив Радичу мобильник!

«Пошел в жопу!» – шипел Радич в трубку, и его мысли при высказывании этих сантиментов четко донесли эти слова до Холла, успевшего отъехать на полмили. – Я заслужил свою репутацию. Проблема не во мне, а дерьмовых сведениях. Божий одуванчик... хрена лысого! Этот Холл обубенно ушлый, а яйца у него просто бронзовые. И он каким-то образом меня вычислил. А это невозможно, потому что я сам узнал, что приму участие в охоте, не больше часа назад. Клянусь, я ничем себя не выдавал. Лучше разнесите весть, что с этим типом надо держать ухо востро, или у вас на руках будет куда больше трупов, чем один Балдино».

Холл чуть не врезался в машину, ехавшую перед ним – белую «Хонду», притормозившую на красный, – и решил переключить все внимание на дорогу и свою текущую участь. Светофор сменил свой цвет на зеленый, и вереница автомобилей снова начала набирать скорость.

Надо избавиться от машины Балдино как можно скорее. Но что потом?

И тут в его голове снова раздался сигнал тревоги. Что-то не так.

Холл пробежался по сотням голосов в рассудке, и через считанные секунды отыскал причину тревоги. Очередной наемник приближался с противоположной стороны и уже углядел и его, и машину.

Холл рванул руль вправо, проскочив через две полосы, как маньяк, прежде чем под визг шин заложить крутейший правый разворот на пяточке, так что внедорожнику через две полосы пришлось выскочить двумя колесами на тротуар, чтобы избежать столкновения. Холл прочел смятение в уме бандюгана в подъезжающем автомобиле, сообразившего, что не сумеет пропетлять через плотное дорожное движение и сделать левый

поворот, чтобы пуститься следом.

Без малейших колебаний водитель послал пулю большого калибра через боковое окно Холла, завершавшего поворот, прошедшую на волосок от туловища, но вырвавшую кусок плоти из его левого плеча. Из-за шока и всплеска адреналина при звуке выстрела в окно – небьющееся стекло теперь покрывала густая паутина трещин с громадной дырой посередине, – Холл даже не заметил, что ранен, пока кровь не потекла по руке, щекоча ее.

Стерев кровь, чтобы осмотреть рану, он с облегчением увидел, что пуля лишь оставила на коже мелкую бороздку и кровопотеря будет незначительной, несмотря на жутковатый вид раны. Не снижая скорости, он открыл бардачок и нашел там небольшую аптечку первой помощи – что и не удивительно, учитывая специфику работы Балдино. Наложив на рану тампон промышленных размеров, плотно примотал его бинтом.

Холл продолжал ехать куда глаза глядят, и теперь оказался на какой-то заводской дороге. Нужно избавиться от автомобиля. Он не сомневался, что в киберпространстве отыщется учебный курс на тему, как угнать замену, но идти этим путем не хотел. Радич отзвонился о его местопребывании, и его коллеги уже слетаются в этот район, как саранча.

Один раз он уже спасся, когда залег на дно. Может, и теперь удастся... Не сумев разыскать его часа за четыре-пять, они могут заключить, что он выскользнул из сети, а значит, может быть почти где угодно, и им придется расширить границы зоны поисков, увеличив ее периметр в сотни раз.

Справа показался сверкающий стеклянный офисный комплекс с сотнями припаркованных вокруг автомобилей. Он раскинулся на изрядной площади, но в высоту достигал всего двух-трех этажей. Съехав с дороги, Холл припарковал машину позади здания, где она не была видна с дороги. И, набрав в грудь побольше воздуха, ступил на первый этаж офисного здания.

Он оказался в главном атриуме, украшенном искусственной листвой и бегущим ручейком. Очень умиротворяюще. Широкие стеклянные двери с каждой из четырех сторон прямоугольного атриума приглашали посетителей в вестибюли четырех разных компаний, обосновавшихся в этом комплексе.

На дверях слева от него был вручную выписан знакомый ярко-алый знак «НашВашОфис». Он видел их рекламу. Это офисный кооператив. В наши дни, когда все больше и больше людей работают фрилансерами, нужда в офисных площадях и поддержке все возрастает. Частники и очень малые бизнесы арендуют офисы помесечно, а заботу об аренде здания, телефонной системе, инфраструктуре и т. д. берет на себя «НашВашОфис», заодно предоставляющий секретаря, парковку и конференц-залы, услугами которых каждый член может пользоваться на коллективных началах. Вместо того чтобы встречаться с клиентами у себя дома или где-нибудь на квартире, индивидуальные предприниматели и консультанты могут встретиться с ними в ультрасовременном офисном здании, прогуляться по очаровательному атриуму, буде пожелают, произведя на них куда более благоприятное впечатление состоявшегося профессионала.

«НашВашОфис» может быть идеальным решением, осознал Холл. Обитатели этих офисов работают не в одной компании, и текучка может быть довольно большой, когда содержание офиса становится предпринимателям-неудачникам не по карману и они возвращаются в свои апартаменты или домашние офисы, – а успешным, напротив, требуются помещения попросторнее. Так или иначе, вероятность, что они распознают чужака в своих рядах, не так уж и велика.

Найдя укромный закуток возле густой листвы, Холл скорчился там, стараясь исчезнуть. Рукав чересчур просторной рубашки, изъятый у Балдино, намок от крови, но кровотечение почти остановилось.

Ну и видок у него, должно быть... Окровавленная одежда с чужого плеча, двухдневная щетина, прическа, добиться которой можно только помыв голову под краном мылом для рук и высушив всклокоченные волосы во время бегства ради спасения жизни, да еще ассортимент мелких синяков и ссадин. Ну, хотя бы больше не источает запах, от которого и скунсу станет дурно...

Он улыбнулся. Стоит взглянуть и на светлую сторону.

Холл думал, что может дожидаться здесь пяти часов, до которых осталось тридцать минут, когда заканчиваются официальные рабочие часы офиса, но спустя всего несколько минут чтения бессодержательных и неизменно эгоистичных мыслей секретарши «НашВашОфис» та покинула свой стол, чтобы сделать копии каких-то документов на дорогом копире в соседней комнате.

Холл практически пролетел сквозь двери вестибюля, заметив, что рядом со столом секретарши больше ни души. Тихонько прошел мимо стола и через другую дверь вышел на главный этаж. Большие офисные площади зачастую заполняют безличными полуоткрытыми кабинками посередине и кабинетами вдоль стен для старших руководителей, но вся суть этого предприятия заключается в предоставлении частных офисов для индивидуалов, так что со всех сторон были закрытые кабинеты.

У нескольких съемщиков двери были нараспашку, но большинство предпочли закрыться. Идеально. Избегая открытых дверей, Холл стремительно пошел вдоль стены. Пригнулся, когда один мужчина вернулся из туалета и вошел в свой кабинет, закрыв за собой дверь. «НашВашОфис» явно процветал и был забит под завязку.

Холл миновал еще кабинетов двадцать, мысленно прощупывая каждый на предмет обитателей, пока наконец не нашел пустой – угловой кабинет с соседом с одной стороны и крохотным кухонным альковом с другой. Оставалось лишь уповать, что арендатор этого кабинета отлучился на денек.

Взявшись за ручку двери, он рефлекторно бросил взгляд в оба конца коридора, хотя новоприобретенное чувство подсказывало, что горизонт чист.

Толкнув незапертую дверь, Холл попятился в кабинет и бережно прикрыл ее за собой.

Услышав громкое «Ох!», словно напугал кого-то до полусмерти, и стремительно обернувшись, он оказался лицом к лицу с миниатюрной молодой женщиной, сидевшей за столом. Разинув рот, она приготовилась завизжать.

6

– Не кричите! – в отчаянии шепнул Холл. – Я друг!

Нелепая реплика, но ничего другого ему в голову не пришло. И как это он прошляпил ее присутствие?

Женщину за столом ошеломила откровенная наглость и неуместность этого заявления, возымевшего желанный эффект. Она воздержалась от крика, и ее рассудок из состояния беспредельного изумления и паники перескочил обратно в колею рационализма.

При росте около 5 футов 4 дюймов она была очень изящной, с коротко подстриженными черными, как вороново крыло, волосами, безупречным телосложением, и буквально лучилась живостью ума и энергией. На взгляд Холла, ей было за двадцать пять. Симпатичная, но отнюдь не красавица. Тот тип наружности, который может показаться мужчине и привлекательным, и отталкивающим, в зависимости от того, привлекает ли ее личность к наружности или отвлекает от нее.

– Я вижу вас впервые в жизни, – изрекла она, окинув взором омерзительную наружность самого Холла и отнюдь не приободрившись от его вида. И хотя Холл не мог читать ее мысли, зато «слышал» знакомое, едва различимое эхо ее слов, указывающее что он все-таки может читать ее мысли, но, очевидно, лишь когда они достаточно сфокусированы для имманентной речи.

– Знаю, – отозвался Холл. – Я лишь имел в виду, что я дружелюбен. Не опасен. Все такое. Не тот кабинет. Я прямо сейчас и уйду.

Женщина кивнула с выражением явного облегчения на лице. Холл не сомневался, что она почувствовала облегчение. Если в закрытый кабинет вламывается субъект вроде него, тут уж поневоле обеспокоишься за собственную безопасность. Кто же не обрадуется его уходу?

Тут выражение ее лица переменилось, словно она узрела призрака, но лишь на миг, прежде чем взяла себя в руки и одарила его фальшивой улыбкой. Однако он успел перехватить движение ее глаз, когда выражение лица изменилось.

Она увидела рукоятку «Глока», торчащего у него за поясом.

Жопа! Это не только ошарашило ее – и по праву, – но заодно и гарантировало, что она начнет названивать в полицию, как только Холл покинет ее кабинет, и позвонит в приемную, чтобы узнать у секретарши, покинул ли он здание. Откуда следует, что теперь ему не удастся найти другой кабинет – на сей раз действительно свободный – и окопаться там, как планировалось.

– Вы видели мой пистолет, не так ли? – произнес Холл со вздохом, и это взвинтило испуг женщины еще больше. Она тряхнула головой в знак отрицания с видом полнейшей уверенности, что вот-вот погибнет от руки психопата.

– Послушайте, я клянусь вам, что вы не пострадаете. Честно. Я уйду, как будто меня здесь и не было. Но перед этим мне нужно, чтобы вы не пытались активно осложнить мне жизнь. – Он закатил глаза. «Как будто мою жизнь можно осложнить еще больше», – пронеслось у него в голове.

– Я не стану, – заверила она. – Ни капельки.

Холл решил, что пора пойти на откровенность. Другого способа просто нет. Протянув руку, он запер дверь. Больше нельзя на все сто процентов полагаться на то, что пси-способность предостережет его о приближающихся умах. Женщина перед ним – живое тому доказательство. Она отпрянула с плохо скрываемым ужасом. Холл тряхнул головой. Запирать дверь перед тем, как пытаться завоевать ее доверие, – отнюдь не выигрышный ход. Уж он-то знает толк в том, как успокоить женщину, с сарказмом подумал Холл.

– Позвольте мне объяснить, что происходит. А потом я уйду. Ладно?

Она кивнула.

Холл сделал глубокий вдох, понимая, что честность в данном случае лишь усугубит дело, поскольку более нелепую историю и выдумать трудно. Если бы он был достаточно смекалист, чтобы измыслить правдоподобную ложь, способную завоевать ее доверие, он бы так и сделал, хотя и подозревал, что смысл завоевания доверия и заключается в том, чтобы поведать правду. Кроме того, его чтение мыслей, пусть и ограниченное в ее случае, в мгновение ока должно суметь обратить скептицизм женщины в веру.

– Я очнулся около двух часов назад в... – он на несколько секунд замолк. Наконец, поморщившись, решил выложить все без утайки. – Ладно. Я очнулся на помойке. Что отнюдь не придает мне сходства с Джеймсом Бондом, пожалуй.

Она пыталась сохранить невозмутимое выражение лица, но по ее чертам промелькнула тень недоверия и отвращения.

– Погодите, – продолжал Холл, хотя и сам с трудом верил собственным словам, – дальше будет хуже. Я пришел в сознание, совершенно не помня, как там оказался. – Он тяжело вздохнул. – Вообще-то, не помня даже, кто я такой. Полнейшая амнезия.

Она внимательно взглядела в него, словно достаточно пристальный взгляд мог вскрыть любой обман.

– Мне удалось достаточно хорошо отмыться и раздобыть смену одежды, – продолжал Холл, кивнув на свой наряд. – Явно мне не по размеру. – Он улыбнулся. – Но поверьте, любые лохмотья лучше одежды, пролежавшей какое-то время на помойке.

Она изобразила деланую улыбку, а Холл продолжал:

– И кто-то – нанявший целую группу кого-то – хочет моей смерти. Они не хотят ограбить меня или выудить какие-то сведения. Они просто хотят меня убить. И как можно скорее. Пистолет, который вы видели у меня, я отобрал у одного из преследователей. Сюда я пробрался, чтобы лечь на дно, потому что по глупости забыл отобрать сотовый телефон у последнего типа, которому помешал себя прикончить, и он раззвонил о том, где я нахожусь.

– Это ужасно, – проговорила женщина со всей возможной искренностью. Холл толком не представлял, чем она занимается, но это было не лицедейство. – Даже вообразить не могу, через что вам пришлось пройти.

– Послушайте, – тряхнул головой Холл, – я понимаю, что вы мне не верите. Да и с чего бы вам верить? Наверняка думаете, что я сумасшедший. Поверьте, я думал то же самое. Я хочу откровенного разговора. Обещаю не причинять вам вреда, но хочу, чтобы вы сохраняли скептицизм, пока я не сумею убедить вас. Я не буду в претензии. Так что давайте вступим в диалог. Задавайте вопросы, чтобы я мог доказать вам свою честность.

– Ладно, – настороженно проговорила она, пытаясь сообразить, как лучше воспользоваться этим приглашением. – Вы не догадываетесь, почему они пытаются вас убить? И как вам удалось выжить в противостоянии с обученными убийцами?

– Ответ на оба вопроса один и тот же. Я обнаружил, когда пришел в себя на помойке, что могу... ну, могу читать мысли. И уверен, что раньше этого не умел.

– Угу. Значит, сейчас вы читаете мои мысли?

Холл нахмурился.

– Вообще-то нет. Вы – исключение из правила. Единственный человек из сотен, чей разум для меня закрыт. Не знаю почему.

Она пыталась сохранить невозмутимое лицо, но не сумела.

– Мне не надо читать мысли, чтобы понять, что вы думаете что-то типа «ах, как удобно». Я утверждаю, что могу читать мысли, а вы просто как раз тот человек, чьи мысли я прочесть не могу, так что не могу и доказать вам это. Но факт в том, что как раз из-за того, что вы редкостный человек, чьи мысли я прочесть не могу, я и оказался в вашем кабинете в первую голову. Я знал, что все остальные кабинеты заняты. А поскольку не мог уловить ваших мыслей, то и выбрал его, думая, что он пуст. И был удивлен не меньше вашего, когда вы увидели, что я сюда ввалился.

Женщина открыла было рот для ответа, но Холл ринулся вперед, не дав ей этой возможности.

– Но, по-моему, я могу вам это доказать. Не представляю, как работает экстрасенсорное восприятие, пси-способность или как там его. Но, по-моему, я могу улавливать ваши мысли. Правда, только когда вы мысленно формулируете слова и готовы их вот-вот произнести. Не знаю почему. Так что сделайте это. Я задам вам вопрос, а вы продумайте мне словесный ответ. Проецируйте их как можно тверже. Словно произносите их, только губами не шевелите. Ладно?

Женщина кивнула.

– Как вас зовут?

Она склонила голову к плечу и уставилась на него.

Холл расплылся в улыбке. Как он и ожидал, ее имя прозвучало совершенно отчетливо.

– Меган, – триумфально провозгласил он. – Меган Эмерсон.

Глаза ее широко распахнулись, но потом шок заметно пошел на убыль, и она опустила взгляд к столу, на подставку для визитных карточек рядом с ее фото в компании нескольких подруг, облаченных в парки, на горнолыжном подъемнике. Внешняя карточка в стопке была четко видна, и ее имя буквально бросалось в глаза.

– Ага, задавая вопрос, я не видел визиток, так что мог бы сжульничать... Меган. Так что давайте попробуем снова. Попробуйте подумать, что хотите, но опять же, проецируйте это мне, как будто говорите.

«Ладно, псих, мне что, притвориться, что ты угадал правильно? – подумала она, и Холл воспринял эти слова совершенно ясно, словно она их произнесла. – Если тебе потакать, это сохранит мне жизнь или прикончит меня?»

– Вам незачем притворяться, – спокойно сказал Холл. – Потому что моя догадка будет правильная. Может, я и чокнутый, – докинул он заодно. – Не могу этого полностью исключить. Но как бы там ни было, мне вовсе не хочется причинять вам вред – будете вы потакать мне или нет, – закончил он, подняв брови.

Меган охнула. На сей раз лицо ее отразило заинтригованное выражение, и Холл решил, что она сейчас подумает ему снова. «Это сверхъестественно, – подумала она. – Но, может быть, у тебя есть какой-то психопатический дар чтения языка тела... Вопрос в том, сможешь ли ты прочесть мои слова, когда я буду их проецировать, а ты не готов?»

– Очевидно, да, – без заминки ответил он. – И я не просто читаю язык тела. Как я и сказал, у всех остальных я могу читать и слова, и мысли, и... все время, проецируют они или нет. Честно говоря, ощущение такое, будто над ухом постоянно жужжит шершень. – Холл помолчал. – Даже не представляю, что делает вас особенной.

Ему в голову пришли слова: «Может, у вас необычайно слабый ум?», но он сумел оставить их при себе. Вопрос был бы просто оскорбителен.

Челюсть у Меган отвисла.

– Вы только что подумали: «Может, у вас необычайно слабый ум?»...

7

На сей раз настал очередь Холла вздрогнуть. Значит, он может посылать слова, а не только принимать? Или это только с ней?

«До сих пор я и не знал, что могу посылать, – подумал он в адрес Меган и добавил: – Очень, очень круто. Вы не против, если я сяду?»

– Ничуть, – ответила она с блуждающей улыбкой. – О-фи-ги-геть можно. Это донеслось громко и четко.

И сделала приглашающий жест на единственное кресло перед ее столом, за которым она сидела в окружении компьютера и двух больших мониторов. Страх, висевший над ней, как темное облако, с самого момента его появления, сменился крайним восхищением.

– Как я понимаю, мой нелепый рассказ становится чуточку менее нелепым?

– Ага. А может, ваше безумие заразительно, – ответила Меган.

Холл рассмеялся. При нынешнем положении дел он начинал сомневаться, что еще доведется посмеяться.

– У вас есть какое-нибудь эхо, когда я говорю вслух? – поинтересовался он, снова настраиваясь на серьезный лад. – Типа, каждое слово через миллисекунду начинает повторяться?

– Даже не понимаю, о чем это вы, – покачала она головой.

Он кивнул. Может, этот эффект и ничтожен, но вполне ощутим. Тот факт, что Меган его не испытывает, означает, что, когда он говорит вслух, она его слов не считывает. Ее способность принимать мысли включается в игру, только когда он концентрируется на усилении чистой мысли в ее адрес. Что в обратном направлении совершенно не так. Но поскольку эпицентром эффекта выступает он сам, ничуть не удивительно, что тот не симметричен.

Мысли чудовищного большинства людей он может читать постоянно – правду говоря, не может не читать. Так же легко и основательно, как свои собственные. Они и не знают, что он читает их мысли, и не могут воспринять его.

А эту Меган он способен улавливать, лишь когда она либо говорит вслух, либо формулирует слова и транслирует их ему. И может передавать ей слова телепатически, но лишь когда каким-то образом мысленно усиливает их; когда же просто думает или собирается говорить, само собой это происходит недостаточно

энергично, чтобы она что-то уловила.

Холл задумался, какие же еще категории людей могут существовать. Может ли он телепатически передавать слова кому угодно? Или она особенная и в этом отношении? Если удастся прожить достаточно долго, наверное, он это выяснит.

– Так вы правда очнулись на помойке всего пару часов назад, а? – спросила Меган.

Холл кивнул.

– Поверьте, я это не выдумал. Особо гордиться тут нечем. – Он помолчал, а потом ни с того, ни с сего брякнул: – У вас тут нет чего-нибудь съестного?

Выдвинув ящик стола, Меган достала «Кит-Кат» и протянула Холлу. С благодарностью разорвав упаковку, он проглотил батончик за считанные секунды.

– На трапезу не тянет, – заметила она.

– Ну, когда последнее сколько-нибудь похожее на еду видел на помойке, это просто райское блаженство, – улыбнулся Холл.

Меган ответила ему улыбкой. Хотя они и обнаружили, что могут общаться телепатически, но оба вернулись в привычную колею разговора вслух.

– Значит, вы не имеете понятия, кто вы такой? Ни малейшего?

– Полагаю, меня зовут Ник Холл. Во всяком случае, типы, пытавшиеся меня убить, так думают. – Он помолчал. – Не решаюсь это понимать, но это еще не всё.

– Не всё?

– Я вроде бы способен получать доступ в Интернет прямо в мозгу, с помощью одной лишь силы мысли. – Он объяснил, как работают визуальные и слуховые аспекты.

– Почему бы и нет? – пожала плечами Меган. – Представляется ничуть не менее правдоподобным, чем чтение мыслей, пожалуй. Вообще-то, даже более.

– Погодите секундочку, – сказал Холл. – Хочу попробовать кое-что.

Воспользовавшись внутренним интернет-подключением, он вызвал «Джи-мейл» и создал учетную запись. Информация об имени пользователя и пароле, которую необходимо было ввести в текстовых окошках, появилась как по волшебству, стоило ему подумать об этих словах.

– Какой у вас электронный адрес? – спросил он.

Меган назвала.

– Проверьте ящик, – предложил Холл.

– Кэссиди, – сказала Меган, обращаясь к персональному цифровому помощнику, или ПЦП, планировщику на своем компьютере, по имени, которое ему присвоила, – есть новые сообщения?

– Одно новое сообщение от Ника Холла, – отозвался нежный женский голос.

– Прочти.

– «Рад познакомиться, Меган, – произнес ПЦП. – Извините, что втянул вас в это».

– Потрясающе! – оживился Холл. – Сделайте мне любезность, ответьте.

На сей раз она проигнорировала ПЦП, напечатав сообщение собственноручно. Через несколько секунд Холл проверил почтовый ящик своей новой учетной записи, и ответ уже лежал там.

«Есть еще какие-нибудь фокусы?» – написала она.

Холл зачитал это вслух, чтобы подтвердить, что получил письмо, а затем, просто ради удовлетворения любопытства, перешел на страничку Меган в «Фейсбуке», найдя ее моментально. Сфокусировал мысли на ее имени и Бейкерсфилде, и быстро выбрал именно ее из двенадцати результатов, выданных «Фейсбуком».

Меган Эмерсон было двадцать семь лет, она родилась в Кеокеке, штат Айова, окончила Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и работала графическим дизайнером. Хотя он и сражается за собственную жизнь, хоть пси-способность и далась ему дорогой ценой, но возможность мгновенного доступа к триллионам страниц информации просто пьянила. Холл решил не говорить Меган, что просматривает ее информацию, находящуюся в открытом доступе на «Фейсбуке». Он не стал бы ее винить, если б она нашла это жутковатым.

– Как ваша рука? – спросила женщина, кивая на его залубеневшую от крови рубашку. – Нам, наверное, надо показать ее врачу.

– Нам? – приподнял он брови.

– Да. Нам, – повторила она. – Может, это синдром Флоренс Найтингейл[3]. А может, просто радость, что осталась жива, хотя я была уверена, что вы меня прикончите. А может, встреча с человеком, обладающим экстрасенсорными способностями, – крутейшее из всего, что со мной случилось... Но, так или иначе, я хочу

помочь. Вам нужно выяснить, кто вы такой. Одна голова – хорошо, а две – лучше. Даже если одна из них...
гм... явно настолько слаба, что в ней даже мысли не прочтешь.

– Дурацкая гипотеза, – скривился Холл. – Очевидно, вы очень умны. Я просто пытался сообразить, чем вы отличаетесь от остальных. Не обижайтесь.

– И не думала.

– Не могу выразить, насколько привлекательно для меня ваше предложение. Насколько сбивает с толку и ужасает незнание, кто ты такой... Это состояние невообразимого одиночества. У меня ни единого друга на свете – во всяком случае, насколько мне известно, – и нет даже чувства самоосознания, которое послужило бы мне опорой. – Холл вздохнул. – Но как бы мне ни хотелось прибегнуть к вашей помощи, я вынужден отказаться. Уж поверьте мне, когда я говорю, что мои шансы дожить до заката не так уж и велики. Не могу подвергать вас подобной опасности.

Меган задумалась, и Холл видел, как она борется с собой, не зная, насколько готова упорствовать. Самое увлекательное и интригующее событие в ее жизни обернулось еще и смертоноснейшим. В конце концов стало ясно, что он прав, как бы ни хотелось ей помочь и причаститься к необъяснимому феномену по имени Ник Холл.

– Ладно. Вы правы, – кивнула она и помедлила. – Может, вы и не знаете, кто вы такой, но хотя бы человек вы приличный.

– С чего это вы взяли?

– Ну, поймать меня на слове было бы вам на руку. Но вы не хотите подвергать меня опасности.

– Это доказывает не то, что я приличный человек, – покачал он головой, – а то, что я буйнопомешанный психопат. Поверьте, ни один человек, за которым охотятся подобным образом, не захотел бы ставить на линию огня невинную постороннюю только потому, что она не вовремя оказалась не в том месте.

– Ага, кто бы знал, что не тем местом и временем окажется мой собственный кабинет в обычное рабочее время, – рассмеялась Меган.

Холл уже проникся к ней симпатией, и ее помощь была бы бесценной для понимания происходящего. Две головы действительно лучше, чем одна. А даже если и нет, это оказало бы ему грандиозную психологическую поддержку. Она могла бы стать глазом урагана, неистовствующего вокруг него. Она уже для него ближе всех на свете – ну, хотя бы из тех, кого он помнит. И она знает его секрет. Подтвердила, что он в здравом уме...

Перспектива покинуть ее сейчас, чтобы встретить свою участь в полнейшем одиночестве, казалась такой же устрашающей, как заставить свои пальцы отпустить веревку, вися на высоте сотен футов над зубчатыми скалами. Но придется. Чем дольше он тут остается, тем большей опасности ее подвергает.

И еще ему пришло в голову, что идея залечь здесь на дно была не такой уж и замечательной. Даже если его преследователи не смогут разглядеть машину Балдино с дороги, то наверняка смогут определить ее координаты по трекингу.

– Одну вещь вы можете сделать, чтобы мне помочь, – сказал он.

Меган выжидательно посмотрела на него.

– У вас есть машина?

Она кивнула.

– Припаркована на задней стоянке. Желтый «Форд Таурус».

– Вы не будете против, если я его позаимствую? Чем дольше я торчу здесь, тем становится опаснее. И им известно, на какой машине я сюда приехал. Но ваш «Таурус» они искать не будут. Мне только надо уехать куда-нибудь еще. Где я смогу залечь на какое-то время, пока накал не спадет.

– Вы говорите прямо как в скверном криминальном телесериале.

– Да я и чувствую себя, как в скверном криминальном сериале, – отозвался Холл. Пошарив в кармане, он выудил две двадчатки из денег, конфискованных у Балдино. – Этого должно хватить на такси до места, где вы сможете забрать машину. Я сообщу вам по электронке, где оставил машину, а где – ключи... – Он помолчал. – А есть другой выход к вашей машине, кроме главного вестибюля?

– Да. Есть пожарный выход. Могу проводить вас туда. Если будете держаться ко мне поближе, никто толком и не заметит кровь у вас на рубашке. Но уже пять, и нам придется обождать еще несколько минут. Выход малость на отшибе, так что мы все равно вряд ли наткнемся на кого-нибудь, но уж лучше перестраховаться...

– Большинство уходят ровно в пять?

– Многие. По крайней мере, в этом крыле. Не то чтобы из-за лени, – поспешила растолковать Меган. – Поверьте, большинство из них пашут по шестьдесят часов в неделю. Но работать они могут где угодно. А сюда

приходят только ради секретаря и внешних причиндалов, а заодно чтобы заставить себя вылезти из пижам. Дома же наверстывают. Но по пятницам всем хочется урвать лишний кусочек выходных, вот все и уходят в пять. А то и на пару минут пораньше.

Холл кивнул. Он и не догадывался, что сегодня пятница. Мог бы выудить сведения у кого-нибудь, но это как-то не пришло ему в голову...

Меган потянулась под стол и взяла свою большую сумку из мягкой кожи каштанового цвета с серебристыми деталями. Открыв ее, достала связку ключей, сняла ключ от машины с золотистого кольца в форме сердца и протянула ему.

– У меня есть два условия, – проговорила она, поднимая брови. – Во-первых, четырьмя дверями дальше есть парень по имени Курт Шром. Он нравится мне как друг, но и только. Он хочет, чтобы я отправилась на выходные покататься с ним на лыжах, и клянется, что его интерес ко мне сугубо платонический. Вы можете прочесть у него в мыслях, правда это или нет?

– Нет, – Холл расплылся в озорной ухмылке.

– Ух ты! – удивилась Меган. – Вы смогли найти его рассудок настолько быстро и откопать информацию такого рода?

– Нет, – ответил Холл, по-прежнему с улыбкой. – Мне не пришлось. Он мужчина. А я знаком с вами. Это все, что мне нужно знать, чтобы ответить на вопрос.

В глазах Меган, порадованной комплиментом, заплескали искорки.

– А второе условие? – поинтересовался Холл.

– Как только вы улизнете от негодяев и разберетесь, что к чему, обещайте мне подключить меня к делу. В чем бы оно ни состояло.

– Заметано, – сказал он, беря протянутый ключ и пряча его в карман брюк. – Но, по-моему, мои шансы выжить весьма призрачны. Насколько я могу судить, во всем Бейкерсфилде вы единственная, кто не пытается меня убить.

– Я в вас верю. Вы очнулись на помойке, и на вашу жизнь несколько раз покушались. А теперь вы уже вот-вот укатите на машине, охотно одолженной вам совершенно чужим человеком, всего минут пять назад считавшим вас серийным убийцей... Весьма впечатляет.

– Дело в везении, а не в моей сноровке, – тряхнул головой Холл. – Внечувственное восприятие и внутренний Интернет дают мне существенное преимущество.

«У вас, похоже, есть какие-то качества, некая сметка, позволившая вам продержаться до сих пор, – подумала она ему. – Вы с этим справитесь. А когда справитесь, не забудьте свое обещание».

Холл лишь вздохнул, в душе понимая, что свидеться с этой сообразительной, энергичной девушкой ему уже не суждено. Он умрет, помня всего день-другой. Но к чему разводить дальнейшие споры?

«Не волнуйтесь, – транслировал он ей. – Это единственное обещание, которое я помню. – Он помедлил. – И спасибо за помощь. Электронное письмо с местонахождением вашей машины вы получите в течение часа».

8

Ссутулившись над шахматной доской из черного и белого мрамора, Джон Делаmater изучал сложную позицию в партии из недавнего мирового чемпионата. Обе стороны тщательно развернули свои фигуры, и обоим недоставало по ладье, коню, слону и три пешки, которые они разменяли в предыдущих стычках. Каждая фигура, от ферзей до последней пешки, была кропотливо размещена так, чтобы и наступательный, и оборонительный ее потенциалы достигли максимума.

Во внешности худого Деламатера с оливковой кожей и черными волосами обращали на себя внимание глубоко запавшие глаза, казавшиеся посаженными чересчур близко друг от друга, и очень маленький острый нос.

– Мат на восьмом ходу из этой позиции, – объявил он приближающемуся мускулисту русскому. – Душек прозевал это в Хельсинки и в конце концов проиграл. Садись, Василий, – Делаmater указал на стул по ту сторону дубового столика.

Василий Чирков так и поступил. Он был уже немолод, хотя ни на его физической форме, ни на мускулатуре это никак не сказалось. Послужив в спецназе, Василий начал взбираться по служебной лестнице в КГБ, но политические и социальные неурядицы в России казались нескончаемыми, и он решил, что оставаться альфа-волком в стране волков куда проблематичнее и куда менее прибыльно, чем стать альфа-волком среди американских баранов. Прибыв в Штаты десять лет назад, он ни разу даже не оглянулся. И теперь вел декадентскую жизнь в роскоши. Еда лучше, погода лучше, больше развлечений на выбор; разве что шлюхи в

России были получше, да и то в среднем, а у него хватало денег, чтобы компенсировать этот изъян.

На тот факт, что его фамилия Чирков звучит, как американское жаргонное jerk off, то бишь «дрочила», ему указывали несколько раз по прибытии, но всякому из наблюдательных остряков довелось тут же отведать вкус собственной крови. Не провел он здесь и полугода, как весточка разлетелась в кругах, в которых он вращался, и никто уже этой ошибки не повторял. Несмотря на это, в первый же год в Америке он принял решение представляться просто по имени, Василием, и через какое-то время большинство народу вообще позабыли, что у него есть фамилия. Репутация его мало-помалу крепла, и вскоре всякий, кто надо, при имени «Василий» сразу понимал, о ком речь, и фамилия ему была нужна ничуть не больше, чем Моисею, Платону, Рембрандту или Элвису.

У Василия были прирожденные способности к языкам, и вскорости он говорил по-английски совершенно свободно – даже мог выдавать себя за коренного американца, как американские актеры могут говорить с нарочитым русским акцентом, буде роль этого потребует. Произношение его было не безупречным, но носители языка просто предполагали, что у него трудноопределимый акцент одного из пятидесяти штатов.

Деламатер нанял его двумя годами ранее возглавлять на разных заданиях различные команды людей, конкретные личности которых ему когда раскрывали, а когда и нет. Оплата была замечательная, равно как и качество поддержки, так что Василий был весьма доволен.

Он толком не знал, долго ли еще продержится в роли наемного работника Деламатера, однако полагал, что, когда придет время развода, тот окажется очень неряшливым. Деламатер чрезвычайно дотошно обустроивал все так, чтобы все ниточки тянулись к Василию, а не к нему. И лишь русский знал, что дергает за эти ниточки как раз Деламатер. Для всех остальных последний был призраком – ни слуху, ни духу.

И притом он куда больший психопат, чем сам Василий. А это что-нибудь да значит. А может, просто чокнутый... Хотя Деламатер ни разу это не обсуждал, Василий был уверен, что по части шахмат тот дока и мог бы запросто стать международным гроссмейстером, надумай он показать себя в этой игре.

Над шахматным столиком висел обрамленный плакат с фотографией шахматной доски с золотыми и серебряными фигурами в окружении знаменитых шахматных афоризмов наподобие «Когда видишь хороший ход, ищи еще лучший», якобы выданный однажды каким-то там Эммануилом Ласкером. Василий не сомневался, что два излюбленных высказывания Деламатера принадлежат американцу Бобби Фишеру. Первое: «Я люблю момент, когда ломаю эго человека», и второе: «Шахматы – это война на доске. Цель – сокрушить рассудок противника».

Любимая же цитата Василия принадлежала русскому – Боголюбову, но любил он ее не за русское происхождение. Вернее, не только за происхождение, но и за стоящее за ней игривое высокомерие, всегда вызывавшее у него улыбку. «Когда я играю белыми, то выигрываю потому, что играю белыми. Когда я играю черными, то выигрываю потому, что я – Боголюбов».

Василий устался через столик на чрезвычайно опасного человека. Человека, к которому проникся уважением за блестящий стратегический ум. И хотя блестящее стратегическое мышление зачастую не имеет к жизни ни малейшего отношения, в случае Деламатера это было не так.

Но зачастую между гением и безумием проходит весьма тонкая грань, как доказали на протяжении истории люди вроде Бобби Фишера, Унабомбера[4] и несметного множества других. Василий чуял, что лишь вопрос времени, когда ее пересечет Деламатер – если еще не пересек.

Сейчас его работодатель тер виски, пребывая даже в более сумрачном настроении, нежели обычно, словно был готов отрывать головы мелким животным голыми руками. А может, зубами. Слава о его безжалостности затмевала даже славу Василия, так что русский великан чувствовал себя необычайно напряженно, когда аура Деламатера доходила до такой интенсивности леденящей, бездонной тьмы черной дыры.

– Ты наносишь редкий личный визит, Василий, – начал его жилистый босс. – Так, дай угадаю... Ник Холл еще жив.

Василий кивнул.

– Сведения по нему готовил ты, так что и спрашивать буду лично с тебя. Что ты прошляпил?

Русский великан покачал головой.

– Последний час я посвятил проверке своей работы. Я ничего не упустил. У него степень доктора в области биологии моря. И точка. Никаких данных о военной или какой-либо иной выучке в области самообороны.

Оружием никогда не владел. Четыре года назад его остановил пацан с «пером», и он не оказал сопротивления.

Деламатер вперился в посетителя нечеловечески пристальным взглядом.

– И все же прорвался сквозь густую сеть твоих наемников.

– Покамест, – признал Василий.

– Последние известия?..

– Мы загнали его в угол, но он выскользнул. И мы потеряли его из виду.

– Он по-прежнему за рулем машины Балдино?

– Когда его видели в последний раз, он проскочил на ней поперек через несколько полос, как какой-нибудь каскадер. Кассела пальнул по нему, но не остановил, а преследовать не позволила ситуация.

– Если Холл в известной нам машине, объясни, зачем нам его видеть.

Василий выдержал его взгляд, не моргнув.

– Мы вот-вот узнаем ее GPS-координаты, но пока не знаем. Скоро, Джон. Очень скоро. Как и большинство людей его... нашего рода деятельности, Балдино в доску расшибался, чтобы отследить его машину было непросто. Но мы уже близко. С минуты на минуту.

– Близко – не годится, – процедил Деламастер сквозь сцепленные зубы. – Холл мог уже запросто бросить машину.

– Да. Мог. Но не бросил, уж поверь.

– Почему? Потому что тебе кажется, что ты знаешь, кто он такой? Ты разве только что не убедился, что не знаешь? Да, если он соответствует предоставленному тобой портрету беспомощного морского биолога, ты прав. Ему и в голову не придет, что ездить на машине Балдино опасно, даже если он считает, что улизнул от преследования вчистую. Ему вовек не угнать другую. Он будет не в своей тарелке. Но учитывая, что он уже отчебучил, мне в это как-то не верится.

– Не вечно же ему будет везти.

– Я не верю в везение.

– Мы его достанем, – отрезал Василий с абсолютной убежденностью.

– Уж постарайся. И побыстрей. Предложи еще сотню косых сверх того, что уже предложил счастливчику, который его прикончит. Если Холлу удастся отдышаться и начать говорить, это будет очень... несподручно для меня.

Василий угрюмо кивнул. Ему хорошо платят и ни в чем не ущемляют. В то время как Деламастер жил аскетично, словно монах, насколько можно судить, посвящая весь свой досуг игре в шахматы, Василий жил, как король, в огромном доме с крытым бассейном и всеми женщинами, каких только мог пожелать. Но русский ни капельки не сомневался, что все причиненные ему неудобства Деламастер переадресует на него в десятикратном размере. И это будет очень-очень скверно.

9

Меган Эмерсон возвращалась в свой кабинет с кружащейся головой, едва касаясь ногами земли. Ух ты! Неужто это случилось на самом деле? Неужто она телепатически общалась с другим человеком? Насколько это бредово? И как потрясающе!

Она умирала от желания поделиться случившимся с кем-нибудь, но понимала, что, без способности Холла продемонстрировать это, ее тут же сочтут умалишенной. Сверх того он предупредил ее, что предание огласке знакомства с ним или его способностей, вероятно, пагубно скажется на ее здоровье.

Но случившееся просто офигенно невероятно. Прямо-таки словно все это ей пригрезилось...

Она перебралась из Лос-Анджелеса в Бейкерсфилд всего пару месяцев назад с решимостью сдвинуть бизнес с мертвой точки, прельстившись куда более выгодной арендой – и офиса, и квартиры. Офис ей был по-прежнему не по карману, но возможность принимать клиентов в таком чудесном заведении позволяет произвести столь важное впечатление профессионализма. Меган «расширялась», твердо вознамерившись справиться с этой работой.

Она покинула многих друзей, равно как и бывшего миленочка, и хотя связь с друзьями поддерживать продолжала, с Дарреном Ортманом всякие отношения оборвала. Еще на первом курсе Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Меган на горьком опыте познала, что отношения на расстоянии – даже если это расстояние можно преодолеть за пару часов – могут мигом обернуться кошмаром, и совершать эту ошибку снова отнюдь не собиралась.

Но начинать с чистого листа было страшновато. И трудновато. И хотя она любила творческий подход во всем, ее социальная жизнь свелась практически к нулю, а жизнь за пределами работы стала вообще почти невыносимо скучной.

И тут – Ник Холл. У самой рампы. Небритый. Волосы всклокочены. В мешковатой одежде и окровавленной рубашке.

Кто мог знать, что он окажется таким интригующим? И притягательным...

В затрагивании ее тайных струн он добился безусловного успеха. Раненый и способный пробудить ее инстинкты Флоренс Найтингейл. Галочка. Сообразительный и явно хорошо образованный. Галочка. Часто кажущийся заблудившимся мальчишкой, потому что понятия не имеет, кто он такой. Галочка. Международная загадка. Галочка. И офигенно способный читать мысли и порхать по волнам гребаной Паутины в своей гребаной башке. Шах. И мат.

Меган каждым фибром души хотелось удрать с ним навстречу грандиозному приключению. Но он привел убедительный аргумент, а она не самоубийца. И очень жаль, потому что, в отличие от замужества, это приключение она испытать несомненно хотела.

Ее родители прошли через мучительный развод, так что люди и отношения претили Меган. Она частенько задумывалась, пригодна ли человеческая психика к браку вообще. Да, вероятно, в род людской генетически внедрена потребность объединяться в пары ради воспитания детей, как у облаченных во фраки императорских пингвинов, которых все время крутят в документальных кино. А может, спаривание на всю жизнь имело смысл в доисторические времена, когда все помирали еще до того, как их дети достигнут половой зрелости?.. Ей ввек не забыть усвоенное на лекции по истории в Калифорнийском университете: что средняя продолжительность жизни в Римской империи была меньше тридцати лет – возраста, когда подавляющее большинство наших современников даже не женаты. Пожелание «пока смерть не разлучит нас» выглядит куда более осуществимым, если смерть наступает в двадцать пять, а не в восемьдесят.

Она еще молода, но уже достигла рубежа, когда пора подумать, какой жизненный курс избрать. Меган стала замкнутой и угрюмой, как никогда. Может, переезд в Бейкерсфилд в эту пору жизни повлиял на нее куда больше, чем она думала... Она не лишилась памяти, как Холл, но тоже отсекала изрядную часть прошлой жизни.

Меган всегда была компанейской особой, но переезд однозначно подорвал это ее личностное качество. Она знала, что мужчина ей для счастья не обязателен, но нужно хоть что-нибудь. Живет она одна. Да, завела пару-тройку друзей в квартирном комплексе и выбиралась на танцы и в парочку баров, но, хоть за ней и приударяли несколько раз, никого стоящего не нашла. Уже было настроилась заводить онлайн-знакомства... А почему бы и нет? В наши дни все так делают, а если шляться по барам, так нечего тогда сетовать ни на качество, ни на мотивы встреченных там мужчин.

На самом деле ей надо было прекратить расхаживать по барам по более важной причине: она стала пить больше, чем следовало бы, – вероятно, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Надо взять это дело под контроль. Меган всегда относилась к категории людей, к которым выражение «пьяна от жизни» применимо в полной мере, как бы глупо оно ни звучало. Так почему же в последнее время ей для этого понадобился алкоголь?

Подумав об этом, Меган нахмурилась. Может, все же следовало настоять на том, чтобы помочь Нику Холлу во что бы то ни стало? Такой шанс выпадает лишь раз в жизни. Вдобавок к загадке этого человека и множеству дурацких романтических струнок, которые он задел, в его личности было нечто эдакое, не имеющее отношения ко всем этим факторам, что пришлось ей по душе. Застенчивость. Уязвимость. Интеллигентность.

С другой стороны, кто знает, что амнезия вытворяет с личностью? Трудно держаться властно, когда пребываешь в замешательстве. Может, Ник Холл полный мудака, когда помнит, кто он такой. Может, состоит с кем-нибудь в пылких и крепких отношениях... Но даже если б выяснилось, что он козел или занят, это неважно. Даже не питай она к нему интерес, даже испытывай полнейшую антипатию, когда он снова станет собой, телепатия – это потрясающе. И не просто потрясающе. Уж если говорить о шепотке перца в жизни... Да она убила бы, только б поучаствовать в том, во что он впутался.

Но умереть ради этого как-то не готова...

И раз уж на то пошло, Меган не могла отделаться от ощущения, что отправила этого мужичка на смерть. Наверняка она могла помочь ему еще хоть чем-нибудь. Но тот перед уходом настоял, чтобы она даже не пыталась. Он не знает, кому она может доверять. И даже если б твердо знал, что она может доверять полицейским – чего он не знает, – и даже будь он у них под присмотром, неизвестно, смогут ли даже они защитить его от упорного и профессионального врага, который узнает о его местонахождении.

А если Ник Холл все же ухитрится остаться в живых и разузнать, что к чему, он может запросто решить закрыть глаза на уговор вернуться и привлечь ее к происходящему. Скажем, по соображениям национальной безопасности или каким другим веским соображениям, над которыми он не властен. А может, из искреннего желания защитить ее... Но, как ни поверни, крайне маловероятно, что ей доведется свидеться с ним хоть когда-нибудь.

И если уж через считанные минуты после его ухода ей уже кажется, что она все это нафантазировала, то в грядущие месяцы и годы ее уверенность будет становиться все более и более расплывчатой. Должно быть, рано или поздно она придет к заключению, что все это было галлюцинацией, вызванной отчаянным желанием вырваться из тюремного заключения скуки и неудовлетворенности, на которое она же сама на себя и обрекла.

Меган бросила взгляд на работу, сохраненную на большом мониторе – меню для нового мексиканского ресторана. Ей хотелось найти свежий подход, отбросив кактусы и сомбреро, зачастую украшающие подобные меню. Но после случившегося она вряд ли сможет настроиться на нужный лад, чтобы сосредоточиться на этом проекте. Ни за что.

Будь у нее машина, она бы уже уехала. Уже шестой час, и теперь она вряд ли на что-нибудь сподобится. Во всяком случае, до завтра, пока все мысли у нее заняты лишь реально существующей телепатией, испытанной на собственном опыте, – и вломившимся в ее кабинет человеком, выглядевшим настоящим бомжем...

Откинувшись на спинку кресла, она прикрыла глаза, гадая, долго ли еще ждать электронного письма от Холла, чтобы забрать свою машину.

И вдруг глаза Меган распахнулись, когда дверь ее кабинета снова резко распахнулась внутрь.

В кабинет вошли двое мужчин, закрыв за собой дверь – оба подтянутые и крепкие; один лысый, как бильярдный шар, а второй блондин.

– В чем дело?! – возмущенно спросила она. – Вы не смеете просто вламываться...

– Заткнись! – осадил ее блондин, извлекая пистолет с длинным тонким стволом, к которому был прикреплен цилиндр, в котором Меган моментально опознала глушитель.

Мигом накатила дурнота, дышать вдруг стало трудно. Она не сомневалась в причине их появления здесь, но они прозевали свою жертву всего минут на восемь-девять. Холл уже в дороге, едет прочь от них во всю прыть, на какую способен желтый «Форд Таурус».

Лысый держал электронный кубик в одной руке и сотовый телефон в другой. Устройство было снабжено экраном – очевидно, сенсорным, потому что никаких кнопок видно не было – и размерами не превосходило смартфон, хотя и растолстевший до кубической формы. Сделав несколько шагов вперед, к креслу перед ее столом, лысый поставил прибор на него. Вгляделся в экран, и на его рябое лицо набежала мрачная тень.

Он выдернул визитную карточку из подставки на столе Меган.

– Ее зовут Меган Эмерсон, – сообщил он в телефон. – Работает по тому адресу, где мы сейчас находимся. Я рекомендую вам выяснить, где она живет, и послать туда кого-нибудь для наружки, просто на всякий случай. – И дал отбой.

Тем временем блондин повернулся к Меган. Оружие в его руке даже не дрогнуло.

– Итак, поведайте нам о своем госте, – сказал он.

– Каком госте? – она озадаченно тряхнула головой.

Он снял кубическое устройство с кресла и поднял его в воздух, указав на цифровой экран.

– Вы когда-нибудь видели такое?

Меган отрицательно покачала головой.

– Это очень дорогой прибор. По сути, это ищайка в коробочке. Не знаю, сказал ли вам посетитель, но его фамилия Холл, и он оставил омерзительные вещички, которые были на нем надеты, на бензозаправке. Мы добыли их, и эта штучка ихнюхнула. Не представляю, как она работает, но она без проблем проигнорировала всю омерзительную вонь от одежды Холла и нацелилась на его запах. Она может уловить запах одной частицы на сто миллиардов – лучше ищайки. И знаете, что она нам говорит? Она говорит нам, что тип, которого мы ищем, заходил в этот кабинет. – Он кивком указал на кресло перед столом. – И сидел в этом кресле.

Меган сглотнула ком в горле.

– Так что я в последний раз спрашиваю вежливо, – угрожающе процедил блондин. – Расскажите мне о его визите. И, что главное, где он сейчас.

Дыхание Меган перехватило.

– Либо ваш прибор ошибается, – проскрежетала она, хотя собиралась произнести это уверенно и вызывающе, но на деле едва прошелестев, – либо он вломился в мой кабинет раньше, когда меня здесь не было.

Блондин в мгновение ока оказался у нее за спиной, зажав ей рот большущей лапищей. Затем опустил свой пистолет с глушителем, и Меган ощутила пронзительную боль в бедре, одновременно услышав звук плевка, раздавшийся из дула глушителя.

Меган закричала в ладонь, прижатую к ее рту настолько крепко, что ей показалось, что можно впиться в нее зубами.

– Я сейчас вас отпущу, – шепнул он ей на ухо. – Только пискните, и прострелю колено. Мы поняли друг друга?

Она кивнула, и тот убрал ладонь. По щекам Меган хлынули слезы страха и боли. Кровь, вытекающая из раны на ноге, расплзалась по брюкам.

– Последний шанс, – невозмутимо проговорил блондин. – Где он?

Меган поняла, что выбора нет.

– Уехал минут десять назад на моей машине. Это «Форд Таурус».

– Назовите номер.

Она бессознательно передвинулась, перенося вес, и боль снова клинком прошла бедро. Скривившись, Меган уже хотела было отбарабанить серию букв и цифр, когда в голове всколыхнулась паническая мысль. Телепатическая мысль.

«Меган, тyani время! Цеди в час по чайной ложке. Ври. Как только ты назовешь им номер, они убьют тебя!»

– Номер! – прошипел головорез, становясь перед ней и приставляя ствол к ее колену.

«Буду через минутку, – транслировал Ник Холл. – Держись!»

– Я могу назвать его вам, – сказала Меган белокурому убийце. – Но могу и кое-что получше. Я знаю в точности, куда этот Холл едет. В точности.

Тот улыбнулся.

– И куда же?

– Вы должны пообещать не убивать меня, – медленно, насколько осмелилась, проговорила Меган. Тут каждая секунда на счету.

– Конечно. Скажите мне то, что мне нужно, и мы уйдем. Вот и всё.

«Ты еще далеко, Ник?» – поспешно транслировала она из всех мысленных сил.

«Секунд тридцать, наверное. Бегу во весь дух. Продолжай тянуть резину. Ты отлично справляешься».

– А откуда мне знать, что я могу вам доверять? – спросила она у блондина.

С досадой тряхнув головой, тот поглядел на своего лысого напарника.

– Послушайте. Вы можете быть уверены только в одном, – он еще сильнее вдавил ствол в коленную чашечку Меган. – Если вы через три секунды не скажете мне, где он, ходить на своих двоих вам уже не светит.

– Ладно, – выпалила Меган; мысли ее неслись быстро, как никогда. – Милях в двадцати отсюда есть старый заброшенный склад, – пустилась она в импровизации. – На дороге под названием Оук-авеню. Он спрячется там. Но сказал мне, что собирается устроить там ловушку на случай, если у него будет компания.

«Блестяще! – раздался ободряющий голос у нее в голове. – Еще всего пару секунд».

– Он сказал, что заложит взрывчатку у главной двери, которая сработает, когда та откроется. Но это можно обойти. Есть другой вход. На северо-западной стороне есть погрузочная эстакада. И если...

«Ложись! Живо!»

Меган оцепенела.

«ДАВАЙ!» – протранслировал Холл с такой силой, что если б это прозвучало вслух, у нее полопались бы барабанные перепонки. Она рухнула на пол.

И меньше секунды спустя рядом с ней то же самое сделали и оба головореза.

Оба стояли спинами к наружной стене кабинета Меган, всего в футе-другом от нее, и Холл пустил через глушитель множество пуль прямо сквозь хлипкий материал стены в их тела. Она испустила дух, даже не успев сообразить, что с ними стряслось.

Меган смутно осознавала, что Холл, должно быть, прочитал их точное положение у них в мыслях. Они даже не догадывались о его присутствии, а он смог расстрелять их в упор, настолько близко, что даже начинающий стрелок не промахнет.

Холл вошел через секунду после падения чужаков, вероятно, тут же уловив прекращение их мышления. Закрыв дверь и бросился к лежавшей на полу Меган, из ноги которой продолжала литься ярко-алая кровь.

Поглядев на двух убитых им человек с искаженным мукой лицом, Холл содрогнулся. Потом повернулся к Меган, и глаза его при виде ее бедра заволокло слезами.

– Мне так жаль, – прошептал он. – Это все я виноват.

– Мне нужна «скорая», – слабым голосом пробормотала она.

– Я оставил твою машину в нескольких футах от заднего хода, – торопливо затараторил Холл. – Я помогу тебе добраться до нее и отвезу в больницу. Но вызывать «скорую» – непозволительный для нас риск. Они назвали твоё имя. Тот, на кого они работают, знает, что ты говорила со мной. И я прочитал в их головах, что им

приказано ни под каким видом не оставлять болтающихся концов. Теперь мои преследователи ни за что не позволят тебе жить. Но эти двое не успели никому сказать, что я взял твою машину. – Он посмотрел на нее с непреклонной решимостью. – Обещаю тебе, Меган, у тебя все наладится. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Клянусь. Это все моя вина.

– Всего нет, – чуть слышно произнесла Меган, и голос ее спал до шепота. – Это не ты в меня стрелял. Пошли.

Холл залез в Сеть, чтобы узнать, как поступать с огнестрельными ранениями, но та не поведала ему ничего чудотворного, только о необходимости как можно лучше остановить кровотечение – ключом ко всему было давление – и как можно скорее доставить раненого в медицинское учреждение для оказания экстренной помощи. Также упоминалось, что необходимо опасаться шока, из-за которого человек может потерять сознание, если из него вытечет слишком много крови.

Достав ножницы из черного металлического стаканчика на столе Меган, Холл нарезал рубашку одного из нападавших на полосы. Сложил одну несколько раз, чтобы получился толстый тампон, и крепко привязал ее остальными лентами ткани.

Подняв Меган с пола, он усадил ее в офисное кресло на колесиках, бережно положив сумочку ей на колени, чтобы замаскировать рану, и начал толкать его.

«Спасибо, что вернулся за мной», – телепатически протранслировала Меган, слишком ослабевшая, чтобы говорить, но еще способная передавать мысли.

«Я лишь сожалею, что так припозднился, – ответил он тем же манером. – Я уже отъехал на полмили, когда они начали обследовать машину Балдино на вашей стоянке. Я поймал их мысли и узнал, что прибор-ищейка приведет их напрямик к тебе. И понесся обратно как можно быстрее». – Хоть он и пользовался телепатией, Меган без труда уловила в его словах нотки вины и раскаяния.

«Какая у тебя группа крови?» – догадался спросить Холл.

«Нулевая, резус-фактор положительный».

В коридор, по которому он продолжал во весь дух катить свою пациентку в кресле к выходу, вышел мужчина, но Холл не стал терять время на притормаживание.

– Меган малость помешалась от сидения в четырех стенах, – пояснил он, вместе с креслом проносясь мимо, – и решила на пару минут дать выход восьмилетке в своей душе.

Тот лишь кивнул, пока они проезжали, и хотя Меган даром чтения мыслей не обладала, но была уверена, что он подумал что-то вроде «вот же парочка дебилов» или «упороты в говно».

Добравшись до машины, припаркованной перед входом, Холл пересадил Меган на пассажирское сиденье и пристегнул ее. Потом скользнул за руль и завел двигатель.

– Держись, – умоляющим тоном попросил он, трогаясь в путь.

10

– Мы что-то упускаем, – сказал Джон Делаmater. – Как там звали твоего парня в минимаркете? – спросил он у Василия.

– Коди Радич, – ответил русский. В отличие от нескольких других участников нынешней травли, не имевших отношения к Василию, Радич работал с ним очень часто.

– Вызови его по громкой, – приказал Делаmater. – Не называй мое имя, но поручись за меня и вели отвечать на любые мои вопросы.

Четыре минуты спустя голос Радича раздался из динамика, который Делаmater установил рядом со своей любимой шахматной доской на деревянном столике. Василий потребовал, чтобы Радич повторил рассказ обо всем случившемся, вплоть до мельчайших деталей и самых незначительных своих мыслей и наблюдений. Делаmater подался вперед, правой рукой потирая подбородок и слушая изложение событий.

Когда Радич закончил, Делаmater жестом указал на телефон и кнопку отключения микрофона.

– Подожди, – сказал Василий, прежде чем нажать на кнопку.

– Если Радич говорит правду, – проговорил Делаmater, – то не вижу, как Холл его вычислил. Должно быть, этот парень замалчивает какую-нибудь ошибку. – Он жестом велел Василию включить микрофон и спросил у Радича: – А не мог случаем быть замечен ваш «ствол»?

– Нет.

– А может, вы притворялись, что читаете не тот журнал? Какой-нибудь, не вписывающийся в образ? «Ледиз хоум джорнал»? «Вог»?

– «Популярная механика», – прошипел Радич тоном, дававшим понять, что он оскорблен этими вопросами, но достаточно профессионален, чтобы держать себя в руках, разговаривая, предположительно, с боссом Василия. –

И чтоб вы не спрашивали: журнал не был вверх ногами.

– А не могли вы выглядеть там не к месту?

– Нет. Я был одет в повседневную одежду. Никаких татуировок, выдающих во мне военного или наемника. Ничего.

Деламатер снова велел Василию поставить убийцу на ожидание. Что он упускает? В этом Радиче есть нечто, дающее Деламатеру ощущение, что тот вполне компетентен и не совершал никаких ошибок. Деламатер умел оценивать людей и научился доверять своим инстинктам, никогда его не подводившим.

– Насколько хорош этот мужик? – повернулся он к Василию.

– Если честно, – без колебаний ответил тот, – он в числе лучших, с кем мне доводилось работать. Умный, опытный, не упускает никаких мелочей. Я уже говорил с ним. Он так же озадачен, как и мы.

Василий включил микрофон, и Деламатер сказал:

– Итак, как я понимаю, он вас обезоружил, а вы даже не попытались ничего предпринять против него? Против такой размазни, как этот тип?

– Я собирался, – раздался удрученный ответ. – Но едва я собрался попытаться отобрать у него оружие, как он отскочил так, что не дотянешься. Как будто заранее знал, что я буду атаковать. Просто сверхъестественное чутье... – Радич помолчал. – И как я уже объяснял Василию, ваши разведданные по этому типу были говном. Исходя из них, я попытался выбить его из колеи, заявив, что «пушка» Балдино еще на предохранителе. Согласно полученному мной профилю, этот субчик не должен был знать, каким концом «пушки» целиться. Но он знал не только что у «Глока» нет традиционного предохранителя, но еще и о гребаном сорокапятифунтовом усилии спуска. Это меньше, чем у большинства «стволов», и это одна из причин такой популярности «Глоков». Но даже я не знал конкретных характеристик усилия спуска.

Деламатер задумчиво склонил голову.

– А откуда вы знаете, что он был прав?

– Потом посмотрел. Он был прав.

Глаза Деламатера на миг вспыхнули. Важный фрагмент головоломки со щелчком встал на место. Поблагодарив Радича, он жестом велел русскому дать отбой.

Василий открыл было рот, но Деламатер оборвал его поднятой ладонью. Ему требовалось поразмыслить без помех.

«Значит, четыре имплантата Холла все-таки работают».

Это единственный способ объяснить, как тот мог сойти за эксперта, располагая подробной информацией об оружии Балдино. Ублюдок владеет своим собственным интернет-подключением.

Холл солгал, сказав, что система не работает.

Но почему?

Способность тайком серфить в Сети, пользуясь одними лишь мыслями, дает существенное преимущество. Но Деламатеру было трудно поверить, что своим успехом Холл обязан только этому. Уклониться от пули доступ в Интернет не поможет.

Однако, как бы то ни было, это может радикально изменить расчеты Деламатера. Теперь надо взвешивать дополнительные варианты, чтобы решить, не пора ли поменять стратегию.

В его распоряжении имеются такие людские ресурсы, какие Василию даже не мерещились. Если хорошенько подмазывать и не просить взамен многого, легко подкупить даже тех, кто считается неподкупными. Люди жадны до денег и власти, особенно те, кто достиг видного положения. Если только не веришь искренне во что-то в глубочайших недрах своего существа, как Деламатер, все люди в конечном итоге оказываются продажными.

Есть старый анекдот, всегда представлявшийся Деламатеру определением рода людского. Мужчина спрашивает женщину, переспит ли она с ним за десять миллионов долларов. Та соглашается. Тогда он спрашивает ее, не переспит ли она с ним за доллар. «За кого вы меня принимаете?!» – в негодовании спрашивает она. «Мы установили, кто вы такая, мадам, – невозможно отвечает тот. – А теперь лишь торгуемся из-за цены».

То же самое верно и в отношении человечества в целом. Он – редкое исключение, но подавляющее большинство людей сделает что угодно за правильную цену, будь то деньги, власть, престиж или секс. Идея о продаже человеком души дьяволу остается оплотом беллетристики, и люди находят правдоподобным, что человек может пойти на такую сделку, даже в точности зная, с кем имеет дело.

Но прежде чем избрать курс действий, ему надо поговорить с братом. Спросить совета у единственного

человека на свете, которого он уважает в полной мере и чье уважение ценит воистину. Надо известить его об этом триумфальном новом обороте событий.

Его брат корпит над собственным проектом, цели которого не столь возвышенны, как цели проекта самого Деламастера, зато шансы на успех куда выше. Брат всегда считал, что он тратит время на свой проект попусту, что, несмотря на его явный гений в преодолении первого монументального препятствия, это еще ничего не дает: до результата, которого он надеется добиться с помощью имплантатов, по-прежнему лет пятьдесят, и поторопить дело нельзя, какую бы стратегию он ни избрал. Деламастер не сомневался, что этот новый сногшибательный оборот событий заставит брата пересмотреть свою позицию, а то и бросить свои занятия, чтобы объединить с ним усилия.

– Василий, – наконец сказал он, прерывая свои раздумья. – Мне нужно, чтобы ты немедленно отправился в Бейкерсфилд и возглавил операцию лично. Время любителей прошло, – закончил он, прекрасно понимая, что они отряжали на дело отнюдь не любителей, но Василий на голову выше остальных. И кивком дал русскому понять, что тот свободен.

Василий встал.

– Позвоню, когда буду на месте.

Он сделал несколько шагов к двери, но вдруг обернулся, не доходя до цели.

– Может, я неправильно понял выражение вашего лица, когда звонок был окончен, но вид у вас был такой, словно вы что-то соображали. Что-то важное. Если так, знать об этом может быть жизненно важно для меня.

Деламастер кивнул.

– Ты прав, – он окинул Василия ледяным взглядом. – Ты неправильно понял выражение моего лица.

11

Холл влился в дорожное движение. Сидевшая на пассажирском сиденье Меган Эмерсон закрыла глаза, но поскольку он не мог читать ее мысли, если только Меган сама не транслировала их ему, то не был уверен, что она еще в сознании. Возвращение в ее офис снизило его шансы на выживание, но поступить иначе ему бы и в голову не пришло.

Дает ли это ему какие-нибудь сведения о себе?

Холл принял это как добрый знак, но не питал уверенности, что это дает какое-либо однозначное представление о том, кто он есть – или был. Останется ли трус или вор трусом или вором, если начисто стереть ему память? Или он может стать отважным и благородным?

Позволяет ли незнание о том, что в прошлом ты дрейфил, внезапно обрести отвагу? Являются ли отвага и альтруизм благоприобретенными или врожденными качествами?

Холл понимал, что сейчас не время ломать голову над этими вопросами и даже восторгаться программным обеспечением своих имплантатов, не делая попыток отреагировать на его размышления поиском в Сети в понимании, что он не ищет ответов в киберпространстве.

Покинув кабинет Меган, он попытался найти себя в «Фейсбуке», как поступил с ней, используя Ла-Холью и Сан-Диего для сужения результатов, но успеха не добился. Было похоже, что имя Ник Холл носит половина жителей Сан-Диего, однако даже их просмотр ни к чему не привел. Может, он все-таки даже не жил там. Или был одним из горстки людей на Земле, не имеющих учетной записи в «Фейсбуке».

Холл вызвал поиск пути до ближайшей больницы, но тут же пришел к заключению, что везти Меган туда было бы ошибкой. Ему смутно помнилось, что больницы обязаны сообщать в полицию при поступлении жертв огнестрела, что Сеть и подтвердила несколько секунд спустя.

После пары минут глубоких раздумий он пришел к плану, который ему вовсе не нравился, но ничего лучшего не измыслилось. Холл не имел понятия, сколько времени у него в запасе, так что предпочел перезаложиться на то, что его нет совсем.

Пошарив в киберпространстве, он нашел ближайший мотель – грошовый и вдали от торных путей – «Керн-ривер мотор лодж». Семь минут спустя они уже въезжали на гравийную стоянку мотеля, вдвое превышая допустимую скорость, где позволяло движение, и пять раз проскочив на красный.

Оставив Меган на пассажирском сиденье, Холл вошел в крохотную лачугу, игравшую роль вестибюля, чтобы попросить номер с минимумом соседей и максимумом уединения. Портье – тучный мужчина среднего возраста с бородой, заплетенной в косички – не нашел в его требовании ничего диковинного. Как и в том, что Холл зарегистрировался под именем Джона Смита, расплатившись наличными. Все это навело Холла на мысль, что мотель регулярно имеет дело с проститутками, обслуживающими женатых мужчин, озабоченных своей анонимностью.

Выбор Холла оказался даже лучше, чем он надеялся.

Объехав Г-образную цепочку ветхих номеров, Холл занес Меган внутрь. Когда он поднял ее, веки женщины с трепетом приподнялись на несколько секунд, и она вроде бы едва заметно наклонила голову в знак признательности, но это могло ему и показаться.

Номер был тесным и темным, оснащенным только ванной, кроватью, приставным столиком и маленьким телевизором, выпущенным лет десять назад. И пропах плесенью.

Бережно опустив Меган на кровать, Холл схватил с приставного столика телефон – пережиток былой эпохи, когда мобильники были не у каждого; наверное, им не пользовались много лет. Набрав «911», он услышал ответ уже после второго гудка.

– Я в номере сто восемьдесят семь в «Керн-ривер мотор лодж», – поспешно выпалил он. – Моя жена пыталась вскрыть пакет и очень сильно поранила себе ногу ножницами. Потеряла много крови и не может ходить.

– Она в сознании?

– Да. Но пришлите «скорую» как можно скорей. Ей может понадобится кровь. Так что позаботьтесь, чтобы бригада прихватила нулевую положительную.

Еще говоря это, Холл заглянул в онлайн и тут же понял, что это не потребуется: нулевая положительная – самый распространенный вид крови. Он уже поднаторел в использовании Интернета, как будто это просто часть его сознания, и добыча информации в киберпространстве стала быстрой и необременительной, как извлечение из памяти хорошо известного факта.

– Высылаем «скорую» сейчас же, – заверила молодая женщина на том конце линии.

– Спасибо, – с искренним облегчением выдохнул Холл. – И пожалуйста, попросите «скорую» выключить сирену на подъезде. И наш ребенок, и ползунок крепко спят, и я не хочу в довершение ко всем остальным перепугать еще и их.

Пять минут спустя два человека уже стучались в его дверь. Карета «скорой помощи» была припаркована перед дверью, но без сирены не привлекала зевак. А поскольку время шло к ужину, постояльцев в мотеле все равно по большей части не было.

Холл пригласил обоих мужчин, державших по брезентовой медицинской сумке, внутрь, и они тут же развернули перед собой складную каталку из нержавеющей стали. Меган лежала навзничь на кровати. Холл подложил ей под ноги стопку из двух подушек.

– Пожалуйста, подштопайте ее прямо здесь, – попросил Холл. – Не надо забирать ее в больницу.

Заглянув в голову более низкого из двоих медиков, испанца, Холл выудил его имя: Гектор Гарсия.

– Боюсь, в подобном случае, – отозвался Гарсия, – нам придется ее забрать. Здесь мы можем ее стабилизировать, но нужно как можно скорее доставить ее в больницу.

Подойдя к лежавшей без сознания женщине, они осмотрели импровизированную повязку Холла, а он тем временем без труда проскользнул к обоим в мозги – и пришел к выводу, что Гарсия не в пример опытнее и старше своего напарника Тони Козаковски. Достав из сумки яркий светодиодный фонарик, Гарсия внимательно осмотрел рану Меган, склонившись, чтобы взглянуть на нее в упор. И тут же настороженно напрягся. «Вокруг входного отверстия пороховые ожоги». Диспетчер сказала, что это рана от ножниц, но теперь Гарсия не сомневался, что это огнестрел. Откуда следует, что им солгали.

Холл мысленно чертыхнулся, уловив эти мысли, но решил, что оно и к лучшему. Все равно для них с Меган ехать в больницу – непозволительная роскошь; там они будут неподвижными мишенями, даже если б Гарсия не догадался, что в Меган стреляли.

Выхватив пистолет Балдино из-за пояса брюк, Холл направил его на обоих медиков.

– Что это значит?! – побледнел Козаковски.

– Слушайте, я не хочу причинять вам никакого вреда, – ответил Холл. – Я просто не могу позволить, чтобы вы сообщили об огнестрельном ранении или забрали ее. Вам придется поработать с ней здесь.

– Об огнестрельном ранении? – тупо переспросил Козаковски.

Гарсию раздосадовало, что ему в пару дали такого молокососа, который прозевал бы признаки, даже если б увидел выстрел собственными глазами. «Ага, никакого вреда, хрена лысого», – подумал он.

Холл знал, что Козаковски тоже не купился на его обещание, и оба высматривают малейший шанс улизнуть или перехватить инициативу. И винить их тут не за что.

– Ей нужна капельница, – сказал Гарсия. – Она уже подготовлена в машине.

Поискав в сознании медика, Холл обнаружил, что принести стойку с капельницей и причиндалами в номер не составит ни малейшего труда.

– Гектор, – проговорил он, – мне нужно, чтобы ты занялся девушкой сейчас же. Тони, а ты принеси сюда оборудование для капельницы как можно быстрее и деликатнее.

Оба разинули рты, и на Холла обрушились панические мысли чудовищной интенсивности. Надо было сообразить, что использование их имен усилит их тревогу десятикратно, поскольку такое близкое знакомство выдает невероятный, почти наверняка психопатический умысел с его стороны. Неужели это ловушка, подстроенная для них? Неужели девушка была приманкой? Неужели он нацелился лично на них по каким-то психотическим соображениям? Что это за сраный чокнутый следопыт?

– Тони, я знаю, что ты хочешь позвать на помощь, как только переступишь порог номера, – отрубил Холл. – Даже не думай. Обещаю, что не причиню ни малейшего вреда ни одному из вас, но если ты попробуешь предпринять хоть что-нибудь – что бы то ни было, – у меня не будет иного выхода, как убить твоего друга. А затем я найду тебя по адресу... – Помедлив, он склонил голову к плечу. – ...восемьдесят два пятьдесят восемь по Биг-Орчард-роуд, и прикончу тебя тоже.

Если употребление имен встревожило их, то знание Холлом адреса Козаковски оглоушило их, как перезаряженный электрохлыст для скота.

– Послушайте, я могу читать мысли, – растолковал Холл. – Именно так я узнал твой адрес. Если ты позвонишь кому-нибудь из машины или попытаешься что-нибудь предпринять, я узнаю это в тот же миг. Давайте продемонстрирую, – он повернулся к Гарсии. – Задумай трехзначное число.

Гарсия замаялся.

– Живо! – потребовал Холл.

Медик сделал, как приказано, хотя и думал, что наверняка имеет дело с умалишенным.

– Шестьсот семьдесят три, – объявил Холл, и глаза фельдшера изумленно распахнулись. – Задумай другое.

Гарсия выполнил.

– Двести восемьдесят девять, – моментально сообщил Холл, и тут уж не требовалось умения читать мысли, чтобы по выражению лица Гарсии понять, что ошибки снова не было.

Холл быстро повторил ту же демонстрацию с Козаковски.

– Слушайте, я могу проделывать это весь день, но пора бы вам уже помочь этой бедной женщине.

«Прямо как дерьмо из “Сумеречной зоны”»[5], – подумал Козаковски. – Чё за фигня?»

– Это не «Сумеречная зона», – отрезал Холл. – Это реалити-шоу. А теперь поторопись. И помни: я мгновенно узнаю, когда ты хотя бы подумаешь что-нибудь предпринять.

Кивнув, Козаковски вышел из номера, бормоча что-то под нос. Холл прочел у него в уме, что тот ошеломлен до крайности и изо всех сил старается не допустить даже нелояльной мысли, не то что действия.

А Гектор Гарсия склонился, чтобы заняться делом под присмотром Холла.

– Этой женщине повезло, – сказал он, закончив осмотр. – Пуля прошла навывлет через внутреннюю часть бедра. Не задела ничего важного вроде кости или, что важнее, бедренной артерии. А вы хорошо перевязали рану. Я могу зашить ее полудюжиной швов и распылить пену для ускоренного свертывания. Как только я перевяжу ее и вколю лактат Рингера и антибиотики, оглянуться не успеете, как она будет словно огурчик.

– Лактат Рингера? – подозрительно переспросил Холл. – А кровь ей разве не нужна?

– Нет. У меня порядочный опыт по этой части. Судя по ее артериальному давлению, уровню оксигенации и прочим показателям, она потеряла много крови, процентов двадцать, – но не настолько, чтобы потребовалось переливание. Однако ей требуется восполнение циркуляционного объема для поддержания хорошего давления. – Фельдшер помолчал. – Поверьте, я обеспечил ей наилучший возможный уход.

Холл кивнул.

– Мне незачем вам верить. Я знаю, что вы говорите правду. И спасибо, – добавил он совершенно искренне. Потом чуть наклонил голову. – Если она потеряла не так много крови, чтобы потребовалось переливание, почему же тогда она впала в шок?

– Вообще-то, чем меньше вешишь, тем сильнее ощущаешь воздействие, – развел руками Гарсия. – И это не полный шок. Ее артериальное давление упало достаточно, чтобы она почувствовала слабость, а психика подхватила эстафету. Она вот-вот придет в сознание.

Козаковски вернулся со всем необходимым для внутривенного вливания. Холл контролировал его, пока тот отсутствовал, и хотя медик до сих пор гадал, в какую это параллельную вселенную провалился, и боялся за свою жизнь, никаких коварных планов он не вынашивал.

Они вдвоем уложили Меган на стальную каталку, и пока Козаковски вводил иглу в вену, Гарсия занялся делом, очищая и штопая ее рану. Вскоре на крюке тонкой стальной стойки висел мешок с прозрачной

жидкостью. Тянувшаяся от мешка трубка проходила через насос, а оттуда – к тыльной стороне кисти Меган.

Пять минут спустя Гарсия закончил, и Холл понял, что медик доволен своей работой и уверен, что Меган полностью поправится. Что Холла вполне устраивало.

– Сколько еще времени нужно, чтобы влить достаточно... как вы там его назвали?

– Лактат Рингера, – пояснил Гарсия. – Минут сорока хватит.

Пока фельдшеры работали, Холл пребывал в глубокой задумчивости, и измыслил план, решив, что оставаться в мотеле чересчур опасно. А заодно осознал, что сделал еще одну ошибку, так что по пути из номера вынул сотовый телефон Меган из сумочки и аккуратно бросил под куст, чтобы их не отследили с его помощью.

Затем он растолковал фельдшерам, чего хочет, и через несколько минут все уже были в карете «скорой помощи», направлявшейся к бейкерсфилдскому вокзалу «Амтрак»[6].

Вокзал представлял собой строение из кирпича и стекла площадью двадцать тысяч квадратных футов. В киберпространстве Холл узнал, что он открылся на рубеже нового столетия и служит главным транспортным узлом и для поездов, и для автобусов, приезжающих в город и покидающих его.

Холл велел им ехать кружным путем, чтобы прибыть к месту назначения как раз по окончании вливания. На полпути туда Меган открыла глаза – и с тех пор набиралась сил с каждой минутой.

Пока Козаковски вел, Гарсия заодно очистил и перебинтовал рану Холла, назвав ее довольно незначительной и тем подтвердив диагноз, уже сделанный самим Холлом.

Наконец капельницу с руки Меган сняли, выписав ее подчистую. Отдых и хорошее питание, сказали медики, вернут ее в норму в мгновение ока. Повязка на ее ноге бросалась в глаза куда сильнее, чем хотелось бы Холлу, так что перед уходом он решил прихватить легкое одноразовое флисовое одеяло, а также надел одну из зеленых нейлоновых ветровок, хранившихся в автомобиле, и застегнул молнию, чтобы скрыть повязку на своем плече.

Подъехав к вокзалу, они припарковались, и Холл с неохотой конфисковал все наличные, имевшиеся у медиков на руках, составившие сумму в сто восемьдесят девять долларов.

– Не могу выразить, как я благодарен за все, что вы для нас сделали, – сказал он обоим фельдшерам, собираясь выйти вместе с Меган. – И сожалею, что вынужден был вам угрожать. Я считаю парней вроде вас героями. Вы не заслуживаете такого обхождения. У меня просто не было выбора. А деньги я взял только в долг. Если доживу, то обязательно верну. В двойном размере.

Холл прочел, что оба начали верить в его искренность и возможность остаться в живых. На данном этапе возврат денег волновал их меньше всего.

– После ухода, – продолжал Холл, – я буду читать ваши мысли еще какое-то время. Чтобы убедиться, что вы не скажете копам, что мы здесь. Но завтра ваши мысли снова станут вашей собственностью. И обещаю больше никогда не вторгаться в вашу частную жизнь или тревожить вас каким-либо иным образом. Тогда можете пойти к властям и все рассказать им о нас.

Он тряхнул головой, понимая, что превратился в разносчика заразы, сеющего смерть вокруг себя, и поклялся в душе прекратить подвергать подобной опасности невинных людей, чего бы это ни стоило.

– Но все же не советую, – добавил он. – Не ради моей безопасности. И так уже каждый взрослый индивидуум мужского пола в округе – а может, и женского, кто его знает – пытается меня прикончить. Но единственное, из-за чего эта женщина пострадала и теперь подвергается такой же опасности, как и я, это то, что наши с ней пути пересеклись. Мои гонители твердо настроены убивать каждого, с кем я столкнусь. И я даже не могу гарантировать, что можно доверять полиции. Ради вашей же собственной безопасности, прошу, сделайте вид, что ничего этого не было. Прошу, – с мольбой в голосе докинул он, зная, что неподдельная искренность его тона тронула этих людей, но лишь время покажет, внимут ли они его предупреждениям.

Они смотрели на него несколько долгих секунд.

– Кто вы? – наконец, шепнул Гарсия.

– Хотелось бы мне знать это самому, – вздохнул Холл.

И, больше ни слова не говоря, они с Меган выбрались из кареты «скорой помощи» и медленно зашагали к вокзалу.

12

Меган шагала осторожно, и Холл настоял на том, что ее сумочку понесет он. Но даже так спрашивал, не нужно ли ей отдохнуть, каждые десять-двенадцать шагов.

«Я буду в порядке, – телепатически заверяла она. – Гектор накачал меня такой уймой обезболивающего, что и динозавру можно было бы зубы драть. Мы идем медленно, и я уже чувствую себя, как большой младенец».

«Вовсе нет. Ты перенесла тяжелую травму».

«В интерпретации Гектора мое дело обстояло совершенно иначе. У меня сложилось впечатление, что ему доводилось лечить в трудных районах людей, которые получили небольшое пулевое ранение вроде этого, а потом пошли играть в баскетбол».

Холл рассмеялся, входя в здание. «Но при этом они весили больше сотни фунтов», – ответил он.

«Я не уверена, что дело только в весе. Меня всегда малость подташнивало при виде крови. Особенно своей собственной. Я рада, что была в отключке, когда Гектор меня лечил. Постараюсь не быть такой тряпкой в будущем. У меня есть ощущение, что это понадобится».

Холл угрюмо кивнул, но не ответил. Он уже извинился столько раз, что и не сочтешь, за то, что втянул ее в это, и хотя ранение и превращение в мишень пугали ее, Меган – реалистка. Она уже увязла по уши, нравится это ей или нет, и растрата бдительности и эмоциональной энергии на сетования только снизит ее шансы выпутаться из этой передрыги. Она держится куда лучше, чем Холл имел право надеяться, – и он был искренне благодарен ей за это.

Они вошли в вокзал, представляющий собой комбинацию мятно-зеленых стальных балок, стекла и стен из красного кирпича, и Холл бережно усадил Меган в одно из мягких кресел, сцепленных между собой в ряды, и расстелил ярко-синее флисовое одеяло, взятое из кареты «скорой помощи», у нее на коленях. На вокзале царило лихорадочное оживление – вероятно, на время после работы по пятницам приходится самый пик железнодорожных и автобусных перевозок.

– Никуда не уходи, – сказал Холл, ныряя в редкую толпу.

Через пять минут он вернулся, пояснив:

– Смотрел расписание.

– И куда же мы направимся? – поинтересовалась Меган.

– Не знаю. Мы можем позволить себе два билета на поезд до Мерседа, Фресно или Ханфорда. Или два автобусных до Сан-Бернардино или Парижа[7]. Все уходит в течение ближайшего часа.

– А в города побольше рейсов нет? Мне казалось, что чем больше город, тем легче в нем затеряться.

– На это время есть поезд до Лос-Анджелеса и автобус до Сан-Франциско, но билеты нам не по карману, если мы хотим оставить достаточно наличных для отеля. В следующий раз напхни, чтобы я грабил людей побогаче, – добавил он с усмешкой. – Что приводит мне на память высказывание Маргарет Тэтчер: «Социализм – это замечательно, но рано или поздно чужие деньги у тебя кончаются».

– Значит, ты помнишь высказывания Маргарет Тетчер, но не можешь ни капельки вспомнить о том, кто ты сам?

– Боюсь, именно так все и обстоит, – ответил Холл.

– У меня есть «Виза» с кредитным лимитом в пять тысяч долларов, – Меган кивнула на свою сумочку, которую Холл положил на пустое место рядом с ней. – Так что деньги – не проблема.

Холл задумался.

– А разве они не смогут ее отследить? – Ему было вовсе незачем уточнять, кого он имеет в виду под «они».

– Не так легко, как это показывают в кино, – ответила Меган.

Холл сдвинул брови. Он уже узнал на собственном опыте, что стукнуть кого-то рукояткой пистолета и не убить тоже не так легко, как показывают в кино. Ух ты, саркастически подумал он, если уж и Голливуду верить нельзя...

– Чтобы получить доступ к информации о моей «Визе» в реальном времени, – продолжала Меган, – им нужны очень солидные полномочия. Или весьма впечатляющие ресурсы.

– Наверное, ты права. Но, по-моему, для перестраховки лучше предположить, что они на это способны.

Однако через несколько секунд на его губах заиграла лукавая улыбка.

– А может, это не так уж и плохо. Может, мы сумеем обернуть это себе на пользу.

– Как?

– Скажем, я куплю нам по два билета в восемь или девять разных мест. Даже если они и могут поднять записи «Визы» и увидят все восемь или девять, ну так что ж?

– Мы окажемся очень непоседливыми путниками, – Меган эта идея позабавила. – Хорошая мысль. Если и это не запутает наших преследователей, то их уже ничем не проймешь... – Женщина помолчала. – погоди, есть другая идея! – сказала она, от возбуждения заерзав, что оказалось ошибкой. Накатила тошнота, и Меган с побелевшим лицом ухватила за подлокотник для опоры и закрыла глаза.

– Тебе нехорошо?

– Да нет, порядок... – Она сделала глубокий вдох. – Голова закружилась. Пожалуй, я еще слабовата. –

Поглядела на его озабоченное лицо, на сей раз более осознанно. – Как я собиралась сказать, давай выберем пункт назначения. Ты пойдешь купишь билеты в другие восемь-девять мест, куда нам не надо, по моей кредитке. Потом, перед самым отъездом, я куплю билеты в наше реальное место назначения за наличные. Тогда, если они смогут получить доступ к моей истории транзакций, мы дадим им не девять фальшивых ниточек из десяти, а девять фальшивых ниточек из девяти.

– Ух ты! Ловко это ты... Очень умно.

Покопавшись в сумке, Меган достала бумажник, изготовленный из той же мягкой кожи, что и сумочка, и вручила ему «Визу».

– Так куда же ты хочешь направиться? – спросил Холл, еще раз перечислив возможные места назначения. – Что-нибудь из этого нравится?

– А в Калифорнии и вправду есть Париж?

– Наверное. Но он довольно близко отсюда. Удивлен, что ты о нем не слыхала.

– Я перебралась сюда из Лос-Анджелеса всего пару месяцев назад, – пояснила она. – Впрочем, должна признаться, мне всегда хотелось съездить в Париж. Хотя что-то мне подсказывает, что имеющийся в Калифорнии может оказаться капельку менее романтичным, чем французский.

– Значит, в Париж, – резюмировал Холл.

– С другой стороны, – нахмурилась Меган, – как я говорила, затеряться в большом городе будет легче. Так что, пожалуй, надо ехать в Лос-Анджелес.

– Денег не хватит, – напомнил он.

– Хватит, если не надо будет экономить на номер. У меня там есть друзья, и можно будет переночевать у них.

– Нет! – отрубил Холл, тут же пожалев, что взял такой тон. – Нет, – повторил он более мягко. – Нельзя никого в это вовлекать. Мне даже в голову не приходило, что они узнают, что я побывал у тебя в кабинете, – а они узнали. Нельзя рисковать жизнями твоих друзей.

– Ты прав. Я как-то не подумала.

– Ну, я ведь на два часа дольше в бегах, чем ты, – заметил Холл. «И успел набраться опыта, подставляя под удар невинных», – подумал он, уповая, что не настолько энергично, чтобы это долетело до Меган. Она ничем не выказала, что слышала, но это еще ничего не доказывает.

– Тогда давай в Париж, – решила Меган. – По барабану.

Холл пожал плечами. Место назначения ничуть не хуже других.

– Автобус отъезжает через тридцать восемь минут.

– Ты помнишь точный момент отъезда всех пяти рейсов? – недоверчиво спросила она.

– Да где там! Просто пользуюсь преимуществом личного веб-доступа в голове. Пока я читал расписание, подписался на бесплатное приложение-блокнот. С уймой места для хранения в «облаке». Решил, что будет полезно задумывать информацию в это приложение. Так что я вижу город и время каждого рейса своим, гм... мысленным взором, так сказать. Я добавил внизу каждой страницы, которую вызываю, маленькие цифровые часы, так что могу узнать точное время, как только пожелаю.

Это произвело на Меган впечатление.

– То есть, сказав «тридцать восемь минут», ты не имел в виду ни тридцать семь, ни тридцать девять, да?

– Да. А калькуляторов в Сети не счесть, так что я могу безошибочно проделывать куда более сложные расчеты.

Холл снова удалился, и на сей раз вернулся с билетами в девять разных мест, кроме Парижа. Они терпеливо дождались, когда до отхода останется пять минут, чтобы купить билеты за наличные, когда на вокзал одновременно прибыли и поезд, и автобус, набитые пассажирами, теперь начавшими высадку. Вдобавок к гомону все разрастающейся на терминале толпы ожидающих отправки галдеж в голове прямо сводил Холла с ума. Он заподозрил, что если окажется в плотном скоплении народа, вроде стадиона во время большого матча, его рассудок быстро разрушится.

Кресла по обе стороны от них начали заполняться. Сжав голову руками, Холл изо всех сил сдерживал вопль. Теперь шум доносился до него не только через рассудок, но и через уши.

Ребенок хотел конфету. Мужчина фантазировал о сексуальных актах, которые совершит со своей подружкой, когда оба доберутся до места назначения. Парочка спорила о том, у кого из них работа тяжелее. Мужчина прикидывал, насколько сильно ударит его по карману развод с женой, которую он теперь презирает. И так без конца. Женщина, собравшаяся погостить у матери три дня, психовала, пытаясь вспомнить, закрыла ли дверь гаража при отъезде, и решила позвонить соседке – просто на всякий случай.

Прочитав эту мысль, Холл чуть не взвился до потолка. Он протер свой разум, проникая в мысли каждого покидающего Бейкерсфилд. Гул по-прежнему был несносен, но теперь у него хотя бы появилась цель. Пять минут спустя Холл встал и повернулся к Меган Эмерсон.

– Планы меняются, – и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

13

Василий Чирков прибыл в Бейкерсфилдский муниципальный аэропорт на маленьком чартерном самолете незадолго до полуночи, и встречавший Коди Радич сопроводил его к прокатной машине. Пока русский был в пути, Радич, воспользовавшись помощью и ресурсами Джона Деламастера, добился существенного прогресса в повторном выходе на след Холла.

«НашВашОфис» заключила долгосрочный контракт с компанией обслуживания зданий Адамса, направлявшей бригаду из двух человек в ее бейкерсфилдское предприятие каждый вечер после рабочих часов, обязанную убрать в туалетах и конференц-залах, пропылесосить каждый из двухсот десяти кабинетов и опорожнить в каждом мусорный контейнер.

Всего за четыре часа до этого женщина по имени Ларисса Хоххальтер, составлявшая ровно половину бригады, следовала по территории «НашВашОфис» тем же маршрутом, которым ходила годами. Она думала, что за это время повидала всякого. Прерывала сексуальные игрища съемщиков кабинетов, натыкалась на менеджеров, впавших в беспамятство с перепоею, на кабинеты, разгромленные разбушевавшимися женами или любовниками. Но войдя в кабинет Меган Эмерсон, чтобы пропылесосить его без намерения совать нос не в свое дело, напоролась на то, что даже она не смогла проглотить залпом.

Кончив верещать, Ларисса позвонила в «911», что сообщить о двух трупах, уютно покоящихся на полу в окружении кровавых узоров и брызг, смахивающих на полоумное современное искусство.

Деламатер узнал об этом всего через несколько минут после того, как об этом известили бейкерсфилдскую полицию, и Василий снова подивился обширности и разнообразию источников, которые тот взлелеял. Хотя в данном случае Деламатер, вероятно, просто завербовал одного игрока с доступом к общенациональной полицейской компьютерной системе и настроил ее так, чтобы она сообщала ему о любых событиях, представляющих потенциальный интерес, в окрестностях Бейкерсфилда. В данном случае дело упростилось еще больше тем, что этот звонок был вполне ожидаемым.

Два человека, позвонившие из здания «НашВашОфис», чтобы выяснить личность Меган Эмерсон, так и не перезвонили, а неоднократные попытки связаться с ними не удались. Василий отследил их сотовые до здания «НашВашОфис» в Бейкерсфилде, где те за часы не сдвинулись ни на миллиметр. Либо оба оставили свои мобильники в офисе – а это настолько маловероятно, что даже не вообразишь, – либо недавно почил.

На сей раз тот факт, что Ник Холл одержал верх в поединке с двумя опытными убийцами, встревожил их не на шутку. Поначалу Василий пытался внушить себе, что у того просто в кармане шестилистный клевер. Но после этого в полной мере согласился с Деламатером, что они упускают нечто грандиозное.

Этот оборот событий застал обоих врасплох, и у них не нашлось команды, готовой извлечь трупы и зачистить территорию, что в любом случае было бы задачей не из простых при закрытом здании. И кто знает, сколько пулевых отверстий пришлось бы заделать и сколько крови отдраить...

Если б удалось вытащить трупы, это задержало бы следствие, хотя и не застопорить навсегда. И этот ход, равно как и другие, рассмотренные ими – вроде поджога всего здания, – нес в себе больше риска, чем выгод. Тем более что Василий настоял, чтобы у них с Деламатером имелась возможность в подобных ситуациях спалить телефоны всех, кто работает на них, дистанционно послав на них сигнал самоуничтожения, каковой они и воспользовались задолго до обнаружения трупов. Да и наемники эти были не такими дураками, чтобы носить при себе какие-либо документы, и отследить их связь с Василием Чирковым или Джоном Деламатером было никак нельзя.

Теперь надо лишь держаться хоть на шаг впереди расследования убийств. А учитывая, что они стартовали на много шагов впереди, это проблемы не составит.

Радич и Деламатер отследили телефон Меган Эмерсон до «Керн-ривер мотор лодж», а там, благодаря проведенному Радичем небольшому расследованию, узнали о приезде кареты «скорой помощи» и уехавших на ней мужчине и женщине. Пара полностью соответствовала описанию внешности Ника Холла и Меган Эмерсон. Девушка была ранена, хотя и непонятно, насколько серьезно. Очевидно, Холл разыгрывает из себя бойскаута, оставшись, чтобы ей помочь.

«Вот же идиотина, – с досадой подумал Василий. – Мягкотелый, сопливый идиот». Как они могли вляпаться в беду с таким рохлей?

Он отрядил на охоту за ним отборную команду, каждый член которой мог бы укокошить гризли голыми руками. И все же ни один из них не сумел оглоушить беспомощного кутенка Ника Холла. Это безумие.

Будь у того хоть какой-то инстинкт выживания, он бы послал девицу к чертям, как только ее заштопали. Но почему-то, хотя бы из-за того, что эта охота с самого начала пошла не по плану, Василий питал железную уверенность, что Холл будет держаться рядом ради ее безопасности.

Радич нашел телефон Меган в мотеле под кустом и уничтожил его, чтобы расследование убийств ни за что не привело полицию ни к «Керн-ривер мотор лодж», ни к «скорой», ставшей их единственной надежной ниточкой. Опережать законное расследование даже легче, когда можешь совать палки в колеса тем, кто идет следом.

Уже без малого в час ночи они тихонько вкатились на территорию комплекса апартаментов-люкс «Блю Ридж», состоящего из десятков длинных строений, разделенных на стоящие бок о бок двухэтажные апартаменты, каждый номер с собственным выходом на улицу. Радич сидел за рулем, а Василий – на пассажирском сиденье. Припарковавшись на стоянке для посетителей, Коди заглушил двигатель.

Дав себе мысленную установку на американский акцент, Чирков позвонил по номеру, который ввел в телефон заранее. В час ночи трудновато заставить кого-нибудь открыть дверь, а они хотели привлекать к себе как можно меньше внимания.

Трубку стационарного телефона сняли после третьего гудка, и на том конце пробормотали какое-то слово, распознать в котором «алло» можно было, только пустив в ход воображение.

– Гектор Гарсия? – спросил Василий.

– Ага, – пробормотал Гарсия в ответ, чуть более внятно, чем первый слог.

– Извините, что беспокою вас среди ночи подобным образом, – сказал Василий, – но мы с напарником из ФБР и должны поговорить с вами по срочному делу.

– Какому еще делу? – Сонливость с Гарсии как рукой сняло, как только адреналин хлынул в кровеносную систему.

– Мы прямо у вашей двери, мистер Гарсия. Если вы нас впустите, мы с радостью ответим на ваши вопросы.

– Кто вы? – спросил Гарсия, выдав этим вопросом уровень подозрительности, неожиданный даже для этого часа. Василий уже сказал ему, что они из ФБР, но, очевидно, голословные утверждения у него не катят. Ай, молодец!

– Меня зовут Джим Андерсон, – пустил Василий в ход имя, указанное на его безупречно сфабрикованном удостоверении ФБР, и добавил: – А моего напарника зовут Трой Шоу.

– Я вам не открою, пока не увижу ваши удостоверения и значки, – заявил Гарсия.

– Если у вас есть глазок, я поднесу.

– Нет. Сделайте их фото и пошлите на мой телевизор. Я скажу вам адрес.

– Что за нелепица! – осерчал Василий. – Чем вам глазок не угодил?

– Если на самом деле вы не из ФБР, вы можете застрелить меня через дверь.

Обернувшись к Радичу, Василий закатил глаза.

– Если б мы на самом деле не были из ФБР и хотели убить вас, вы бы уже были мертвы. Думаете, убийца стал бы вам звонить, чтобы прежде разбудить вас?

Последовала долгая пауза.

– Пожалуй, и то правда... Ладно. Поднесите свое удостоверение к моему глазку. Спустишь через минуту-другую.

Пять минут спустя они вошли в апартаменты Гарсии. Но прежде чем повести беседу, Василий спросил, могут ли они подключить коллегу, и вскоре на экране телевизора Гарсии появилось лицо Деламастера, а сам Гарсия с каждой секундой становился все более взвинченным и нетерпеливым.

– Ладно, позвольте поведать вам, почему мы здесь, – начал Василий, как только Деламастер к ним присоединился. – Часов шесть или семь назад вас с вашим напарником Тони Козаковски вызвали в «Керн-ривер мотор лодж». Мы хотели бы знать всё о женщине, которую вы там заштопали, и о мужчине, который с ней был.

– Зачем?

– Менее чем за час до вашего прибытия в мотель произошло двойное убийство. И оба они к нему причастны. – Василий вздохнул. – Я понимаю, насколько необычен наш визит в глухую полночь, как сейчас. Но с каждой минутой, пока мы не выйдем на их след, он становится холоднее.

– Да чего там рассказывать, – развел руками Гарсия. – У девушки был несчастный случай с ножницами – воткнула их себе в ногу. Вообще-то рана довольно незначительная. Правду говоря, им незачем было нас вызывать. Мы пробыли там минут пять, пока не уверились, что она поправится, и уехали. В общей сложности

перекинулись фразой-другой, и все на медицинские темы.

Василий обмозговал этот ответ. Версия с ножницами как-то маловероятна. Скорее уж огнестрел. Но ничуть не исключено, что во время схватки в ее кабинете один из его людей сумел ткнуть ее ножницами, прежде чем истечь кровью.

– И куда вы их доставили? – осведомился Радич.

– Да никуда. Когда мы ушли, девушка была в полном порядке. – Он помолчал. – Если посмотрите журнал регистрации, увидите, что в больницу мы их не привозили.

– Зачем вы нам лжете? – зловещим тоном произнес Василий.

– Не пойму, о чем это вы.

– У нас есть свидетель, который видел, как они садились сзади в машину «скорой помощи».

Гарсию это смутило, но он быстро оправился.

– Действительно, садились, – подтвердил он, – но лишь на пару минут, пока мы занимались девушкой. Однако потом вернулись в свой номер.

Василий бросил взгляд на экран телевизора – не захочет ли Делаmater вмешаться, но было очевидно, что тот хочет пока дать вести дело Василию.

– Мистер Гарсия, нам незачем полагаться на свидетелей. Я могу воспроизвести вам спутниковую запись того, что происходило перед мотелем, если хотите. Показывающую, как они уезжают в вашей машине.

Последнее заявление было чистейшим блефом, но Василий был уверен, что его не попросят вскрыться. Он никак не мог понять, почему Гарсия артачится. Теперь-то он определенно верит, что они из ФБР. Они могли бы запросто выбить сведения из него, но учитывая, за кого они себя выдают, ему полагалось выложить все охотно и без утайки. А текущее число жертв уже наверняка привлекает достаточно нежелательного внимания.

Василий угрожающе подался к медику.

– Откровенно говоря, мистер Гарсия, я никак в толк не возьму, почему вы вводите нас в заблуждение. Эти люди – опасные преступники. На свободе. Вам известно, что такое препятствование отправлению правосудия?.. – Русский исполин выждал несколько секунд, чтобы до собеседника дошло. – Когда вы в следующий раз откроете рот и из него прозвучит неправда, вы познакомитесь с этим термином поближе. А заодно с тюремными порядками.

Гарсия тяжело вздохнул.

– Ладно, ладно. Я скажу вам правду. Правда в том, что рана у девушки была огнестрельная, а не колотая. Когда мы прибыли, мужик держал нас на мушке, заставив заняться ее раной.

– Вот теперь мы сдвинулись с мертвой точки, – сухо прокомментировал Делаmater с экрана телевизора. – А почему вы не хотели нам этого говорить?

– Этот тип сказал, что за ним все охотятся. Пытаются убить. И предупредил, что если мы сообщим властям, то, скорее всего, сами погибнем. Сказал, что его преследователи убьют всякого, с кем ему доведется столкнуться.

– И вы ему поверили? – нарочито удивился Василий.

– Я не знал, что происходит. Но он был весьма убедителен. Он то и дело угрожал нам, но в нем было что-то этакое... – Гарсия развел руками, словно не находя слов. – Типа, я не знаю... типа он приличный мужик, только его довели до ручки. Как будто он из таких, кто по собственной воле и мухи не обидит.

– Поймите, – встрял Делаmater, – этот субъект страдает параноидальной шизофренией. Считает, что весь мир пытается его убить. Неужели вам даже в голову не пришло, что это паранойя?

– Этим дело не ограничивалось. – Гарсия поколебался. – Он обладал определенными... необычными... качествами. Прямо невероятными качествами. Что сделало его слова более правдоподобными.

– Типа чего? – спросил Василий.

Делаmater тут же встрял, пресекая возможность какого-либо ответа.

– Не утруждайтесь этим сейчас, мистер Гарсия, – распорядился он. – Мы можем вернуться к этому позже. А прямо сейчас нам надо знать, куда вы их отвезли.

– Высадил обоих у главной станции «Амтрак» на Тракстан-авеню. Куда они двинулись дальше, понятия не имею.

Делаmater задал еще несколько дополнительных вопросов. Во что они были одеты, не сказали ли чего-нибудь о месте назначения и тому подобное. Получив ответы, он сказал:

– Мистер Гарсия, у меня есть ряд вопросов более деликатного свойства. Я хочу попросить своих коллег вернуться в машину на пару минут. Когда я закончу, они могут вернуться, чтобы закончить расспросы.

Кровь у Василия начала медленно закипать. Этот ублюдок оборвал фельдшера, прежде чем тот успел описать необычность Холла, потому что хотел придержать эту информацию сугубо для себя.

«Буй моржовый».

Будь это кто другой, а не Делаmater, Василий велел бы ему засунуть свою секретность в свою тощую жопу. Ник Холл выставил людей Василия криворукими лохами. А теперь, когда Чирков наконец-то мог разобраться, как такое возможно, Делаmater затеял свои игры.

Василий уставил на босса испепеляющий взгляд, способный расплавить свинец, но лицо Деламатера отразило полнейшую безмятежность.

– Спасибо, джентльмены, – обратилось его изображение к двоим наемникам. – Я дам вам знать, когда мы закончим.

14

Делаmater уже ни на йоту не сомневался, что Холл обладает интернет-способностями, но теперь ему предоставился шанс узнать истинный размах этих способностей. Очевидно, Ник Холл, ничтоже сумняшеся, продемонстрировал их обоим работникам «скорой».

– Мистер Гарсия, – начал он, – давайте вернемся к необычным качествам, о которых вы говорили.

– А... ага. Об этом. Я э-э... я толком не знаю, что имел в виду. Просто он выглядел хорошим парнем. Умным. Губы Деламатера изогнула хищная ухмылка.

– Опять вы лжете, мистер Гарсия. Я-то думал, вы уже излечились от этого. И это последний раз, когда я закрою на это глаза. Если я замечу хоть намек, что вы не были на тысячу процентов откровенны, обещаю: обвинение в препятствовании отправлению правосудия будет выдвинуто.

Гарсия ощерился, как крыса в ловушке.

– Слушайте, вы решите, что я сошел с ума.

– Ничуть, – ободряюще покачал головой Делаmater. – Потому что я уже знаю, что вы собираетесь мне поведать. И воспринимаю это очень серьезно.

– Вам известно о его экстрасенсорных способностях?! – Гарсия был откровенно шокирован.

Делаmater непроизвольно вытаращил глаза, но все же – едва-едва, но успел – напустил на себя невозмутимый вид, который поддерживал на протяжении всего допроса.

«Что?! – в замешательстве подумал он. – Холл развил экстрасенсорные способности?»

Мысли Деламатера понеслись так стремительно, что голова закружилась, вынудив его опереться о стол за пределами поля зрения камеры, передававшей его изображение. Он заслуженно прославился умением сохранять каменное лицо и невозмутимость, как робот, но таким испытаниям эти качества не подвергались еще ни разу.

– Верно, – наконец сумел выдать из себя Делаmater. – Его экстрасенсорные способности. Нам все о них известно.

– А это что за дела? – с благоговением поинтересовался Гарсия. – В смысле, он что, какой-то мутант? А другие такие есть?

– Боюсь, эти сведения засекречены, – без запинки учтиво отрезал Делаmater, успевший полностью восстановить равновесие. – Но мне нужно, чтобы вы рассказали мне об этом всё. Как он открыл вам это. Все до мельчайших деталей, которые вы помните. Это может быть важно.

Несколько следующих минут Гарсия излагал события, имевшие отношение к пси-способностям Холла.

Читать мысли совершенно невозможно, знал Делаmater, но притом не сомневался, что именно это и происходит, как ни крути. И объясняет многое из случившегося. Как Холл узнал, что Радич в минимаркете собирается его убить. Как ему удастся остаться в бегах. У него есть две впечатляющих способности: управляемый мыслью веб-доступ и умение читать мысли.

Делаmaterу придется долго и крепко обмозговать последствия этого нового оборота событий. Надо ли и дальше идти тем же курсом или пойти на попятный? Может, теперь удастся подыскать более оптимальную стратегию? «Когда видишь хороший ход, – подумал он, – ищи еще лучший».

И решил сказать партнеру, что имплантаты Холла работают для поиска в Сети, но аспект экстрасенсорного восприятия придержать исключительно для себя, пока не решит, как лучше воспользоваться этой новой реальностью.

– Больше никакими впечатлениями от этой встречи не хотите поделиться? – осведомился Делаmater. – Если есть хоть малейший шанс, что впечатление или ощущение могут быть полезны, непременно поделитесь ими со мной.

– Ну, – Гарсия почесал голову, – может, еще одно... Уже перед самым уходом я спросил его, кто он.

– И что он сказал?

– Сказал: «Хотелось бы мне знать это самому». – Гарсия помедлил. – Может, он имел это в виду на глубоком, философском уровне... Знаете, типа, разве каждый из нас знает, кто мы такие на самом деле? Но у меня сложилось впечатление, что он и в самом деле не знает. Как будто потерял память.

Деламатер кивнул. Это было совсем не удивительно, но все равно хорошо, что подтвердилось.

– Это интересно, – проговорил он. Его пальцы забарабанили по сенсорному экрану мобильного телефона. – Посылаю сообщение Андерсону и Шоу, что пора присоединиться к нам, – пояснил он.

И поглядел на набранное сообщение: «Стучитесь. Когда Гарсия откроет, убейте. Потом навестите его почивающего партнера Тони и позаботьтесь, чтобы тот не проснулся».

Деламатер нажал «Отправить», и текстовое сообщение упорхнуло в киберпространство.

– Через пару минут мы от вас отвяжемся. Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, – ответил Гарсия. – Надеюсь, вы понимаете мою паранойю. И почему я поначалу не был с вами откровенен.

– Несомненно. Береженого Бог бережет, – отозвался Деламатер с дружелюбной улыбкой. – Вокруг уйма опасных людей.

15

Меган Эмерсон медленно всплывала из глубин сна, и ее полуобморочный рассудок смутно осознал пульсирующую боль внутри бедра. Она бросила взгляд на будильник сквозь полуприкрытые веки. Девять часов! Почему будильник не звонил?

Окончательно придя в сознание, Меган вдруг с испугом поняла, что до той поры ни разу не видела этого будильника, и воспоминания о событиях вчерашней ночи нахлынули на нее потоком.

Она проспала тринадцать часов.

Женщина села в кровати, испытав облегчение от того, что не накатило головокружение. Силы вернулись к ней. Если б не пульсирующая боль в бедре – обезболивающие средства, которые впрыснул ей Гектор Гарсия, давным-давно вывелись из организма, – она чувствовала бы себя лучше прежнего.

Смена планов Ника Холла оказалась как раз тем, что доктор прописал. Автобусная поездка в Париж, потом поиск жилья – отнюдь не то, в чем нуждался ее организм. Меган улыбнулась, припомнив, что случилось вчера вечером. Если спасаешься бегством, то лучше уж делать это в компании телепата.

Уловив тревожные мысли женщины, оставившей дом на несколько дней без присмотра и гадавшей, заперла ли она дверь гаража, Холл сообразил, что несметное множество пассажиров отправляются в продолжительные поездки и сегодня вечером по домам не вернуться. А многие не вернуться несколько дней.

Неудивительно, что на главном железнодорожном и автобусном вокзале города он нашел десятки человек, подходивших под это описание, и совершил набеги в их память за разведанными. Полностью ли брошены их дома в их отсутствие? Или оборонять форт остались живой супруг с детишками? Во времена наемных выгульщиков собак дома могут остаться и собаки, которым явление незваных гостей вряд ли придется по душе. Холл проверил и это обстоятельство.

Обнаруживая путника, покидающего пустой дом, он начинал зондировать глубже. Не спрятан ли ключ где-то у дома? Есть ли там сигнализация, и если есть, какой у нее код деактивации?

Холл нашел искомое довольно быстро. Сгодились бы и развалюха, но так уж сложилось, что первое же брошенное жилище, ключи от которого припрятали его владельцы Карл и Терри Глендон, оказалось в фешенебельном районе всего в пятнадцати минутах езды на такси.

Обстановка почти идеальная. Каждый из домов расположился на изрядном земельном участке, и из всех соседей только двоим открывался прямой вид на переднее крыльцо и гараж Глендонов. И все же Холл попросил остановить такси в нескольких кварталах и подождать, пока пси-разведка не донесла ему, что все чисто: все, кому виден дом, слишком заняты и не будут глазеть в окна, гадая, почему такси высаживает рядом с резиденцией Глендонов диковинную парочку. Оставался, конечно, небольшой шанс, что один из соседей окажется исключением, как Меган Эмерсон, закрытым от радаров Холла, но они решили, что на этот риск придется пойти.

Как только они покинули автомобиль, осталось лишь забрать ключ, спрятанный в стальной коробочке в полом декоративном камне неподалеку от входной двери, а оказавшись в доме, сразу отключить сигнализацию.

Дом оказался весьма впечатляющим – с раздельными крыльями, гаражом на четыре автомобиля, рабочими кухонными столами из голубого гранита, красивым бассейном и спа, высоченными потолками и крытым патио со сверкающим грилем для барбекю из нержавеющей стали.

Совершив набег на хорошо и разнообразно обеспеченную кухню Глендонов, Холл позаботился, чтобы Меган основательно заправилась питательной и легкоусваиваемой пищей, а затем, хотя не пробило еще и восьми, оба разошлись по разным комнатам ради сна, в котором оба отчаянно нуждались. Хотя продолжительная беседа была бы очень кстати, Холл настоял на ее переносе на утро, когда сознание у обоих проявится, а Меган после полноценного ночного сна наберется сил хоть отчасти.

Она восхитилась, как Холл управляется с ситуацией. И его стратегия превосходна. Когда преследователи проследят их до вокзала и узнают, что они поехали в девять разных мест, им нипочем не догадаться, что они с Холлом вместо того остались в Бейкерсфилде. А даже если и догадаются, очаровательный дом Глендонов будет последним местом во всем городе, где их будут искать.

Меган была одета в шорты и футболку, позаимствованные у хозяйки дома, болтавшиеся на ней, как на вешалке, и белый махровый халат, в который могла завернуться дважды. Она протерла слипающиеся со сна глаза, решив, что это самая комфортная кровать из всех, в каких ей доводилось спать. Заметив на прикроватной тумбочке сложенный блокнотный листок, развернула его с жутким трепетом. Неужели Ник Холл все-таки решил ее бросить? Неужели это прощальное письмо? Затаив дыхание, она опустила взор и приступила к чтению:

Меган, с добрым утром!

Пишу это тебе в два часа ночи, проснувшись после того, как проспал шесть часов, как труп (пожалуй, не самое удачное сравнение). Не помню, когда я в последний раз улегся спать в восемь вечера. Опять же, и собственного имени я не помню, так что, пожалуй, ничего удивительного. В общем, вернусь к девяти-десяти утра.

Не знаю, какие силы нам противостоят, но мы не можем рисковать пользоваться твоей «Визой» снова, а наличных нам надолго не хватит. И нам обоим нужна одежда и несколько пузырьков «Алива»[8] – пузырек, взятый в аптечке Глендонов, я оставил в выдвижном ящике прикроватной тумбочки. Угощайся, но непременно сперва съешь плотный завтрак.

В общем, я тут малость поразмыслил и планирую съездить на «Мерседесе» Карла Глендона в казино «Голден Уэст» на Саут-Юнион-авеню. На их веб-странице сказано, что у них всю ночь напролет идет игра в техасский холдем[9] без ограничений. Ни разу в него не играл, но уверен, что мне повезет. Я не моралист, но склонен думать, что способность читать карты и стратегии каждого сидящего за столом – это нечестно; однако, опять же, чувствую, что иного выхода у меня нет. Я на своей шкуре узнал, что придерживаться строгого этического кодекса намного трудней, когда сражаешься за собственную жизнь. А теперь, к несчастью, дело касается не только меня. Извини еще раз...

Надеюсь, ты чувствуешь себя получше. Не забывай, нельзя включать или выключать свет, который будет виден соседям, или подходить к незашторенным окнам. До скорой встречи.

Ник

Меган с улыбкой снова сложила листок. Открыв ящик тумбочки, нашла там пузырек «Алива», оставленный для нее Холлом, и зашлепала босыми ногами на кухню, чтобы приготовить завтрак. Она еще только поправлялась, и особого голода не испытывала. Разогрев в микроволновке свежемороженый рогалик, намазала его сливочным сыром и выпила два стакана апельсинового сока.

Она как раз доедала, когда в кухню вошел Холл. Сняв зеленую ветровку, которую взял из «скорой» и, наверное, не снимал всю ночь, он продемонстрировал свежую рубашку без единой морщинки, сидевшую на нем как влитая. Брюки на нем тоже были новые. Перед уходом он принял душ и побрился, и теперь наконец выглядел как человек.

– Ты навел лоск на славу, – вместо приветствия сказала Меган.

– Ага, ну, надо поспевать за модой. А мой помойный стиль, когда мы познакомились, был таким... ну, не знаю... вчерашним, – закончил он с ухмылкой.

И протянул большой магазинный пакет «Нордстрем»[10], набитый женской одеждой, пояснив:

– Прикупил тут тебе пару вещичек по пути домой. Я бы вернулся раньше, но пришлось ждать открытия магазина. Как ты себя чувствуешь?

– Намного, намного лучше.

Холл подвинул пакет к ней, и Меган заглянула внутрь. Он купил три разных комплекта одежды двух разных размеров, оба миниатюрные.

– Недурно, – одобрила она. – Не совсем то, что я купила бы сама, но сгодится. И один из них наверняка придется мне впору. Ты часто покупаешь женскую одежду? – Меган приподняла брови.

– Боже, надеюсь, что нет, – криво усмехнулся он.

– Как твои успехи за покерным столом?

– Как и следовало ожидать. Обчистил два стола, за которыми яблоку было негде упасть. Когда я знал, что у меня лучшие карты, то делал большие ставки. Когда у всех было барахло, как у меня, я знал, что блеф сойдет мне с рук, и в конце концов все пасовали. А когда я знал, что в минусе, быстро выходил из игры.

– И никто ничего не заподозрил?

– Что?! – напустил он на себя вид уязвленной добродетели. – Заподозрить парня, одетого, как бомж, выглядящего сущим лохом в покере, и постоянно всех обчищающего? – Он выдержал паузу. – Вообще-то хорошая новость в том, что надо открывать карты, только если кто-то в конце уравнивает ставку. Так что игрокам редко выпадал шанс прозреть мое сверхъестественное чутье того, когда можно блефовать. Насколько они все могли судить, мне просто всю ночь везло, и карта в самом деле ко мне шла.

– И сколько же ты, гм... выиграл? – произнесла наконец Меган, хотя первым делом на ум пришло слово «награбил», уповая, что подумала это недостаточно интенсивно, чтобы он прочел. Холл и без того чувствует себя виноватым, и незачем сыпать ему соль на открытую рану.

Он вытащил из переднего кармана стопку сотенных купюр толщиной в дюйм-другой.

– Двадцать две тысячи. С мелочью.

– Ого! – присвистнула Меган. – Я-то думала, такая уйма наличных занимает больше места...

Холл склонил голову к плечу.

– Ну, – сообщил он после секундной паузы, – толщина стодолларовой банкноты ноль целых сорок три десятитысячных дюйма. Так что двести двадцать штук составят чуть меньше дюйма. Конечно, эти не прямо с монетного двора, так что между ними еще и воздушная прослойка.

– Показушничаете, доктор Киберпространство? – с озорными искорками в глазах поинтересовалась она.

– Как? Разве толщина стодолларовой банкноты не известна каждому школьнику? Прямо не верится.

Меган рассмеялась. Это было бы забавно, если б не страх перед жуткими киллерами, пытающимися оборвать их жизни. И хотя ее ранили, сейчас она чувствовала себя в безопасности. Куда безопаснее, чем в бизнесе, совершенно вопреки реальности.

Но Ник Холл со своими способностями и несомненной находчивостью внушал ей уверенность, что ничего плохого с ней не случится. Меган понимала, что питать подобный оптимизм опасно, но не могла от него отделаться. Восторг приключений казался вполне реальным. А тот факт, что к завтрашнему утру она может быть мертва – сюрреальным. И потом, твердила она себе, то ли пытаюсь взглянуть на дело со светлой стороны, то ли все глубже утопая в зыбучих песках нежелания признать факты, Творец уже вынес смертный приговор каждому пришедшему на свет. Вот только в большинстве случаев эти приговоры чуточку менее... имманентны.

– Что же до удовольствия играть в покер, когда знаешь карты на руках у каждого, – снова посерьезнел Холл, – то это было невероятно забавно, не могу отрицать, хоть и знаю, как это нехорошо. Но без этого было нельзя. У нас и так забот полон рот, чтобы еще и о финансах постоянно тревожиться. И мне не терпится вернуть нашим друзьям-медикам их деньги со стопроцентным наваром при первом же случае.

Губы Меган тронула легкая улыбка.

– Ты завтракал?

– Да. Как тебе идея прихватить напитки и устроиться поудобнее? – Холл махнул рукой в сторону гостиной. – Надо начать разбираться с тем, что происходит. Не говоря уж о том, что мы намерены по этому поводу предпринять.

Меган достала из холодильника Глендонов пластиковую бутылку с водой, а Холл сграбастал банку диетического «Маунтин Дью» из упаковки на дюжину, которую с ликованием обнаружил вчера вечером. Едва узрев этот напиток, он постиг о себе еще кое-что: он не любитель кофе или чая. Нет, понял Ник, тот, кем он был в прошлом, так же подсел на «Маунтин Дью», как многие подсаживаются на «Старбакс».

Они устроились в просторной сводчатой гостиной Глендонов на комфортабельных бежевых кушетках, радуясь, что двухэтажное окно обращено к заднему двору Глендонов с бассейном, обнесенным высоким забором, и опасность быть увиденными им не грозит. Поставили свои напитки на журнальном столике из вирджинского можжевельника, не забыв подложить под них картонные кружки?, как полагается добрым гостям, хоть и понимали, что слово «гости» тут не вполне уместно.

– Я бы с радостью поразвлек тебя рассказами о себе, – начал Холл, – но боюсь, вынужден до поры до времени

остаться закрытой книгой для нас обоих. – Он поерзал на кушетке, отхлебнув из зелено-красной банки «Маунтин Дью». – Но расскажи мне о себе.

Изливать душу подобным односторонним образом было несколько неловко, но Меган понимала, что тут уж ничем не поможешь, и изложила ему сокращенную автобиографию. Родилась в Пенсильвании. Две старших сестры. Отец – стоматолог, мать – работница регистратуры. Рассказала ему об их мучительном разводе, когда ей было пятнадцать, и как каждый из родителей использовал ее против другого в качестве живой пешки. О поступлении в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, чтобы оказаться как можно дальше от родителей, ни одного из которых так до конца и не простила. О своей мечте сколотить крупную компанию графического дизайнера и о своих сомнениях, что это ей по плечу.

И если б вовремя не прикусила язык, выложила бы о своих опасениях насчет замужества. О сомнениях, что вообще хочет идти этим путем, а если и захочет, то захочет ли заводить хоть одного ребенка. В конце концов, она хотела дать ему представление о себе, а не выворачивать душу наизнанку, как перед мозгоправом или барменом.

Холл чутко ловил каждое слово. Меган понимала, почему ему так хочется узнать о ней побольше. Они плечом к плечу сражаются за собственные жизни. А собственного прошлого у него нет.

Но при том ей не хотелось оставаться в фокусе внимания в одиночку.

– Боюсь, на этом всё. Во всяком случае, пока. К тому же суть характера словами не передашь. Это постигается на опыте. Чувство юмора человека, его ценности, его манеры и всякое такое. Мой любимый сорт мороженого в данный момент особой роли не играет.

Холл склонил голову к плечу, подумав: «Шоколадное арахисовое масло».

– Эй! Я прочла это, – прищурилась Меган и встревоженно поинтересовалась: – Так ты теперь можешь читать и мои мысли?

Ник поморщился, явно смутившись оттого, что она перехватила его невысказанные слова.

– Нет, по-прежнему не могу. Но ты меня поймала. Должно быть, думал слишком громко. Надеюсь, ты не в обиде, но я тщательно изучил твою страницу в «Фейсбуке», пока играл в покер. Помимо прочих серфинговых вылазок. Ну, знаешь, когда пасуешь, чтобы убить время.

– Понимаю, – уклончиво отозвала она.

– Я и сам не фанат «Фейсбука» и вижу, что ты тоже постилась не так уж часто. Но должен признаться, прочел большинство из твоих двухсот сорока четырех «люблю». Шоколадное арахисовое масло – одно из них. Мне также известны твои любимые книги, группы, фильмы, спортивные команды, занятия и интересы. От всей души прошу прощения за это.

Меган смотрела на него долгий момент, прежде чем сказать:

– Не за что извиняться. Наверное, я постила все это не просто так. И теперь мне не надо терять время на рассказ о том, что я люблю, – добавила она с улыбкой. Улыбка тут же угасла, и Меган заглянула ему глубоко в глаза. – Так ты по-прежнему не можешь меня считать?

– Верно.

– Есть идеи почему?

Меган не хотелось в этом признаваться, но когда Холл в ее кабинете гадал, не вызвана ли его неспособность читать ее мысли слишком слабым ее умом, это задело ее за живое, хотя она считала такую возможность совершенно исключенной. Очевидно, нет. В старших классах ей пришлось попотеть, особенно в таких предметах, как математика и естествознание. Она была убеждена, что ее рассудок действительно работает не так, как у других. В школе Меган долго питала уверенность в том, что она идиотка, и ее самооценка упала ниже плинтуса.

Но мало-помалу до нее дошло, что она вовсе не идиотка. Во всяком случае, не круглая. В математике и естествознании – да. Но в сфере творческого мышления она начинала чувствовать себя единственной зрячей в царстве слепых. Потому что насколько была не способна раскумекать алгебру и геометрию, настолько же сообразительной становилась, когда доходило до чистого творчества.

И не только в графическом дизайне. Во всем. В идеях устройства пикника для компании. В организации вечеринок. В формулировке приглашений. В стихосложении. И начала считать себя генератором идей, способным взять четыре-пять заурядных офисных предметов и превратить их в полтора десятка разных изумительных украшений.

А еще она могла распутывать сложнейшие функциональные загадки. Почти всегда могла предвидеть повороты сюжета, даже когда те, кто преуспевали в школе, не видели их в упор. Так что, может статься, у нее

иной тип интеллекта. Ей казалось, что ее самооценка взмыла до заоблачных высот, но оброненная походя реплика Холла продемонстрировала ей, что давние страхи, с которыми она боролась в школе, никуда не ушли, как и глубоко укоренившиеся сомнения.

– Вчера вечером я не только разглядывал тебя в «Фейсбуке», – сообщил Холл. – Провел заодно некоторые исследования по поводу экстрасенсорных способностей. Но ничего из того, что я узнал, даже не намекает на причину, по которой экстрасенс не мог бы проникнуть в мысли некоторых людей. С другой стороны, я в первую голову не нашел и учебника, разбирающего принцип действия экстрасенсорного восприятия. Потому что никто не знает. В конце концов, еще никто им не обладал. Во всяком случае, по-настоящему. Если б кто им обладал, парапсихологам не понадобилось бы проводить статистические испытания, чтобы его продемонстрировать. Они могли бы продемонстрировать его моментально, без вопросов, как я сделал перед тобой и медиками. Меньше чем за минуту.

– Как ты думаешь, есть другие, кого ты не можешь читать?

– Очень удивлюсь, если нет. Ты уникальна, но я не могу поверить, что настолько. Вопрос лишь в том, сколько есть людей, подобных тебе? Один на сотню? Или на тысячу?

– Ты до сих пор не встретил больше никого непроницаемого для тебя, верно?

– Верно. Насколько мне известно. Хотя я и не прилагал особых усилий, чтобы найти таких. Но нам, вероятно, нипочем не разобраться, чем ты отличаешься. Почему у некоторых людей аллергия на арахис, хотя у большинства ее нет? Примеров существенных отличий, проявляющихся в популяции на очень малом уровне, не счесть.

– И я уверена, что ты можешь перечислить мне все их до единого, не так ли, доктор Киберпространство? – с кривой усмешкой проговорила Меган.

Она сделала долгий глоток из пластиковой бутылки с водой, наслаждаясь струением холодной, освежающей жидкости в горле. Страх за собственную жизнь изменил ее взгляд на мир, освободив от мелких повседневных тревог и позволив в большей мере наслаждаться простыми радостями.

– А как же ты догадался вернуться за мной? Ты все время слышал в голове сотни голосов на мили вокруг себя, так ведь? Так как же ты узнал, когда эти люди нашли твою машину на нашей стоянке?

– Отличный вопрос. Когда эти люди увидели машину и уже облизывались в предвкушении, что вот-вот схватят меня, их мысли посреди моря шума вспыхнули, как неоновая вывеска. И такое уже не в первый раз. У меня и прежде бывали мысли, выделявшиеся подобным образом. И всякий раз именно те, зная которые для меня было жизненно важно. Если б не это, я давно был бы покойником.

– Ух ты, Ник! Как будто тебя опекают высшие силы...

– Хоть мне и не помешает любая доступная помощь, – покачал головой Холл, – не думаю, что объяснение заключается именно в этом. Я почти уверен, что знаю, в чем тут заковыка.

Меган уставилась на него с большим интересом. Ей было как-то трудновато поверить, что он он в самом деле нашел объяснение чему-то подобному. Впрочем, поверить трудновато во все, что касается Ника Холла.

– Это называется «феноменом вечеринки». Ты о нем не слыхала?

Меган пошарила в памяти. Она уже слыхала это выражение, но ничего о нем не знала, в чем и призналась.

– С тобой никогда такого не случалось? Ты находишься в большой толпе, где одновременно ведутся десятки разговоров, а ты совершенно поглощена собственным разговором. Несметное множество других разговоров вокруг тебя как белый шум, ты их совершенно не слушаешь. Но вдруг слышишь собственное имя, произнесенное где-то в комнате. Четко, как звон колокола. Оно вроде как выступает на фоне шума.

Меган задумчиво кивнула.

– Теперь, когда ты об этом упомянул об этом... ага. Прекрасно понимаю, о чем ты.

– Что-то подобное испытывал почти каждый. Так как же твое имя внезапно выделяется из гула, на который ты совершенно не обращала внимания? Ну так вот, этот курьезный феномен был тщательно изучен.

– Феномен вечеринки?

– Верно.

– Удачное название, – улыбнулась Меган. – И как же он действует?

– Суть в том, что человек усваивает куда больше информации, чем осознает. Все время. На подсознательном уровне мы отслеживаем все. Но наше подсознание не может вытащить все это на сознательный уровень, иначе мы захлебнемся. Слишком много информации. Так вот, в примере с вечеринкой твой мозг перехватывает все беседы вокруг, но избавляет тебя от необходимости вникать в каждую, чтобы ты сосредоточилась на собственном разговоре. Однако когда подсознание перехватывает твое имя или слова «бежим, в доме пожар»,

или еще что-нибудь, представляющее для тебя огромный интерес, оно решает, что это важная информация, и доводит ее до твоего сознательного внимания. Это кажется чудом. Дело вовсе не в том, что ты вдруг обращаешь внимание. Часть тебя всегда обращает внимание. Ты просто этого не знаешь.

– Это круто, – заметила Меган. – И как же ты узнал вчера ночью, где это искать?

– Я этого не искал. Это я как раз знал – и без Интернета. Поскольку тоже считаю, что это круто, так что когда узнал об этом – наверное, на лекции в какой-то момент своего постыдного прошлого, – оно, наверное, отложилось у меня в памяти. По-моему, я забыл уйму увлекательных примеров этого эффекта, но помню еще один. Возьмем молодую маму, измотанную до безобразия. Она без проблем может крепко спать посреди самой шумной грозы. Но если ее младенец хотя бы чуть слышно захнычет, она подскочит, как ошпаренная. Как это работает? Ответ снова в том, что мамочкино подсознание слышит и то, и другое. По поводу грозы оно говорит: «Это просто гроза, незачем беспокоить командира». А вот что касается ребенка, оно слышит хныканье и мигом расталкивает сознание, чтобы то внимательно провело дальнейшее расследование.

– Это восхитительно, – отозвалась Меган. – Так ты думаешь, что тот же самый эффект работает с твоим психическим фоновым шумом?

– Именно.

– По-моему, разумно. И, похоже, этому феномену я обязана жизнью.

– Мы оба, – уточнил Холл.

Меган и не думала, что можно объяснить, как это Холл ни с того, ни с сего получает уведомление об информации, играющей для него критическую роль. Но, как оказалось, когда не знаешь, чего не знаешь, ввести себя в заблуждение очень легко.

16

Холл попросил сделать паузу в беседе, чтобы «пораскинуть умом» как можно шире, силясь уловить кого-либо, кто мог заподозрить об их с Меган нынешнем убежище. Он делал это периодически с момента прибытия сюда, просто в качестве дополнительной предосторожности. И снова не уловил ничего тревожного.

– Итак, вернемся к тебе, – сказала Меган, когда он закончил. – У тебя есть мозговые имплантаты, позволяющие тебе заниматься веб-серфингом. У тебя есть экстрасенсорное восприятие. И ты потерял память. Эти три вещи должны быть взаимосвязаны. Ты не мог заполучить все эти дикие штуковины в голове просто случайно.

– Ага, в том-то и загвоздка, – прокомментировал Холл, закатывая глаза. – Я почти уверен, что Интернет и экстрасенсорное восприятие как-то взаимосвязаны. Насчет потери памяти – не совсем. Похоже, у меня была какая-то травма головы, когда я очнулся на помойке. И я прочел мысли первого же типа, пытавшегося меня прикончить. Очевидно, я чем-то спровоцировал их открыть большую охоту. Но не помню этого. Так что, может быть, на моей стороне были экстрасенсорные способности и Интернет, а памяти я лишился лишь недавно.

– Если интернет-способности и экстрасенсорное восприятие взаимосвязаны, возникает следующий вопрос: связаны ли они намеренно?

– Понятия не имею, – развел руками Холл.

– Ты представляешься мне ужасно грамотным и подкованным. Как ты думаешь, может, это ты изобрел имплантаты? И использовал себя в качестве морской свинки? Как по-твоему, может, ты сумасшедший ученый?

– Я предпочитаю определение «отчаянный», – улыбнулся он.

Меган рассмеялась.

– Это обоснованный вопрос, – произнес Холл. – Но ответ – «нет». Я не имею памяти о себе, но я знаю, что знаю, – и знаю, чего не знаю. Помнишь, как я процитировал Маргарет Тэтчер? Так вот, я уверен, что понятия не имею о мозге или принципах действия имплантатов. И уверен, что не имею ни малейшего представления об экстрасенсорных способностях.

– Почему бы тебе не рассказать обо всем, что случилось с тобой до встречи со мной?

Холл сделал это как мог дотошно, описав, как убил Балдино на заправке «Шелл», как столкнулся с Радичем в минимаркете, и как едва ушел от очередного наймита, ехавшего ему навстречу по дороге, – все благодаря феномену вечеринки.

– Так почему же ты считаешь, что они преследуют именно тебя? – спросила Меган, когда он закончил.

Холл изложил ей свою гипотезу, что мог прочесть в чьем-то уме нечто, чего ему знать не следовало, но Меган отнеслась к ней скептически.

– Мне кажется, они даже не знают о твоём экстрасенсорном восприятии, – растолковала она. – По-моему, они преследуют тебя из-за одной способности к веб-серфингу.

– С чего ты взяла?

– Это же очевидно. Этот тип Радич в минимаркете явно думал застать тебя врасплох. Думал, ты не курсе того, что он затевает. Если б он знал о твоих пси-способностях, то нипочем не предположил бы подобного.

– Ты права! Это и вправду очевидно. Какой же я идиот, что прозевал это... – Холл помолчал. – Как по-твоему, тип на вершине пирамиды, который всем заправляет, знал об этом и не сказал им?

– Тогда он без причины обрек бы своих людей на провал, – Меган тряхнула головой. – Он либо сказал бы им, чего опасаться, либо послал бы их наблюдателями. Найдя тебя, они вызвали бы людей, которые знают, с кем имеют дело. Которые действительно могли бы тебя остановить.

– По-моему, ты избрала не ту профессию, – с восхищением заметил Холл.

– Значит, они гоняются за тобой из-за твоей способности к веб-серфингу, – продолжала Меган, польщенная комплиментом, но решившая проигнорировать его и ковать железо, пока горячо. – А не потому, что это имеет какое-то отношение к твоим пси-способностям.

– Но зачем пытаться убить меня?

– Может, это сверхсекретная военная технология. Вроде того, что происходит в Зоне пятьдесят один[11]. Ты не чувствуешь себя дезертиром?

У него определенно фигура, как у солдата элитных войск, призналась она себе, хотя и постаралась не проецировать эту мысль.

– Нет. Я даже более уверен, что никогда не был солдатом, чем в том, что никогда не изобретал технологию, сидящую в моей башке.

– Что ж, тогда ты вряд ли можешь быть прототипом с этой технологией. Иначе тебя старались бы изловить, а не убить. Чтобы изучить тебя. Если б они знали о твоих экстрасенсорных способностях, то тоже хотели бы тебя поймать.

– Именно так я и думаю.

– И будь ты прототипом, вопрос не в том, кто хотел бы заграбастать тебя для исследований, а в том, кто не хотел бы? Каждый промышленник и каждая корпорация на свете, не говоря уж о правительствах и военных каждой страны на планете, отчаянно хотели бы тебя заполучить. Промышленники – потому что технология, стоящая за твоими способностями к веб-серфингу, стоила бы триллионы долларов. А правительства и военные – из-за грандиозных преимуществ, которые сулит им эта технология. И если уж одни лишь интернет-способности имеют колоссальную ценность, то в сочетании с экстрасенсорным восприятием они неудержимы. Ты мог бы один заменить целую армию. Прирожденный воин-одиночка.

– Насчет этого не знаю...

– По-моему, ты еще не вполне уяснил себе возможности, – растолковала Меган. – И это хорошо. По-моему, будь ты на самом деле жадным до власти говнюком, то уже к ней рвался бы. Но только подумай, на что ты способен. Забудь на минутку об экстрасенсорном восприятии. Пока ты сидишь, потягиваешь «Маунтин Дью» и болтаешь, ты можешь забронировать билеты на самолет, вызвать такси, пообщаться с уймой людей, перевести средства, поторговать на бирже. Ну, в общем, ты понимаешь. И любой с твоими имплантатами получает неограниченную подпитку памяти. Вся Всемирная паутина вкупе с неограниченным хранилищем в «облаке» – твоя память. Ты получаешь моментальный доступ с функцией поиска к библиотеке из триллионов страниц. Ты можешь моментально получать доступ к биографической информации каждого встречного, как со мной. И чем влиятельнее человек, тем больше о нем информации в онлайн. Плюс ты можешь записывать все, что хочешь запомнить и чего нет в онлайн, через приложение-блокнот. Телефонный номер или номерной знак автомобиля. Расписание поездов и автобусов, – прибегла она к вчерашнему примеру.

Холл кивнул.

– А раз эта технология может преобразовывать видео и аудио в зрение и слух, не прибегая к моим глазам и ушам, так почему не быть возможным и обратному? Преобразовывать мое зрение в видео. Если так, я могу записывать все, что вижу и слышу и хранить это в «облаке», – на лице его отразилось благоговение и страх перед тем, какие возможности сулит эта технология.

– Похоже, я тоже не вполне оценила твои возможности, – Меган задумчиво посмотрела на него.

– Они просто ошеломляют, – проронил Холл. – И отрезвляют.

– И, я думаю, мы только копнули поверхность. Подумаем о солдатах спецвойск с твоими имплантатами. Они в реальном времени могут получать доступ к любой нужной информации, и никто об этом не узнает. Карты, поэтажные планы для атаки, что пожелаешь... Могут получать доступ к онлайн-переводчикам, чтобы те переводили для них таблички и разговоры на английский. Как по-твоему, это могло бы пригодиться? Они могут

общаться между собой так, что никто и не узнает. Их способность к скрытным действиям и введению в заблуждение разительно возрастут. Солдат с этими имплантатами мог бы отправиться в зону боевых действий, притворившись работником Красного Креста, и во время разборки завалов, с виду не общаясь ни с кем, разворачивать целые боевые подразделения. Любой обладатель имплантатов может управлять беспилотниками, вызывать авиабомбардировки и пометать мишени – не неуклюжими лазерами, а собственными глазами, попивая чаёк с пышками и поддерживая светскую беседу.

– А с экстрасенсорными способностями в арсенале?

– Тогда все ставки биты, – ответила Меган. – Ты можешь вызнать интимные секреты любого миллиардера и политика – и поверь мне, большинство из них имеют уйму секретов. Вероятно, ты мог бы нарыть достаточно, чтобы отправить многих из них за решетку, даже если это относительно мелкое преступление вроде мошенничества с налогами или торговля внутренней информацией. Но даже если нет, бьюсь об заклад, как минимум, у них есть секреты, которые адски опозорят их. Так что ты можешь шантажировать самых могущественных людей на свете. Или можешь пошарить в голове главного программиста АНБ[12], чтобы найти программные закладки в их компьютерах и получить доступ к уникальным записям, телефонным разговорам и разведанным со всей планеты. – Меган сделала паузу, чтобы отхлебнуть воды, и продолжала: – Мошенничать в покере, чтобы выиграть пару тысяч долларов, – просто невинная школьная шалость по сравнению с тем, что тебе по плечу. Ты можешь читать в головах генеральных директоров, чтобы получать внутреннюю информацию для биржевых сделок. Считывать комбинации замков стальных сейфов точно так же, как прочитал комбинацию для отключения сигнализации в этом доме.

Холл устался в пространство, ломая голову над новыми возможностями.

– И это еще не все, – негромко проронил он. – Я могу быть безупречным вором персональных данных. Могу прийти на благотворительное мероприятие, где богачей будет как сельдей в бочке, и прочесть номера их счетов, пароли, девичьи фамилии их матерей и все такое прочее. Лакомясь дорогим омаром, я мог бы тем временем очищать их счета, переводя деньги на свои собственные на Кайманах, и переводить деньги команде наемников, чтобы те захватили островок в Океании для моего личного пользования.

– К чему останавливаться на частных гражданах, пусть даже сверхбогатых? Ты мог бы взяться за корпоративные счета. Правительственные счета.

– Ты права насчет всего этого, – присвистнул Холл. – Я не думал об этом в таком аспекте. И не сомневаюсь, что мы еще многое упустили. Прямо сейчас я – затравленный зверь, бегущий вслепую и едва ухитряющийся опережать свору псов. Но если мне удастся уйти из-под облавы, сориентироваться...

– Теперь ты начинаешь схватывать картину.

– Ага. Я мог бы стать довольно грозным противником. Дай мне чуток времени, чтобы обосноваться в каком-нибудь логове зла и собрать вокруг себя приспешников, – и вполне мог бы. Что ж, я мог бы стать...

– Настоящим войском в одном лице, – досказала за него Меган. – Ты мог бы вынудить Супермена из кожи вон лезть, чтобы оправдать свою репутацию.

– Но в схватке он надрал бы мне задницу, – ухмыльнулся Холл.

– Возможно. Однако ты мог бы обставить его вчистую, узнав его тайную личность Кларка и направив на него эскадрилью истребителей. Скажем, ракеты, набитые криптонитом? – приподняла она брови.

Холл рассмеялся, а потом, извинившись, удалился в одну из уборных Глендонов. Когда он вернулся, лицо его было совершенно серьезным.

– Теперь я понимаю, почему кто-то предпочел бы прикончить меня, а не захватить в плен. Потенциально я крайне опасен. Но поневоле задумываюсь, не выступаю ли я здесь уже злодеем. Что, если я в самом деле устроил себе где-то логово зла, а мои преследователи – ну, хотя бы те, кто дергает их за ниточки – пытаются помешать мне из благородных побуждений? Типа, если б Джокер очнулся однажды, лишившись памяти, и гадал, с чего этот озлобленный болван Бэтмен в доску расшибается в попытках убить такого невинного парня, как он.

– Не поверю в это ни на миг, – энергично затрясла головой Меган.

– Почему бы? – Холла это как-то не убедило.

– Ты был бы худшим суперзлодеем всех времен. Ты не разбираешься в оружии. Ты рисковал жизнью ради спасения незнакомого человека. И, сражаясь за собственную жизнь, твердо вознамерился вернуть пару сотен долларов каким-то работникам «скорой помощи» при первой же возможности.

– Надеюсь, ты права, – вздохнул Холл. – Ты не представляешь, как сильно я на это надеюсь.

Меган ничуть не покривила душой. Она действительно верила, что в конечном итоге лишь тесное знакомство

с человеком может дать представление о его духовном складе, его ценностях, мечтах, повадках и чувстве юмора. И у нее уже сложилось четкое впечатление о душевных качествах Холла. Настолько четкое, что она поставила бы жизнь на то, что во всей этой передрыге злодей – не он.

И тут же сглотнула ком в горле при мысли, что не может поставить на это свою жизнь.

Потому что уже поставила.

17

Полковник Джастин Гердлер вошел в свой кабинет, как делал почти в каждое субботнее утро. Да и в воскресное тоже. Под его началом идет столько важных проектов, что и за две жизни не управишься, но такова уж специфика службы.

Полковник был главной пси-отдела уже шесть лет, когда его попросили заняться тем же, но в разрезе спецопераций. Он решил, что это свидетельствует об определенном доверии к его суждениям.

Гердлер не мог не признать, что это грандиозная смена ритма. Проекты стали в целом интереснее, а его власть – почти безграничной. Да и пребывание совершенно вне поля зрения тоже имеет свои преимущества. И первым делом то, что не надо сносить насмешки слабо проинформированных военных, заглазно сыпавшиеся и на него самого, и на его отдел.

А пси-отдел не лишен своих чар. В угрожающем, нечестивом понимании. Более крутого названия и не найдешь, хотя многие обязанности на самом деле довольно заурядны. Этот загадочный слог обозначает психологические методы ведения войны, входящие в сферу действия спецвойск. Помимо прочего, они занимаются введением в заблуждение и психологией толпы, чтобы сеять раздоры в рядах врага, подрывать его боевой дух и эксплуатировать психологические уязвимости, хотя Гердлеру не раз доводилось слышать в отношении собственной команды термин «мозгогрёбство».

Великий китайский военный стратег Сунь-цзы, вероятно, был отцом пси-операций, и Гердлер заставил всех в своей команде затвердить принцип, сформулированный Сунь-цзы тысячи лет назад, который считал основополагающим для пси-отдела:

Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко.

А деревянный конь греков, хоть и вымышленный, пробивший брешь в обороне противника, – поразительный пример мощи простой миссии пси-отдела, положившей конец десятилетней осаде Трои.

В поп-культуре «пси» обозначает психический феномен, паранормальное явление, парапсихологию, но в военном подразумевает старую добрую психологию: «психологические операции».

И все же многие считают, что военные занимаются как раз парапсихологией, особенно когда отдел расписывают как скопище умалишенных, чему порядком способствуют книги и фильмы вроде «Безумного спецназа»[13]. Этот фильм, пожалуй, стал единственным величайшим ударом по линии связей с общественностью, с которым пси-отделу довелось иметь дело, и если б военные враждебной державы хотели провести свою пси-операцию по подрыву американского пси-отдела, они не могли бы придумать ничего лучшего, чем выпуск этого фильма.

Так что в 2010 году пси-отдел переименовали, по заявленной версии, чтобы сделать название более внятным, более описательным и менее запугивающим – и дома, и за границей. Официально их стали именовать группой многоцелевого информационного снабжения операций, или МИСО – и тут же посыпались шуточки насчет японского супа. Однако даже столько времени спустя новое название до конца не прижилось, потому что персонал пси-отдела его возненавидел.

Полковнику Гердлеру смена названия тоже пришлась не по душе, но, занимая в то время высокий командный пост, хоть еще и не в качестве главы отдела, он публично изображал противоположное, хоть это ему также претило. Они со своей группой нашли способы эксплуатировать политическую природу тех, с кем противостояли на мировой арене, но лично он политику ненавидел. Что и послужило одной из причин, делавших переход под крыло спецопераций столь привлекательным. Меньше подотчетности, меньше необходимости играть в политические игры.

Он как раз потягивал вторую утреннюю чашку кофе за столом после того, как первые утренние часы провел, по уши погрузившись в напечатанные брифинги, когда Мэгги, его электронный секретарь, прервала этот процесс.

– Полковник Гердлер, вам переправлено электронное письмо только для вас с пометкой «Срочно».
Пожалуйста, подтвердите.

– Подтверждаю, – отозвался Гердлер. – Кем переправлено?

– Ни один человек еще не видел этого сообщения, полковник, – произнес приятный безупречный голос Мэгги, – так что не «кем», а «чем». Переправлено Экспертной системой АНБ в Форт-Миде.

– Очень интересно, – пробормотал полковник себе под нос. – Несси[14] «форварднула» его еще кому-нибудь?

– Экспертная система АНБ переправила его вам как основному получателю, – ответила его ПЦП, программа которой возбранила употребление жаргонных словечек и прозвищ, если только Гердлер не распорядится, чтобы она так поступала. – Генерал-майор Нельсон Собол получает копию. Больше никто его не получит.

Это необычно, отметил про себя Гердлер. Очевидно, Несси перехватила исходное сообщение и решила ограничить группу его получателей всего двумя людьми – им и Собоком. Нельсон Собол – его начальник, хотя Гердлер редко перед ним отчитывается и действует практически автономно. Но генерал, в принципе, командует всеми американскими подразделениями специальных операций по всей планете, и хотя официально его должность даже не существует, лишь горстка людей на Земле обладает такой же властью, как он.

– То есть, сказав, что ни один человек этого сообщения не видел, ты всего лишь имела в виду, что Собол его еще не читал?

– Совершенно верно, генерал Собол еще не подтвердил получения. А учитывая, что он на ежегодном трехдневном выездном совещании с высокопоставленными членами Конгресса и военными, этот статус может измениться нескоро.

Полковник улыбнулся, снова отметив про себя, как ему повезло. Пусть у Собола есть власть, зато Гердлер предпочел бы, чтобы ему плеснули в глаза кислоты, чем посещать мероприятия вроде того, на котором сейчас торчит его начальник.

– Не хотите ли, чтобы я зачитала вам сообщение? – осведомилась Мэгги.

– Нет. Но выведи его историю на экран.

Он бросил взгляд на данные, появившиеся на экране. Рассматриваемое электронное сообщение было отправлено за два дня до того из Фресно, штат Калифорния, на горячую линию полиции и тридцати восьми высокопоставленным гражданским и военным лицам из таких агентств, как АНБ, ФБР, ЦРУ и Минздрав, всякий раз на публичный адрес такового. Полковник Джастин Гердлер в числе изначальных получателей не значился.

Как понял Гердлер, компьютер АНБ заблокировал отправку сообщения кому бы то ни было сразу по появлении, решив, что это спам, не заслуживающий ничьего времени или внимания. Но с той поры статус сообщения явно претерпел серьезные перемены. Полковника подмывало поинтересоваться у Мэгги, что спровоцировало эту перемену, но он решил прочесть письмо, прежде чем копать дальше.

– Мэгги, будь добра, выведи сообщение на экран.

Электронное сообщение появилось под отправной информацией, которую Мэгги вывела перед этим.

От: Ник Холл

Тема: Срочно, угроза для жизни

Я очнулся сегодня утром на запертом складе, совершенно не помня, кто я такой, слыша голоса в голове. Возможно, я сумасшедший, и в таком случае лишь воображаю, что отправляю это сообщение. Если вы его получили, значит, я не сумасшедший. Когда я очнулся, здесь был человек, ушедший через десять минут, но я мог читать его мысли. И не просто читать, но находить в его сознании все, что хотел. Понимаю, на что это все похоже. Но будьте снисходительны.

Оторвав глаза от экрана, Гердлер едва сумел подавить стон, раздраженно подумав: «Что за говно?!» Он где-то читал, что больше половины процента населения – шизофреники, что для Америки составляет порядком более двух миллионов человек. И полковник был почти уверен, что это пишет один из них.

Но это сообщение доставил один из главных компьютеров АНБ, интегрирующий данные тысяч правительственных, военных и гражданских источников. Это также самый продвинутый компьютер из когда-либо созданных, и его программное обеспечение позволило ему развиваться до максимальной эффективности. В своих решениях он взвешивает несметное количество блоков данных и бессчетные вероятности.

И даже несмотря на это, выглядит так, будто компьютер его разыгрывает. Будь сегодня 1 апреля, полковник ни капельки в этом не усомнился бы. Еще бы, не послать ли сообщение от сдвинувшегося на экстрасенсорном

восприятию главе пси-отдела... Очень забавно.

В самом деле, некогда пси-отдел экспериментировал с парапсихологией, но достаточное число высокообразованных людей верили, что в этом что-то есть, так что со стороны военных было бы халатностью не попытаться хотя бы провести изыскания в данной области. Но эти проекты заброшены уже много лет, хотя вызванные ими шуточки ходят и по сей день.

Но это не розыгрыш. Потому что Экспертная система АНБ ошибок не совершает. Во всяком случае, настолько крупных. Тут нечто большее, чем представляется на первый взгляд. Но что?

Есть только один способ выяснить это. Как ни глупо он себя чувствует, надо закончить чтение, а уж после спросить у Мэгги, почему самая впечатляющая из когда-либо созданных компьютерных систем неожиданно-негаданно надумала воспринять это чокнутое сообщение настолько серьезно, чтобы потребовать его срочного внимания.

18

Меган Эмерсон нетерпеливо дожидалась, пока хостесса усадит молодую семью.

– Столик на двоих, пожалуйста, – попросила она, когда та вернулась. – У меня назначена тут встреча с другом.

Хостесса – высокая брюнетка – провела ее к столику, а Меган тем временем сосредоточенно подсчитывала посетителей. Небольшой, полутемный и уютный четырехзвездочный ресторан находился в нескольких кварталах от всех прочих сосредоточений людей, идеально отвечая их нуждам. Поблагодарив хостессу, Меган села лицом ко входу, взяв протянутое меню, озаглавленное «Мэйпл-Террас», а пониже: «Удостоенная награды высокая кухня».

«Как там дела?» – телепатически донеслась мысль Холла.

«Мне надо еще пару минут», – отозвалась она. Официантка принесла стакан воды с уже положенным туда ломтиком лимона, чего Меган терпеть не могла. Но даже когда специально просила лимон не класть, то в половине случаев все равно его получала.

Когда официантка удалилась, Меган встала из-за столика, прошла небольшое расстояние до кухни и ввалилась туда, прежде чем кто-либо успел ее остановить. Молодая женщина с волосами, связанными на затылке в пучок, в белом кителе шеф-повара, подняла на нее взгляд от стола, где укладывала на тарелку кусок семги под глазурью с грецким орехом и шпинатом. Слева от шефа единственный посудомойщик ставил на поднос заказанный напиток.

– Чем могу помочь? – с встревоженным видом спросила шеф-повар, с упреком добавив: – Вообще-то посетителям тут быть не следует.

– Извините, – ответила Меган. – Я искала уборную.

На лице шефа отразилось недоумение, словно она не могла уяснить, как можно быть настолько глупой, чтобы перепутать кухню с уборной, особенно в таком крохотном ресторане всего с одним обеденным залом.

Извинившись, Меган быстро вернулась к столику, заглянув по пути в туалет, чтобы убедиться, что внутри никого нет.

Усаживаясь, она протранслировала Холлу: «Ладно, подсчеты я провела».

«Хорошо. Всего я считываю восемнадцать человек с тобой вместе».

«Правильно, – откликнулась она с улыбкой. – В зале официантка и хостесса, в кухне посудомойщик и повар. А также я и тринадцать других посетителей, итого восемнадцать. Насколько ты далеко?»

«Согласно одометру, ровно полмили».

«А ты не уловил некоторого снижения... интенсивности?»

«Ни малейшего. И хотя улавливаю вокруг обычный лепет, могу сосредоточиться и выделить индивидуумов в ресторане изолированно от остальных. – Последовала пауза. – Собираюсь отъехать на две мили».

Меган кивнула в ответ собственным мыслям. Первая попытка этого эксперимента с треском провалилась – и по целому ряду причин. Они выбрали «Денниз»[15], и там оказалось яблоку негде упасть. Сколько бы раз Меган ни пыталась определить точное число, уверенности она не испытывала ни разу. Для Холла же там было слишком много посетителей, и он не мог испытывать уверенности, что пересчитал их всех, не посчитав никого дважды, даже с помощью искусственной «памяти» в «облаке», предоставленной имплантатами. И наконец, такая уйма посетителей «Денниз» входили и выходили практически непрерывно, что даже если б им с Холлом все-таки удалось провести точный подсчет, это хождение туда-сюда запутало бы ситуацию до крайности.

Так что они быстренько решили сменить ресторан, выбрав расположенный вдали от торных троп и с куда меньшим числом посетителей. И «Мэйпл-Террас» подошел как нельзя лучше.

После беседы в гостинице позаимствованного дома с ободрения Меган они провели ряд экспериментов типа

«Какие еще фокусы может откалывать Ник Холл?». Он сетовал, что все время чувствовал себя круглым идиотом, но был хорошим подопытным и отдавался этому всей душой.

В конечном итоге оказалось, что Ник не обладает никакими другими способностями, о которых еще не знает. Он не смог ничего переместить с помощью телекинеза. Он тужился, пока Меган не показалось, что жилы у него на шее вот-вот полопаются, но не сдвинул ни на йоту даже клочок бумажной салфетки.

Не мог он развести огонь силой мысли, что было ничуть не удивительно после провала с телекинезом. Над телепортацией Ник потел четверть часа. Ничего. Левитация. Ничего.

Трансмутация. То же самое. Меган принесла со двора черного муравья на палочке, но как Холл ни пыжился, убить его силой мысли он не смог – да что там убить, даже притормозить.

Потом Меган, вдохновленная «Людьми Икс», соорудила для Холла шлем из фольги в несколько слоев толщиной, но тот ничуть не помешал голосам галдеть у него в голове. Ей хотелось попробовать и свинец, и Холл согласился непременно поэкспериментировать, когда в следующий раз будет в банковском хранилище или иной комнате, выстеленной свинцом. Как бы нелепо ни чувствовал он себя при этой попытке, никто не жаждал найти способ отключить голоса сильнее, чем он.

«Я в двух милях, – передал Холл. – Принимаю еще восемнадцать человек. И вроде бы с той же интенсивностью. – Последовала пауза. – Ты еще принимаешь меня телепатически так же четко, как прежде?»

Меган сообщила, что да. Они продолжали прощупывать диапазон в течение следующего часа с большим успехом. Узнали, что способность Меган принимать его мысли телепатически внезапно обрывалась вскоре после четырех миль. Его способность принимать ее телепатические мысли оканчивалась на миллю с четвертью дальше, хотя если она мысленно «орала» ему, он мог принять это и на расстоянии семи миль.

В отношении остальных способность Холла улавливать мысли людей в ресторане терялась на расстоянии от шести до десяти миль, причем большинство исчезли с экрана на рубеже шести-семи миль, и лишь один сумел продержаться аж до десятимильной отметки. Конечно, Нику пришлось еще четыре мили ехать обратно, чтобы телепатически доложить эти результаты Меган, что напомнило ему о необходимости как можно скорее обзавестись неотслеживаемыми одноразовыми телефонами. Без них оба чувствовали себя голыми, и Холл решил купить их перед возвращением в ресторан.

Еще один дополнительный эксперимент, который им хотелось провести, – это чтобы Холл отъехал на полмили дальше диапазона субъекта, и тогда Меган намеренно испугала бы его: уронила паука на рубашку, случайно пролила на колени ледяную воду или что-нибудь в том же духе. Тогда можно будет узнать, увеличивается ли радиус приема Холла при перехвате испуганных, панических мыслей, которые могут транслироваться с большей интенсивностью. Но в конечном итоге оба эту идею отвергли. Намеренно пролить ледяную воду кому-то на колени – отнюдь не лучший способ сидеть тише воды, ниже травы.

Холл наконец вернулся в ресторан после своей успешной миссии по выявлению диапазона, и вручил Меган телефон, который она с благодарностью спрятала в карман. Когда официантка подошла, чтобы принять их заказ, Ник предпринял еще один эксперимент: мысленно гаркнул ей «стоп!» во всю мощь своей ментальной глотки.

– Вы слышали? – спросила Меган у официантки. – Готова поклясться, кто-то сказал «стоп». Но не могу понять, где.

– Я ничего не слышала, – с искренним недоумением ответила та.

«О боже, у вас на плече тарантул!» – для полной меры изо всех сил подумал официантке Холл.

Та преспокойно поблагодарила их за заказ и удалилась.

– Что ж, Меган, похоже, ты из редкой породы тех, кто способен читать мои направленные мысли. По пути я пытался телепатически достучаться до нескольких других людей, но тоже втуне, – Холл вздохнул. – Начинаю думать, что, может быть, ты более приспособлена для экстрасенсорного восприятия, чем средний индивидуум, а не менее. Может, часть твоего рассудка от природы способна блокировать меня. Инстинктивно. Как венерина мухоловка, захлопывающаяся, когда осязает прикосновение.

– Быть может, – Меган пожала плечами. – Но если и так, на сознательном уровне я этого не ощущаю.

Холл сосредоточенно прищурился, словно пытаясь решить в уме сложную математическую задачу.

– Кто знает, – раздумчиво проронил он чуть ли не себе под нос. – Может, у тебя есть где-то толика неандертальской ДНК.

– И что же сие должно означать? Ты что, утверждаешь, что я похожа на неандертальца? Или говоришь, что я глупа?

Ой, подумал Холл.

– Извини, – поспешно бросил он. – Я вовсе этого не говорил. В смысле, ты суперизящна. Никто не похож на

Homo sapiens больше тебя. И ты явно очень умна, – добавил он для полной меры.

– Никто не похож на Homo sapiens больше меня? – повторила она. – Ух ты! Такого я еще не слыхала. Умеешь же ты польстить девушке...

Холл не смог удержаться от улыбки. Кем бы он ни был, одно он знал наверняка: с женщинами у него не очень ладится.

– Позволь объяснить. Я тебе говорил, что вчера вечером за покерным столом, когда карта не шла, я занимался изысканиями в отношении экстрасенсорных способностей.

– Продолжай, – призвала Меган. Ему не требовалось читать мысли, чтобы понять, что она гадает, при чем здесь неандертальцы.

– Я наткнулся на занимательный блог, утверждавший, что неандертальцы обладали пси-способностями. Прежде чем вымереть, они делили планету с Homo sapiens более ста тысяч лет, хотя бо́льшую часть этого времени и были разделены географически – Homo sapiens обитали в Африке, а неандертальцы – в Европе и Азии. Существует масса гипотез о том, что с ними стало. Но много лет назад научный фантаст по имени Бен Бова написал роман под названием «Орион». Очевидно, в романе он писал о встрече между рассказчиком – человеком, отправившимся назад во времени, – и группой неандертальцев. Я прочел увлекательный отрывок из книги, заставивший меня серьезно задуматься.

– А ты, гм... сохранил этот отрывок? – поинтересовалась Меган. – Ну, знаешь, в «облаке»?

– Да мне и не требовалось. Я могу вызвать его в онлайн довольно быстро.

– Жаль, ты не комплектуешься принтером, – ухмыльнулась Меган. – Если отрывок не слишком длинный, может, прочитаешь?

Задумавшись на несколько секунд, Холл пожал плечами:

– Ладно. Само собой. Секундочку, вызову и найду нужное место. – Последовала небольшая пауза. – Ладно, поехали.

Откашлявшись, Холл начал читать.

Страх перед чужаками неандертальцы не питали. Войны и конфликты были им практически неведомы. Поначалу я думал, это оттого, что телепатические способности не позволяют напасть врасплох, поскольку противник узнает обо всем заранее и готовится дать отпор. Я заблуждался, хоть и мыслил в правильном направлении.

Они миролюбивы потому, что телепатические способности позволяют им понять друг друга куда глубже, нежели речь. Хоть они не читают мысли друг друга, как я узнал мало-помалу, неандертальцы обучены с рождения передавать собственные чувства, эмоции, а не только рациональные мысли и идеи. Когда неандерталец сердит, расстроен или напуган, все вокруг узнают об этом мгновенно и всю стараются постичь причину проблемы и устранить ее. Точно так же, когда неандерталец счастлив, все узнают об этом и разделяют его радость.

Как же мы, сапиенсы, одиноки! Запертые в индивидуальных черепушках наедине с собственными личностями, мы совершаем слабые потуги общения с помощью речи, в то время как неандертальцы делятся своими мыслями так же естественно, как огонь источает тепло. Среди них нет психотерапевтов – а вернее, они психологи все до единого.

Они – кроткий народец, несмотря на свои могучие мускулистые тела. Их невинные карие глаза напоминают мне взоры оленихи с оленятами, виденных мной в первый день пребывания в этом времени. Они никогда не притворяются – да, наверное, и не способны на это.

Меган это, вроде бы, ни капельки не впечатлило.

– Мило, но это – фантастика, а вовсе не истина.

– Ты почти наверняка права. Но, согласно прочитанному мной блогу, существует мизерный шанс, что это правда. О неандертальцах нам известно немного, и ученые расходятся во мнениях по поводу того, что мы знаем. Многие считают, что неандертальцы были умнее нас, исходя из большего объема мозга и более качественных каменных орудий. Многие другие считают это нелепостью. Если они были умнее нас, так почему же вымерли?

– Дельный аргумент.

– Некоторые считают, что они не владели речью. У них не было такого голосового аппарата, как у нас. Те, кто считают, что они были умнее, полагают, что ум оказался не так уж и важен. Без нашей развитой способности к

общению ум в конечном итоге им не помог.

– Но если они не умели говорить, – приподняла Меган брови, – то, может статься, развили экстрасенсорное восприятие, это ты хочешь сказать?

– Они процветали десятки тысяч лет. Вероятно, без языка. Так что кто знает, может, у них имелись психические способности. Прочитай я об этом пару дней назад, я бы счел эту гипотезу нелепейшей на свете.

– Еще один дельный аргумент, – кивнула Меган.

– И некоторые ученые полагают, что они могли скрещиваться с нами. Опять же, – поспешил он добавить, – это вовсе не значит, что ты отчасти являешься неандерталкой. Я просто пытался разобраться, чем ты отличаешься, и вроде как думал вслух.

– А я-то думала, самые странные разговоры с тобой уже позади... Но этот, по-моему, их за пояс заткнет.

Вернувшаяся официантка поставила перед ними две тарелки, содержимое которых являло собой не просто блюда, а еще и живописные произведения искусства. Поблагодарив ее, они возобновили беседу.

– Но ты сказал, что этот научно-фантастический отрывок заставил тебя всерьез задуматься, – произнесла Меган. – Что у меня может быть толика неандертальской ДНК или о чем-то посерьезнее?

– О чем-то посерьезнее. О природе *Homo sapiens*. Наша история пестрит жестокостью, войнами, насилием и тому подобным. Нам всем это известно. Но со времени, когда я вчера пришел в себя на той помойке, мне довелось подслушать мысли тысяч человек. И они отнюдь не привлекательны. Я тебе не говорил, но люди склонны думать о самых омерзительных вещах просто между прочим. Даже друзья. Даже супружеские пары, состоящие в браке очень давно. Можно даже сказать, особенно эти пары. Люди эгоистичны, недоброжелательны и жестоки. Они фантазируют о половых актах, не поддающихся воображению. Этот любит латекс, тому нравится мастурбировать на женское белье, а третьему приятно, когда ему в ухо засовывают язык. А другие устраивают – или фантазируют – акты, которые я не собираюсь никогда повторять даже про себя.

Порывисто передохнув, Меган кивнула. Она давно уже вывела для себя истину, повествуемую сейчас Холлом, и одними сексуальными фантазиями дело наверняка не ограничивается.

– И сексуальные мысли – лишь самое начало того, почему наша способность читать мысли друг друга обернулась бы катастрофой, – будто по подсказке, продолжал Холл. – И я говорю не только о способности читать поверхностные мысли друг друга, что было бы скверно уже само по себе, но о способности читать мысли потаенные. Проблема простирается гораздо дальше простого чтения всей белой лжи, которую мы выдаем друг другу десятки раз на дню, чтобы пощадить наши чувства.

– Типа, когда говоришь подруге, что тебе нравится ее новый наряд, когда на самом деле он тебе претит.

– Именно. Ты можешь доказывать, что мы говорим это хотя бы на правильных основаниях. Но то, о чем твержу я, куда хуже. Люди, желающие смерти другим. Жены, узнающие, о чем на самом деле думают их мужья, когда притворяются, что слушают их, и наоборот. Супруги, постигающие скабрзные подробности былых измен, как реальных, так и нафантазированных. Подчиненные, презирующие своих начальников. Думаешь, есть работники, только притворяющиеся, что смеются над шутками начальства? Сотрудники, обливающие помоями коллег за их спинами. Дети, узнающие, что на самом деле думают родители об их художественном творчестве в пятом классе, их критику и разочарование. И родители, считающие ненависть, которую питают к ним дети в тот или иной момент. И разоблаченные предубеждения даже лучших и непредвзятых из нас. Не обязательно против черных, белых, азиатов, гомосексуалистов или арабов. Но против толстых. Деревенщины. Снобов. Шлюх. Поверь, я читал мысли. Я знаю.

– Ужасно удручающая картина, – заметила Меган. – Но не могу оспорить ничего из сказанного тобой. Когда ты узнал мой любимый сорт мороженого, и я всего на секунду подумала, что ты можешь читать мои мысли, я запаниковала. Ты мне нравишься, Ник – может, даже очень, – но люди устроены не так, чтобы подпускать к своим святым святым хоть кого-нибудь. Мне кажется, я не фанатичка и вела добрую жизнь, но секреты есть у каждого. Как ты сказал, сексуальные фантазии, постыдные моменты, мысли и поступки, отнюдь не внушающие гордости.

Холл неспешно кивнул.

– Так что если эта способность меня не покинет и весть о ней разойдется, я стану парией. Никто из тех, кого я могу прочитать, ко мне и на пушечный выстрел не подойдет.

Меган опустила глаза. Как ни дорог он ей стал за такое короткое время, если б он мог читать ее каждый заветный помысел... Одно лишь это предположение заставило ее содрогнуться.

– Пожалуй, наш биологический вид просто не создан для полной откровенности, – проронила она.

– Так что эта способность может сделать меня устрашающим, но это как проклятие Мидаса, которое на

первый взгляд кажется благословением...

Оба примолкли, на несколько минут оставшись наедине со своими мыслями, пытаясь насладиться дорогим обедом, стывшим на тарелках. Наконец, Холл вымолвил:

– Ну, раз уж я поверг нас обоих в уныние, мне же и следовало бы упомянуть, что наш вид отнюдь не безнадежен. Нечего и говорить, что заодно я прочел массу позитивных мыслей и эмоций. Бескорыстие. Люди откладывают свои дела, чтобы сделать приятное, помочь или удивить друг друга. Преданность детей или родителей. Щедрость и сострадание. Все это я тоже прочел. Частью это липа для виду, но по большей части все реально.

– Так позитивные мысли перевешивают ядовитые?

– Этот эксперимент я вообще-то не проводил, – рассмеялся Холл. – А большинство мыслей нейтральны. Знаешь, вроде «интересно, а будет завтра дождь?». Но, независимо от доброй воли, которая может проистекать от чтения позитивных мыслей друг друга, ничто не может умерить полнейшую катастрофу, которую способно спровоцировать чтение мыслей.

– Ага. Мне кажется, что если бы каждый мог читать мысли наподобие тебя, общество за считанные часы разлетелось бы в клочья. Наверное, его растерзали бы голыми руками и зубами.

19

Они примолкли. Меган огляделась, окинув взором остальных посетителей ресторана, приятно трапезничающих в компании других в нерушимой уверенности, что их внутренние мысли и чувства, равно как и внешнее выражение этих мыслей и чувств, могут быть диаметрально противоположными, а никто и не догадается. Если надо, то на все сто восемьдесят градусов.

Если когда-нибудь эти стены рухнут, цивилизация от них почти не отстанет.

– Я ни капли не сомневаюсь, что ты права, – угрюмо проронил Холл. – Мы уже подрастеряли изрядную часть приватности. Камеры повсюду, и все поголовно стали нарциссами. Наше поколение выросло в уверенности, что все хотят, чтобы мы «твитили» каждую свою мысль. Мы ждем не дождемся возможности запостить в «Фейсбук» фотки свидания, даже не дожидаясь, когда оно закончится. Или податься на реалити-шоу, чтобы выставить напоказ каждую грань собственной жизни. Или заслать друг другу по мобильнику фотки в обнаженном виде, которые в конечном итоге увянут в киберпространстве на веки вечные. Частной жизни в том смысле, как ее знали наши родители, не осталось и в помине... Но мы еще имеем над этим хотя бы какой-то контроль. Мы по-прежнему можем скрывать свои мысли. Мы можем выбирать, что постить на «Фейсбуке». Так что хотя мы и пустились во все тяжкие, чтобы поставить крест на собственной приватности, сознание остается последним ее бастионом. Если же падет и он, общество самоуничтожится, – закончил он, в точности воспроизводя рассуждения Меган.

На ее лицо набежало задумчивое выражение – словно отрывок из научной фантастики, показавшийся Холлу столь наводящим на размышления, заставил завертеться какие-то колесики в ее мозгу.

– Ты уже успел прочитать сотни мыслей, прежде чем наткнулся на этот отрывок о неандертальцах, а? Так что ты уже пришел к этому выводу.

– Да. Именно поэтому я и счел отрывок столь интересным. Вот почему он не в бровь, а в глаз. Экстрасенсорное восприятие могло бы стать положительной силой лишь в том случае, если бы биологический вид развивал бы его постепенно, чтобы оно стало неотъемлемой частью их психологического склада, как у неандертальцев в романе. А внезапно навязанное виду, приспособившемуся таить свои мысли, как наш, оно обернулось бы катастрофой.

Меган кивнула.

– Вероятно, у реальных неандертальцев экстрасенсорных способностей не было, – продолжал Холл. – Скорее всего, это ошибочная гипотеза. Но если были, они почти наверняка породили кроткий, непредвзятый нрав, какой был описан в романе. Довольно легко искоренить психопатов и нелюдимо-в, когда не можешь ничего ни от кого скрыть. Так что когда *Homo sapiens* сорок пять тысяч лет назад перебрался в Европу, у неандертальцев не было ни шанса. Можешь вообразить, каково это – не иметь ни малейшего представления о себялюбии, обмане, жестокости, а потом вдруг наткнуться на нас. Вот уж где неравенство так неравенство... Вымирание неандертальцев было предрешиено.

– Когда я представляла их такими, какими они были описаны в романе, – натужно улыбнулась Меган, – то вдруг поймала себя на желании, чтобы у меня была неандертальская ДНК. Тебя спасло только чудо, Ник. Любой, кто может обозвать девушку неандерталкой, а потом убедить ее, что это искренний комплимент, – просто виртуоз.

– Знаешь, – рассмеялся Холл, – я хоть и не знаю, кто я таков, но начинаю думать, что ты моего типа. Я не приволакиваюсь за тобой или типа того. Но если б мы не бежали, спасая собственную шкуру...

– Ты пригласил бы меня на обед вроде нынешнего?

– Если б это было мне по карману, – усмехнулся он. – Не думаю, что в своей прежней инкарнации я мог сделать крохотную ставку в покер и превратить ее в двадцать штук. Что же до тебя и меня... Ну, пожалуй, хорошо, что ты не можешь читать мои мысли.

Уголки рта Меган изогнулись кверху в озорной улыбке.

– Неужели я нашла бы там свои картинки в голом виде, а? – Она указала ему на голову.

– Не-а, – не на шутку смутился Холл. – Ничего подобного. – Помолчав, он приподнял брови. – Но раз уж ты об этом упомянула...

– Прекрати, – игриво хлопнула его по руке Меган. И телепатически добавила: «Хорошо, что и ты не можешь читать мои мысли».

Холл многозначительно посмотрел на нее, но решил не педалировать данную тему. «Каким бы сокрушительным ни было полномасштабное чтение мыслей, ты должна признать, массовое распространение телепатии было бы замечательно».

«Несомненно», – отозвалась Меган.

О телепатии следовало бы поведать миру, осознала она, если б экстрасенсорное восприятие можно было ограничить только этим. Вместо вторжения в чужую святая святых это стало бы просто иной формой общения. Обществу пришлось бы пойти на кое-какие перемены, но вполне осуществимые. Разумеется, невозможно помешать кому-то кричать тебе в мозги, что может дать изрядную встряску, но с другой стороны, и сейчас невозможно помешать кому-либо орать тебе на ухо. Единственное, что препятствует этому, – только нормы поведения в обществе. Но правила этикета вырабатываются быстро.

И все же Меган не сомневалась, что возникнут и непредвиденные проблемы. Подсказки – первое, что пришло ей в голову еще до того, как она успела додумать мысль. Если б все могли общаться телепатически, яснее ясного, что средний экзаменационный балл подскочил бы поразительно. Но притом нет сомнений, что изобретательность и гений человечества, его дух предпринимательства – обратная сторона минусов, о которых идет речь – нашли бы способ обратить телепатию в благословение...

Посудомойщик забрал их пустые тарелки со стола, и они заказали десерт. Холл лишь на миг нахмурился, проследив взглядом за удаляющейся фигуркой официантки. Перехватив его взгляд, Меган решила, что нахмурился он отнюдь не просто так.

– Снова чтение мыслей, Ник?

– Если б я только мог ему помешать...

– И что же она подумала?

– Ты вправду хочешь знать? – вздохнул Холл.

Меган кивнула.

– Ладно, поехали. Она думает, что ты симпатичная, но наряд тебе совершенно не идет, и ты чересчур костлявая. И ей не нравится твоя прическа. Она думает, что я, наверное, осел, раз заставил тебя ждать больше часа, и раздражена, что столик занят так долго. А раз уж мы заказали десерт, она вообще сомневается, что мы собираемся уходить хоть когда-нибудь. И думает, что мужик, заставляющий девушку ждать больше часа, наверное, пожмотится на чаевые.

Уяснив все это, Меган тряхнула головой.

– Я так рада, что не на твоём месте... Не представляю, как ты справляешься со всем этим настолько хорошо.

– Главным образом благодаря тебе, Меган, – искренне ответил Ник. – Ты составляешь изрядную часть моего механизма борьбы со стрессом. И, наверное, я справляюсь с этим вовсе не так хорошо, как тебе кажется.

Меган вдруг ощутила магнетическое притяжение его выразительных карих глаз, и на несколько долгих секунд затерялась в их глубине. Уж если ей суждено влюбиться, то неужто так уж надо делать это в контексте сложнейшего и экстравагантнейшего стечения обстоятельств в истории?

– Как насчет других прозрений вчера ночью? – спросила Меган, вырываясь из транса.

– Ничего особо потрясающего. От этой экстрасенсорной штуковины у меня ум за разум заходит, заставляя почти все время стыдиться принадлежности к роду людскому. Но способность серфить по Паутине силой мысли настолько изумительна, что и не выразишь. Должно быть, я суперботан, потому что способность без усилий узнавать обо всем, что только на ум взбредет, для меня сродни высочайшей нирване.

– По-моему, это вовсе не делает тебя суперботаном, – возразила Меган, изо всех сил стараясь сохранить

невозмутимый вид. – По-моему, суперботаном тебя делает употребление слов наподобие «нирвана».

Холл рассмеялся, и всего на миг по его лицу промелькнул отблеск влюбленности, но он тут же затушевал его.

– Вчера ночью мне вспомнилось выступление автора детских научно-фантастических книжек лет двадцать тому назад. Не помню ничего, кроме содержания, но его помню довольно хорошо. Каким бы образом это воспоминание ни угнездилось в моей памяти, этот человек много говорил о писательском ремесле – и технике. О том, как темп перемен ускоряется до безумия. Говорил, каким переворотом стал для его семьи переход от черно-белого телевидения к цветному, когда он еще был ребенком. Сказал, что помнит, как они купили свою первую микроволновую печь и собрались вокруг нее всей семьей, с разинутыми ртами глядя, как она кипятистакан воды, будто по волшебству. Он помнил, как на семейной прогулке дивился чудесам первого банкомата в их округе.

– Он говорил о том, как счастливы дети – опять же, по-моему, он сказал это лет двадцать назад, когда я был маленьким, – что живут в компьютерную эпоху. Сказал, что в его время у них был аппарат, называвшийся пишущей машинкой. Описал, как тот работал, как механические рычаги били по красящей ленте, врезаясь в лист бумаги. И сказал, что подвох заключался в том, что стоило совершить одну-единственную ошибку, и зачастую приходилось начинать всю страницу заново. Из-за одной-единственной неправильной буквы! Можно было попробовать поправить ее, вернувшись на знак назад и воспользовавшись корректирующей лентой, но часто это не удавалось. А можно было замазать ошибку белой краской, попытаться вставить лист на то же место и напечатать поверх высохшей краски. Но обычно – во всяком случае, для него – стоило лишь напечатать одну неправильную букву, как приходилось начинать с чистого листа.

– Мы в самом деле считаем технику само собой разумеющейся, а?

– Вот почему речь этого писателя была так пленительна. Он напоминал детям, какие они счастливы. Что с помощью компьютера можно вносить бесчисленные изменения без малейших усилий. Переставлять фрагменты текста туда-сюда, чтобы посмотреть, где они лучше впишутся. Оттачивать предложение сотню раз. Сказал, что любой, кто был способен написать роман с помощью пишущей машинки, становился настоящим богом. Он был успешным автором, но твердил, что если б ему приходилось пользоваться пишущей машинкой, он ничего не добился бы.

Меган попыталась представить, насколько ограниченным был бы графический дизайн без компьютерных технологий, но воображению это оказалось не под силу.

Официантка вернулась с их десертом, внешне представляясь как нельзя более любезной и профессиональной. Меган даже думать не хотела, что может прийти той в голову на сей раз.

Отделив ложкой кусочек заказанного тирамису, Меган поднесла его ко рту, а Холл продолжал:

– Этот писатель сказал, что, когда он был ребенком, его отец работал в сфере офисного оборудования. Однажды он взял сына на работу и рассказал о новом революционном изобретении. Берешь лист бумаги с текстом или картинками и вкладываешь в эту машину. А в тысячах миль оттуда на другом конце появляется точно такой же лист бумаги. Машина называлась факсимильным аппаратом. Сказал, что когда папа рассказывал ему об этой машине, она казалась чем-то позаимствованным из «Звездного пути»[16]. Он думал, отец его разыгрывает.

– А ведь факс-аппараты устарели прямо на глазах.

Холл проглотил первый кусочек заказанных блинчиков с шоколадными ганашем и нутеллой. Судя по выражению его лица, те оказались превосходными.

– Вот именно. Именно это он и отметил. Появился Интернет, так что вместо того, чтобы слать документы по факсу, можно было просто прикладывать их к электронным письмам. Он считал Интернет величайшим достижением человечества. Единое вместилище всех человеческих знаний, включая изображения, звук и видео, по которым можно моментально провести поиск на любую тему или фразу. Да такой, что он позволяет пользователям перепрыгнуть со справочной страницы на страницу по теме, отделенную от первой миллионами страниц, а потом моментально прыгнуть обратно.

– Конечно, даже в то время дети уже были вскормлены Интернетом, и отнюдь не пришли в такой же восторг, как он. Но писатель довел свою мысль до их умов. Сказал, что в его время, чтобы узнать дату рождения Гровера Кливленда[17], требовался не один час. Надо было пойти в местную библиотеку, покопаться в картотеке, найти книгу о нем и вручную отыскать дату его рождения. Теперь для выяснения этого требуются считанные секунды. А если тебе хотелось узнать дюжину рецептов блюд из спаржи, тут ты обломался. Точка. Получить эту информацию было невозможно. А теперь, проведя поиск на «блюда из спаржи», мгновенно получишь сотни результатов.

– Это действительно изумительно, – согласилась Меган. – Интересно, что этот человек сказал бы о тебе.

– Он был бы поражен, это уж наверняка. Даже наше поколение поразило бы такому. Хотя многие изыскания, проведенные мною вчера ночью, наводят на мысль, что брак между человеком и компьютером неизбежен.

– Может, и появятся какие-то имплантаты и искусственные конечности, но это значит, что мы вдруг в одночасье перестанем быть людьми.

– А вот я в этом не так уверен. Вчера ночью я нашел кое-какие публикации некоего Рэя Курцвейла на эту тему.

– Ты и в самом деле суперботан, правда?

– Все определенно идет к тому.

– Вчера ночью ты явно без дела не сидел. И как только ты выкроил время, чтобы обчистить два стола ничего не подозревавших игроков?

– Я всегда был хорош по части многозадачности, – насмешливо ответил Холл. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Так расскажи мне об этом Курцвейле.

– Он пишет о том, что называет сингулярностью. Момент, когда человечество вроде как скомбинируется с компьютерами – наверное, я как раз знаменую начало этого, – а затем стремительно эволюционирует в нечто трансцендентное. Говорит, что уже скоро. Не через тысячи лет, даже не через сотни. Раньше, чем все думают. Он уверен, что мы на волосок от переломной точки.

– Основываясь на чем? – поинтересовалась Меган.

– Всем нам известно, что темп совершенствования компьютеров растет по экспоненте. Что мощность, память и скорость удваиваются или около того каждые двенадцать-восемнадцать месяцев уже на протяжении десятилетий. Ну, и множество других вещей тоже. Интернет-узлы. Скорость секвенирования ДНК. И так далее. Но Курцвейл разъясняет, что экспоненциальный рост действует исподволь. Если удваивать каждый цент ежедневно на протяжении сорока дней, в конце у тебя будет свыше десяти миллиардов долларов. Но в первую неделю это вряд ли заметишь. Когда одно пенни удваивается до двух – кому какое дело? Но когда пять миллиардов долларов удваиваются до десяти миллиардов – вот уж где заметный рост. Так что в начале линия роста на графике будто и не поднимается вовсе, но потом приходит точка перегиба, где кривая становится чуть ли не вертикальной. Когда каждый шаг становится грандиозным.

Холл помолчал.

– По словам Курцвейла, мы почти на месте. И когда это произойдет, мы сделаем за год-два куда больше, чем сделали за весь двадцатый век. Мы перейдем эту грань «человек/машина» быстрее, чем кто-либо подозревает.

– Думаешь, он прав?

– Когда Курцвейл написал об этом впервые, многие ученые считали, что он не в меру оптимистичен. Но я проверил предсказания, сделанные им в двухтысячном году на сегодня. Он высказывался куда агрессивнее кого бы то ни было, и был весьма недалек от истины, особенно в том, что касается компьютерных технологий. Скорость ныне действующих систем 6G Wi-Fi даже более впечатляющая, чем в его предсказаниях, которые тогда считали смехотворно нелепыми.

Меган раздумчиво кивнула. Она сама некогда считала нелепостью уйму всего. Но за последние сутки ей пришлось заново переоценить многое из того, что Меган считала известным заведомо. Несомненно, знакомство с феноменом Ника Холла изменило ее взгляды радикально.

Отложив ложечку, она устремила блаженный взор на мужчину, сидящего напротив. Да, знакомство определенно меняет ее взгляды – и отнюдь не в одном отношении...

20

Алекс Альтшулер шагал через компьютерную лабораторию, забитую здоровенными мониторами и ошметками электроники любого рода, мимо десятков рабочих станций, мимо дверей, ведущих в смежный комплекс, где велись эксперименты на грызунах, а порой и на приматах, к стеклянным дверям со словами «Лаборатории Тейя», набитыми по трафарету синей краской. Он открыл двери и быстро расплатился за пиццу, прежде чем вернуться в свой кабинет.

Как обычно, Альтшулер явился последним – хотя, справедливости ради, надо сказать, что уже пробило шесть вечера, а на дворе суббота, а многие сотрудники уже закруглились на сегодня. И поел в одиночестве – опять же, как обычно.

Будучи хлюпким гиком[18], он и сам прекрасно осознавал этот факт. Башковитым хлюпким гиком. Старшие

классы Альтшулер окончил экстерном, а докторскую диссертацию на факультете электротехники и информатики Массачусетского технологического института защитил всего через четыре года. Он прекрасно понимал, что его наружность идеально соответствует стереотипу гика, вплоть до очков на носу – приспособления, стремглав несущегося в небытие.

Но Господь сыграл над ним злую шутку. Веки Алекса прилегают к глазным яблокам очень плотно, а слезной жидкости у него выделяется маловато, и сколько бы раз он ни пытался перейти на контактные линзы, которым остальные возносят дифирамбы, как воплощению комфорта, каждая его попытка кончалась плачевно. Он никак не мог сжиться с идеей позволить кроить себе глаза ножом, а потом жечь лазером, даже умом понимая, что эта процедура проходит успешно почти всякий раз, как не мог заставить себя прыгнуть на тарзанке с моста, хотя и понимал умом, что вполне может выйти из этих страстотерпий живым. С тех пор, как корректирующая глазная хирургия несколько лет назад полностью автоматизировалась и цены рухнули, он стал одним из горстки воздерживающихся.

Во все времена существовали два диаметрально противоположных мужских стереотипа. С одной – стереотип тупого качка. А с другой – башковитого, не умеющего держаться в обществе, непривлекательного, лишенного координации гика – да притом со скверным зрением. И, несмотря на бесчисленные примеры обратного, опыт подсказывал Альтшулеру, что эти стереотипы стали таковыми отнюдь не даром. Ему казалось, что у них имеется эволюционный фундамент – хоть до некоторой степени. Все самцы сражаются за самок. Самые успешные передают свои гены бесчисленным отпрыскам, гарантирующим сохранение их отличительных черт. Сильные, красивые, высокие, атлетического склада мужчины ни в каких прочих компенсаторных достоинствах не нуждаются, чтобы отыскать самку. Те находят их сами. А если они еще и башковиты, это только в плюс.

Но если ты этими положительными физическими особенностями не обладаешь, это компенсируется исключительной башковитостью – хотя бы в некоторой степени. Ты можешь использовать этот интеллект, чтобы скопить богатство и власть, тоже манящие самочек. А вот те, кто непривлекательны физически и глупы, олицетворяют эволюционный тупик.

Альтшулер взял кусок своей пиццы для мясоедов, источающей в воздух молекулы непреодолимых ароматов, будто Везувий – лаву, и отхватил зубами изрядный кус. В конце концов он запихнул в рот весь кусок, не отрывая глаз от большого монитора перед собой, заполненного сложным компьютерным кодом, который писал.

Назвать прогресс, достигнутый им за последний год, ошеломительным – это будет еще слабо сказано. Алекс не сомневался, что «Лаборатории Тейя» стоят на грани массы революционных, основополагающих прорывов, которые его начальник, он же генеральный директор «Тейи» Келвин Грей, по неким необъяснимым резонам упорно держал под сукном.

Грей, попирающий все стереотипы гиков, воплощая «три в одном» – толковый, харизматичный и башковитый, – завербовал Альтшулера всего через три года после выпуска из Массачусетского технологического, сманив его из «Интела» финансовыми посулами, устоять перед которыми Алекс не мог, запросто дававшими фору самым агрессивным предложениям, поступающим от прочих глобальных электронных, компьютерных и интернет-левиафанов. Всего за год Альтшулер заначил такую кругленькую сумму, какой не смог скопить и за три года предыдущей работы. Еще пара лет – и у него будет дом на побережье, «Ламборгини» и все прочее, сигнализирующее женщинам, что он упакован под завязку.

Разумеется, ирония ситуации заключается в том, что единственная желанная для него девушка – Хезер Замбрана – отнюдь не из тех, на кого производит впечатление богатство. И это одна из причин, по которой она ему так нравится. Хезер на пару-тройку лет моложе его, работает под его началом, и хотя как женщина она куда миловиднее, чем он как мужчина, она отъявленный гик, точь-в-точь как он. Но если она только не уволится из компании, ему ни в жисть даже не пригласить ее на свидание, что бесит, но и проливает бальзам на его закомплексованную душу гика, уверенную, что Хезер все равно его отвергнет.

Его работа в «Лабораториях Тейя» увлекательна, но в то же время способна довести до белого каления. В нежном возрасте двадцати семи лет, когда он поступил на службу, его поставили во главе двух дюжин ученых, почти поголовно старше его по возрасту, и присвоили титул исполнительного вице-президента по науке, подчиняющегося только Келвину Грею. В двадцать семь это вам не хухры-мухры.

И все же титул, как ни странно, оказался филькиной грамотой. Никто не воспринимал его ни как руководителя, ни как партнера. Грей придиричив, но наведывается редко, работая в небольшом офисном комплексе в окрестностях Мадеры, смежном с двумя очень хорошо оснащенными компьютерно-электронными лабораториями. Большая – для всех, кто там работает, а маленькая, но все равно впечатляющая – только для персонального и конфиденциального употребления самого Грея. Да и из дома Келвин тоже работает частенько.

В обязанности Альтшулера входит руководство командой компьютерных гениев вкупе с группой выходцев из фарминдустрии, проводящих эксперименты на мозгах животных с целью определить точное расположение нейронных областей, взаимодействующих со зрительными и слуховыми импульсами; точный поток данных требуется для безупречного воспроизведения зрительных и слуховых сигналов, от природы передаваемых глазами и ушами.

На втором фронте они пытались перекодировать чистую мысль в речь. Примитивная версия этой способности существует уже не первый год, но она на целые порядки тривиальнее того, на что они нацелились. Дети по всему миру мысленно управляют видеоиграми, используя шлемы, ошметинившиеся многочисленными электродами, контактирующими во время игры с их головами. Но входы данных этой системы настраиваются эмпирически, и для каждого человека они свои. Пользователь должен обучить систему, сосредоточенно стараясь заставить курсор на экране совершать разные движения, а компьютер игры тем временем картографирует конфигурации электрических импульсов, генерируемых его мозгом во время этих потуг.

Технологический скачок, необходимый для перехода от мысленного управления простыми движениями до правильного преобразования компьютером считанного в точный поток слов, выбираемых из неограниченного лексикона, подобен скачку при переходе от абака до суперкомпьютера.

Но за последние полгода достигнут прогресс, практически не знающий прецедентов в анналах техники. Невероятно быстро.

Да, Альтшулер понимал, что к этому порядком причастна его бесподобная гениальность, – не страдая ложной скромностью в отношении своих компьютерных дарований. Но по-настоящему виртуальные модели и эксперименты пошли, как песня, благодаря предложениям Келвина Грея. Этот попросту сверхъестественный человек предлагал новое расположение и взаимодействие электрических сигналов с нейронной матрицей, причем расположение далеко не очевидное, – и оно работало, зачастую непонятно почему.

То же касается и твиков потоков данных, и модификаций используемых ими алгоритмов, которые Альтшулер считал сложнейшими и революционнейшими из когда-либо испытанных. Ему пришлось преобразовать прозрения Грея в код и аппаратное обеспечение, что внушало благоговейный ужас уже само по себе, но Алекс вынужден был признаться себе, что без прозрений его босса они до сих пор семенили бы детскими шажочками, вместо того чтобы спуртовать, как олимпийский чемпион.

Они уже созрели для экспериментов на людях. Опыты на животных и виртуальные симуляции, какими бы дотошными они ни были, далеко не заведут. Насколько понимал Альтшулер, они уже дошли до точки, когда могут совершенно безупречно симитировать поток данных, посылаемых и глазами, и ушами.

Если их текущие результаты на самом деле можно перенести на человека, то тут уж, ничуть не сомневался Альтшулер, у них в руках абсолютная панацея и от слепоты, и от глухоты. А с другой стороны, они готовы выдать умопомрачительные приложения для преобразования мысли в данные.

Но Грей его все время осаживает. Ему запрещено публиковать какие-либо из своих выводов. Они, несомненно, совершили прорыв, который моментально преобразится в изделия-блокбастеры, но это даже не подлежит обсуждению.

В конечном итоге, понимал Альтшулер, Грей хочет скомбинировать технологии и алгоритмы, находящиеся у них в разработке, чтобы дать людям возможность веб-серфинга с помощью одной лишь силы мысли. Это порождает дополнительные трудности. К счастью, ученые подсаживают имплантаты в мозги животных уже десятилетиями. Еще в 1998 году выяснили, что иридиевые микроэлектроды, покрытые парилоном C[19] и имплантированные в дуральное вещество обезьян, обладают очень хорошей переносимостью для организма и продолжают работать даже три года спустя. А с той поры их порядком усовершенствовали.

Но, хотя микросхемы и требуют очень мало энергии, поступающей от топливных элементов, способных преобразовывать глюкозу в электричество, сбрасывать их со счетов нельзя. Хотя подобная технология доступна уже много лет, она еще требует тщательных экспериментов, когда пробьет час, чтобы добиться уверенности, что эта реакция не будет генерировать чересчур много тепла, а имплантаты не крадут у мозга слишком уж много глюкозы, которой тот поглощает раз в десять больше, чем весь остальной организм.

Грей приставил к этой работе ряд лучших специалистов, корпящих над проблемами вроде этой на мадерской площадке «Тейи», но никогда не обсуждал детали, держа достижения этих групп под сукном.

Что же до Альтшулера и его команды, то они подготовили невесть сколько заявок на патенты, но Грей даже не позволил проработать их с патентным поверенным. Он сидит на выигрышном лотерейном билете, но упорно отказывается обналичить его.

Прямо бесит, подумал Альтшулер, наверное, уже в десятый раз за день, продолжая атаковать лежащую перед

ним пиццу и запивая ее водой из бутылки. И уже приступил к последнему куску, когда зазвонил его сотовый.

– Алекс, это Кэмерон Файф, – послышался напряженный голос. – Ты один?

Альтшулер моментально насторожился. Файф – пассивный партнер Келвина Грея, венчурный инвестор, отвечающий за финансирование всего балагана и владеющий контрольным пакетом «Тейи». И с ним Альтшулер встречался лишь единожды. Несмотря на возвышенный символический пост Алекса, и Файф, и Грей держат его за заурядного работника по найму, будто вне рамок своей специализации он немногим больше, чем простой уборщик.

Этот Файф предпочитает не светиться. Должно быть, он стоит как минимум десятки миллионов, но в онлайн-о нем почти не слова, Альтшулер проверял. Порой пишут, что он жертвует средства в тех или иных благотворительных целях, но свои деловые интересы ухитряется держать вне поля зрения широкой общественности.

Странно, что Файф ему звонит. Но еще более странно, что звонок начался с вопроса: «Ты один?» Не самое стандартное приветствие...

Альтшулер подтвердил, что один, сняв очки и протирая их о рубашку – нервная привычка, выработавшаяся у него много лет назад.

– Чем могу помочь, Кэмерон? – спросил он, подавляя желание назвать того «мистером Файфом» и «на вы», поскольку это выглядело бы чересчур сервильно со стороны второго по старшинству сотрудника компании.

– Перейду сразу к делу, Алекс. Год назад я сказал Келвину, что если он не перестанет показывать лишь маргинальный прогресс, я перекрою «Лабораториям Тейя» кран. И с момента где-то месяцев шесть или семь назад вы начали показывать беспрецедентный во всех отношениях прогресс. Гора Эверест по сравнению с вами – просто кочка. Не представляешь, почему бы это?

– Как бы мне ни хотелось приписать все заслуги себе, не могу. Келвин начал выдавать одно волшебное прозрение за другим. Его интуиции надо поставить памятник из бронзы.

Последовала долгая пауза.

– Вчера вечером я навестил офис «Тейи» в Мадере, – наконец, сказал Файф. – У меня была намечена встреча с Келвином после работы. Я вошел, но дверь его кабинета была заперта. Позже выяснилось, что встреча назначена на следующую неделю, но я неправильно внес ее в свой ежедневник. В общем, я случайно перехватил обрывки разговора, который меня очень встревожил.

«Как же, запланированная путаница, звезды больше», – подумал Альтшулер. Файф заподозрил что-то нечистое и намеренно решил поразнюхать. Если только на самом деле разнюхивал Файф, в чем Альтшулер сильно сомневался. Скорее дал ключ-карту кому-то еще, а уж тот разнюхал все для него. Или даже задействовал совершенно другие средства, куда менее случайные и менее законные, чтобы перехватить обрывки той беседы.

– Продолжай, – сказал Алекс.

– Он разговаривал с неким Джоном, – продолжал Файф. – Я получил лишь фрагменты головоломки, но позже проделал кое-какие изыскания, и вычислил, что именно, по-моему, затевает Келвин. Я подозревал, что нечто затевается. – Он глубоко вздохнул. – Но не до такой же степени. Совсем не до такой.

Альтшулер внутренне подобрался. Уж если нечто огорошило человека вроде Файфа, наверняка навидавшегося всякого, то дело совсем скверное.

– По-моему, загадка скриппсовского «Эксплорера» разгадана.

– Что?! – ошеломленно пробормотал под нос Альтшулер. Эту фразу он ожидал услышать меньше всего.

Исследовательское судно Института океанографии Скриппс, вполне уместно названное «Эксплорером», то бишь «исследователем», с полгода стало мировой сенсацией, внезапно пропав близ мексиканского побережья с двадцатью семью учеными и экипажем на борту. Судно занималось исследовательскими работами над Центральноамериканским желобом – малоизвестным разломом в дне восточной части Тихого океана, протянувшимся на тысячу семьсот миль от Центральной Мексики до Коста-Рики на глубине до четырех миль. Судно исчезло без следа, и никого из пассажиров или экипажа так и не нашли.

Со временем отыскиались обломки, вынесенные волнами на берег, признанные принадлежавшими кораблю, но корпус судна так и не обнаружили. Учитывая глубину желоба, найти обломки – задача не из легких. Эта новость не сходила со страниц СМИ на протяжении многих недель: интервью с рыдающими родственниками, ученые, высказывающие гипотезы, что корабль могла накрыть волна-монстр в сотню футов, домыслы кабельных каналов о последних часах корабля...

– Скриппсовского «Эксплорера»? – озадаченно моргая, переспросил Альтшулер.

– Да. По-моему, Келвин организовал эвакуацию экипажа и пассажиров с судна, а потом затопил его,

прибегнув к услугам этого типа Джона в качестве наемного головореза. По-моему, он использовал пассажиров в качестве лабораторных крыс для оттачивания технологии «Тейи». – Помолчав, Файф леденящим тоном закончил: – И убил их.

21

Альтшулер шарахнулся, как от удара в лицо. Мир перед глазами стремительно завертелся. Да соображает ли Файф, что говорит?! Если правду – то это резня в исторических масштабах. Совершенная Келвином Греем? Как такое может быть?

Пусть некоторые бизнес-решения Грея досадны, пусть он и не воздает должное титулу и заслугам Альтшулера, но он великий ученый и великий человек. Вдумчивый. Щедрый. Сострадательный. Алекс видел, как он изловил паука и бережно вынес его на улицу, вместо того чтобы прихлопнуть.

А участвуя в таком злодеянии, проводя эксперименты на десятках человек и хладнокровно истребляя их, он становится на одну доску с самыми гнусными психопатами в истории человечества. Но, едва подумав об этом, Альтшулер тут же сообразил, что многие из этих пресловутых психопатов ухитрялись водить людей за нос ничуть не хуже. С виду представлялись такими же добренькими. Были столь же убедительны и обаятельны.

И почему-то вдруг Альтшулер понял, что это правда. В каких-то намеренно игнорировавшихся закутках сознания он уже давно знал это. Не вдаваясь в подробности. Не затрагивая гнусную природу преступления. Никто и не заподозрил бы, что Грей зашел настолько далеко. Это немыслимо.

Но вот что касается экспериментов на людях...

Как еще можно было объяснить сверхчеловеческие прозрения, которые Келвин то и дело выкладывал на стол будто ни с того, ни с сего? Альтшулер понимал, что не Грей замылил ему очки. Альтшулер позволял замыливать себе очки. Он был соучастником, не задававшим вопросов, – даже себе самому. Он смотрел сквозь пальцы, не позволяя и тени сомнения помрачить блаженство своего неведения.

Но даже позволив себе прийти к очевидному умозаключению, такое ему и в голову не пришло бы. Разве что эксперименты на людях, которым заплатили бешеные деньги, присягнувших хранить тайну...

А ведь следовало догадаться. Даже об этом. Потому что единственный способ добиться результатов настолько впечатляюще, настолько быстро – это проникнуться полнейшим пренебрежением к серому веществу реального человеческого существа. Буквально прорубить просеку в живом мозге, оставляя полосу разрушений, отбрасывая то, что не пошло, отыскивая и совершенствуя то, что работает. Рискуя убить десятки подопытных. Легкими, медленными, бережными шажочками такого не добьешься – даже ставя опыты на людях.

– Ты еще здесь? – спросил Файф.

– Здесь, – безжизненно прошелестел Альтшулер.

– Ты должен признать, это многое объясняет. Я был без ума от вашего прогресса. Но опыт подсказывает мне: если выбрасываешь два очка восемь или девять раз кряду, пора поинтересоваться, не было ли мухлеза с костями.

Альтшулер кивнул, испытывая глубокое отвращение к самому себе. Даже Файф в конце концов отказался закрывать глаза на происходящее, несмотря на все выгоды, которые сулил ему их прогресс. А венчурные инвесторы отнюдь не славятся своей щепетильностью. Так что ж тут говорить об Алексе Альтшулере?

– Если твои подозрения оправданны, – выговорил он, – то это определенно объясняет очень многое. Догадки Келвина чересчур хороши, чтобы быть правдой. – Он помолчал. – Так почему же ты звонишь мне, а не властям? И почему ты уверен, что я не был замешан во всем этом с самого начала? – бухнул он, и во рту вдруг стало суше, чем в Сахаре.

– Позволю себе сперва ответить на второй вопрос. Твое имя всплыло в беседе Келвина. Он и человек, с которым он разговаривал, Джон, ни капельки не сомневались, что ты ни о чем не догадываешься. Я не слышал второй стороны линии, но мне кажется, этого Джона это удивило. Келвин даже процитировал Эптона Синклера[20], чтобы растолковать ему причину.

– Эптона Синклера?

– Да. Цитата вроде: «Трудно заставить человека о чем-то догадаться, когда его зарплата зависит от недогадливости».

Альтшулер поморщился. Тут Синклер угодил не в бровь, а в глаз. Зарботки Алекса и один прорыв за другим зависели от того, будет ли он о чем-нибудь догадываться, так что уж сознание тут расстаралось. Альтшулер на миг подивился тому, насколько сюрреальна ситуация, когда один психопат цитирует Эптона Синклера другому. Впрочем, нет такого закона, чтобы людям без стыда и совести запрещалось быть начитанными и интеллектуально развитыми.

– Теперь что касается твоего первого вопроса, – продолжал Файф, – почему я не обращаюсь к властям. На данный момент у меня имеются только догадки. Я не записал разговор, да если б даже и записал, мне пришлось бы проделать массу восстановительной хирургии, «погуглить» и применить метод индукции, чтобы прийти к полученным выводам. Нам нужно добыть более надежные улики. Нужно позаботиться, чтобы этот псих не ускользнул из сети.

Альтшулер понимал, что Файф употребил местоимение «мы» отнюдь не случайно.

– И что я должен сделать?

– Нужно добиться от Келвина признания. При нынешних обстоятельствах нам нипочем не получить ордер на обыск и изъятие у него дома и в офисе. И нам нужно знать все. «Лаборатории Тейя» должны знать. Мы не можем дожидаться долгие месяцы, чтобы разобраться в каждой мелочи случившегося, пока высокооплачиваемые адвокаты Келвина будут играть с системой, вставляя ей палки в колеса. Надо вытащить все на свет с самого начала. Чтобы гарантировать, что Келвин усядется на электрический стул, и чтобы знать точный счет с первого же дня.

– Не могу не согласиться. Но учитывая, что он уже учудил, вряд ли он рвется выступить с признанием.

– Это да. Вот тут-то ты и входишь в игру. Ты в компании человека, которого я нанимаю от случая к случаю. Он вроде как частный сыщик и телохранитель по совместительству, базирующийся в Сан-Франциско. С безупречным послужным списком, исключительно надежный. Он работает один, но если надо, может очень быстро сколотить и возглавить команду коллег-профессионалов. Его зовут Эд Коуэн. Он из лучших. Служил в диверсионно-разведывательных войсках. Очень умен. И бесстрашен.

«Это без меня», – сглотнув ком в горле, подумал Альтшулер.

– Мне нужно, чтобы ты пошел домой к Келвину – сегодня вечером – с «жучком». Он будет совсем крошечный, не бойся. И Эд Коуэн будет поблизости на другом конце, а значит, лучшей страховки и не придумаешь. В общем, я хочу, чтобы ты сказал Келвину, что во всем разобрался. Что подслушал один из его разговоров, как я. И хочешь войти в долю.

– Хочу войти в долю? – испуганно переспросил Альтшулер.

– Если ты попрешь против него, то ничего не добьешься. Хуже того, ты его всполошишь, и он уничтожит все улики. Но сказав, что хочешь войти в долю, ты прибегнешь к стратегии кнута и пряника. Если он сможет тебя вовлечь, ты будешь в полной его власти. Он станет твоим хозяином. А проект выиграет оттого, что твой гений будет использоваться прямо у истоков. Это пряник. Если он прикинется дурачком, то не может не понимать, что ты на это не купишься и можешь его сдать. Это кнут. Комбинация не может не сработать. Он встретит тебя с распростертыми объятиями. Поверь, он умирает от желания рассказать кому-нибудь вроде тебя, что происходит на самом деле. Это сработает. Верь мне. Я в этом уверен.

Файф сказал это с такой абсолютной убежденностью, что Альтшулер почти принял это как факт. Но почти. Файф не добился бы своего положения, если б позволял себе подпустить в свою риторику хоть капельку неуверенности, когда надо быть убедительным. Но и Альтшулер не добился бы своего положения, позволяя кому бы то ни было помешать ему использовать собственные недюжинные аналитические способности.

– Это еще неизвестно, как он отреагирует, – засомневался Алекс. – И мы оба это понимаем. Что, если ты заблуждаешься? Что, если Келвин решит меня убить? В конце концов, он уже повинен в массовых убийствах. Что ему еще одно?

– Он не станет. Поверь мне. Может, Келвин и безжалостный психопат, но он еще и умен. Он сделает то, что в его же личных интересах. А если он тебе пригрозит, покажи ему «жучок». Скажи, что Эд Коуэн находится возле дома, и если с тобой что-нибудь случится, та же участь в кратчайшие сроки постигнет и его.

– Ну, не знаю... – промямлил Альтшулер.

– Ты можешь это сделать, Алекс. Ты должен это сделать. Я вовсе не указываю пальцем, но тебе следовало спохватиться раньше остальных. А ты не спохватился. И люди погибли. Ты сделаешь это по нескольким причинам. И прежде всего потому, что понимаешь: это лучший способ гарантировать, что Келвин заплатит за содеянное и мир узнает, какое он чудовище. Но еще и ради себя. Для тебя это шанс всей твоей жизни. Если ты это сделаешь, я поставлю тебя гендиректором «Лабораторий Тейя».

Файф помолчал.

– Теперь я знаю, что ты думаешь. Да, когда это говно всплывет, разразится скандал века. Он будет доминировать в международных новостях целую вечность. Но все будут знать, что ты непричастен. А дым непременно рассеется. А когда это произойдет, «Тейя» будет по-прежнему обладать интеллектуальной собственностью, добытой злодеяниями Келвина.

– Но эта ИС будет замарана дальше некуда, – возразил Альтшулер. – Все это сразу же наводит на мысль о жутких медицинских экспериментах, проводившихся нацистами во время Второй мировой войны.

– Да знаю! Мне хочется иметь касательство к деяниям Грея ничуть не больше твоего! Но что бы ты порекомендовал? Притвориться, что этих достижений просто не было? – в сердцах бросил Файф. – Если б Адольф Гитлер нашел лекарство от рака, разве мы отказались бы от лечения?

– Не знаю, – тяжело вздохнув, упрямо шепнул Альтшулер.

– Конечно же, мы все равно пользовались бы этим лекарством, – стоял на своем Файф. – И ты сам это знаешь. И это было бы правильно... Ну, и здесь то же самое. И общественность в конце концов это признает. Не сразу, но признает. А если мы привяжем систему к входной информации, идущей от глаз, а не из киберпространства, то получим средство от слепоты. И глухоты. Думаешь, его не примут в конечном итоге, пусть и оскверненное? И это только начало, – не унимался Файф. – «Лаборатории Тейя» уцелеют и вскорости начнут процветать. Поверь мне, когда дым рассеется, мы сможем побить рекорд «Фейсбука» по скорейшему достижению рыночной капитализации в сотню миллиардов долларов. А ты будешь гендиректором с пакетом акций в десятки миллиардов долларов.

Альтшулер осознал, что Файф прибегает к своей любимой стратегии кнута и пряника, чтобы убедить его. Но не мог не признать, что она действительно эффективна. Комбинация кнута чувства вины с пряником перспективы стать гендиректором следующего «Фейсбука» или «Эппл» вкупе с гарантированным несказанным богатством была убедительнее некуда.

– Я понимаю, что прошу многого, Алекс, – продолжал Файф. – И понимаю, что это страшно. Но мне нужна твоя помощь. Ты в деле?

Сглотнув, Альтшулер молча кивнул – и лишь через несколько секунд сообразил, что Файф его не видит.

– Я в деле, – наконец шепнул он.

– Ты поступаешь правильно, – заверил Файф. – Эд Коуэн уже находится прямо за дверью «Лабораторий Тейя». Впусти его. И давай пригвоздим этого психопатического выродка сегодня же вечером.

22

Полковник Джастин Гердлер присвоил отысканию Ника Холла высший приоритет. Трижды прочитав электронное письмо, предположительно присланное Холлом, и узнав, почему его статус изменился, полковник заставил колесики закрутиться, а потом заперся в своем кабинете, выключил Мэгги и целый час потратил на одни лишь раздумья о возможных последствиях сообщения Холла, если только оно правдиво. Вслед за тем он посвятил еще несколько часов дискуссиям со своим непосредственным подчиненным майором Майком Кэмпбеллом и пришел к выводу, что мыслят они в унисон.

По-прежнему никаких гарантий, что сообщение не фикция, но учитывая последствия, он будет дураком, если не примет меры, как будто все это происходит на самом деле.

И прежде чем наконец окончательно отойти ко сну после очень долгого дня, – чтобы хотя бы попытаться чуток поспать, – решил напоследок перечитать послание Холла еще раз.

И вывел его на экран телевизора.

От: Ник Холл

Тема: Срочно, угроза для жизни

Я очнулся сегодня утром на запертом складе, совершенно не помня, кто я такой, слыша голоса в голове. Возможно, я сумасшедший и в таком случае лишь воображаю, что отправляю это сообщение. Если вы его получили, значит, я не сумасшедший. Когда я очнулся, здесь был человек, ушедший через десять минут, но я мог читать его мысли. И не просто читать, но находить в его сознании все, что хотел. Понимаю, на что это все похоже. Но будьте снисходительны.

Тот человек был наемным убийцей по имени Билли Петерсон, работающим на человека по имени Джон Деламастер, с которым ни разу не встречался. Может, я и не помню, кто я такой, зато смог выудить из сознания Петерсона не только его имя и имя его босса.

Я нахожусь на большом складе под Фресно, Калифорния. Петерсон не помнил точного адреса, так что я не смог выудить его у него из сознания, но где-то на Олбани-авеню. Я остался в голове Петерсона, когда он уехал, но потерял его миль через шесть, так что это, должно быть, предел моего экстрасенсорного восприятия. В радиусе этих шести миль я смог нащупать лишь человек пятнадцать-двадцать; значит, склад весьма уединенный.

В общем, босс Петерсона Джон Деламастер работает с кем-то еще – с человеком, управляющим этим складом.

Имени этого типа Петерсон не знает. Знает только, что тот – «ученая шишка» и намеренно покидает здание во время нечастых визитов Петерсона. О том, что происходит на складе, Петерсону ничего не сказали, и он сумел выяснить только то, что это связано с экспериментами на людях ради усовершенствования каких-то мозговых технологий – технологий, которые позволяют людям заниматься веб-серфингом силой мысли.

Зато он знал мое имя, чего не могу сказать о себе самом. Это имя – Ник Холл. Очевидно, я последний из двадцати семи мужчин и женщин, над которыми ставили эксперименты, и Петерсону велели убить меня сегодня поздно вечером. Он сменил на этом посту другого человека Деламастера месяц назад и убил еще троих из этих таинственных двадцати семи. Петерсону не давали никакой информации о том, кто эти люди, как они сюда попали, не называли даже их имен. Мое он знал лишь потому, что при нем кто-то ненароком его назвал, сказав, что я последний из «партии».

Учитывая, что я – последний оставшийся в живых вот уже три недели, он предположил, что я был самым многообещающим подопытным по части Интернета, но в конце концов не оправдал ожиданий. С помощью наркотиков они вызывали у подопытных амнезию, чтобы вывести их из равновесия и не дать понять, что происходит. Без моей способности читать мысли это прекрасно удалось бы, и даже с моей способностью полнейшее незнание ни о себе, ни о происходящем очень сбивает с толку и пугает.

В общем, Петерсон и его предшественники сжигают тела. Когда он удалился, я попытался мысленно активировать Интернет, и это удалось. Безупречно. Просто безумие, насколько играючи я могу им пользоваться, поэкспериментировав всего минут десять-пятнадцать. Либо я солгал этому ученому, когда сказал, что ничего не работает, либо ученый солгал Петерсону. Я отыскивал электронные адреса и отправлял этот сигнал бедствия. Я понимаю, что мои слова смахивают на бред умалишенного, но это не так. Во всяком случае, я это бредом не считаю.

Вечером Петерсон вернется. Он планирует соврать мне, чтобы заманить в крематорий, сказав, что узнал, кто я такой, и может раскрыть тайну, как я тут оказался. Но учитывая, что я теперь знаю его реальные намерения и могу читать его мысли на каждом шагу, я уверен, что смогу ускользнуть.

Любой, кто получит это сообщение, пожалуйста, ответьте. Я часто проверяю этот адрес электронной почты и не сомневаюсь, что после бегства мне понадобится помощь. Я понимаю, что вы этому не поверите, но умоляю уделить чуточку времени, чтобы рассмотреть вопрос. Найдите склад, и это докажет правдивость моих слов.

Перечитав сообщение еще разок для пушей верности, Гердлер выключил телевизор и свернулся в кровати калачиком. Он развелся пять лет назад, когда удрал последний из его троих детей, и жена сообразила, что на самом деле они недолюбливают друг друга. С той поры он вступал в несколько полусерьезных отношений, но снова жениться отнюдь не жаждал. Иметь всю кровать в собственном распоряжении олицетворяло в его сознании не одиночество, а райское блаженство.

Впервые прочитав сообщение нынче утром, полковник был впечатлен пылким воображением отправителя. Идея о том, чтобы экстрасенсорное восприятие работало настолько мощно и безупречно, казалась немыслимой. С другой стороны, войска уже располагают подразделениями, способными мысленно обмениваться простыми командами – пока на них надеты специальные шлемы. Промышленность за последнее десятилетие добилась грандиозного прогресса в играх и устройствах, управляемых мыслью таким же образом. Так что, может статься, это куда менее немыслимо, чем раньше. И все же...

Дочитав сообщение в первый раз, Гердлер решил, что наконец пробил час выяснить, почему Экспертная система АНБ реанимировала это сообщение. И узнал, что, когда оно было впервые отправлено в четверг, Несси автоматически провела поиск коррелирующих событий в сотнях и тысячах измерений, на что ей потребовались секунды. Компьютер обнаружил, что Ник Холл был на борту скриппсовского «Эксплорера» – судна, вышедшего из порта с двадцатью семью мужчинами и женщинами на борту; как раз о таком количестве и шла речь в его сообщении.

Эта информация была надлежащим образом зафиксирована, но личности этих двадцати семи человек дрейфовали в море открытых источников. Так что, учитывая отсутствие авторизации неизвестного отправителя и абсурдное содержание сообщения, Несси заключила, что какой-то полоумный воспользовался именем Ника Холла и числом двадцать семь по каким-то своим извращенным соображениям.

Однако ситуация радикально изменилась, когда система установила, что отпечатки пальцев Ника Холла были обнаружены предыдущей ночью на месте двойного убийства в Бейкерсфилде, штат Калифорния. Того же Ника Холла, который отправился в плавание на «Эксплорере» и считался покоящимся с миром на глубине многих миль.

Несси в плановом порядке высасывает контент компьютеров всех военных ведомств и органов охраны правопорядка по всей стране, и, будь способна удивляться, она непременно так и поступила бы, усвоив новости из Бейкерсфилда.

Несси моментально признала, что это кардинально меняет правила игры, и настало время ввести в уравнение человека. Это было хорошее решение.

Гердлер со своей стороны немедленно приказал Мэгги, своему ПЦП, отправить органам защиты правопорядка сообщение, утверждавшее, что результаты дактилоскопирования, сделанного раньше, были ошибочными. Если бы любой следователь пришел к выводу, что это отпечатки мокрого до нитки трупа, что маловероятно, он без труда поверил бы, что допущен промах. Да как такое может не быть ошибкой?

Вскоре после того полковник прибег к своей немалой власти, чтобы дать остальным агентствам отбой в расследовании бейкерсфилдского убийства, взяв эту ответственность под свою эгиду и присвоив себе фиктивный титул специального следователя департамента межведомственных дел. Большинство сразу сообразили бы, что должность липовая, но поскольку весть, что расследование возглавит он со своей командой, пришла сверху, это проблем не вызовет.

Они нашли заброшенный склад как раз там, где и говорилось в сообщении Холла, и часть команды Гердлера занялась сбором улики, но покамест их находки оставались неубедительными. Выяснилось, что там действительно что-то творилось до недавнего времени, когда склад бросили, устроив поджог. Компания, арендовавшая складские площади, оказалась однодневкой, так что этот след никуда не привел. На месте преступления и окрест обнаружили кровь и другие телесные жидкости, и сейчас как раз идет их анализ.

Генерал Собол наконец прочел сообщение Холла, и после краткого обмена почтой, во время которого Гердлер заверил его, что энергично занимается этим делом, они запланировали завтра под вечер встречу для дальнейшего обсуждения ситуации.

Разумеется, Гердлер прекрасно осознавал, что есть и более правдоподобные объяснения электронного письма и отпечатков пальцев Холла, чем содержимое письма. Бейкерсфилдский убийца мог каким-то образом получить доступ к отпечаткам пальцев Ника Холла. Мог отправить электронное письмо и оставить отпечатки на месте преступления в качестве извращенного розыгрыша – или чтобы сбить со следа, что и удалось.

Может, настоящего Ника Холла вообще не было на борту «Эксплорера» во время рокового путешествия. Он должен был подняться на борт, но нет ни одного свидетеля, который мог бы окончательно подтвердить это или опровергнуть. А может, он был единственным, чудом пережившим кораблекрушение, и испытанная травма повлекла потерю памяти и психоз...

Но полковник Джастин Гердлер был убежден, что все сказанное в сообщении – истинная правда, как ни абсурдно она звучит. И твердо вознамерился выяснить это окончательно как можно быстрее.

23

Келвин Грей закончил телефонный разговор с Джоном Делаmaterом, испытывая смешанные чувства. А должен был испытывать безмерный восторг.

Он был настолько близко к упоению, что буквально обонял его. Но ему еще предстоит взять несколько барьеров, прежде чем можно будет отпраздновать успех так, как он заслуживает. И понимание, что эти барьеры не только оттягивают воздаяние ему по заслугам, лишая его чувства триумфа и экстаза, которые ему бы следовало ощущать, но и активно доводят... до белого... каления.

Расцепив стиснутые зубы, Келвин сделал несколько очистительных вдохов.

«Успокойся», – велел он себе. Теперь в его распоряжении прекрасный повод разобраться с двумя оставшимися проблемами, и сейчас не время идти вразнос, позволив эмоциям и оправданному нетерпению помрачить свой рассудок. Выйдя из дома на передний двор, он несколько минут взирал в усыпанные звездами ночные небеса, позволяя их покою просочиться в свою душу.

Природа осыпала его щедрыми дарами. Он не верил в Бога, но порой ему казалось, что во многих отношениях, по сравнению с непостижимо глупым средним человеком, он как раз и есть бог среди людей. Некоторые люди одарены математической, научной и технической гениальностью, как Алекс Альтшулер. Некоторые – гениальностью словесной и лингвистической. Некоторые – физическим превосходством. А некоторые – способностью постигать людей и манипулировать ими, как запрограммированными марионетками. Но только он обладает всеми этими дарами разом. И даже сверх того.

Еще в юные годы Грей осознал свои дарования и испытывал благодарность за них. Он понимал, что придется платить. Платить жалкому биологическому виду, над которым он возвысился. Помочь преобразить общество и поднять его на новые высоты, поближе к его собственным.

Люди вроде Ньютона и Эйнштейна уже сделали это в свое время на чисто научном фронте. На техническом Белл изобрел телефон, а Мартин Купер – сотовый телефон; и то, и другое – монументальный шаг вперед. Тим Бернерс-Ли измыслил гипертекстовый транспортный протокол, превратившийся во Всемирную паутину. Стив Джобс послужил провозвестником революции в персональной вычислительной технике, компьютерной анимации, музыке, планшетных компьютерах и использовании «облака», а также Siri – прототипа современных ПЦП.

Грей с молодых ногтей знал, что ему – когда-нибудь – уготована участь присоединиться к сонму провидцев в пантеоне богов, превзойдя их. И этот день стремительно приближается.

Он исцелит слепоту и глухоту. И это только для разогрева. Он встроит Интернет в человеческий рассудок, вознесет человеческую память, умственные способности и производительность до невообразимых высот.

Ради этого монументального свершения ему требуется раскодировать и перевести человеческую мысль, преобразовать ее в лексикон, не знающий пределов. Точный. Безупречный. Сфера применения настолько обширна, что даже ему пока не охватить ее умом. Он преобразит род людской, подтолкнет его к вершинам, которых тот сам не достиг бы за десятилетия, а то и столетия.

Грей рассчитывал, что со временем все признают, что он затмил всех предшественников. История однажды по заслугам воздаст ему за выдающийся вклад, ставший поворотным пунктом в преображении человечества и его выходе за грань возможного.

Несметные миллиарды, которые придут с этой славой и преклонением, станут вишенкой на торте, но и только. Он чересчур альтруистичен, чтобы волноваться о деньгах.

Грей подумывал, не связаться ли с Ником Холлом, но решил сделать эту задачу второй из двух стоящих перед ним. Сначала первостепенное.

Вернувшись в дом, он закончил приготовления, понимая, что надо покончить с ними прямо сейчас, а потом достал бутылку дорогого «Мерло» из своего выстроенного на заказ винного погреба, где поддерживал температуру пятьдесят семь градусов[21] и влажность шестьдесят пять процентов.

Откупорив «Мерло», он понес бутылку и большой винный бокал в гостиную со сводчатыми потолком, заполненную ультрамодерновой мебелью, скульптурами и полотнами. Сел в одно из двух находившихся там кресел – каждое с элегантной никелированной рамой и белым кожаным сиденьем – и позволил первому глоточку вина лениво прокатиться по вкусовым сосочкам. «Мерло» обладало черешневым букетом с легким привкусом черной лакрицы, а также дуба, вишни, черной смородины и даже намеком на специи.

Превосходное вино. Хотя и не лучшее из его запасов. Ту бутылку он приберег для окончательного празднования.

И откупорит ее очень скоро.

Келвин продолжал смаковать содержимое своего вместительного бокала, заставляя себя впасть в состояние глубокой релаксации. Когда бокал на три четверти опустел, раздался дверной звонок – короткая мелодия, эхом раскатившаяся по пяти тысячам квадратных футов резиденции. Можно было поставить беспроводное переговорное устройство, но это было бы чересчур претенциозно.

Грей открыл дверь, за которой маячила невзрачная фигура Алекса Альтшулера. Этот паренек – выдающийся гений, внесший в проект неисчислимый вклад, хотя история упомянет лишь, что его потенциал вскрылся исключительно благодаря безупречному чутью Грея, поставившего его на выдающийся руководящий пост еще в юности. Как и Стив Джобс, он собрал вокруг себя сильную команду и, как и Джобс, по заслугам удостоится звания провидца, благодаря гению которого и стал возможен этот прорыв.

В научном и техническом отношении Алекс Альтшулер почти так же даровит, как и сам Грей, но во всех прочих измерениях, где Келвин добился совершенства, пацан смехотворно неуклюж. И все же человек, способный встать с ним вровень хоть в одном измерении, заслуживает немалого уважения.

– Алекс, привет! Что привело тебя сюда в столь поздний час?

– Можно войти?

– Несомненно, – распахнув дверь, Грей жестом указал в дом.

Альтшулер вошел, тотчас же снял очки и принялся нервно протирать их полой рубашки.

– Ты в порядке? – осведомился Грей. – Выглядишь ты малость... нездоровым.

– Я, э-э... в порядке, – выдавил из себя улыбку Альтшулер.

– Должно быть, дело в здешнем освещении, – кивнув, чуть ли не себе под нос произнес Грей. – Давай устроимся поудобнее, и ты поведаешь мне, зачем пришел, – и повел Альтшулера в гостиную, из которой только что вышел. Указал на второе никелированное кресло, обращенное к его собственному, и Алекс сел, кивнув в знак

благодарности.

– Винца? – предложил Грей, указав на стоящую на столе дорогую бутылку. – Французское «Мерло» урожая девяносто первого года. Довольно хорошее.

Альтшулер кивнул с таким видом, словно хотел выхватить из руки Грея всю бутылку и осушить ее одним духом. Вынув из алькова второй бокал, Грей наполнил его для Альтшулера и поставил на разделяющий их зеркальный столик.

Алекс с благодарностью взял его, но руки у него так тряслись, что пришлось сделать большой глоток, чтобы волны, побежавшие по вину в бокале, не перехлестывали через край. И неверной рукой отставил бокал обратно, пока Грей смотрел на него с заинтересованной полуулыбкой.

– Это твой первый визит, – заметил Келвин. – Чему обязан честью лицезреть?

Снова сняв очки, Альтшулер принялся нервно тереть их. Его дыхание участилось, лицо вытянулось.

– Я хочу в долю, – ляпнул он, но, хотя явно собирался заявить это с напором, на деле чуть не поперхнулся словами, выдавливая их из себя.

– Прошу прощения? – безмятежно улыбнулся ему Грей.

– Хочу в долю, – повторил тщедушный ученый. – Я знаю, что ты затеял. Надо было догадаться куда раньше, но до меня наконец дошло. И я хочу в долю.

Грей вглядывался в него несколько долгих секунд, вынудив извиваться ужом под своим гипнотическим взглядом гремучей змеи. Незвестным в этом состязании в гляделки выступало лишь то, сколько раз Альтшулер моргнет, прежде чем Грей как бы между прочим сделает это впервые.

– Даже не представляю, о чем это ты толкуешь.

– Ты экспериментировал на людях, – сглотнув, пролепетал Алекс. – Я знаю.

Грей не ответил.

– Только так ты мог добиться своих прозрений, – продолжал Альтшулер. – Только так ты мог понять, что надо порекомендовать пустить в ход сразу четыре весьма специфических узла мозга. Чисто теоретически ты не мог прийти к таким прозрениям. Ты должен был прийти к этому эмпирически.

– Ну, раз ты так говоришь, – невозмутимо отозвался Грей.

– Я, э-э... говорю так. – Альтшулер взял большой бокал с картонного кружочка трясущейся больше прежнего рукой и осушил до капли за считанные секунды. – Я подслушал пару твоих разговоров в последние пару недель, – он поставил бокал на место. – Разговоров, позволивших мне вычислить, где ты взял подопытных.

Грей продолжал смотреть на него, проявляя разве что легкий интерес.

– Ты вместе с посторонней личностью или группой личностей затопил скрипсовский «Эксплорер». И каким-то образом забрал всех, кто был на борту. И использовал и в качестве подопытных.

Грей покрутил вино в бокале, глядя на него отсутствующим взглядом. Руки его были тверды, как руки хирурга.

– Бесхитростно, ты не находишь? – наконец, ответил он, и Альтшулер едва не свалился с кресла от этого походя сделанного признания. – Мир абсолютно уверен, что все они погибли. Лежат в рундуке Дэви Джонса[22] в сотнях и сотнях миль от меня. Дьявол, я даже слышал, как некоторые чокнутые упорно твердили, будто Центральноамериканский желоб находится в Бермудском треугольнике. Что Треугольник сместился, предвещая смещение магнитного поля Земли.

Альтшулер тупо моргал, ожидая от Грея продолжения.

– Особенно же подкупает в этой стратегии то, что если все считают тебя мертвым, то и искать не станут. Так что я волен экспериментировать, как мне вздумается. А потом, когда я, э-э... испепеляю... улики, никому нет дела. Нельзя же разыскивать человека за убийство того, кто уже считается мертвым.

Грей пригубил вина.

– Хочешь получить долю во всем этом, Алекс? – с усмешкой полюбопытствовал он. – Тебе бы видеть сейчас собственное лицо. Ты был в ужасе. Вряд ли такое может быть на лице человека, готового закатать рукава и подключиться к работе.

– Неправда. Я хотел бы провести ряд экспериментов. Если я буду стоять у истоков, наш прогресс значительно ускорится. Мы оба будем богаче Бога.

– Довольно нагло желать присоединиться ко мне. Я-то думал, ты отправишься к властям.

Альтшулер непреклонно затряс головой, словно сама мысль о выдаче Грея претила ему.

– Позволь присоединиться к тебе, Келвин.

Нахмурившись, Грей открыл ящик стоявшего рядом письменного стола. Достал пистолет, который положил туда, готовясь к этой встрече, и нацелил его на подчиненного.

– Спасибо за интерес, Алекс. Честно. Но, боюсь, я вынужден сказать «нет».

– Нет? Нет?! – выпучил глаза Альтшулер. – Да ты хоть представляешь, что упускаешь? Да если сложить наши длины волн и приложить к ним человеческих подопытных, пределом для нас будет только небо.

Как ни странно, теперь, когда предварительные обвинения остались позади, Альтшулер набрался духу, даже находясь на мушке.

– Ах, но вот ведь какая жалость, я уже совершил нужный прорыв, – возразил Грей.

Во время телефонной беседы с Джоном Деламаатером всего часом ранее тот объяснил, по каким причинам уверен, что имплантаты Ника Холла все-таки работают будь здоров. И причины были абсолютно убедительны. Потому-то Грей и был в таком экстазе. Ну, во всяком случае, почти в экстазе.

– Ключом стал последний из двадцати семи подопытных с «Эксплорера», – пояснил Грей. – Человек по имени Ник Холл. Теперь мы расположили четыре имплантата точно в нужных местах, отточив алгоритмы до пределов совершенства. В процессе мы повредили ряд несущественных участков мозга Холла, но он, вроде бы, совершенно не ощущает их нехватки.

Грей снова пригубил вина, помедлив, чтобы посмаковать. Рука, державшая оружие, при этом не дрогнула ни на миг. Потом он продолжил:

– Как раз перед твоим приходом я узнал, что программа увенчалась беспрецедентным успехом. Видишь ли, я об этом не знал. Оказалось, что Холл мне лгал. Мы были на волосок от успеха, сказал он. Небольшие поправки, и мы наверняка добьемся желаемого. И тогда я сделал поправки, доведя до совершенства систему, которая революционизирует мир. Но вместо того чтобы доложить об историческом свершении, Холл заявил обратное. Сказал, что совсем потерял сигнал. Что это был существенный шаг назад. Между нами говоря, Алекс, – Грей приподнял брови, – по-моему, этот Холл вбил себе в голову, что если я наконец-то усовершенствую то, чего добиваюсь, он будет убит. Конечно, он был прав. Но мы решили, что все равно больше не можем им пользоваться. Мы уже замызгали этот холст, и будет куда лучше начать со свежей партии похищенных. Может, опять из нового Бермудского треугольника... Подлить масла в огонь чокнутых. – Он рассмеялся, и пистолет у него в руке затрясся. – Может, именно так и родился миф о Бермудском треугольнике. Вот было бы забавно, правда?

– Я по-прежнему нужен тебе для осуществления, Келвин. Чтобы гарантировать, что это будет работать у каждого, а не только у экземпляра номер двадцать семь. И улучшить. Этот Холл – лишь прототип. Нам обоим известно, что нужно взять еще массу барьеров, прежде чем система будет полностью вылизана и отмасштабирована для массового использования. Я нужен тебе. А если я буду в деле, ты можешь рассчитывать на мое молчание. Я слишком многое выигрываю и слишком многое могу потерять, чтобы дурить.

Грей рассмеялся. Допил вино, поставил бокал на стол и снова засмеялся. Пистолет по-прежнему был у него в правой руке, но теперь он положил ее на колено, не тревожась, что Альтшулер может попытаться что-нибудь предпринять. Хоть пацан и взял себя в руки, просто чудо, что он еще не обмочил штанишки.

– Это было бы правдой, – наконец, ответил Келвин, – будь твое предложение хоть на йоту искренним. Но вот что забавно: перед самым твоим приходом звонил мой коллега. Тот самый, который организовал прискорбное кораблекрушение славного «Эксплорера». Он ведь держал тебя под присмотром, Алекс. Уже давненько. И знаешь, что он мне сказал?

Альтшулер съезжился, будто пытаясь спрятаться за бокалом.

– Не догадываешься, Алекс? Уж наверняка такой незаурядный человек, как ты, мог бы догадаться и об этом. Он сообщил, что ты придешь и заявишь о своей заинтересованности в объединении сил со мной. Но это будет полнейшей ахинеей. Он сказал, что ты будешь пытаться меня подставить.

Грей открыл тот же самый ящик, из которого достал оружие, и на сей раз извлек наручники. И перебросил их Альтшулеру, велел:

– Прикуй правую руку к подлокотнику. Еще ни разу не пользовался этими наручниками с мужчиной, – добавил он, когда Альтшулер выполнил приказание, и пожал плечами. – Что ж, все когда-нибудь случается впервые.

Впрочем, Грей даже без подсказки Деламаатера уразумел бы, что предложение Альтшулера присоединиться к нему было фальшивкой. У его подчиненного кишка тонка впутаться в подобное. И не только у Альтшулера. Почти у каждого из них. Вот вам и еще одно измерение превосходства Грея. Только у него одного довольно пороку, чтобы принимать жесткие решения. Идти на брутально трудные компромиссы, заставляющие человеческий род совершить рывок вперед.

Впрочем, роль редкостного человека, способного свершить необходимое, тоже дается нелегкой ценой. Никто

не оплакивал гибель двадцати семи человек – невинных людей – горше самого Келвина. Это чудовищная трагедия. Но они отдали свои жизни ради высшей цели. Все смертны, но сколько человек за всю мировую историю умерли ради того, чтобы катапультировать весь биологический вид в невообразимые высоты? Нет смерти более почетной. И двадцать семь героев – пусть даже двадцать семь тысяч – цена ничтожно малая за такое свершение.

В буквальном смысле Грей не пролил по ним ни слезинки, потому что это не в его стиле, но жертвы, на которые пришлось пойти, прямо-таки разрывали ему душу. Еще ничто в жизни не причиняло ему такой боли. Но отчасти его величие и заключается в готовности стерпеть подобную боль ради высшего блага. Некоторые люди вроде Альтшулера просто не способны охватить это умом.

– После тебя у меня остается еще только один неприбранный конец, – растолковал Грей. – А затем ничто не отделяет меня от бессмертия.

– Неприбранный конец?

– Да. Этот Ник Холл, о котором я тебе рассказывал. Он был приглашенным специалистом из Вуд-Холского океанографического института в Массачусетсе, которому повезло присоединиться к контингенту из Ла-Хольи на борту «Эксплорера». Похоже, недавно ему удалось удрать от нас. Мы пытались его убить, но он ухитрился несколько раз выскользнуть из петли. Было бы славно заполучить его для последующих анализов, но крайней необходимости в этом нет. У нас записаны все данные по размещению, интенсивности и параметрам сигнала его имплантатов. Однако теперь, когда мне известно, что его имплантаты работают, моя жизнь сильно упростилась. Потому что я оставил программную закладку, которой могу воспользоваться, чтобы засылать ему моментальные сообщения. Так что я могу достучаться до него, где бы он ни был. Заманить его куда-нибудь и снова схватить. Или прикончить. Так или иначе, больше никаких болтающихся концов. Это тем более легко, что, как выяснил мой друг Джон, Холл совершенно не помнит, что над ним экспериментировали.

Минутку помолчав, Грей улыбнулся.

– Да это и неудивительно при таком количестве лекарств, вызывающих амнезию, которыми мы пичкали его последние семь месяцев. Наверное, стоит ему дать щелчок по лбу, и он снова лишится памяти даже без дополнительной дозы. Дьявол, да после стольких доз, сколько он получил по пути, я не удивлюсь, если это случится с ним при надевании бейсболки.

– А когда вы схватите или убьете Холла, что тогда?

– Ну, тогда я пройду процедуры УКПЛ[23], чтобы добиться одобрения имплантатов для лечения слепоты и глухоты, и отдельно – для веб-доступа под управлением мысли. Но теперь, когда мне известно точное их расположение, мы можем быть осторожными и дотошными. Продвигаться с предельной заботой о безопасности пациента. Все время зная, что попадем в яблочко с первой попытки. Чудо... Если б я не срезал этот угол, Алекс, – Грей схлестнулся взглядом с Альтшулером, – мы бы никогда к этому не пришли. Я ни за что не смог бы совершить столько попыток наугад; попыток, которые привели бы к десяткам смертей. УКПЛ перекрыло бы мне кислород задолго до этого. Так что если б я не считал подопытных расходным материалом, это не просто отдалило бы от нас финишную черту лет на восемь-десять. Мы попросту никогда не пробежали бы дистанцию до конца. – Он нахмурился. – Потребуется не один год, чтобы получить нужные санкции и одобрения, хотя имплантаты будут работать безупречно прямо с пылу с жару. Но мы должны пройти все надлежащие инстанции. Технология будет чистой, как стеклышко... Хотелось бы мне, чтобы общественность узнала, что члены «Эксплорера» отдали свои жизни на службе человечеству, – Грей горестно покачал головой. – Увы, боюсь, это невозможно. Общество при всем своем убожестве отреагирует на это знание неадекватно.

Альтшулер нервно озирал комнату.

– В чем дело, Алекс? Исчерпались вопросы, чтобы еще потянуть резину? Ты кого-нибудь ждешь?

– Это ты о чем?

– Боюсь, твой наемный дружок не явится, чтобы спасти ситуацию. Как его зовут? Может, Эд Коуэн? Что ж, нынче вечером у моего друга Джона поблизости имелся лишь один человек, так что придется малость обождать. На самом деле это я тянул резину, а не ты. Джон сказал, что его человек ликвидирует Коуэна, а потом явится сюда, чтобы забрать тебя, гм... с моих рук долой. Мне ужасно не хотелось бы марать их более необходимого.

Побелев, как мел, Альтшулер в ужасе скукожился в кресле. Грей подозревал, что если б кресло позволило, он скорчился бы в позе эмбриона.

Келвин снова печально потрянул головой – этаким добрый дедушка, вынужденный поделиться скверной новостью со своим возлюбленным дитяtkом.

– Ты очень талантлив, Алекс. И мне хотелось бы, чтобы все это обернулось иначе. Но ты слаб. Как и огромное

большинство твоих коллег. Так что задача двигать человечество вперед ложится на таких людей, как я. Мне искренне жаль, что ты застрял между шестеренок.

И указал на бутылку, любезным тоном осведомившись:

– Еще вина?

Жаль тратить столь качественное вино на человека, который не доживет до утра, но Грей счел это благородным жестом из разряда ужина приговоренного.

Пустой взгляд Альтшулера был устремлен в пространство, он уже давным-давно утратил способность отвечать. Грей наливал себе еще бокал «Мерло», когда раздался звонок в дверь.

– Должно быть, это помощник Джона, прибыл забрать тебя с рук на руки.

Подойдя к совсем расклеившемуся человечешке напротив, Грей отомкнул наручники, заставив его под дулом пистолета идти вперед.

Звонок раздался снова, а потом наступила тишина, пока они направлялись в прихожую. Грей приказал Альтшулеру отпереть и открыть дверь. На миг ему показалось, что Алекс, того и гляди, сомлеет, но без пяти минут покойник кое-как справился с исполнением приказаний.

За медленно открывшейся дверью стоял высокий человек с пропитанными кровью повязками на левой руке и правой ноге.

– Эд? – с недоверием шепнул Альтшулер.

И в эту минуту на Келвина Грея снизошло жуткое откровение. Человек Деламата прокололся. Вместо того, чтобы убрать Эда Коуэна, он позволил Эду Коуэну убрать его.

Грей лихорадочно отдернул пистолет от спины Альтшулера и начал поднимать его, но слишком поздно. Появившись в руке Коуэна, как по волшебству, пистолет задрал ствол к голове Грея, возвышавшейся над заслонявшим его коротышкой.

Коуэн нажал на спуск, дав Грею лишь тысячную секунды, чтобы воспринять чудовищный грохот, прежде чем крупнокалиберная пуля едва не оторвала его голову от плеч, вовсе не оставив ему времени поразмыслить о том, какая трагедия постигла мир, лишившийся настоящего бога в его лице.

24

Эд Коуэн принял душ и заново перевязал свои раны, пока Алекс Альтшулер взялся за дело, взламывая домашний компьютер Грея в поисках улик – после того, как опрокинул еще один большой бокал вина, чтобы подкрепить нервы и дожидаться, когда к нему вернется слух. Коуэн выстрелил практически Альтшулеру в ухо. Впрочем, не то чтобы он жаловался – тот все же спас ему жизнь.

Альтшулер до сих пор не мог вполне уяснить, насколько откровенно психопатичен был его босс на самом деле и как его обаяние и харизма задурили Алексу голову. Келвин был напрочь лишен души. Встреча Альтшулера с Греем, включавшая угрозу оружием и лицо босса, взорвавшееся, как арбуз, смахивала на кошмар, вот только проснуться ему никак не удавалось.

Коуэн позаимствовал чистую одежду у покойного Грея, поскольку оба были примерно одинакового роста и комплекции, и они с Альтшулером проработали всю ночь. Под утро Коуэн отправил человека в дом и офис Алекса искать подслушивающие устройства. Было найдено и извлечено лишь одно – из офисного телефона Альтшулера, – но это объяснило, как партнер Грея Джон узнал о его разговоре с Кэмероном Файфом и их планах сокрушить Келвина.

К рассвету, все еще в доме Грея, они собрали горы бесспорных улик причастности того к похищению и содержанию в плену двадцати семи человек, находившихся на борту «Эксплорера». И убийству двадцати шести из них.

Они установили местонахождение склада, где похищенных держали месяц за месяцем, пока Грей использовал их мозги, как личный полигон. Узнали о специальном средстве для амнезии, которым пользовался Келвин, только недавно открытом уличными химиками по случаю, при попытке улучшить «наркотик насильников». Однако этот скверный «кузен» был способен стирать недавние воспоминания вкупе с фундаментальными воспоминаниями всей жизни, образующими ядро личности, оставляя прочие нетронутыми. Он так мощен и ужасен, что породивший его «наркотик насильников» по сравнению с ним выглядит безобидным, как детские витаминки. И еще они узнали полное имя человека, с которым работал Грей, – Джон Делаmater. Коуэн прогнал его имя через свой компьютер и свои источники, но остался ни с чем, и пришел к убеждению, что имя это вымышленное.

Грей был очень педантичен в ведении дневника, и его записи, видео и рацеи давали ясно понять, что он считал себя богоподобным, настолько умным и неуязвимым, что, ничтоже сумняшесь, хранил целую сокровищницу

инкриминирующих материалов на относительно незащищенном домашнем компьютере. Как будто был уверен, что ни за что не попадется, – но если уж попадется, то хотел, чтобы свидетельства его причастности непременно всплыли на свет, ибо считал свои действия достохвальными. Гитлер и Третий рейх тоже вели дотошный учет своих зверств, потрясший союзников, когда эти архивы попали в их руки.

И хотя недостатка в уликах виновности Грея не было, личность Деламастера по-прежнему была окутана тайной. Его умение сколачивать команды наемников и убийц было тщательно задокументировано, как и по-военному тщательная организация операции по захвату «Эксплорера». Но где его найти и кто он на самом деле, оставалось совершенно неясно. Они наткнулись на записи, объяснявшие, что Деламастер имел доступ к компьютеру Грея и предупредил того, чтобы тот не писал о нем ничего больше.

Может, Келвин и хотел предать огласке его причастность в будущем, но Джон Деламастер пригрозил убить его, если тот напишет хоть слово, которое позволит установить его личность. В то время, как Грей буквально алкал внимания, Деламастер ограждал свою конфиденциальность с яростью Цербера, стоящего на страже адских врат.

Комплекс в Мадере на деле оказался куда более продвинутым, чем выглядел. Под частной лабораторией Грея имелась тайная подвальная комната. Машину для имплантации, которой Келвин пользовался при работе со своими пленниками, являвшую собой комбинацию лучшего в классе аппарата МРТ, чтобы видеть мозг, с роботом-хирургом, работавшим под управлением компьютера, вывезли со склада всего за несколько дней до того и хранили в этой комнате вместе с сотнями законченных и полностью запрограммированных имплантатов, ожидающих следующей партии жертв.

«Жучок» Альтшулера передал всю его беседу с Греем без малейшего изъятия, и Эд Коуэн без труда записал ее. Он описал Алексу свою стычку с одним из людей Деламастера, как он сумел обезоружить нападавшего, когда был ранен в руку. Оба явно хорошо владели боевыми искусствами, и поскольку Коуэн пересказывал все очень буднично, Альтшулеру оставалось лишь домысливать последовавшую грандиозную схватку, в ходе которой Коуэн получил ножевую рану в ногу в дополнение к дырке в руке. В конце концов он одержал верх, но был вынужден убить наймита, хотя с радостью допросил бы его. При том не оказалось ни документов, ни мобильного, и хотя он представлялся потенциальной ниточкой, вряд ли она приведет к таинственному Деламастеру.

Альтшулер и Коуэн тут же отчитались перед Кэмероном Файфом еще вечером, но в пять утра решили, что пора доложить ему сызнова. Коуэн и мелкотравчатый ученый сидели вместе на темно-бордовой кожаной софе Грея лицом к трехмерному изображению лица Файфа на телеэкране, занимавшем почти всю стену.

Тот слушал их, почти не прерывая, в течение пятнадцати минут, пока они детально излагали все, что выяснили. Когда доклад был закончен, Алекс сказал:

– По-моему, давно пора сообщить властям. У нас есть запись слов Келвина, признающего в этих преступлениях. И достаточно улик на компьютере, чтобы выместить тропический остров. – Он помолчал. – И я практически уверен, что надо сообщить, если убил кого-то при самообороне, знаете ли... почти незамедлительно.

– Я бы рекомендовал выждать еще сорок восемь часов, – покачал головой Эд Коуэн. – Это не совсем стандартная процедура, и нам придется как-то объяснить задержку. Но если мы сообщим о том, что уже знаем, избежать утечек не удастся. И я готов поставить большие деньги на то, что у этого Джона Деламастера есть рука как минимум в одной из организаций, которые будут привлечены к делу.

– То есть, ты утверждаешь, что если мы доложим обо всем, то потеряем шанс задержать этого типа? – уточнил Файф.

– Весьма вероятно.

Файф задумчиво выпятил губы.

– Алекс, а ты что об этом думаешь?

– Не знаю, – признался Альтшулер. – И без того скверно, что мы замалчиваем два убийства, пусть даже в целях самообороны. Но, как ты сказал раньше, Кэмерон, мы замалчиваем событие века. – Альтшулер нахмурился. Если уж точнее, Файф назвал это скандалом века, но в такой точности Альтшулер нужды не ощущал. – И насколько вероятно, что мы схватим этого типа, как бы мы ни поступили?

– Хороший вопрос, – произнес Коуэн. – Я начал прослушку телефона и компьютера Грея. Может быть, Деламастер настолько хорош, что поставил маячки, которые предупредят его об этом. Но если нет, при его попытке связаться с Греем мы можем его пригвоздить. Если же нет, у моей команды уже хватает отправных точек. Оперативные подробности захвата «Эксплорера». Покойник с зубной картой, работавший на Деламастера.

А выяснив его имя, мы сможем проделать дальнейшую работу. Гарантий, что мы его найдем, нет, но если мы обратимся к властям, полагаю, наши шансы значительно снизятся.

Файф кивнул. Он явно уже пришел к решению, вполне оправдывая свою заслуженную репутацию решительного человека.

– Я за то, чтобы сделать все нужное, чтобы прищучить этого сукиного сына, – прошипел он с леденящим напором. – Этот ублюдок заслуживает мучительной смерти. Мы не можем дать ему выйти сухим из воды.

Объемное изображение Файфа на телеэкране пристально воззрилось на Коуэна.

– Эд, пускай в ход столько денег и ресурсов, сколько потребуется. Работаем круглосуточно. Если не прихлопнем его за сорок восемь часов, больше не откладываем: обращаемся к властям и выкладываем им все, что имеем. Алекс, тебя это устраивает?

Альтшулер насупился, но возражать не стал. Хотя он и не циник по природе, после недавних событий поневоле станешь циником. Алекс ничуть не сомневался, что Файф возмущен и искренне хочет довести Деламатаера до электрического стула, но не мог не задуматься, в какой степени Файфа мотивирует жажда правосудия, а в какой – выставление «Лабораторий Тейя» в лучшем свете. Чем ту же он затянет петлю в этом случае, тем легче будет реабилитировать репутацию «Тейи» в глазах общественности.

– Ладно, – резюмировал Файф. – Алекс, мне нужно, чтобы ты разослал глобальное электронное письмо всем, кто работает под началом Келвина – вернее, работал, прошедшее время, пожалуй, будет в данном случае уместнее. В общем, дай им знать, что он взял несколько дней за свой счет и не будет отвечать на звонки и электронку. – Файф тяжело вздохнул. – Будем надеяться, что найдем Деламатаера и всех остальных соучастников до истечения сорока восьми часов, то есть, видимо, до утра вторника. Как бы то ни было, как только мы известим власти, я сразу же созову пресс-конференцию. Как и сказал Алекс, это будет грандиозным событием. Грандиознейшим. Я приготовлю два набора реплик – на случай, если мы схватим Деламатаера, и на случай, если нет. В обоих случаях я выражу наше раскаяние, негодование и намерение двигаться вперед, загладив вину филантропией и улучшением качества человеческой жизни. – Он впери в Альтшулера многозначительный взгляд. – И провозглашу Алекса нашим новым гендиректором.

Тоший ученый испустил долгий усталый вздох. Он мечтал когда-нибудь стать генеральным директором новаторской технической компании. Но не так. Да и кому бы такого хотелось? Альтшулер словно был заместителем Адольфа Гитлера, просто умершего, прежде чем впасть «Титаник» в айсберг. И теперь назначен новым капитаном.

Прими поздравления с повышением, Алекс.

– Нечего и говорить, – продолжал Файф, – что все касающееся Келвина Грея и этих имплантатов остается строго между нами вплоть до пресс-конференции. Эд может раздавать задания своей наемной команде, но об истинной подоплеке – ни-ни. То же касается и тебя, Алекс. Ни намека никому. Согласны?

Альтшулер и Коуэн заверили его, что понимают важность происходящего и полностью согласны.

– Еще что-нибудь? – осведомился Файф.

– Да, – отозвался Алекс. – Как ты, несомненно, понял из записи нашей встречи, один из экипажа «Эксплорера» еще жив. Ник Холл. Нужно привлечь его как можно скорее. На самом деле он должен участвовать в пресс-конференции.

– Ты абсолютно прав, – поддержал Файф. – Хорошая мысль. Есть идеи, как это сделать?

Альтшулер устало кивнул. Последние события выжали его резервы почти до капли. Если в ближайшее время он не поспит хотя бы пару часов, проку от него не будет.

– Фактически говоря, – он с натугой изобразил мимолетный намек на улыбку, – да.

25

Меган Эмерсон и Ник Холл страстно целовались на диване Глендонов уже пять минут, и малая часть мозга Меган, еще способная к рациональному мышлению, дивилась, как это Ник умудряется не давать рукам воли лапать ее хотя бы чуточку. Либо ей отказывает осязание, либо у него железная воля.

А потом ее сознание наткнулось на реальный вопрос. Да как это вообще началось? Неужели она сделала первый ход? Вспомнить Меган не могла. Еще секунду назад они говорили, а потом... нет.

«Умоляю, скажи мне, что не я сделала первый ход», – подумала она.

«Не знаю, кто из нас, – телепатически откликнулся Ник Холл. – Это просто... типа случилось».

«Блин, – подумала Меган, моментально высвобождаясь из объятий. Она и забыла, что не может формулировать вербально сильные мысли, чтобы Холл не уловил их. – Ты не должен был этого слышать».

«Извини, – ответил Холл. – Но если тебе от этого легче, тот из нас, кто это начал, был гением».

Меган улыбнулась. Затем подалась вперед и снова целовала его еще добрую минуту, прежде чем снова отстраниться.

– Пойду к холодильнику за бутылкой воды, – вслух сказала она. – Ты ничего не хочешь?

– Не можешь прихватить мне диетический «Маунтин Дью»?

– А ты знаешь, что еще утро, правда?

– Считай, это вместо кофе, – развел он руками. – Холодного желто-зеленого кофе.

Меган осторожно двинулась на кухню, стараясь игнорировать головокружительные чувства, хлеставшие из нее, как вода из сломанного пожарного гидранта. Надо сосредоточиться. Постигнуть случившееся. Разумно ли было так поступать?

Долгая беседа, начавшаяся за их субботним поздним обедом, продолжилась без сбоев по их возвращении во временное жилище, чудом претворившись в беседу за поздним ужином. Ник Холл и не знал, что может быть забавным, чутким и остроумным. С некоторыми людьми проговорить пять минут хуже, чем вырвать зуб. С Холлом же общение не требовало ни малейших усилий.

Они только что вернулись с обеда, не успели оглянуться, и вдруг пора ужинать. Целые часы пролетели совершенно незаметно. Оба одинаково удивились, что уже так поздно. Меган читала, что это явный признак того, что ты увлечен и наслаждаешься общением. Пять минут в зубоврачебном кресле могут показаться вечностью, но пять часов, доставляющих настоящее наслаждение, пролетают в мгновение ока.

Глендоны уехали на неделю, и они решили, что наиболее разумная стратегия – не высовываться еще как минимум сутки. Так что после ужина посмотрели кино, а потом Холл настоял пораньше отойти ко сну, чтобы набраться сил.

И снова они разошлись на ночь по отдельным спальням и спали крепко, как никогда. После завтрака, полного смеха и веселья, перешли в гостиную и начали всерьез обдумывать следующий шаг, когда вдруг... случилось это.

И что теперь? Неужто у них и без того мало проблем, чтобы еще и втюриться? Дать волю... инстинктам? И вообще, настоящие она испытывает чувства к Нику Холлу или искусственные?

Меган уже признала, что при своем первом появлении в ее офисе он нажал на все нужные романтические кнопки. И хотя как раз Ник и подверг ее жизнь опасности, он же ее и спас. Теперь ее жизнь в его руках в самом буквальном смысле.

Так, может, она влюбилась в него, просто повинуясь механизму выживания, запрограммированному в ее генах естественным отбором? Может, она подсознательно пытается вступить с ним в сексуальные отношения, чтобы крепче привязать к себе того, от кого сейчас зависит ее жизнь?

Да в ее нынешнем состоянии о сексе не может быть и речи, вдруг сообразила Меган. Ничто не действует на прохождение даже первой страницы «Камасутры» более убийственно, чем пулевое ранение бедра. Не потому ли Холл проявил себя таким джентльменом?

«Ник, – протранслировала она, доставая из холодильника бутылку воды и банку лимонада, – я заметила, что ты практически не давал воли рукам. Не потому ли, что боялся сделать мне больно?»

Последовала пауза.

«Да. Не могу выразить, как сильно меня подмывает соврать тебе, – отозвался Холл из гостиной, – и притвориться, что я такой джентльмен. Но я заметил, как ты морщишься, когда разъяряешь свою рану. Так что я просто старался предотвратить жуткие вопли, пока целовал тебя».

Пока он транслировал это, Меган вернулась в гостиную и вручила ему напиток, снова заняв место на кушетке рядом с ним.

«Какая невероятная заботливость», – подумала она, постаравшись проделать это так, чтобы Холл не «подслушал» ее. Даже она сама забыла о своей ране, пока они целовались.

И Меган решила, что ее чувства, пожалуй, настоящие. Немыслимо, чтобы она могла одурачить себя до такой степени. И даже если б могла, – решила, что наплевать. Совершенно неважно, являются ли ее амурные чувства к Нику Холлу всего лишь частью заранее запрограммированного инстинкта выживания. Пока она не встретилась с ним, подобная возможность ей даже в голову не приходила.

Важно только одно: она хочет его. Отчаянно.

Кстати, долго ли будет заживать ее бедро?

– Послушай... Меган, – начал Холл. – Я тут думал... – Вздыхнув, он сделал большой глоток желтоватой жидкости из банки. – Ты... ну, ты изумительная. Не могу даже описать, что чувствую по отношению к тебе. Но не исключено, что мы совершаем ошибку.

Она спокойно поглядела на него, но не отозвалась ни словом.

– Я – пустышка. Без прошлого. И с весьма устрашающим будущим. Ни ты, ни я не знаем, во что ты впутаешься, если проникнешься какой-то привязанностью ко мне. Во что я впутался. Дьявол, насколько я знаю, я даже могу быть женат. То, что у меня нет кольца, еще ничего не значит. Когда я очнулся в той помойке, у меня не было ни бумажника, ни воспоминаний.

– Я все это знаю, – ответила Меган.

– Знаю, что знаешь. Просто не хочу, чтобы тебе было больно. Или мне. Ты невероятная женщина, и я вправду думаю, что мои чувства к тебе... ну... настоящие. Но я не могу питать уверенности, что мои эмоции не водят меня за нос. Потому что ты – самый важный человек в моей жизни. Единственный человек в моей жизни. Так что, может быть, подсознательно я пытаюсь соединиться с тобой более глубокими узами, просто чтобы эмоционально покрепче привязать тебя к себе. Не думаю, что это так, но не знаю наверняка... – Он с досадой нахмурился. – Я достаточно вразумителен?

Меган расплылась в улыбке. По сути, он в точности воспроизвел ее же рассуждения. Если и это не знак свыше, пиши пропало.

– Абсолютно вразумителен, – сказала она, подаваясь к нему и снова целуя. – И я хочу попытать судьбу. Ты не можешь отрицать, что вместе мы очень хороши. Я убеждена, что это было бы так даже без всех привходящих обстоятельств.

Холл кивнул, ощутив явственное облегчение.

– Более чем согласен.

– Секс прямо сейчас, в моем текущем состоянии, – идея крайне скверная, – Меган указала в сторону лестницы, ведущей в хозяйскую спальню Глендонов. – Но если мы будем очень-очень осторожны, я готова спорить, что мы найдем способ сблизиться. Сбросить малость стресса, которому подвергаемся. Тебе еще не приходилось вступать в интим с неандерталками? – Она подняла брови домиком.

Холл рассмеялся.

– Может, память мне и отказывает, – проговорил он с видом безумной влюбленности, – но, по-моему, могу весьма уверенно заявить, что ты будешь первой.

26

Холл счастливо глазел на Меган, лежавшую обнаженной навзничь рядом с ним, накрывшись атласными простынями Глендонов и опустив веки. Она не спала, но по лицу у нее разлилось расслабленное выражение безмятежности или довольства.

Вот как раз удовольствие в этом уравнении было для обоих нелегкой задачей, учитывая ее состояние, но в конце концов они ухитрились дать выход напряжению на диво нежным и романтичным образом, не усугубляя состояние ее раны.

Ник бросил взгляд на часы на тумбочке. Уже за полдень. Просто не верится. Он понимал, что они потратили несколько часов, планируя свой следующий шаг, но порой тело и сердце живут по своим законам.

Холл изучал абрис ее лица. Она довольно мила, но вдруг стала непреодолимо притягательной для него вне всякого сопоставления с ее физической привлекательностью. Он был убежден, что его вызревающее чувство к ней обусловлено ее энергией и личностью, а не просто внешностью. У него возникло странное ощущение, что такое для него в диковинку. И там же и тогда Ник Холл заключил, что Вселенная умеет восстанавливать равновесие. Он, наверное, самый несчастный – и самый счастливый – человек на свете в одно и то же время.

Глаза Меган трепетно распахнулись, и она улыбнулась, заметив его изучающий взгляд. Ее лицо хранило безоблачное выражение, и Холл ласково поцеловал ее в щеку. Меган чуть ли не мурлыкала от удовольствия.

– Я почему-то чутко проголодалась, – негромко проронила она.

– В смысле еды? – уточнил Ник с похотливой ухмылкой.

– В том числе, – ответила она ему такой же улыбкой. – Может, я сделаю для нас бутербродов?

– Не шевелись, – тряхнул головой Холл. – Это на мне. – И выбрался из постели, прежде чем она успела протестовать.

Войдя в гардеробную комнату Глендонов, он накинул голубой халат Карла.

– Какой тебе бутерброд?

– Пусть это будет сюрпризом.

– Договорились.

Проществовав в кухню, Ник подумал, что на самом деле хотел бы прикончить Глендонов, чтобы они с Меган могли жить тут вечно, хотя это и вряд ли справедливо по отношению к несчастной чете, поневоле оказавшей им

столь радушный прием.

Открыв холодильник, он взглядом оценил, с чем предстоит иметь дело, когда вдруг в уголке его внутреннего поля зрения выскочило светящееся окошко, заполненное словами – стандартное текстовое окно службы моментальных сообщений с окошком для ответа под ним и маленькой пиктограммой «Отправить» снизу.

И появилось оно само по себе.

Закрыв холодильник, Холл рассеянно опустил на кухонный стул и сосредоточил все внимание на словах в окошке.

Человеку, способному заниматься интернет-серфингом с помощью сознания. Привет. Шлю вам моментальное сообщение через программную закладку в вашей системе. Пожалуйста, подтвердите, что живы и здоровы, подумав короткое сообщение в окне ответа и нажав «Отправить».

Сердце Ника подпрыгнуло под самое горло. Сокрушительный оборот событий, который может быть и очень-очень хорошим, и очень-очень плохим. Он поразмыслил, не отправить ли ответ, но решил, что не стоит.

Ему ничего не известно об отправителях, но зато известно другое: они не сдадутся только потому, что он не потрудился ответить на первый залп. Холл лишь уповал, что они не смогут воспользоваться этой программной закладкой в его персональном Интернете, чтобы засечь его местонахождение. Но едва подумав об этом, Ник осознал, что будь такое возможно, он давно был бы покойником.

Минуто спустя поступило новое сообщение.

Я понимаю, почему вам не хочется отвечать. Но поверьте, я никоим образом не могу отследить вас по ответу.

Очевидно, его реакция была вполне предсказуемой. Задумавшись лишь на миг, Холл решил продолжить прикидываться трупом и поглядеть, что будет дальше. Он попытался провести дополнительные изыскания в Сети, но никак не мог сосредоточиться. Наконец, почти пять минут спустя, пришло новое моментальное сообщение. Более пространное. Он буквально разрывался между желанием прочитать его и страхом.

Сделав мысленный вдох, Холл отцентрировал текстовое окно перед мысленным взором и приступил к чтению.

Ладно. Я вас не виню. Как я понимаю, вы лишились памяти, и уйма людей пыталась вас убить. Но я хочу помочь. Я знаю, что мы должны наладить сколько-нибудь доверительные отношения, так что начну с себя. Буду краток, но если разговор наладится, могу изложить куда подробнее.

Вас зовут Ник Холл. Вы – морской биолог из Вудс-Холовского института океанографии в Массачусетсе...

Прервав чтение, Холл пошарил у себя в памяти. И действительно, он знает Вудс-Холовский институт, как свои пять пальцев. Прошлого Ник по-прежнему не помнил, но почти не сомневался, что субъект, стоящий за этим сообщением, говорит правду. Не только о Вудс-Холе, но и о его имени, хоть отправитель сообщения и не догадывается, что ему оно уже известно.

Холл продолжил чтение.

Вы были приглашенным специалистом на борту скриппсовского «Эксплорера» вместе с двадцатью шестью другими людьми, учеными и экипажем, по большей части из Института океанографии Скриппс в Ла-Холье. Семь месяцев назад команда наемников, возглавляемая человеком по имени Джон Деламастер, похитила всех двадцать семь человек и доставила на склад под Фресно, Калифорния, где держала вас в плену. Весь остальной мир был уверен, что корабль потерпел крушение и все погибли, так что ни одна живая душа не искала вас в Калифорнии.

Ник, теперь вы наверняка догадываетесь, что там делали. Человек по имени Келвин Грей, с которым работал Деламастер, использовал вас в качестве морских свинок, чтобы довести до совершенства мозговые имплантаты, позволяющие вам делать как раз то, чем вы занимаетесь в эту секунду, – получать доступ в Сеть силой мысли. Я дам вам несколько секунд, чтобы вызвать фото Грея.

Келвина Грея Холл нашел почти мгновенно, воззрившись на его портрет на корпоративном веб-сайте «Тейи». С виду тому было под пятьдесят, но Ник подозревал, что Грей даже старше, просто выглядит молодожаво. Так или

иначе, вкупе с общей красотой Грея, фото сумело донести источаемые им компетентность, самонадеянность и ум. Лицо его казалось смутно знакомым. Будто они были наверняка знакомы, только никак не удавалось припомнить, откуда.

В поле зрения Холла появилось новое окошко, заполненное текстом.

Как вы, несомненно, открыли, Грей числится гендиректором компании под названием «Лаборатории Тейя» во Фресно. Меня зовут Алекс Альтшулер, и я работал на Грея. Но я ничего не знал ни о похищении, ни об экспериментах. Вы можете найти мою биографию на странице руководства «Лабораторий Тейя».

Вскоре Холл смотрел на фото Алекса Альтшулера – невзрачного индивидуума в очках, уже ставших своеобразным раритетом. Но его биографические данные, изложенные в кратком очерке, впечатляли, а академические достижения свидетельствовали о недюжинном интеллекте.

Текстовое окно вернулось.

Я был заместителем Грея и помог заложить основную часть фундамента технологии, которой вы сейчас пользуетесь. Но многое мне не было известно. О скриппсовском «Эксплорере» и его экспериментах я узнал только вчера вечером, и могу доказать вам это, не оставив ни тени сомнения.

Сегодня рано утром я также узнал, что Грей подрядил на основную часть работ, приведших к обладанию волшебной технологией, стоящей за вашими имплантатами, команды ученых и инженеров, знавших лишь очень специфические фрагменты головоломки. Грей использовал свои семимесячные эксперименты на двадцати семи людях, чтобы направлять свои команды, и только он один интегрировал все фрагменты воедино. Я ни о чем этом не знал, как и крупнейший инвестор «Тейи» Кэмерон Файф.

Именно Файф открыл, чем Грей занят в первую голову, и мы организовали операцию с подсадной уткой, чтобы получить улики и отправить этого типа на электрический стул. К сожалению, дело пошло не так, как было запланировано, и в конечном итоге Келвин Грей отправился на тот свет.

Текст закончился. Может, потому что Альтшулер взял передышку в диктовке своему ПЦП, а может, потому что хотел дать Холлу время обдумать изложенное.

Несколько секунд спустя появилось новое окно.

Боюсь, дальше хуже. Много хуже. Грей был заинтересован в наискорейшем результате экспериментов и считал пленников расходным материалом. Двадцать шесть человек из двадцати семи при экспериментах погибли.

Вы были двадцать седьмым.

Челюсть у Холла отвисла. Убиты двадцать шесть человек!.. Немыслимо.

«Ник, ты еще там? – донесся телепатический оклик Меган Эмерсон. – Ты явно не самый быстрый в мире изготовитель бутербродов. У тебя там всё в порядке?»

«Извини, – поспешно откликнулся Холл. – Отвлекся. Подойду через пару минут».

Снова переключив внимание на внутренний текст, он продолжил чтение.

Теперь, рассказав все это, я понимаю, что вы можете обратиться с этим к властям. Я прошу вас этого не делать. Почему? Во-первых, потому что я не знаю, кому вы можете доверять. Если Джону Делаmaterу по плечу повернуть одно из самых впечатляющих похищений людей в истории, я не исключал бы возможность, что он внедрился и в правоохранительные органы. Во-вторых, мы пытаемся не шуметь об этом еще чуточку в надежде пригвоздить Деламатера, пока не стало поздно. Мы планируем в ближайшее время объявить миру обо всем и просим вас не подрывать наши планы захватить Деламатера, прежде срока выдав то, что я вам поведал. Надеюсь, вы способны оценить уровень доверия, который я выказываю, выкладывая вам все, что имею.

Так позвольте мне продолжить и поведать наши дальнейшие планы. Во-первых, мы хотим, чтобы вы пришли и мы смогли защитить вас силами людей, которым наверняка можем доверять. Мы хотим восстановить вашу память, но об этом позже. И хотя я понимаю, что мы ничем не можем искупить зверств, содеянных главой нашей компании – ибо двадцать шесть ни в чем не повинных людей умерли, став жертвами стараний Грея

усовершенствовать имплантаты, – все равно будем неустанно стараться. Мы поведаем миру, что случилось, и попытаемся загладить вину, как сумеем, перед семьями жертв и перед вами.

Мы позволим миру решить нашу участь, но, очевидно, достигнутые Греем результаты просто поразительны – и вам это известно лучше, чем мне. Несмотря на злодеяния, совершенные ради достижения этой цели, мы считаем, что со временем общественность увидит не только это и позволит нам испытать данную технологию – сначала для исцеления слепых и глухих, а затем в качестве коммерческого интернет-продукта.

Холл потрянул головой. Он был согласен насчет исцеления слепоты и глухоты, но считал, что зеленый свет внутреннему Интернету разрешительные органы не дадут никогда.

Незачем и говорить, – вело дальше сообщение, – что вдобавок к миллионам наличными мы дадим вам и семьям жертв пакеты акций «Лабораторий Тейя» в рамках возмещения: акций, которые скоро будут стоить десятки миллионов долларов. Это не взятка за молчание или прощение, а просто искренняя попытка хоть как-то скомпенсировать содеянное находившимся на борту «Эксплорера».

Что касается вашей памяти, Грей использовал на вас и ваших коллегах уличный наркотик под названием «Стиралка 190», чтобы вызвать у вас амнезию. Снова и снова. Он делал это по ряду соображений, в том числе чтобы вывести из равновесия и не дать вспомнить друг друга, что привело бы к попытке сплоченных действий. До вчерашнего вечера я даже не знал, что такой наркотик существует, но, очевидно, это очень мощный, очень страшный родственник «наркотика насильников», и при злоупотреблении ведет к потере памяти от малейшей физической травмы. Даже после прекращения его употребления.

Хорошая новость в том, что противоядие существует, хотя для него нужно некоторое количество первоначальной «дури». Не знаю почему, но меня заверили, что это именно так. Если впрыснуть противоядие, воспользовавшись другой партией даже того же наркотика, оно не подействует.

К счастью, Грей хранил в доме часть партии, которую давал всем вам, а также несколько флаконов противоядия. Когда вы придете, мы можем дать его вам тотчас же. Это должно восстановить вашу память очень быстро. Но не стану вам лгать: на данный момент никаких гарантий. Рискну быть не деликатным и грубым, но мозги вам засношали по-полной.

Я понимаю, вам надо теперь очень многое переварить, а последние несколько дней у вас выдались нелегкие. Я корю себя, что не сообразил обо всем раньше. Но не сообразил. И не могу вернуться назад во времени, чтобы отменить случившееся. В моих силах лишь попытаться хоть как-то поправить дело отсюда. Теперь я выложил на стол все свои карты. Пожалуйста, ответьте.

Холл внутренне полностью закоченел, не сомневаясь, что послание Альтшулера глубоко правдиво. Но вся ли это правда – или только часть, нужная, чтобы заставить его вслепую забрести в ловушку?

А потому вдруг до него дошло. Альтшулер ни словом не помянул о его пси-способностях. Так что может статься, о них не известно никому, кроме Меган, как она и предполагала. Если Альтшулер лгал ему, пытаясь подстроить западню, ему ни за что не утаить этого от Холла.

«Откуда мне знать, что это не ловушка, Алекс?» – подумал он в текстовом окне и мысленно нажал «Отправить».

«Огромное спасибо за ответ! – отбил Альтшулер, и Холл буквально ощутил волнение собеседника. – Вы не пожалеете. Что до вашего вопроса, то не знаю, как могу убедить вас в своей искренности. Особенно после всего, через что вы прошли. Но я буду из кожи вон лезть. Если вам приходит в голову какой-нибудь способ проверить, заслуживаю ли я доверия, просто скажите мне».

«Противоядие к “Стиралке 190” при вас?»

«Да».

«В Сети сказано, что “Тейя” во Фресно. Вы сейчас там?»

«Я в Мадере, но, по сути, это одно и то же. Вы провели семь месяцев на складе довольно близко отсюда. Вы вообще ничего не помните?»

Холл пошарил в памяти, но остался ни с чем. И ответил, что нет.

С помощью внутренней системы он запросил карты и узнал, что Альтшулер находится в ста двадцати милях от его нынешнего местоположения. А затем вызвал адрес ближайшего к дому Глендонов бакалейного магазина и отбил текст:

«Ладно. У вас девяносто минут, чтобы добраться до “Бакалеи Вонса” на углу Рузвельта и Пайк в

Бейкерсфилде».

Ждать ответ Альтшулера долго не пришлось.

«Девяносто минут?! Невозможно. Мне придется выезжать сюда минуту и гнать на девяносто всю дорогу».

«Тогда вам пора трогаться, не так ли? Если хотите, чтобы я вам доверял, заслужите это. Времени на измышление планов у вас нет. И вам придется охотиться за призраком, начиная с Бейкерсфилда. От того, как пройдет эта охота за призраком, зависит, насколько я могу вам доверять. А это отчасти зависит от того, насколько тщательно вы будете придерживаться инструкций. – Несколько секунд поразмыслив, Холл продолжал: – Приходите с противоядием, без оружия и в одиночку. Наденьте бейсболку и не снимайте. Когда придете, стойте у стеллажа с яйцами».

Холл понимал, что это четко обозначенное место в глубине магазина, поскольку продуктовые магазины всегда размещают товары повышенного спроса вроде молока и яиц в глубине, заставляя покупателей, нуждающихся в этих продуктах, пройти весь магазин – глядишь, по пути и испытают искушение сделать импульсивные покупки. Ника подмывало потребовать, чтобы Альтшулер пристроил на голове несколько яиц и покрутился волчком, но он устоял перед соблазном. Непонятно, как эта дурацкая мысль взбрела ему в голову, но она загля на его губах столь недостававшую улыбку.

«Пришлите мне свой номер сотового, – продолжал Холл. – Через несколько минут, когда вы успеете насладиться чудесным выбором яиц «Вонса», я сообщу дальнейшие инструкции вам по телефону. Чем увереннее я буду, что могу вам доверять, тем с большей вероятностью к вам выйду. Или переадресую вас к себе».

Ответ Альтшулера пришел почти сразу же.

«Вы уверены, что я больше никак не могу заслужить доверие, кроме как примчаться к вам очертя голову, нарушая чуть ли не все правила уличного движения?»

«Уверен, – отбил Холл. – И еще одно».

«Что?»

«Вам надо было выехать пять минут назад. Потому что вы уже опаздываете».

27

Холл ринулся обратно в спальню. Меган лежала навзничь, как до его ухода.

При его виде она насмешливо улыбнулась и закатила глаза.

– Давай-ка все расставим по полочкам, Ник. Тебе потребовалось почти пятнадцать минут, чтобы сделать пару бутербродов. А затем вернуться... без бутербродов?

Холл не удержался от смеха.

– Кое-что стряслось. – Подняв простыню, он одобритительно посмотрел на ее обнаженное тело. – Прямо не верится, что я это говорю, – проворчал он, потряхивая головой, – но надо, чтобы ты оделась.

Холл объяснил ей причину задержки – и отсутствия бутербродов. Пока оба одевались, он зачитывал ей свою переписку с Алексом Альтшулером.

Меган была ошеломлена.

Холл был на скрипсовском «Эксплорере»? В самом знаменитом роковом плавании после «Летучего голландца» и космического челнока «Челленджер»? Над ним ставили эксперименты целых семь месяцев? Невероятно!

И ее пленило то, что он – морской биолог из Вудс-Хола. Судя по его мозгам и башковитости, можно догадаться, что он ученый, но ближе к математике или физике, а не настолько более увлекательному и романтичному краю спектра.

– И ни одно из этих откровений не пробудило твою память? – поинтересовалась Меган.

Холл отрицательно тряхнул головой. Он уже сказал ей, что теперь, имея куда больше отправных точек, чем имя – одно на сотни человек, – он уделит несколько минут, чтобы «погуглить» себя, и добыл дополнительные сведения. Степень бакалавра биологии Холл получил в Индианском университете в Блумингтоне, а докторскую диссертацию по океанографии защитил во Флоридском технологическом институте. Он был единственным ребенком, а родители его усопли два года назад. И он не женат.

С дальнейшими раскопками Ник решил обождать. Всегда есть шанс, что его память восстановится в полном объеме, и он предпочел лучше подождать этого, чем полагаться на киберслед ограниченной глубины и сомнительной надежности.

– Если этот тип... – начала Меган, а затем, наткнувшись на лакуну в памяти, уточнила: – Как там его зовут?

– Алекс Альтшулер.

Она повторила это имя несколько раз, не имея возможности подкрепить память Интернетом.

– Если этот Альтшулер окажется достоин, ты собираешься сказать ему о своих пси-способностях?

– По-моему, не стоит. Они до сих не нашли людей, пытающихся нас убить. И это может быть тузом в рукаве, необходимым для спасения наших жизней. Думаю, нам нужны все доступные преимущества. – Холл нахмурился. – А ты что думаешь? Может, я здесь прибегаю к порочной логике, чтобы просто отсрочить свое превращение в парию?

– Нет, – тряхнула головой Меган. – Согласна целиком и полностью. Когда память к тебе вернется, а типов, охотящихся на тебя – на нас – поймают, тогда и сможешь передумать. Но покамест это наше лучшее оружие.

– Ага. Но трудно придумать что-либо менее этичное, чем взлом частной жизни людей без их ведома. Я просто не хочу к этому привыкать. Я рассчитываю, что ты поможешь мне сохранить честность. И позаботиться, чтобы я не превратился в монстра.

Меган кивнула с угрюмым видом, подтверждая серьезность просьбы.

– И почему это я вдруг почувствовала себя невестой Франкенштейна? – промолвила она в попытке развеять мрачный настрой.

– А кто его знает? – с едва уловимым намеком на улыбку отозвался Холл. – Разве Франкенштейн женился на неандерталке?

28

Семьдесят минут спустя Меган, найдя свободное местечко на стоянке «Вонса», пристроила на нем «Мерседес» Карла Глендона и заглушила двигатель. На ней были солнечные очки на пол-лица, мешковатая одежда, а волосы были аккуратно убраны под бейсболку Стэнфордского университета; все это радушно предоставили им Глендоны.

Вчера, по пути домой с обеда, Холл проехал мимо полицейского участка и просканировал умы находившихся внутри. К его изумлению, никто и не думал разыскивать Меган Эмерсон в связи с трупами в ее кабинете. Он-то думал, двойное убийство в Бейкерсфилде должно фигурировать в полицейских сводках на первом месте. Но может быть, тот, кто за этим стоит, каким-то образом ухитрился заставить положить расследование под сукно...

И все же, хоть этот оборот событий и снял бремя с их души, было бы чересчур легкомысленно не потратить хотя бы чуточку сил, чтобы замаскироваться.

«Ладно, – передала она Холлу, оставшемуся в позаимствованном доме, – я на стоянке».

«Отлично. Погоди секундочку. Я узнаю, чем занят наш паренек».

Холл вызвал экран моментальных сообщений, которым пользовался прежде, написав: «Алекс, у вас десять минут».

«Буду через пять», – пришел ответ во внутреннее текстовое окошко Холла, несомненно, отправленный ПЦП Альтшулера, пока тот гнал к цели, как перебравший кофеина маньяк. Чтобы приехать настолько быстро, ему надо был гнать по шоссе почти всю дорогу со скоростью сотня миль в час.

«Какая у вас кепка?»

«Единственная, которую мне удалось раздобыть впопыхах. Розовый женский теннисный козырек. Ничего более похожего на бейсболку я не нашел».

Холл расхохотался в голос. Альтшулер явно готов пуститься во все тяжкие, только бы следовать инструкциям.

Ник протранслировал эту информацию Меган. Пять минут спустя, точно по графику, она доложила, что видела, как тщедушный мужчин в нелепом розовом козырьке вошел в магазин. Она выждала еще пять минут, не сводя глаз со стоянки, но Альтшулер, видимо, приехал в одиночестве. Холл рассчитывал, что феномен вечеринки предупредит его, если в магазине уже ждут другие.

Войдя в магазин, Меган зашагала к отделу яиц.

«Вижу его, – передала она Холлу. – Делаю вид, что выбираю сырную нарезку. Он футах в двадцати слева от меня».

Холл обнаружил поблизости от Меган лишь семь сознаний. И проникал в каждое по очереди, пока не нашел Альтшулера. Меган исполняла свои обязанности соглядата безупречно.

«Нашел его?» – поинтересовалась она.

«Ага. Дай мне пару минут поразведать, и я снова с тобой свяжусь».

Еще раз проникнув в сознание Алекса Альтшулера, Ник Холл приступил к раскопкам. Паренек с самого начала производил впечатление практически безвредного, что и подтвердилось после нескольких дополнительных минут перлюстрации его воспоминаний. Холл прочел воспоминание о недавнем звонке Файфа и о встрече с Греем. Альтшулер умен и амбициозен, но на самом деле подмочил штаны во время конфронтации,

хотя и не настолько, чтобы это было заметно. Прочитав это воспоминание, Холл почувствовал угрызения совести и поклялся себе забыть его напрочь.

Невероятно, но все, что Альтшулер написал Холлу, оказалось правдой на сто процентов. События разыгрывались в точности так, как он и описывал. Не нашлось даже малейшей белой лжи, чтобы выставить себя в лучшем свете. И когда Алекс писал, что сожалеет и жаждет загладить вину перед семьями жертв и обществом, он не кривил душой ни на йоту. Холл думал, что это просто дежурные речи бездушного функционера, занимающегося возмещением ущерба, но эти бойскаутские сантименты оказались совершенно искренними. Тот чувствовал восторг и волнение из-за предстоящего повышения до гендиректора и видел в нем грандиозную возможность. А еще он был в восторге от достигнутого Греем прогресса и того, как это революционизирует мир.

Но в то же самое время Альтшулер ощущал глубочайшие угрызения совести из-за своих чувств, учитывая, на какие злодеяния Грей пошел ради этого прогресса. И свою вину, что не понял намерений Грея раньше. Его сочувствие и раскаяние были очень глубоки и очень реальны, поразив Холла до глубины души.

Он передал выведенное Меган, поразившейся выводам Ника не меньше него самого.

«Давай привезем его домой, – телепатически предложил Холл. – Он безвреден».

«Тебе еще не приходилось ошибаться при чтении мыслей?» – глубоко вздохнув, полюбопытствовала Меган.

Он не мог винить ее за желание иметь полную уверенность. Все остальные преследователи жаждут их смерти, но Ник заверил ее, что абсолютно уверен в этом конкретном индивидууме.

Меган подошла к мужчине в очках и розовом козырьке, нервно переминавшемуся с ноги на ноги у рядов десяток упаковок яиц на низкой полке-холодильнике, не зная, куда себя деть. У него было такое встревоженное выражение лица, и он стрелял глазами по всему магазину настолько быстро, что казалось, будто он ожидает, что с потолка вот-вот обрушится целый отряд коммандос.

– Алекс Альтшулер? – осведомилась она.

Судя по его шокированному виду, Меган Эмерсон во множество предполагавшихся им вариантов не входила.

– Вы кто? – бухнул он.

– Меня послал Ник Холл. Он решил все-таки поверить вам.

– Правда? – с подозрением посмотрел на нее Альтшулер. – Вот так запросто?

– Очевидно, да, – пожала она плечами. – Следуйте за мной.

– Куда мы?

– Я отвезу вас к Нику, – она повела его из магазина. – Он всего в паре миль отсюда.

– Кроме шуток? – неподдельно удивился Альтшулер. – Я был готов голову на отсечение дать, что в Бейкерсфилде его нету.

– Значит, хорошо, что не дали, – с усмешкой сухо заметила Меган. – Ах да, кстати, – тут же спохватилась она. – Можете смело снять этот нелепый козырек.

29

Свернув за угол, Меган указала место назначения – воистину впечатляющее жилище.

– Вы вдвоем остановились здесь? – с недоверием спросил Альтшулер.

– Уже два дня как. Хозяева в отпуске.

– А как вы узнали, что они не вернутся вчера или сегодня?

– Мы, э-э... подслушали их.

– И что... они забыли запереть дверь? – не унимался Альтшулер.

– Просто скажем, что нам повезло, – и не будем углубляться, – пожала плечами Меган.

Она нажала кнопку рядом с приборной панелью, и самая левая дверь гаража Глендонов на четыре автомобиля плавно открылась. Заехав, она быстро закрыла дверь за собой.

– А что, если кто-то из соседей видел, как мы заезжаем? – с тревогой поинтересовался Альтшулер. – Видел вас в машине этого парня? Кто-то уже может звонить в полицию сию секунду!

Открыв дверцу, Меган выбралась из машины, оставив вопрос без ответа. Алекс последовал ее примеру, распахнув дверцу и едва не стукнув Ника Холла, вошедшего в гараж в качестве приветственной делегации в лице одного человека.

Холл протянул руку вставшему с сиденья Альтшулеру. Тот пожал протянутую руку с изумленным видом. Он явно не ожидал, что Ник Холл отнесется к нему вот так запросто, особенно после обмена текстовыми сообщениями. Оба представились, хотя необходимости в этом не было: каждый прекрасно знал, чью руку жмет.

– Добро пожаловать в наше убежище, – сказал Холл. – И не тревожьтесь, Алекс. Соседи тут довольно далеко

друг от друга. А еще я нацелил камеры на нескольких соседей, от которых хорошо виден гараж, – соврал он. – А сигналы от них поступают в мою личную Всемирную паутину. Никто не видел, как вы приехали.

– Отличная работа, – моментально отреагировал Альтшулер. – В машине у вас, наверное, тоже средства мониторинга. Либо вы прочли по моим губам, что я говорил вашей спутнице... Меган... о своих тревогах.

– Вы меня подловили, – улыбнулся Холл, – в машине тоже «жучок».

И мысленно стрельнул Меган: «Ого, этот парень схватывает на лету. Будет мне хороший урок. Нельзя терять бдительность с моим экстрасенсорным восприятием, зная вещи, которых мне знать не следует».

– Не могу выразить, как признателен вам за доверие, – сказал Альтшулер.

Холл прочел у него в мыслях, что тот искренен. Как раз после того, как ему сказали, что в машине «жучок», такое высказывание можно было принять и за иронию.

Жестом пригласив всех в дом, Холл предложил Альтшулеру выпить, но тот отказался.

– Вы привезли противоядие? – осведомился Ник.

Альтшулер извлек из кармана миниатюрный пузырек с туго завинченной крышечкой.

– Выпейте это. Память вернется к вам в течение от тридцати минут до нескольких часов. – Он поморщился. – То бишь, если вообще вернется. Гарантий дать не могу.

– Я почему-то думал, что его надо будет впрыскивать.

– Это скверный, супермощный родственник «наркотика насильников», – пояснил Альтшулер. – Который вонючие извращенцы подливают девушкам в напитки.

– Усек, – отозвался Холл. – Если б его надо было колоть шприцем, это было бы малость менее... скрытно, да?

Он протянул ладонь, Альтшулер вложил в нее пузырек, и Ник проглотил содержимое одним духом.

Альтшулер изумленно покачал головой.

– И с чего это вы решили доверять мне настолько безоглядно – вот так вдруг? Не могу поверить, что вы просто приняли его, не проанализировав сперва. В смысле, – спохватился он, – это и правда то, что я сказал. Но тем не менее...

– Меган прекрасно умеет оценивать людей, и она решила, что вы заслуживаете доверия. Для меня этого вполне достаточно.

«Вот как? – саркастично подумала Меган. – Должна заметить, что я ему не поверила бы».

Холл едва удержался от улыбки, входя со всеми в гостиную.

Следующие сорок пять минут Альтшулер посвящал их в состояние дел, насколько мог детально, включая роли Файфа и Коуэна. Ник уже прочел все это у него в голове, но это требовалось Меган, да вдобавок выступало очередной проверкой правдивости ученого очкарика.

И снова Альтшулер выложил все без утайки. Единственная область, где он был не вполне откровенен, это его собственное чувство вины. Оно было куда сильнее, чем Алекс выказывал, мысленно бичуя себя за то, что не сообразил, чем занят Грей, достаточно своевременно, чтобы спасти жизни людей.

Холл поймал себя на том, что этот человек нравится ему, даже вызывает восхищение, заставив задуматься, был бы он сам так же честен, как Альтшулер, доведись им поменяться ролями.

Когда Алекс закончил излагать все, что знал, то больше не мог сдерживаться. Ему хотелось узнать об имплантатах Холла побольше. Следующие полчаса он занимался расспросами и заставил Ника прогонять различные диагностические программы, чтобы определить производительность имплантатов поточнее.

Узнанное повергло Альтшулера в экстаз. Система работала куда лучше, нежели он смел надеяться. Может, Келвин Грей и был человеком бездушным, сказал Алекс собеседникам, но в гениальности ему не откажешь.

Наконец, исчерпав вопросы хотя бы на первое время, Альтшулер заявил:

– Я приехал с целью уговорить вас вернуться со мной во Фресно. Как вы насчет этого? Я никому не скажу, что вы там.

– Кроме наших друзей Кэмерона Файфа и Эда Коуэна, верно?

– Верно. Они двое и мы трое образуем команду кризисного управления, которая возглавит поиски Джона Деламастера. А также предаст гласности злодеяния, совершенные Келвином Греем.

– А где мы остановимся? – поинтересовалась Меган.

Альтшулер улыбнулся, довольный собой оттого, что был достаточно дальновиден, чтобы заготовить хороший ответ.

– Во «Фресно хомстед инн». Кэмерон уже снял там номер для вас под вымышленными именами. Это отель длительного пребывания, и номера там просто чудесные.

– Отель длительного пребывания? – переспросила Меган.

– Да. Знаете, вроде «Резидентс инн». Хотя «Хомстед» на голову повыше. Они обслуживают бизнесменов, находящихся в длительных командировках, переезжающих и все такое. Фактически говоря, «Тейя» размещает там иногородних сотрудников, пока те не найдут себе постоянное жилье. Это отдельные блоки примерно по семьсот квадратных футов. Несколько комнат, кухня, бесплатный завтрак. – Видя, что выражение лица Меган не переменялось, Альтшулер добавил: – Вам там понравится. Бассейн, бизнес-центр, тренажерный зал... – Альтшулер вдруг осекся и закатил глаза. – И почему мне сейчас вдруг показалось, что я работаю на этот отель?

Меган и Холл в один голос рассмеялись.

«Мы поедem с ним во Фресно, а?» – протранслировала Меган.

«Это в самом деле наш лучший вариант. И я верю этому парню безоговорочно».

«А еще искренне ему симпатизируешь, не так ли?»

«Очень. И бедро у него, наверное, не ранено, так что лучше будь со мной поласковой», – протранслировал Холл, с трудом удерживаясь от ухмылки.

Меган стукнула его по руке, спровоцировав удивленный взгляд Альтшулера, озадаченного этим спонтанным кулачным боем.

Холл посмотрел тощему ученому прямо в глаза.

– Была не была! Поехали во Фресно. Мы принимаем ваше предложение.

– Фантастика! – возликовал Альтшулер.

– Естественно, мы предпочтем поехать в вашей машине, – заявил Холл. – Секундочку, вызову такси, чтобы доехать обратно до стоянки «Вонса». Местная таксомоторная компания позволяет заказать машину в онлайнe, – пояснил он.

– Пусть заберет нас подальше от дома, – предложила Меган.

– Правильно. Пошлю ее на Примроуз, по карте это через одну улицу отсюда. – Он несколько секунд глазел в пространство, после чего провозгласил: – Ладно, готово. Такси заберет нас через пятнадцать минут. А пока ждем, давайте приберемся и вернем все на свои места, как было.

И телепатически добавил для Меган: «Вы вдвоем ступайте вперед, чтобы я мог положить ключ в тайник на улице и включить сигнализацию».

– Вы правда думаете, что эти люди не догадаются, что в их доме кто-то жил? – любопытствовал Альтшулер.

– Я думаю, они заметят уйму диковинных вещей, – ответил Холл. – Типа комплекта простыней в прачечной и свежих на постели. И нехватки еды. Но поверьте, в конце концов они убедят себя, что сами все так и оставили, поскольку все другие объяснения будут казаться им абсурдными.

– Может, решат, что у них завелся полтергейст, – сухо заметила Меган.

Уголки рта Ника Холла начали изгибаться кверху в улыбку, когда вдруг поменяли направление на обратное.

Охнув, он опустился на пол, сжал голову обеими руками, и глаза его выпучились, словно вот-вот выскочат из орбит.

Эффект противоядия сказался сразу и целиком. Воспоминания, знание о себе и своем прошлом обрушились на его рассудок, как снежная лавина, стеной несущаяся по горному склону.

Едва в силах совладать с этим, он еще несколько секунд не мог оправиться от этого чудовищного удара.

– Ник? – тревожно окликнула Меган.

Наконец Холл сделал глубокий вдох и поднялся с пола во весь рост. Он все-таки справился с ударом и теперь расправлял плечи.

Память вернулась! Ему даже незачем искать воспоминания. Он знает, кто он.

– Я вернулся, – шепнул Холл, и слезы заструились по его лицу.

Он жил в кошмаре. Даже он сам не понимал, какую эмоциональную травму причиняет жизнь без прошлого, без личности, без осознания собственного «я», отнятого у него напрочь.

– Я так рада за тебя, Ник, – нежно обняла его Меган. Ее глаза тоже увлажнились.

– Слава богу, – шепнул Альтшулер, и Холл прочел у него в сознании, как Алекс рад, что смог исправить вред, причиненный хотя бы одному последнему члену экспедиции «Эксплорера». – Значит, всё вернулось? Вы всё помните?

– Всё, – блаженно отозвался Холл.

Но тут же на лицо его набежало озадаченное выражение, и он отвел взгляд. Подняв его снова через пару секунд, проронил:

– Ну, почти все. – Испустил долгий вздох. – Похоже, есть небольшой пробел...

Часть вторая

Мертвые хранят свои секреты. И со временем станем и мы столь же мудры.
Александр Смит

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

У. Шекспир «Ромео и Джульетта»[24]

30

Полковник Джастин Гердлер опрометью бросился к маленькому армейскому вертолету «ТН-67 Крик», только что приземлившемуся в Форт-Брэгге, не обращая внимания на ветер, хлещущий по его черным с проседью волосам, будто в аэродинамической трубе. И потрянул руку человека, выпрыгнувшего из вертушки, своего заместителя майора Майка Кэмпбелла – человека, которого он выбрал на этот пост самолично, через головы людей, прослуживших куда больше, и наступив далеко не на одну мозоль.

В свои тридцать с небольшим Кэмпбелл почти мог быть Гердлеру сыном – как раз таким, какого ему следовало бы иметь. Его родной сын, родившийся, когда Гердлеру было уже под сорок, заканчивал школу, щеголяя зеленым ирокезом, татуировками и пирсингом по всему телу и без каких-либо видов на будущее.

Джастин Гердлер был разочарован своим единственным ребенком. Но сверх того он ощущал глубокое чувство вины в полной уверенности, что по этой дорожке его сын покатился в основном по его вине. Развелся. Редко бывал дома в годы формирования личности мальчика. И что хуже всего, еще и психолог по образованию. Как ни крути, он глава пси-отдела. Однажды полковник где-то слышал такое высказывание: покажите мне ребенка мозгоправа, и я покажу вам сраный бардак. Его опыт по большей части подтвердил это. Дело усугублялось тем, что упомянутый несчастный ублюдок был детским психологом. Ну, хотя бы его сыну не пришлось нести этот крест.

– Спасибо, что прибыл по этому случаю лично, – сказал Гердлер.

– Не за что, полковник. Из всего диковинного дерьма, с которым мы имеем дело, это всему остальному сто очков форы даст. Стоит того, чтобы пару часов лететь на «вертушке».

При специфике их службы, работа в воскресенье утром отнюдь не в диковинку, но Гердлер все равно ценил отношение Кэмпбелла к работе. Он мог бы устроить с ним телеконференцию, но предпочел личный контакт. К тому же не видел майора уже несколько недель: обязанности буквально развели их в разные стороны.

Вдобавок Гердлеру хотелось, чтобы Кэмпбелл вернулся в Форт-Брэгг и замещал его в главной конторе, когда сам полковник улетит базу ВВС «Эдвардс», очень кстати расположенную всего в девяноста милях от Бейкерсфилда, где у него тоже есть опорный пункт. Гердлер не сомневался, что Ник Холл давно покинул Бейкерсфилд с момента, когда нашли его отпечатки пальцев, но прибытие на последнюю известную точку пребывания жертвы – вполне разумная оперативная процедура. Даже если разыскиваемый удрал вглубь страны, если полковник будет в Калифорнии, а Кэмпбелл – в Северной Каролине, один из них будет довольно близко – по меньшей мере в смысле расстояния, которое можно быстро преодолеть на военном самолете. В дни электроники, связывающей людей многочисленными способами, и безупречных 3D-телеконференций, устроить которые не труднее, чем позвонить по телефону, географическая близость утратила былую важность.

Но Кэмпбелл был не вполне уверен, что приветствует такой оборот событий. Еще ребенком он прочитал рассказ об изобретении телепортатора, ставшего таким же вездесущим прибором, как телефон. Это было чудо техники, но фабула рассказа сводилось к тому, что он повлек возрастание числа самоубийств. Почему? Да потому, что удрать от людей, от которых хочешь скрыться, стало попросту невозможно. От бывшей жены. От

тещи, которая могла навещать на обед что ни день, на сколько бы тысяч миль подальше от нее ты ни переехал. Когда можешь перенестись в любое место мгновенно, каждого человека на земле можно считать соседом. Идеальные 3D-телеконференции толкают мир как раз в этом направлении.

Полковник Гердлер подвез майора на расстояние полумили до конфиденциального конференц-зала с высочайшим уровнем безопасности на базе, а это что-нибудь да значит. Брэгг – обитель Командования сил специальных операций армии США, частью которых является пси-отдел. Теперь, когда Гердлер возглавил спецоперативную версию, он может базироваться, где вздумается, и на самом деле имеет опорные пункты на ряде военных объектов по всей стране, которыми пользуется на пару с Кэмпбеллом – включая и находящиеся в Эдвардсе.

Объемное изображение генерал-майора Нельсона Соболя появилось на тонком экране, висящем на стене конференц-зала, точно по графику. Генерал потихоньку подбирался к заключительной строке повестки дня своего нескончаемого выездного семинара, и Гердлер тут же почувствовал, что шеф не в духе. Вполне понятно. Но все равно прискорбно.

– Джентльмены, – произнес Соболя в качестве приветствия, по очереди кивнув Гердлеру и Кэмпбеллу. Покончив на том с любезностями, генерал тут же потребовал дать рапорт о текущем состоянии ситуации Холла.

Гердлер жестом пригласил заместителя начать.

– Доложу вкратце и по существу, – сказал Кэмпбелл, тоже ощутивший отнюдь не благостное расположение Соболя. – Если вам понадобятся какие-либо уточнения, генерал, просто скажите.

Соболя резко кивнул, подтверждая, что понял.

– Мы начали с обследования склада, описанного в сообщении. Он весьма велик, как и указал Холл, – двадцать пять тысяч квадратных футов. Там провели тщательную зачистку и устроили поджог на следующий день после отправки сообщения предполагаемого Холла. Весьма профессионально – пожар был очень высокотемпературный и интенсивный.

Пока Кэмпбелл говорил, Гердлер заслал несколько фотографий склада изнутри и снаружи, а также окружающей территории, в угол обоих мониторов – и своего, и генеральского.

– Откуда нам известно, что там провели зачистку? – уточнил генерал.

– Мы нашли двух свидетелей – что оказалось непросто, Холл был прав насчет уединенности объекта, – увидевших, как несколько человек загружали фургон для перевозки имуществом со склада. По большей части столы, кровати и металлоконструкции перегородок.

– Уверен, что свидетели подсчет не вели, – заметил Соболя, – но предположил бы, что кроватей было двадцать семь.

Гердлер кивнул.

– Имеются и альтернативные гипотезы на этот предмет, но эта информация соответствует тому, что склад был разделен на двадцать семь... спальных помещений, выражаясь весьма мягко. Однако тюремная камера есть тюремная камера. Так что хоть это и не железное подтверждение, но все же...

– Соответствует. Ага, понял. Продолжайте.

– Мы не нашли местонахождения кремационной печи, о которой шла речь в сообщении, – продолжал Кэмпбелл. – Пока. Но нашли незначительные следы крови на стоянке склада и тонкий след бензина, начинающийся футах в пятидесяти от следов крови, – добавил он, пока Гердлер обозначил местоположение крови и бензинового следа на одном из фото на мониторе.

– Анализ крови пришел два часа назад, – подхватил Гердлер. – Кровь принадлежала человеку по имени Билли Петерсон. Именно это имя Холл упомянул в своем сообщении. Петерсон – наемник, проходивший службу в спецназе. Был уволен с позором за чрезмерное рьяное употребление силы.

При упоминании Петерсона, которому в послании Холла была отведена столь яркая роль, Соболя едва заметно кивнул, но выражение его лица не изменилось.

– Если предположить, что сообщению Холла можно полностью верить, – снова заговорил Гердлер, – а склад и Петерсон однозначно это подтверждают, имеется очевидный сценарий, объясняющий наши находки.

Генерал неспешно кивнул, обдумывая, какой же сценарий лучше вписывается в эти данные.

– Верно, – произнес он после нескольких секунд раздумий. – Петерсон ведет Холла к своей машине на стоянке, чтобы отвезти его в крематорий. Думает, что заманил его, как беспомощного ягненка на бойню, посулами информации, не зная, что Холл в курсе его обмана. Но тот меняется с ним ролями, используя свою способность к чтению мыслей, чтобы напасть на него врасплох. Кто знает, может быть, он двинул Петерсона дверцей, наклонился и схватил большой камень или еще что... Но, полагаю, вы бы сказали мне, если б

обнаружили кровь Холла. Значит, тот каким-то образом взял верх над этим типом, в десять раз более искушенным, чем он.

– Верно, – подтвердил Кэмпбелл. – Что соотв... подтверждает мысль, что Холл умен, и это экстрасенсорное восприятие может быть реальным. Достаточно реальным, чтобы компенсировать нехватку умения.

– Затем Холл угоняет машину Петерсона и уезжает, – повел дальше генерал. – Петерсон ранен, но в состоянии сделать выстрел, пробивший бензобак и оставивший след бензина позади машины. Поскольку бензобаки взрываются только в кино, Холл едет, пока хватает бензина. На что могло уйти достаточно времени в зависимости от места пробойны.

– Таковую реконструкцию событий мы считаем наиболее вероятной, – подтвердил Гердлер.

– Машину уже нашли?

– Нет, – ответил полковник, – что и неудивительно. Всякий, кому по плечу справиться с чем-то наподобие «Эксплорера» Скриппса, зачистил бы все за собой при любой возможности. Пример зачистки склада достаточно показателен.

– Напомните, как там зовут этого тайного кукловода, указанного Холлом? – попросил Соболев.

– Джон Деламастер, – доложил Кэмпбелл.

– Точно. Есть по нему что-нибудь?

– Ничего, – ответил майор. – Это почти наверняка псевдоним. Он не засветился ни на одном из компьютеров.

– Вероятнее всего, бензин у машины кончился в Бейкерсфилде, – взял слово Гердлер. – Разумеется, если принять, что наш анализ ведет в правильном направлении. Что отнюдь не обязательно.

– Бейкерсфилд... Не там ли произошло двойное убийство, на месте которого нашли отпечатки Холла, так?

– Точно так, – подтвердил полковник. – И мы уже установили личности обеих жертв. Это наемники, оба связаны с Петерсоном.

Соболев медленно кивнул все с тем же угрюмым видом.

– Все продолжает складываться одно к одному, не так ли? Если б вы делали ставки, то теперь поставили бы по-крупному, что сообщение Холла в изрядной степени правдиво.

Гердлер быстро изложил, как они искали другие убийства примерно в то же время и тоже связанные с этими. Убийство на заправке «Шелл» и убийства двух работников «скорой помощи».

– Мы нажали на рычаги, чтобы эти расследования тоже вели наши люди, – закруглил рассказ Гердлер. – Мы отследили маршруты этих двух фельдшеров за последние пару дней их жизни. И поговорили со свидетелями. Мы почти уверены, что фельдшеры контактировали с Холлом. У одного из них, Гектора Гарсия, была девушка, сообщившая нам, что он утверждал, будто познакомился с человеком, умеющим читать мысли. Без запинки. И выуживать любую нужную информацию без видимых усилий. Но тот велел Гарсии помалкивать об этом, сказав, что фельдшер если проговорится, то будет в опасности. Гарсия также сказал своей подруге, что высадил этого мужчину и какую-то женщину на бейкерсфилдском вокзале «Амтрак».

Полковник кивнул Кэмпбеллу, чтобы тот продолжил изложение.

– Мы получили доступ ко всем камерам вокзала, – доложил майор. – И действительно нашли человека, соответствующего описанию Холла, воспользовавшись снимком, сделанным перед тем, как тот поднялся на борт «Эксплорера». Он был с девушкой – как раз той самой, которой принадлежит офис, где произошло двойное убийство. Меган Эмерсон. Они пробыли там какое-то время и уехали на такси.

– Таксиста нашли?

– Да, – сказал майор. – Его журнал показывает, что он высадил обоих в центре Сирин-Оукс, зажиточного пригорода Бейкерсфилда. Мы предполагаем, что у девушки где-то там была припаркована машина. Других связей мы найти не смогли. Опросили окрестных жителей, но никто не видел ничего подозрительного и никого похожего на Холла и Эмерсон. Одна чета в отъезде, но двери их дома заперты, а сигнализация включена.

– Пожалуйста, майор, скажите, что все равно проверили дом, – с сомнением поглядел генерал на Кэмпбелла.

– Проверили. Связались с охранной компанией и проникли в дом как раз перед этим звонком, но там было пусто.

– Итак, они вышли в этом районе, – резюмировал Соболев, – и либо у них там была машина, либо они встретились с кем-то, либо уехали на другом такси, чтобы запутать следы.

– Именно так мы и предполагаем, – поведал майор Кэмпбелл. – Хотя и не нашли никаких свидетельств, чтобы где-то в это время кто-либо садился в такси в Сирин-Оукс. В этой округе очень мало уличных камер, и ни одна из них Холла не зафиксировала. Мы отслеживали автомобили, попадавшие в поле зрения камер в том районе в вечер их приезда и даже на следующий день. Но их там тьма-тьмушущая, и ничего заслуживающего внимания мы

не обнаружили. Мы также просмотрели записи камер во всех магазинах и на заправках в радиусе десяти миль на сутки до и после их высадки из такси.

– Значит, по сути, след простыл, – прокомментировал генерал, ни словом не отметив достигнутый ими прогресс.

– Пока что, – отчасти согласился Гердлер. – Но мы снова его возьмем.

– Холл послал нам электронное письмо. Вы пытались на него ответить?

– Да, – ответил полковник. – Мы послали сообщение. С тем, который сообщит нам, когда его откроют. Пока что Холл его не читал. Почему – загадка. Может, был слишком занят, чтобы проверять почту. Может, по какой-то причине ликвидировал учетную запись. Но может быть так, что он даже не помнит, как отправлял сообщение или создавал почтовый аккаунт, так что и не знает, как получить доступ к почтовому ящику и даже не догадывается, что это требуется.

– Да, он писал, что ему давали наркотик для амнезии, – заметил Соболю. – Но маловероятно, чтобы ему дали еще дозу между моментом отправки сообщения и побегом.

– Это правда, – кивнул полковник. – Но мы считаем, что они использовали довольно новый наркотик под названием «Стиралка – сто девяносто». Если это так, дальнейшее усугубление нестабильности памяти даже без наркотика не так уж маловероятно.

– Так что, по сути, это все, чем мы располагаем данный момент, – помолчав, подытожил Гердлер.

– Ладно, – медленно кивнул Соболю. – И каковы же ваши мысли на сей счет, полковник? И дальнейшие рекомендации?

Набрав в грудь побольше воздуха, Гердлер посмотрел на Кэмпбелла. Тот ответил ему ободряющим взглядом.

– Я считаю, что электронное письмо Холла правдиво, – выложил он. – Я считаю, что некое частное лицо или компания похитили находившихся на борту «Эксплорера» и доставили их на склад под Фресно. Я считаю, что похитители ставили над ними всеми эксперименты, приведшие к гибели всех, кроме Холла. Я считаю, что тот, кто за этим стоит, добился нужного результата, а у Холла каким-то образом развились экстрасенсорные способности, и он бежал. Полагаю, все обстояло именно так.

Замолчав, полковник посмотрел на Собола в ожидании реакции.

– Склонен согласиться, – поддержал генерал. – Судя по всему, сообщение Холла пока что подтверждается по всем статьям.

– Исходя из предположения, что это именно так, – продолжал Гердлер, – моей первой и первоочередной рекомендацией будет засечь Ника Холла как можно быстрее. – Лицо полковника искажено страданием. – И ликвидировать. Полностью и безоговорочно.

31

На несколько секунд воцарилось полнейшее безмолвие.

– Позвольте разобраться, – сухо проронил Соболю. – Некая команда похищает целый экипаж океанского судна. Держит людей в плену много месяцев. Проводит над ними противозаконные эксперименты. А потом убивает всех, кроме одного. И ваша первоочередная рекомендация – ликвидировать единственную жертву, пережившую все это?

– Так точно, сэр.

– Майор Кэмпбелл, вы согласны с этой рекомендацией?

– Так точно, сэр, согласен, – подтвердил майор.

– Ладно, вот теперь вы меня заинтриговали. Вы, несомненно, осознаете, что как ни широки полномочия управления спецопераций, они не безграничны. И убийство невинного гражданского выходит далеко за рамки, даже если их растянуть до размеров Тихого океана. Так на каком же основании вы даете такую рекомендацию?

– Как вы догадываетесь, мы много об этом раздумывали, – ответил Гердлер. – Эти имплантаты привели к чтению мыслей. И не только поверхностных. Очевидно, Холл сумел раскопать в сознании Петерсона все, что тот знал. То же самое и с Гектором Гарсией. Вы хоть представляете последствия?

– Я был занят, полковник, но все же сумел подготовиться к этому звонку. Так что да, я думал, что из этого может последовать.

– Тогда вы должны понимать, что этот субъект чересчур опасен, чтобы жить. Экстрасенсорное восприятие – истинное, мощное, абсолютно идеальное экстрасенсорное восприятие – сила, выпускать которую на свет нельзя ни в коем случае. Орудиями его смерти будем мы, но смертный приговор ему вынес тот, как сотворил это с ним. Мы – лишь палачи, делающие то, что надлежит. Меня от этого тошнит. Но если мы позволим себе проявить сострадание, то лишимся всего.

– А вы уверены, что не сгущаете краски, полковник? Он ведь один...

– А вы хотели бы находиться с ним в одной комнате?

– Не сказал бы, – губы Собола тронула легкая улыбка. – Я мог совершить... один или два неблагоприятных поступка, которые не хотел бы доводить до его сведения. Ну так что же? Я не хотел бы находиться в одной комнате с натасканным бойцовым псом, но это не значит, что от него никакой пользы. Я за то, чтобы захватить и изучить этого субъекта. Только представьте, что будет, если человек с такими способностями будет работать на нашей стороне! А если нам удастся воспользоваться им, чтобы понять, как наделить этой способностью остальных?

– Именно этого мы и боимся, – поведаль Майк Кэмпбелл. – Это слишком большое могущество для любого человека. Даже для ангела с идеальными нравственными принципами. Это абсолютная власть, а она развращает. Помните свою воскресную школу, генерал? Сам Сатана начал свою карьеру в роли ангела. Уж если его можно было совратить с пути истинного, когда он был ангелом на небесах, на что уж надеяться человеку?

– Но все обстоит гораздо хуже, чем если бы дело ограничилось обращением Холла ко злу, – добавил Гердлер. – Если мы позволим ему жить, то откроем ларец Пандоры. Мы практически кладем начало международной гонке пси-вооружений.

Собол уставился на него, словно не веря своим ушам.

– Все страны будут искать способ дать волю экстрасенсорному восприятию, – растолковал полковник. – И для использования его в качестве оружия, и для достижения паритета, если какая-то другая страна добьется этого первой. С катастрофическими результатами, как ни поверни. Гонка пси-вооружений.

– Разве состояние Холла в последние пять минут освещалось в международных новостях? – саркастически поинтересовался Собол. – Потому что, насколько я слышал, единственные люди, хотя бы подозревающие об этом, – это мы трое и подруга сложившего голову фельдшера.

– А вы не допускаете, что об этом пронюхают другие страны? – стоял на своем Гердлер. – При всем моем уважении, генерал, вы же знаете, что пронюхают. Так или иначе. И если Холла оставить на свободе, то очень быстро. Очевидно, он не стыдится демонстрировать свои способности. Если мы попытаемся задействовать его в своих целях, это рано или поздно просочится вовне. Если мы вообще сможем упрятать его, в чем я сильно сомневаюсь. Насколько сильно мы запаникуем, если подумаем, что Иран, Россия или Китай запустили программу, обеспечивающую идеальные пси-способности? Разве мы не пустимся во все тяжкие, чтобы обрушить эту программу, генерал?

– Конечно. У нас не будет другого выхода.

– Как и у них, если узнают о нашей программе. Любой, кто не сумеет взнудать эту способность, в мире, где есть сумевшие, окажется в сокрушительно проигрышном положении. Предположим, найдется прямой способ наделить этой способностью... И не стоит недооценивать находчивость человечества. Едва почуяв запах свершения, мы заткнем за пояс любую ищейку. Если такое случится и экстрасенсорное восприятие станет повсеместным, игре конец. Это событие уровня тотального истребления. Если вдуматься, мы не принадлежим к числу биологических видов, способных читать потаенные мысли друг друга, не придя к самоуничтожению. Мы уже балансируем на краю пропасти даже без дестабилизирующих факторов извне.

Теперь Собол призадумался.

– Но даже если мы устраним Холла, разве нет шанса на то, что это уже просочилось? – произнес он. – Маловероятно, но не исключено. Если гонка вооружений должна начаться, разве можем мы позволить себе отбросить выигрышную комбинацию?

– Без Холла гонки вооружений не будет, – парировал Гердлер. – Подумайте об этом. Если мы убьем его и замнем эту историю, все будут думать, что он погиб при кораблекрушении «Эксплорера» Скриппса. Любые слухи о том, что он пережил эту трагедию, будут считать бреднями помешавшихся на теории заговора. – Полковник помолчал. – Не говоря уж о том, что мы позволим ответственным за эти зверства избежать правосудия. Мы можем подождать и посмотреть, кто выступит с революционными достижениями, а затем потихому провести расследование, позаботившись о них, пока это не стало достоянием общественности. Прежде чем предать все огласке, они будут должны – будут вынуждены – подать заявки на патенты. Они будут мешкать с этим до последней секунды, но мы можем подключить Несси к патентным компьютерам и забить тревогу, как только появится хоть что-то. Люди, стоящие за этим, предстанут перед правосудием, – настаивал он. – А мы сможем подумать об использовании того, что они узнали. Хотя и с этим связана уйма проблем. Но оставить Холла в живых – залог катастрофы. Существование его способностей выплывет наружу, даже если мы сможем упрятать его. А это большое «если». И бумерангом ударит по нам – и по миру.

– В этом я не так уверен, как вы, полковник. Будь у меня экстрасенсорные способности прямо сейчас, что я прочитал бы в ваших мыслях? Что ваш непосредственный начальник – безмозглый осел, не соглашающийся с вами сию же секунду?

Гердлер улыбнулся. Возможно, Соболю действительно читает мысли.

– Всего нет, генерал. Я бы подумал, что ценю вашу прозорливость и тот факт, что вы достаточно непредвзяты, чтобы выслушать меня и оценить мои аргументы по достоинству.

– Угу, – скептически заметил Соболю. – Хотя я и не вполне разделяю ваши воззрения, полковник, вы высказали ряд дельных мыслей. Мне нужно какое-то время, чтобы обдумать это. перезвоню вам через сорок пять минут.

На этом экран погас.

Сорок пять минут спустя они снова смотрели на сумрачное лицо Собола.

– Я рассмотрел это дело под несколькими углами, – начал он. – Полагаю, вы сделали ряд блестящих замечаний, джентльмены. Но, боюсь, я не могу поддержать вашу рекомендацию. Во-первых, мы не располагаем полномочиями убивать невинных американских граждан, не выказавших намерения подвергнуть опасности нашу страну. Во-вторых, теперь вы заставили меня с мучительной ясностью осознать, какой нестабильный нитроглицерин оказался у нас в руках. Я рассчитываю, что вы приняли надлежащие меры, чтобы ваш сценарий судного дня не воплотился в жизнь. Мы трое – единственные люди, уполномоченные знать об этом. Точка. И я хочу получить список рекомендаций о том, как удержать это в секрете. И как ограничить свободу человека, обладающего этими способностями.

– Призываю вас пересмотреть свое мнение, генерал, – стоял на своем Гердлер. – Попытка обуздать Холла и экстрасенсорное восприятие больше похожа на бумеранг, который вопьется нам всем в задницу, а не позволит играть в бактериологическую войну. Христом-богом призываю...

– Вы слышали приказ, джентльмены, – жестко отрезал Соболю.

Оба кивнули.

– Так точно, – подтвердил Гердлер. И хотя он сумел произнести это нейтральным тоном, в глазах его полыхала упрямая непокорность.

32

Гердлер и Кэмпбелл сидели в молчании еще несколько минут после того, как виртуальный образ Собола покинул тесный конференц-зал. Наконец майор нарушил молчание:

– И насколько вы удивлены?

– Не знаю. Я думал, наши аргументы убедительны. Я знаю тебя достаточно хорошо, Майк, чтобы понимать, что ты тоже так думал, а не только старался ублажить меня. Да и не стал бы ты просто ублажать меня в настолько важном деле. – Он пожал плечами. – Но, должно быть, генералу эта угроза представляется чересчур окольной. Если б Холл держал палец на кнопке, способной подорвать сотню атомных бомб по всей планете, это привлекло бы внимание Собола. Но узреть назревающую катастрофу в лице жалкого сукиного сына, способного читать мысли, ему куда труднее.

– Ну, хотя бы за сокрытие отвечаем мы. Люди, осознающие опасность лучше всех. Это уже что-то.

– Но недостаточно, Майк, – возразил полковник, покачивая головой. – Мне плевать, что нам приказано. Когда мир охвачен огнем, мне не будет легче оттого, что я всего лишь исполняю приказы. Именно это и твердили нацисты в Нюрнберге.

– Послушайте, Джастин, вы знаете, что в этом я на вашей стороне, – нахмурился Кэмпбелл. – Но люди могут сказать, что тут нацистами выступаем мы. Именно мы рекомендовали убийство невинного человека. И мысль о том, что цель у нас та же самая, что и у вершивших массовые убийства, отнюдь не утешает.

Гердлер потупил взор.

– Да уж, прямо кишки выматывает отстаивать такие меры, – снова подняв глаза на Кэмпбелла, он угрюмо мотнул головой. – Но выбора у нас нет. Холл должен умереть. В том не его вина. Если б ему вкололи наркотик, превративший его в бешеного убийцу, в том тоже была бы не его вина. Но это изменило бы неумолимое уравнение[25]... – Полковник помолчал. – Может, Холл замечательный парень. Скорее всего. И может желать только добра. Прямо сейчас. Но что, если он изменится? Если утратит душевное равновесие? Он – Дамоклов меч и ларец Пандоры в одном флаконе.

– Вы правы, – тяжело вздохнул Кэмпбелл. – Выбора у нас нет. Было бы нелегко, даже будь Соболю на нашей стороне. А так еще хуже. Мы совершаем нечто идущее вразрез с нашими же принципами, и наградой нам будет трибунал, а представить в свою защиту нам будет нечего.

– Не обязательно. Зависит от того, как это проверить. Если мы убьем его чисто, то можем притвориться, что

не смогли его разыскать. Если нет – можем списать все на несчастный случай. Мол, он сам нас вынудил.

Кэмпбелл обдумал эти слова.

– Ладно, но даже если нам удастся это проверить, не сунув голову в петлю, Соболю теперь верит в экстрасенсорное восприятие. Так не будет ли он настаивать на запуске программы исследований, с Холлом или без Холла?

– Дельный довод. Однако любую программу, которую он вздумает запустить, буду исполнять я. А я уж позабочусь, чтобы мы никогда ни к чему не пришли.

– Но можем ли мы полагаться, что Соболю не упомянет об этой программе никому? Не опасно ли запускать такую программу, даже если мы будем ее саботировать? Что, если об этом станет известно? Разве это не даст по-любому толчок гонимым вооружениям?

– Нет. Соболю и словом никому не обмолвится. Не сможет. Если ему не удастся представить Холла, чтобы продемонстрировать экстрасенсорные способности, все будут думать, что он выжил из ума. Будут думать, что он откатился к тому, чтобы заставлять нас снова играть в гляделки с козами, пока не заставим их упасть замертво. Он ни словом не обмолвится, пока мы не предоставим неоспоримое доказательство. И даже если я ошибаюсь на этот счет – а я не ошибаюсь, – ключом ко всему остается живой Холл. Без него все будут видеть лишь кучу дерьма из теории заговора, и никто не воспримет это всерьез. Мы даже можем организовать утечку информации, что слухи о Холле – часть задания пси-отдела, чтобы заставить другие страны попусту тратить ресурсы на нелепые проекты экстрасенсорного восприятия и посеять панику относительно того, что США уже добились чтения мыслей.

Майор несколько секунд молча смотрел на Гердлера, взвешивая его доводы.

– Ладно, – наконец уступил он. – Это логично. – Он помолчал. – Но у нас еще одна проблема.

– Прежде всего найти Холла?

– Нет. Конечно, найти его – достаточно хитроумная задача сама по себе. Но я имею в виду другую проблему. Вы думали, как убить его, когда найдем?

– Думал, – ответил полковник. – И ты прав. Это может быть... проблематично. Как подкрасться к человеку с намерением убить его, если он может прочесть твои мысли с расстояния в шесть миль?

– Именно, – подтвердил Кэмпбелл.

– Это очень хороший вопрос, – проронил полковник Джастин Гердлер. – Хотелось бы мне иметь на него такой же хороший ответ.

33

Когда таксист высадил их на парковке «Вонса», Ник Холл и Меган Эмерсон пошли в магазин, а Алекс Альтшулер ждал их на стоянке в своем черном «БМВ». Они быстро выбрали темные очки, закрывавшие бо́льшую часть их лиц, и бейсболки, потратив мизерную долю куша, который Холл сорвал, жульничая в покер, решив не красть эти вещи у бедолаг Глендонов.

Они вышли через пять минут, и Холл настоял, чтобы Меган заняла переднее сиденье рядом с Альтшулером на время относительно короткой поездки назад во Фресно. На прибытие Алексу потребовалось девяносто минут, но обратная дорога займет больше двух часов, если не превышать допустимую скорость.

Меган и Алекс Альтшулер болтали, знакомясь друг с другом, а Холл сидел позади, храня молчание. Он с самого начала объявил, что ему требуется время на размышления, чтобы заново познакомиться с самим собой. И он отнюдь не собирался быть общительным в начале поездки.

Когда они выехали на улицу, Холл позволил себе взглянуть в лицо чудовищному ужасу резни. Думать об убийстве двадцати шести человек, когда это всего лишь число, – уже не сахар. Но теперь, с возвращением памяти, Ник мог перебрать список находившихся на корабле. Он знал их всех до единого. И хотя несколько человек были ему едва знакомы, многих других он знал годами; среди них были коллеги и даже друзья. Люди, с которыми он работал, над чьими шутками смеялся. Люди, разделявшие его страсть к океанографии. Тара Коэн, Ашок Патель и Гэвин Хирш. Дон Макбрайд и Энди Чен. Латиша Льюис и Мин Су Ан. Список не кончился и не кончался. Трагическая, бессмысленная утрата воистину замечательной группы человеческих существ. Неужели их всех больше нет?

Позволив себе упиваться горечью утраты в течение десяти минут, он заставил себя выбросить резню из головы. До поры. Оплакивать утрату он будет и в предстоящие дни и недели.

Итак, теперь он снова знает, кто он такой. И изрядная часть этих сведений ему по душе. Он был трудолюбивым, решительным и успешным. Он был верным другом, придерживался установленных для себя высоких моральных и этических стандартов.

Но многое ему в себе и не нравилось, даже вызывало отвращение. Он был высокомерен. Самодоволен. Он был единственным ребенком. Умным. Забавным. Атлетичным. Но успех ударил ему в голову. Он стал себялюбцем. Короче говоря, вообразил себя черт знает кем.

Забавно, как пробуждение на помойке без памяти может изменить воззрения. А уж чтение мыслей может сбить спесь хоть с кого. Он-то думал, что когда входит в комнату, все присутствующие затаивают дыхание, ослепленные появлением Ника Холла. Его поджарой, атлетической фигурой и грубоватой мужской красотой.

Каким же чванливым, самовлюбленным придурком он был! Теперь ему довелось читать мысли десятков встречных женщин. И хотя пара-тройка из них отреагировали на его наружность благосклонно, такое же число испытало в точности противоположные чувства.

Как он мог так упиваться собой? И как только друзья его терпели?

А семь месяцев назад он вступил в связь с женщиной по имени Алисия Грин. Красивой, но холодноватой. Для беседы сгодится, но... не Меган Эмерсон.

Однако семь месяцев назад он на Меган даже не глянул бы. У нее симпатичное личико и привлекательная фигурка, но для великого Ника Холла она недостаточно хороша. Поверхностный мудозвон, которым он был, не уделил бы ей и капли внимания.

Когда его родители погибли в автомобильной аварии два года назад, Ник горевал полгода, а потом попросил Алисию выйти за него замуж – скорее ради ощущения, что жизнь продолжается, чем от неудержимой страсти. Алисия – замечательная женщина, весьма впечатляющей наружности. Холл считал ее равной себе по части внешности, но теперь, взглянув на все новыми глазами, понял, что вовсе нет.

Ну так что ж? В конце концов, это не так уж и важно.

Он собирался остепениться. Он не был страстно влюблен в Алисию Грин. И хотя на словах они признавались друг другу в любви, на деле оба ее не испытывали. Во всяком случае, по-настоящему. Пожалуй, достаточно показательно, что, когда он заглянул к ней на «Фейсбук», пока такси везло их к «Вонсу», выяснилось, что она уже завязала новые отношения.

И почему это его ум и сердце жаждут сосредоточиться на Меган Эмерсон даже теперь, когда невеста воскресла в его памяти? Может, дело в близости?

Навряд ли. Меган привнесла в его жизнь контраст. Она не такая красавица, как Алисия, куда там, зато энергичнее. Теплее. С ней интереснее. Без Меган он ни за что не узнал бы, что в его жизни чего-то недостает. А он-то думал, что в лице Алисии Грин обрел настоящее золото...

Да и нельзя винить Алисию за то, что она не заиклилась на нем. Она считает, что Холл погиб уже семь месяцев назад. В каком-то смысле он действительно умер. Он уже не тот человек, которого она любила, – если вообще любила.

У него сейчас и так хлопот полон рот, чтобы связываться еще и с ней, но когда его возвращение из мертвых станет достоянием гласности, выбора у него не будет. Придется ей позвонить. Объяснить, что знает о том, что она пошла дальше, и это, вероятно, к лучшему.

Винить он ее не станет. Не станет даже на секунду делать вид, будто она его предала, вступив в новую связь настолько быстро. Пожелает ей всего наилучшего и объяснит, что получил травму и изменился.

Наверное, когда он станет – хотя бы временно – знаменитейшим человеком на планете, Алисия может совершить решительную попытку снова прилипнуть к нему, но это не сработает. И потом, если она будет знать правду, то не подпустит его мутировавший экстрасенсорный рассудок к себе на десять миль.

Ник не знал, как все сложится с Алисией. Но был уверен, что он уже не тот человек, которым был семью месяцами ранее. Даже если Меган Эмерсон покинет его навсегда, она уже продемонстрировала ему, что отношения – это куда больше, чем ему казалось. И хотя внешность со временем увядает, грандиозная личность и грандиозная химия только крепнут.

Забавно то, что последние семь месяцев по-прежнему зияют в его сознании огромной лакуной, хотя все, что было до них, вернулось. Проведя некоторые исследования по поводу амнезии, Холл знал, что это вполне возможно.

Он в точности помнил скриппсовский «Эксплорер» и всех коллег, с которыми поднялся на борт. Помнил, как почувствовал головокружение. И как слышал что-то вроде рокота винтов множества вертолетов вдалеке.

Была ли это морская болезнь? Галлюцинации? Он никогда не страдал морской болезнью, так что был крайне озадачен.

Потом несколько человек вокруг него повалились на палубу. Его рассудок едва теплился, не в состоянии сообразить, что его одурманили, что в ретроспективе было совершенно очевидно. Газом ли в воздухе, или

чем-то в еде или питье – непонятно. Последнее, что он помнил о корабле, – как валится на палубу, закрывает глаза и угасающим сознанием отмечает, что звук вертолетов будто бы приближается.

Дальше ему вспомнилась тесная комнатуха с узкой койкой, запертая снаружи. И телевизор, показывавший только фильмы и не подключенный к Интернету. А потом вошел мужчина с планшетом, принявшийся расспрашивать его о здоровье, но отказавшийся отвечать на какие-либо вопросы. Теперь Ник знал, что это был Келвин Грей.

А потом он очнулся на помойке.

Но события на «Эксплорере» вовсе не казались разыгравшимися только вчера. Воспоминания представлялись застарелыми. Как будто с тех пор, как он все это испытал, образовался семимесячный провал.

Холл не представлял, как сбежал, но после искусного использования своих пси-способностей «на ура» ничуть не удивительно, что ему это удалось. Впрочем, должно быть, его бегство пошло дико наперекосяк, раз ему пришлось прятаться в мусорном контейнере.

Он снова подумал о Меган. Надо сказать ей, каким ослом он был. И об Алисии. Нужно снять этот камень с души. Это его долг перед ней.

Он думал, что его могло тянуть к Меган потому, что она была единственным человеком на свете, которого он знал по-настоящему. Она была его точкой опоры. Помогала сохранить рассудок. Она была единственным другом на целой планете чужаков. Но теперь, когда память полностью вернулась, Ник чувствовал себя все таким же зависящим от нее. Может, даже сильнее.

Так что он поведает Меган о своем прошлом и присягнет, что изменился навеки. Он понимал, что вовсе не обязательно говорить, каким ослом зачастую был прежний Ник Холл, но скрывать это от нее не желал.

Черный «БМВ» продолжал плавно нестись по калифорнийскому шоссе 99, с мощью и грацией без труда поглощая милю за милей. Беседа спереди на время стихла, и абсолютная тишина в шикарном автомобиле, даже на скоростном шоссе, говорила о впечатляющей работе автомобильных конструкторов.

«Ты там в порядке, Ник? – подумала ему Меган после нескольких минут молчания. – Я понимаю, что тебе требовалось время на размышления. И понимаю, что ты расскажешь мне о том, что тебя донимает, когда будешь готов. Но, может, хоть намекнешь? В смысле, ты ведь невинный океанограф, правда? Дело ведь не в том, что ты припомнил, что ты суперзлодей с дожидающимися где-то клевретами, правда?»

«Извини, Меган, – улыбнулся Холл. – Я вовсе не хотел тебя тревожить».

И задумался, что бы такое еще мог сказать ей сию секунду. Он помнил, что у них запланирована телеконференция, как только они прибудут в «Хомстед инн», в которой будут участвовать они трое, Кэмерон Файф и Эд Коуэн. Так что неизвестно, когда ему выпадет время с толком и расстановкой поведать Меган, что у него на уме, и об Алисии. Как ни замечательна телепатия, во время этого разговора он хотел бы остаться с ней наедине. И иметь возможность читать язык ее тела. И обнимать ее.

«Всё в порядке, – продолжал он. – Просто надо было разобраться кое в чем. Я обо всем расскажу тебе, когда выкроим время побыть одни. Но покамест, просто чтобы знала: если что, я начал ценить тебя еще больше, чем тогда, когда был лишен личности. А это говорит о многом».

«Отлично, – подумала Меган, но так, что Холл ощутил, как у нее на душе кошки скребут. – Жду с нетерпением, когда мы останемся одни».

«Я тоже», – подумал Ник.

Хоть и понимал, что кривит душой, – ведь в первых строках повестки дня значатся его прошлое и Алисия Грин.

34

Они прибыли в «Хомстед инн», оказавшийся именно таким замечательным, каким расписывал его Альтшулер. Там жило весьма приличное число людей, и хотя Холл по-прежнему дал бы правую руку на отсечение, только бы избавиться от неумолчного фонового гомона в мозгу, игнорировать его стало уже куда легче.

Они прошли через вестибюль без остановки – ведь регистрироваться им не требовалось, – пригнув головы, чтобы скрыть лица от установленных там камер, и вышли на территорию отеля. Коуэн сказал, что ни на территории, ни в самих комнатах камер наблюдения нет, так что, выйдя из вестибюля, можно больше не разглядывать носки своих туфель.

Они нашли ключ-карты, припрятанные для них Коуэном, чтобы им не пришлось называть собственные имена, снимая номер, и скоро оказались внутри. На столе в качестве приветственного подарка для них оставили блюдо свежих красных яблок вкупе с тарелкой домашнего печенья с шоколадной крошкой, славших шизофреническое сообщение об отношении «Хомстед» к здоровью своих постояльцев.

Не прошло и пяти минут, как они уже сидели в небольшой гостиной между комнатами, а Кэмерон Файф и Эд Коуэн были представлены на разделенном экране телевизора, висящего на стене, во всем своем трехмерном великолепии.

Коуэн и Файф с ходу принялись осыпать Холла вопросами о его мытарствах. Он сообщил им, что помнит только свою первую встречу с Греем, и больше ничего. По поводу своей эскапады и того, как Меган Эмерсон в конце концов присоединилась к его бегству, он ответил правдиво, как мог. Но поскольку выдавать свои психические способности не хотел, был вынужден сфабриковать куда большую часть истории, чем хотел бы. А эпизод в минимаркете вообще исключил из повествования целиком.

Когда он кончил излагать весьма приукрашенную версию событий в кабинете Меган, и Файф, и Коуэн смотрели на него со скепсисом.

– Чтобы быть уверенным, что я ничего не упустил, – сказал Файф, – позвольте резюмировать. Первого типа, с заправки «Шелл», отвлекли какие-то детишки, подпалившие шутиху. А когда он отвернулся, вы ухитрились врезать ручкой двери ему по черепу.

– Верно.

– А затем, когда двое угрожали Меган в ее кабинете, они оставили дверь приоткрытой на волосок.

Холл кивнул.

– И вы сумели тихонько проскользнуть у них за спинами, пока они не сводили глаз с Меган.

– Точно, – подтвердил Холл.

– Угу, – с прищуром поглядел на него Коуэн. – Значит, двое хорошо вышколенных убийц, достаточно глупых, чтобы не закрыть за собой дверь до конца, не слышали, как вы к ним подкрадываетесь? И вы смогли убрать обоих?

– Совершенно верно. Я не говорил, что обошлось без везения. Но знаете старую поговорку: кому повезет, у того и петух снесет, – Холл развел руками. – А может, у этого Деламастера кончились талантливые негодяи...

– Того самого Деламастера, который сумел совершить безупречное нападение на «Эксплорер»? – встрял Файф. – Похищение века?

Ник пропустил вопрос мимо ушей, решив вместо того двинуть дальше с хронологией. Когда он закончил, Файф заметил:

– Увлекательная история, доктор Холл... Ник, – поправился он, поскольку Холл настоял, чтобы к нему обращались по имени. – Вы и в самом деле очень везучий человек.

Подавшись вперед, Файф пристально взгляделся в Холла, буравя его взглядом.

– Но вы уверены, что больше ничего не хотели бы нам поведать? – спросил он, будто бросая Холлу вызов.

– Это все, – покачал головой Ник. – Хотелось бы мне припомнить семимесячное заточение, но не могу. Вряд ли воспоминания вообще вернутся.

– Ничего страшного, – заверил Файф. – У нас и так улик более чем достаточно. И вы наконец вспомнили, что за этим стоял Грей.

– Это правда, – подал голос Альтшулер, до сих пор почти не нарушавший молчания. – Но было бы славно получить показания очевидца, единственного выжившего из экипажа «Эксплорера» Скриппса, что мы непричастны. Независимо от улик, которые мы предоставим, Кэмерон, ты же знаешь, публика в глубине души будет терзаться сомнениями.

– И не только в глубине души, – улыбнулся Файф, что для него было редкостью.

Холл с абсолютной уверенностью знал, что Альтшулер непричастен, но знал это из источников, раскрывать которые не мог. Так что если им нужно свидетельство очевидца, он не почувствует ни малейших угрызений совести, если ради помощи малость приукрасит истину.

– Но я могу дать свидетельские показания, которые помогут доказать вашу непричастность, – возбужденно проговорил Холл. – Грей добрых пять минут хвастался передо мной своим величием.

Это было чистой ложью, но вписывалось в то, что он узнал об этом человеке.

– Он хвастался, что является единственным ученым. Что он так умен, что использует сотни других ученых, которые воплощают его находки в жизнь, но все равно остаются в неведении. Упомянул «Лаборатории Тейя», сказав, в частности, что ни одна душа в компании даже не догадывается, чем он занят. Кстати, похвастался, что в «Тейя» никто не поверит ни одному дурному слову о нем. Даже если их завалить уликами.

– Очень интересно, – проронил Файф, но его выражение красноречиво говорило, что и этому заявлению он не очень-то доверяет.

Холл сообразил: было бы большой натяжкой верить, что он в состоянии вспомнить лишь одну коротенькую

встречу с Греем, и именно во время этой встречи с глазу на глаз тот очень кстати сделал заявление, как раз обелявшее весь персонал «Тейи».

– Наверное, вы заразили своим везением всех нас, – продолжал Файф. – Это весьма способствует тому, чтобы всех устроило новое руководство и люди, которых Грей оставил в «Тейе».

Холл принялся описывать свои способности к веб-серфингу, а затем вся группа принялась обсуждать планы поимки Деламастера и проведения пресс-конференции в девять или десять утра во вторник. Файф прилетит во Фресно сразу же после того, чтобы познакомиться с Холлом лично, чего уже ждет с нетерпением, и представить его ФБР.

Обычно это было бы не столь пугающе, но власти наверняка будут вне себя, что к ним не обратились раньше. Особенно когда узнают, что Келвина Грея убили и оставили протухать в собственном винном подвале парой суток ранее. Не говоря уж о том, что Холлу предстоит объяснить несколько необъяснимых убийств в Бейкерсфилде.

– Пресс-конференцию я созову в Нью-Йорке, – поведаль Файф. – Якобы являющемся новостным эпицентром мира.

– И что же ты планируешь сказать прессе, чтобы заманить ее туда? – любопытствовал Альтшулер.

– Об этом я немало думал, – нахмурился Файф. – Я мог бы сказать, что с абсолютной уверенностью знаю, что случилось с таинственным рейсом «Эксплорера» Скриппса. Потом раздражить их крупницей истинной истории. Наверняка они слетятся роem.

– Но сомневаетесь, что хотите именно этого? – предположил Холл.

– Отлично. При сложившихся обстоятельствах куда лучше провести очень скромную пресс-конференцию без лишней шумихи. Чтобы меня не затоптали толпы репортеров, связав по рукам и ногам. Чтобы я мог быстро удалиться и дожидаться, пока мир усвоит новости. Так что, думаю, я поддразню только нескольких избранных журналистов, и те будут думать, что выиграли в лотерею. Поверьте, через считанные часы по окончании пресс-конференции это будет новостью номер один во всех странах мира.

– И вы планируете выложить все, что у вас есть на Грея? – спросила Меган. – Как бы пагубно это ни сказалось на имидже компании?

– Это верно, – подтвердил Файф. – Мы поведаем миру об «Эксплорере» и попросим прощения за гнусные деяния Грея. После этого пресс-конференция и «Лаборатории Тейя» войдут в штопор. Тогда-то мы и объявим, что Ник жив, и покажем видеозапись его заявления, что раскрутит пропеллер в обратном направлении. – Он повернулся к Холлу. – Ник, я хочу, чтобы вы как можно быстрее записали краткое заявление и демонстрацию своих имплантатов. И в отношении веб-серфинга, и ваших воззрений по ее использованию от слепоты и глухоты.

– Записать заявление? – переспросила Меган. – А не эффективнее ли будет, если Ник будет присутствовать на пресс-конференции лично?

– Да, – ответил Файф. – Но мы не можем подвергать его риску путешествия через всю страну и личного появления, пока Деламастер еще на свободе. И я не могу допустить, чтобы он отвечал на вопросы. Я уже упоминал, что ФБР все это просто взбеленит. Если публика доберется до Ника раньше их, это только будет солью на раны Бюро. И они взъерепенятся пуще прежнего.

– А в чем смысл демонстрации возможности веб-серфинга имплантатов? – поинтересовался Холл. – Зачем раздувать шумиху вокруг технологии, которой могут вообще не дать путевку в жизнь?

– А почему бы и нет? – огрызнулся Файф. – Из-за того, как она получена?

– Это одна из причин, да.

– Позвольте мне беспокоиться о будущем этой технологии, – отрезал Файф с видом, красноречиво гласившим: «И как это могут быть на свете столь наивные субъекты?» – Просто устройте наилучшую возможную демонстрацию. Визуальное, слуховое и управляемое мыслью интернет-подключение.

– То есть, когда все уляжется, вы в самом деле рассчитываете выставить на рынок интернет-аспект этой технологии? – скептически спросил Холл.

Файф ответил так же, как Альтшулеру раньше. Еще ни одна технология не была так замарана, но так важна и полезна, что ее не могут не принять.

– Прогресс не остановить, – закончил Файф. – Тот прогресс, который она олицетворяет.

– Неприятно портить вам обедню, – возразил Холл, – но я не думаю, что ее когда-либо одобряют. По причинам, не связанным с ее получением. Визуальные и слуховые аспекты – да, от слепоты и глухоты. Но не для персонального, управляемого мыслью доступа в Интернет. По меньшей мере, не в США. Когда правительство

продумает все последствия.

Судя по лицам Кэмерона Файфа и Алекса Альтшулера, они явно не могли взять в толк, о чем это он.

– Чё-то я не ухватываю, Ник, – сказал Альтшулер. – Ты превозносил эту технологию. Говорил, что она работает безупречно и чрезвычайно полезна. Сказал, что уже не представляешь себе жизнь без нее.

– Так и есть. И в этом суть. Именно это делает ее чересчур опасной для массового использования. Она вызывает абсолютную, тысячепроцентную патологическую зависимость. Подумайте, сколько людей привязаны к своим мобильникам и неспособны поддерживать разговор за обедом, не проверяя его каждые десять секунд. Подумайте о людях, уже болезненно пристрастившихся к Интернету. Интернету в старом стиле. И к виртуальным мирам вроде «Секонд лайф», и ролевым играм вроде «Уорлд оф Уоркрафт», «Симсити», «Гилд уорз» и им подобным, набирающим популярность с каждым годом.

Он так поднаторел в пользовании внутренним интернет-подключением, что перед его мысленным взором всплыли точные цифры демографического роста, но Холл их проигнорировал.

Переведя дух, он ринулся дальше:

– Пугающее и все возрастающее число игроков приобретают такую пагубную зависимость, что больше живут в виртуальном мире, чем в реальном. А технология в моей голове усугубляет это стократно. Она создает полнейший эффект присутствия. Люди так пристрастятся, что порой не будут вылезать из постелей сутками. Технология работает слишком хорошо. Куда с большим успехом можно просить у правительства разрешить повсеместное использование ЛСД.

Нарисованная Холлом картина крайне встревожила Альтшулера. Файфа, напротив, она почти развеселила.

– И еще один последний довод, – продолжал Ник. – Вы хоть догадываетесь, сколько дорожных катастроф спровоцирует веб-серфинг с эффектом присутствия? Какую ежегодную смертность? – Он выдержал паузу. – Десять тысяч? Пятьсот тысяч? Пять миллионов?

– Ник, вы сделали ряд дельных замечаний, – снисходительно покачал головой Файф. – Но позвольте вам сказать, этого не вырвать из рук – умов – общественности даже танками. Правительство будет талдычить о патологическом пристрастии. И о безопасности. Будет ломать руки. Но технология все равно пойдет. Знаете, сколько несчастных случаев происходит из-за сотовых телефонов? Хотя бы приблизительно?

Рассудок Холла без усилий запросил киберпространство, и ответ замаячил в поле его зрения. В 2010 году, за годы до того, как оборудование салонов автомобилей громкой сотовой связью стало обязательным во всех пятидесяти штатах, согласно оценкам, по вине мобильных происходило более двадцати процентов ежегодных автомобильных катастроф, что составляет приблизительно полтора миллиона. А после ввода запрета на пользование мобильниками за рулем это число, как полагают, ничуть не изменилось, а то и возросло.

– Нет, – ответил Холл, не видя нужды озвучивать эту статистику. – Сколько же?

– Наверняка не знаю, – ответил Файф. – Но много. Чертовски много. Адски много. Однако американцы целиком и полностью готовы закрывать глаза на опасности и даже явные доказательства смертельной опасности их технических примочек. Правительству просто придется принять закон, как и в случае с сотовыми телефонами. Сами знаете, руки должны быть свободны – и не отправлять эсэмэски. Кому какое дело, даже если вы наверняка знаете, что многие миллионы проигнорируют закон, и тысячи ежегодно будут платить за это жизнью. То же самое и здесь. На опасность пагубного пристрастия и гибели в ДТП будут с радостью смотреть сквозь пальцы и мириться с ней. Сотовые телефоны по-прежнему ведут к множеству смертей, но никому не хватает ни смелости, ни наглости предложить перестать ими пользоваться.

На несколько долгих секунд воцарилось молчание. Наконец, его прервала Меган Эмерсон.

– Извини, Ник, – тихонько проронила она, – но, по-моему, Кэмерон прав.

– Я знаю, что прав, – изрек Файф.

– Есть и другие проблемы, – упирался Холл. – Конфиденциальность. Порнография.

Альтшулер не удержался от смеха.

– Это определенно перетряхнет мир секса, уж будьте покойны. В прежние деньки, если партнер вам прискучивал, приходилось воображать, что трахаешь другую обнаженную личность. Имплантаты позволят на самом деле «видеть» кого-то еще, и воображение уже не потребуется. Даже если твои настоящие глаза открыты и направлены на партнера, ты можешь предпочесть вместо того мысленным взором просматривать порнофильм.

– Ага, о дивный новый мир, – с отвращением бросил Файф.

– Секс тут даже не проблема, – парировал Холл. – Реальная проблема в том, что я не вижу никаких проблем в обращении направления, в превращении всего, что видишь или слышишь, в потоки видео и аудио. Так каждый станет идеальным шпионом. Каждое человеческое взаимодействие может записываться. Два человека с глазу на

глаз больше не смогут рассчитывать на абсолютное уединение. Последствия этого непостижимы.

Альтшулер задумчиво кивнул.

– «Облако» может стать хранилищем каждого слова, сказанного в чьем бы то ни было присутствии. – Содрогнувшись, он угрюмо присовокупил: – Штучка из репертуара Большого Брата. И кстати, возвращаясь на минутку к сексу. Переспи с девушкой, и ничто не мешает тебе «снимать» ее глазами и постить видео всего перепихона в онлайн, еще даже не успев кончить.

«То есть, он говорит мне, – телепатически закинула Меган Холлу, – что меня ждет перспектива посмотреть на «Ю-тьюбе» видео с подписью “Интим с раненой неандертальской девушкой”, а, Ник?»

Холл рассмеялся.

– Вы находите идею вторжения в частную жизнь женщины забавной, Ник? – поинтересовался Файф.

– Нет. Я смеялся собственным мыслям, – отмахнулся Холл.

Файф смотрел на него еще пару секунд, после чего продолжал:

– Мое мнение не изменится, какие бы аргументы вы ни приводили. Это прогресс. Это изобретение представляет такой же грандиозный рывок вперед, как огонь, колесо и электричество. И его не отвергнут. Общество приспособится – или закроет глаза на все неприятные побочные эффекты. Может, публикация чужих изображений, сделанных без ведома и согласия, станет уголовно наказуемой... Кто знает? Экспертные системы становятся умнее с каждым днем. Может, блюсти порядок в поведении подобного рода начнет сам Интернет.

– Ага, от этого мне намного легче, – с сарказмом бросил Холл. – Давайте превратим киберпространство в «Скайнет».

– Какой «Скайнет»? – приподнял брови Файф.

– Вы не видели ни один из фильмов о Терминаторе?

Кэмерон Файф отрицательно тряхнул головой, и Холл решил не углубляться.

– Послушайте... Ник, – продолжал Файф. – Разумеется, придется внести кое-какие поправки. И кто знает, быть может, вы и правы, – добавил он тоном, выдававшим, что сам он не поверит в это ни на миг. – Но как только наша пресс-конференция и расследования закруглятся, дальнейшее уже не в нашей власти. Общество либо примет эту технологию, пусть даже замаранную и потенциально опасную, либо нет. Проще простого.

Холл кивнул. Аргументы Файфа куда весомее его собственных. Если спорить, кто в конечном итоге останется прав, то наверняка это выдавший виды, искушенный инвестор.

– Так или иначе, – продолжал Файф, – в одном я уверен. Будучи первым, кто использовал именно эту технологию, добровольно или нет, вы станете ключевой фигурой в истории.

35

– И что же нам известно об экстрасенсорных способностях Холла? – спросил Гердлер.

– Очень немного, – сообщил Кэмпбелл. – В своем послании он оценивает свой радиус миль в шесть.

– Но в пределах такого радиуса могут находиться тысячи и тысячи человек, – отметил полковник. – А читать мысли каждого он не в состоянии. Так что если мы будем за пять миль от него, маловероятно, чтобы он хотя бы догадывался, что наши мысли для него важны.

– Откуда напрашивается вывод, что его может снять снайпер с большой дистанции. Он и не догадается прочесть мысли снайпера. Не предугадает.

– Возможно. Одному Богу ведомо, как работает эта штука. Зато нам известно, что очень впечатляющая и умелая группа людей, пытающихся прикончить его и, вполне возможно, уже знающих об этой его способности, – еще жива. А некоторые из них – нет. Так что я не стал бы предполагать, что он прозевает мысли снайпера. Но идея недурна и попытаться стоит, если не измыслим чего-нибудь получше.

– А если убрать его ракетой? Скажем, с беспилотника? – предложил майор. – Тогда надо просто быть дальше шести миль от него, прежде чем нажать на спуск.

– Вижу две проблемы. Во-первых, шесть миль – лишь его приблизительная оценка. Для перестраховки надо считать, что радиус составляет двенадцать миль. И это еще при условии, что этот радиус не увеличивается по мере того, как он учится пользоваться своей новой способностью.

– Ну даже если так, – Кэмпбелл пожал плечами, – это только увеличивает число обрушивающихся на него мыслей, делая их иголками в куда большем стоге сена.

– Тоже дельное замечание.

– Так в чем же вторая проблема?

– Предполагая, что мы найдем его на континентальной части США, – пояснил Гердлер, – санкционировать подобное я не готов. Пока. Разве что застанем его прячущимся посреди огромного кукурузного поля где-нибудь

в Индиане. Как бы то ни было, будет дико трудно убедить Собола, что мы пытались захватить его живым, как приказано, если мы сотрем его с лица земли ракетой.

– То-то и оно, – насупившись, уступил Кэмпбелл, задумчиво склоняя голову к плечу. – Ладно, значит, мы двое не можем приблизиться к этому типу, чтобы он не прочел наши намерения. Любой посланный его убить тоже не может к нему приблизиться. Либо Холл может по волшебству чувствовать опасность, либо чем они ближе, тем более вероятно, что он узнает об их приближении. Так или эдак, вы сделали отличное замечание на предмет промашек другой группы спецов, пытавшихся его убить.

Гердлер снова поджал губы при очередном напоминании о группе сраных психопатов, с которой они теперь заодно – во всяком случае, в смысле обоюдного желания увидеть труп Ника Холла. Будто убийства двадцати шести человеческих существ недостаточно, чтобы Гердлер не находил покоя, пока не насадит на копыта головы этих людей, – так они еще и фактически подтолкнули его к уничтожению невинного человека, разъярив его больше прежнего.

– Так что наш единственный вариант – ввести в игру собственных людей, – подытожил Кэмпбелл.

– Ты имеешь в виду игру как заблуждение?

– Да.

– Согласен. Тем более что нам все равно придется на это пойти, раз мы нарушаем прямой приказ. Но ты сделал отличное замечание. Раз мы знаем, что Холл прочтет мысли того, кого мы к нему пошлем, мы должны позаботиться, чтобы они считали, будто мы собираемся приколоть ему на рубашку медаль за гражданскую доблесть.

Кэмпбелл открыл было рот ответить, когда ожил ПЦП его компьютера.

– Майор Кэмпбелл, – произнес вкрадчивый женский голос. – Вы просили меня предупредить вас о поступлении новой важной информации по делу Холла. Пожалуйста, проверьте входящую почту.

Кэмпбелл проверил свой компьютер, и лицо его просветлело.

– Мы его нашли? – заинтересовался Гердлер.

– Еще нет. Но снова взяли его след, – с энтузиазмом выложил майор. – Мы забыли сказать Адамсу прекратить проверку видеороликов близ места, где они вышли из такси. И очень хорошо. Камера рядом с «Вонс» засекла Ника Холла и Меган Эмерсон покупающими новые головные уборы и солнечные очки.

Кэмпбелл перебросил ролик на большой экран в комнате. Камеры магазина были направлены в проход с вертикальной стойкой темных очков, которую можно было вертеть вокруг оси, чтобы получить доступ к очкам со всех четырех сторон.

Меган Эмерсон медленно поворачивала стойку, остановившись, когда нашла пару самых больших женских очков от солнца. Надела их, погляделась в зеркальце наверху стойки и тряхнула головой, явно понимая, что они ей не идут. Рассмеявшись, Холл наклонился и ласково поцеловал ее в губы; она ответила на поцелуй – с чувством. Судя по языку их тел, уже не в первый раз.

– Надо воздать этому парню должное, – сухо заметил Гердлер, – удирает, спасая собственную шкуру, но все равно успевает забить гол девице, прихваченной по пути.

– Ну, это да, – согласился Кэмпбелл. – Но у него несправедливое преимущество. Если можешь читать мысли девушки, всегда будешь знать, что сказать.

– Не уверен, – рассмеялся Гердлер. – Я убежден, что не понял бы ни одну женщину, даже если б знал каждую ее мысль. – Мимолетная улыбка полковника тут же погасла. – Когда это снято?

Майор посмотрел тайм-код на компьютере.

– Ни фиги себе! Пять минут назад, – возбужденно сообщил он.

– Невероятно. Они еще в Бейкерсфилде?

– Очевидно. – Кэмпбелл сверился с какими-то заметками на экране монитора. – К сожалению, они пропали из поля зрения камер сразу же по выходе из магазина. Адамс проверяет остальные камеры в округе, но нам повезет, если мы их найдем.

Схватив трубку телефона, Гердлер принялся рвать приказы, направляя ряд единиц личного состава, находящегося в этом районе, в этот конкретный «Вонс», приказывая искать людей, видевших Холла и Эмерсон, внутри магазина и снаружи – особенно тех, кто мог видеть, как эта парочка садится в машину на парковке. А заодно позаботился, чтобы все видеозаписи со всех камер в окрестностях шли напрямую через Несси.

Покончив с этим, он поднялся из кресла и обернулся к заместителю.

– Я собираюсь поднять реактивный лайнер и поторопиться с поездкой. Пока я не сяду, ты за няньку. Тем паче, что с оперативным управлением ты справляешься лучше меня. Позаботься, чтобы это зачлось. Второй такой

хороший шанс может выпасть нам очень нескоро.

Кэмпбелл угрюмо кивнул.

– Пока буду в воздухе, держи меня в курсе. И я хотел бы организовать мозговой штурм по способам убийства Холла, когда мы его найдем.

Бросив взгляд на часы, Гердлер сделал быстрый мысленный подсчет.

– На посадку в Эдвардсе я захожу через два часа. Организуй «вертушку», чтобы, как только самолет сядет, перебросить меня в Бейкерсфилд – или на расстояние пятнадцати миль от Холла и Эмерсон, если их удастся к тому времени засечь.

– Так точно, – отчеканил Кэмпбелл.

36

По окончании телеконференции Холл попросил Альтшулера оставить их с Меган на какое-то время наедине. Очкастый компьютерный ученый был рад услужить, предложив принести китайской еды на ужин, и хотя прежде чем тронуться во Фресно, Холл и Меган перехватили по бутерброду, за весь день у них во рту больше маковой росинки не было, и их радовала перспектива получить апартаменты в полное свое распоряжение.

Перед уходом Альтшулер внимательно поглядел на обоих. Они не притрагивались друг к другу, но Ник прочел в сознании ученого, что язык их тел все равно как-то их выдает. Альтшулер уже заподозрил, что они не просто два человека, которых столкнула судьба в борьбе за спасение собственных жизней. Они стали друзьями. Больше, чем друзьями...

Холл прочел, что Альтшулер гадает, не просил ли он остаться наедине с Меган только ради перепихона. При нормальных обстоятельствах, думал компьютерщик, он не стал бы корить Холла за это. Альтшулер не прочь потрахаться, как и всякий другой, а Меган Эмерсон – милашка. Но тут слишком многое поставлено на карту, и было бы славно, если б Ник Холл ухитрился поддержать своего друга в штанах еще какое-то время.

Да и возможностью напороться на них посреди этой деятельности Альтшулера тоже не прельщала.

– Гм, китайский ресторанчик тут поблизости, и готовят там быстро. Так что вернусь я очень скоро, – сообщил он в уповании, что они не станут раздеваться. – Я бы сказал, минут через двадцать.

– Спасибо, Алекс, – сказал Холл, жалея, что нет изящного способа заверить его, что в его отсутствие они будут только разговаривать. С другой стороны, он подозревал, что, строго говоря, это было бы неправдой. Раздеваться они не станут, но одними разговорами дело между ними наверняка не ограничится.

Как только Алекс удалился, Холл привлек Меган в объятия. Теперь он вспомнил свое прошлое, основную линию поведения и уровень эмоциональной близости, в котором обычно нуждался, и знал, что его нынешние нужды многократно выше нормы. Он даже не представлял, вызвано ли это их мытарствами, воздействием Меган Эмерсон – или и тем, и другим сразу. Но его губы искали губ Меган так жадно, как будто он до сих пор старшеклассник.

Жестом усадив ее на кухонный стул, он подпрыгнул и уселся на полоску гранитного островка, протянувшегося посередине кухни апартаментов.

Холл начал с того, что сообщил хорошие новости. Он не упоминал это прежде, но предпринял более упорядоченные попытки засечь других людей, читать мысли которых не способен. Для этого нужно было засекал взглядом сотни человек, а затем осторожно пытаться прочесть мысли каждого, сопоставляя визуальную идентификацию с ментальной. Один раз в «Вонсе» и дважды во время поездки во Фресно он видел людей глазами, но не видел рассудком. Двое мужчин и одна женщина. Этот оборот событий ободряет – стало быть, Меган не одна такая. В душе Ник понимал, что так оно и будет, но зная, что есть и другие, с кем он может поддерживать нормальные отношения – ну, как бы нормальные, – большое облегчение.

Меган от новости пришла в восторг и даже удержалась от очередной шутки о неандертальцах.

Сбив это с рук, Холл понял, что пора поднять более трудную тему. Легкого способа поведать Меган то, что она должна знать, не было, так что он рубанул все напрямую. Сказал, что перенесенные мытарства изменили его взгляд на жизнь, позволив ему оценить свою предыдущую личность и поведение почти с точки зрения постороннего. Увидеть себя чужими глазами. И увиденное ему отнюдь не польстило. Он описал свое бывшее высокомерие, поверхностность и себялюбие, и поклялся сделать все, что в его силах, чтобы остаться изменившимся навечно.

Меган это ничуть не озаботило.

– Все, что мне известно о Нике Холле, я видела с момента твоего вторжения в мой кабинет. Ты слишком взыскателен к себе. Любой, испытавший пребывание вне собственного тела, кто мог бы взглянуть на свое прошлое с высоты, как ты, нашел бы в нем вещи, нуждающиеся в улучшении. Опыт меняет каждого, заставляя

расти. Но я знаю, что твоя сущность не изменилась.

Холл поразмыслил над этим.

– Что ж, я хотел бы думать, что был достаточно пристойным человеком, несмотря на мои изъязы – хотя бы в самой сердцевине.

– Я уверена, что так и есть, Ник. Мы все имеем множество различных граней. Я вовсе не хочу пускаться в философию, но мы разные люди в разных ситуациях и с разными людьми. Мы все сформированы генами и событиями. Не в полной мере. И это отнюдь не извиняет скверное поведение. Но это правда. Как и ситуация с новой точкой зрения... – Она помедлила. – Ты когда-нибудь видел мюзикл «Злая»? [26]

– Да, – кивнул Холл. – Родители водили меня посмотреть его на Бродвее, когда я был подростком.

– Меня тоже! – восторженно отозвалась Меган. – Какой замечательный спектакль! Музыкальные номера были невероятны!

– Я не из любителей бродвейских мюзиклов, – улыбнулся Холл, – но даже я склонен с тобой согласиться.

– Я, собственно, почему вспомнила его – потому что он реально изменил мой взгляд на мир. Вещи зачастую не черные и белые. Или черные при взгляде под одним углом и совершенно белые под другим. Гениальность постановки в том, что она берет классическую сказку, на которой мы все выросли, «Волшебник страны Оз», и вместо того, чтобы поведать ее с точки зрения Дороти, пересказывает ее с точки зрения Эльфабы – Злой Ведьмы Запада. И все меняется. Конечно, оно не всегда так бывает, но мюзикл демонстрирует случай, в котором есть скрытые мотивы, вещи, которые мы даже не замечаем, но которые меняют все. Эльфаба вовсе не была злой. Такой ее выставляют настоящие злодеи. Она никогда не планировала причинить вред Дороти; ей нужно было только, чтобы это так выглядело. Люди и ситуации бывают многогранными, и многое зависит от того, на какую грань тебе довелось посмотреть.

Холл кивнул, тщательно взвешивая ее слова. Меган Эмерсон продолжает удивлять его. С таким образом мышления, как у нее, ему сталкиваться еще не доводилось. Она забавна и шаловлива, но в то же время в ее душе есть глубины, не доступные поверхностному взгляду. Пожалуй, это тоже аргумент, подтверждающий именно эту точку зрения.

– Ты абсолютно права, – просто произнес он.

– Ты говорил о феномене вечеринки, – продолжала Меган. – Может, это надо назвать феноменом злой. И к нам это относится более, чем к кому-либо еще. Посмотри на безумную ситуацию, в которой мы оказались. Требующую принятия жизненно важных решений, включающих революционные технологии и способности. А потом рассмотрим фельдшера «скорой» Гектора Гарсию. Поведай историю нашей встречи с его точки зрения, и Ник Холл окажется вооруженным и очень опасным мутантом – быть может, даже пришельцем из космоса – и грабителем. С моей точки зрения, ты – джентльмен и герой. Ты рисковал своей жизнью ради спасения моей. И ни за что не осуществил бы свои угрозы против Гектора и Тони, как бы ни сложились обстоятельства.

Она встала, выпрямившись во весь рост, и прислонилась к краю гранитной стойки, на которой он сидел. Их лица оказались примерно на одном уровне.

– Так что я не сомневаюсь, что за свою жизнь ты наделал немало досадных вещей. Я уверена, что некоторыми из них ты отнюдь не гордишься. Но перестань рвать на себе волосы. Каждый из нас куда сложнее, чем видится на первый взгляд. И главное – кто ты сейчас. – Она вздохнула. – Кроме того, это тоже нас объединяет.

Холл вопросительно приподнял брови.

– В последнее время я и сама собой не очень довольна. Переезд из Лос-Анджелеса прошел тяжело. Я впала в уныние, стала угрюмой... И пила чересчур много.

– Ты и глотка не сделала, сколько я тебя знаю, – заметил Холл. – А бар у Глендонов был забит под завязку.

– Поверь мне, я знаю. Не думай, что я не испытывала соблазн. Очень даже испытывала. Но знала, что должна вернуться к истокам, найти себя. И сейчас – идеальная возможность для этого. Так что я целиком за то, чтобы мы воспринимали друг друга такими, какие есть. Мы можем учиться на собственных ошибках в прошлом. Но мы не должны им позволить разрушить то, что есть сейчас, бичуя себя за то, что было тогда.

– Весьма глубокая мысль, – изрек Холл и поспешил добавить, сообразив, что это могло прозвучать покровительственно или саркастично. – Я правда так думаю. В положительном смысле.

Меган подалась вперед, словно для поцелуя, но Холл отстранился. Он поклялся сорвать пластырь Алисии Грин разом, даже понимая, что вырвет при этом с корнем не один десяток волосков.

– Есть еще одна вещь, которую тебе надо знать, – устало проронил он с таким видом, будто только что выпил яду. – Прежде чем отправиться в экспедицию на «Эксплорере», я обручился с намерением жениться.

На сей раз назад подалась Меган, потупив взор и не отозвавшись ни словом.

Холлу показалось, что мир вдруг замедлил свое движение, унося с каждым биением его сердца не одну минуту. Но теперь он должен молчать, как это ни трудно, чтобы дать Меган усвоить эту новую информацию.

Наконец, спустя пять или шесть секунд, показавшиеся вечностью, она подняла голову и снова встретилась с ним взглядом.

– Послушай, – негромко промолвила Меган, стараясь скрыть боль в голосе, но не очень-то преуспев в этом. – Когда связываешься с человеком без прошлого, делаешь это на свой страх и риск. Ты меня предупреждал. И мы знакомы всего пару дней. Так что... поздравляю. Рада за тебя.

– То-то и оно, – возразил он. – Я-то за себя не рад.

И принялся страстно объяснять, что чувствует, как изменился. И что еще даже до экспедиции «Эксплорера» пришел к пониманию, что они с Алисией не любят друг друга по-настоящему. Он продолжал себя обманывать, но сомневался, что зашел бы в этом настолько далеко, чтобы явиться в церковь. Он сделал предложение скорее в качестве реакции на смерть родителей, чем почему-либо еще. Они с Алисией оба были очень легкомысленны, собираясь пожениться по надуманным причинам.

И чтобы ни случилось дальше, заверил он Меган, с Алисией он собирается порвать. Неизвестно, что сулит ему будущее, но знакомство с Меган уже показало ему, что он чересчур занизил планку. Что быть рядом с девушкой куда приятнее, чем он подозревал. Что дискуссии могут быть более живыми и увлекательными. Кроме того, он вообще не уверен, что продолжает верить в брак всерьез.

– Забавно, пару дней назад я думала в точности так же, – встрепенулась Меган. – Впрочем, и экстрасенсорные способности тоже не воспринимала всерьез, так что все меняется. Я не утверждаю, что все поменялось; просто говорю, что может. – Она помолчала. – А ты уверен насчет чувств к Алисии? Уверен, что когда обстоятельства изменятся и ты вернешься к нормальной жизни, весь эпизод, начиная с помойки, не покажется тебе дурным сном?

– Нет, – покачал головой Холл, – дурным сном мне кажется прошлое, оставшееся позади, до встречи с тобой. Мои нынешние чувства не изменятся.

Он был уверен, но и обеспокоен этим. Он чувствовал себя сейчас уязвимым, как никогда в жизни. Меган – одна из горстки людей, непроницаемых для его пси-способностей, с которыми он может поддерживать отношения. Ник продолжал чувствовать себя зависимым от нее, и это тревожило. Наверное, чем более незаменим и важен для тебя кто-то, тем уязвимее и испуганнее ты становишься.

А найти замену Меган почти невозможно.

Но задумавшись над этим, Холл вынужден был признать себе, что ее важность не имеет ни малейшего отношения к тому, что она – одна из тех немногих, кто не увидит в нем прокаженного. Даже если б все женщины на свете жаждали пасть к нему в объятья, он не мог представить себя рядом с другой. Пора признать, что его чувства к ней были бы теми же самыми, независимо от наличия или отсутствия проклятия экстрасенсорного восприятия, наложенного экспериментами Келвина Грея на его жизнь...

Но что-то в этой последней мысли его встревожило. Что-то насчет экспериментов Грея. Но что?

И он крепко хлопнул себя ладонью по лбу, вдруг сообразив, что именно.

– Что? – озадаченно склонила голову к плечу Меган.

– Ну что я за идиот! – бросил он. – Надо менять стратегию. Причем немедленно.

37

Почесав в затылке, Меган снова уселась на кухонный стул лицом к нему.

– Какую стратегию?

– Больше нельзя держать мои пси-способности в секрете.

– Почему? По-моему, твои доводы очень резонны.

– Были. Но уже нет. Во-первых, хочешь верь, а хочешь нет, хоть это и не самое важное, мне надо избавиться от этого проклятья. И я это сделаю не один. Хоть Алекс и не отвечал за эти имплантаты, но он – один из ведущих мировых экспертов в электронике и компьютерах и знает эти системы. Он может их извлечь. Или найти какой-нибудь другой способ прикончить мои пси-способности.

Меган обдумала его слова.

– Разумно. А главная причина держать это в секрете – наша безопасность. Но как только пресс-конференция закончится и история выйдет на свет, больше ни у кого не будет причин нас убивать.

– Боюсь, надо сказать ему сейчас же, – возразил Холл.

Меган озадаченно заморгала.

– Я понимаю, как тебе не терпится избавиться от экстрасенсорного восприятия, Ник, но мы, вероятно, до сих

пор остаемся мишенями. А твои способности могут спасти нам жизнь. Так с чего вдруг такая спешка?

– А с того, что я был близорук и наивен. Соглашаясь приехать во Фресно с Алексом, я как-то убедил себя, что технологию веб-серфинга ни за что не одобряют.

– Понимаю, – сказала Меган. – И, по-моему, выдвинутые тобой аргументы в разговоре с Файфом были очень резонансы.

– Но ты уже сказала, что, по твоему мнению, его аргументы были весомее.

– На бумаге твои лучше, – поморщилась Меган. – Но он знает и психологию толпы, и то, что люди родную мать продадут за новейший гаджет. Он циничен, но я уверен, что притом он прав.

– Я тоже в этом уверен, в том-то и проблема. Выход со всем этим на публику запланирован на утро ближайшего вторника. Сделайте мне демо-ролик технологии. Но то-то и оно: что, если своими способностями я целиком обязан точному местоположению моих имплантатов? Что, если экстрасенсорное восприятие – просто побочный эффект? Тогда я повлеку как раз ту самую катастрофу, которую хочу предотвратить. Представить технологию имплантации вниманию общественности – все равно, что открыть шкатулку Пандоры. К внутреннему Интернету мы можем приспособиться – и приспособимся. Но если это попутно пробудит экстрасенсорные способности...

– Ага, – Меган угрюмо сдвинула брови. – Это большая проблема.

– Так что признаюсь Алексу, и только Алексу. Немедленно. Заставлю его понять масштабы проблемы. Знаешь, я ведь покопался в его сознании и склонен доверять ему безоголочно. Он не идеален, но в целом хороший человек. Стремящийся к добру. И он сумеет хранить секрет, особенно такой важный.

– Уверена, ты прав. А ты доказал, что умеешь разбираться в людях. По крайней мере, когда речь заходит о женщинах, – заявила Меган с широкой улыбкой. Потом улыбка угасла, и она невольно пробормотала под нос: – По крайней мере, что касается твоего недавнего суждения.

Соскочив с гранитной стойки, Ник протянул Меган руку, чтобы поднять ее со стула в свои объятия, когда раздался деликатный стук в дверь.

Холл улыбнулся. Он уже некоторое время знал о приходе Альтшулера, и хотя у ученого имелся собственный ключ-карта, тот не собирался распахивать дверь без предупреждения.

Холл помог Меган подняться со стула, но решил не обнимать ее, когда Альтшулер переступит порог.

– Входи, Алекс, – громко сказал он.

И повернувшись к Меган, телепатически процитировал: «Ну, здесь ничего не происходит. Это должно быть... любопытно».

38

Василий Чирков пялился в светло-голубые глаза девушки, сидевшей напротив него в шикарном ресторане – винном погребе «Ла Гастрономи». Сногсшибательная, и фигурка под стать. И оченно влетает в копеечку. Зато получаешь то, за что платишь, и она поставщица услуг экстра-класса, зовущихся в этом ремесле «эскортом».

Ресторан французский, пятизвездочный, с белыми атласными скатертями, вычурными канделябрами и громадными, барочными живописными полотнами в столь же затейливых рамах. Если б не столы, этот зал вполне мог бы находиться в Лувре. Но философия Василия гласит, что если уж собираешься потратить на спутницу такую уйму бабла, не жмотись на обед. А уж бабла на траты у русского куры не клюют.

Подошел официант, чтобы принять у них заказ. Василий заказал «Гайя Барбареско» 1998 года по триста долларов за бокал – по бокалу для себя и для девушки, представившейся как Жасмин. Это имя ему понравилось, как и все остальное в этом изысканном существе, непревзойденно владеющей ртом, но не постыдившемся попросить его заодно попользоваться и другими двумя ее входными отверстиями.

– Это итальянский винтаж, – растолковал Василий девушке. – Если точнее, пьемонтский. Винодельни Анжело Гайя. Тебе понравится. Гарантированно, – улыбнувшись, добавил он.

– Мне нравится все, что ты даешь мне, Василий, – с лукавой улыбкой отозвалась девушка.

Они успели прикончить по полбокала, когда подали салат, и Жасмин сказала Василию, что лучшего вина она еще не пробовала. Единственная проблема с девушками по вызову, знал он, в том, что они склонны говорить то, что ты хочешь услышать. Так что даже если б она думала, что вино на вкус как ссаки – вероятно, именно так ей на самом деле и показалось, если вдуматься, – она все равно поведала бы ему то же самое, поднаторев в развлечении людей, знающих в чем-то толк. Но в данном случае Чирков был склонен поверить, что она не кривила душой. Уж просто настолько превосходно «Гайя Барбареско».

Телефон Василия завибрировал, когда он только принялся пережевывать свой салат с ягненком, вялым шпинатом, теплой заправкой из яблочного уксуса и горчицы, сыром фета и кедровыми орешками. Василий

нахмурился. В отношении ответов на звонки во время обеда он придерживался старомодных воззрений. Ему хотелось посмаковать вкус и текстуру блюда, его подачу и созданную Богом безупречную скульптуру, сидящую напротив. И все же опустил глаза, чтобы посмотреть, кто звонит.

И насупился пуще прежнего. Звонил Джон Деламастер, его главный благодетель и единственный человек, которому Василий позволил бы нарушить атмосферу, столь тщательно им сотворенную. От Деламастера не было ни слуху, ни духу с той самой поры, когда тот объявил о перемене планов и отозвал Василия с охоты за Ником Холлом.

– Извини, дорогая, – сказал Василий спутнице, – но надо ответить.

– Разумеется, – безмятежно улыбнулась Жасмин.

– Да? – произнес Василий в трубку, отвернувшись от нее.

– Василий. Извини, что беспокою. Но я хотел поблагодарить тебя за два года службы. Ты был вполне компетентным и надежным, и я ценил это.

Сердце Василия мучительно сжалось. Деламастер безжалостен и не из тех, кто позвонит, чтобы небрежно поблагодарить. Смахивает на увольнение. Впрочем, Деламастер и не из тех, кто увольняет людей. Его кадровые перестановки куда более радикальны.

Опустив телефон, Василий окинул зал взглядом, но ничего подозрительного не заметил. С другой стороны, его быстрая рекогносцировка отняла на пару секунд больше, чем следовало бы.

Он поглядел на Жасмин, и по ее осоловелому взгляду понял: Деламастер ухитрился что-то подсыпать в вино. Василий всегда был настороже при общении с Деламастером, понимая, что этот день настанет, но гроссмейстер запросто его обставил, ни в малейшей степени не смущаясь тем, что спутница Василия неизбежно будет списана в сопутствующие потери.

Василий выругал себя. Он стал предсказуем. Использовать его пристрастие к женщинам, ресторанам и винам было как два пальца об асфальт. И теперь он поплатится за это жизнью.

– Я подстраховался на случай, если ты попытаешься убить меня, Джон. После моей смерти фотки и видео с тобой будут на руках у властей. Уж поверь. Так что лучше бы нашлось противоядие, – пригрозил он, чувствуя, как летаргия просачивается до мозга костей. – Или твоя истинная личность будет раскрыта.

– Да, Василий, мне уже давненько известно о твоей страховке. Но покойся с миром. Она тщательно обезврежена. Ничего не просочится.

Его спокойный тон уверил Василия, что Деламастер не лжет. А значит, Василий просчитался дважды. Он всегда считал, что Джон отстранит его от должности лицом к лицу. Что такой психопат пожелает прикончить Василия собственной рукой, смакуя момент, когда русский заглянет в зрачок пистолета, понимая, что жить ему осталось считанные секунды. Тогда-то Чирков и планировал предъявить свой страховой полис. Разоблачение личности, которой Деламастер так дорожит. Но тот обмишурил его, как маленького.

На Василия, продолжавшего погружаться в ступор, снизошло чувство полнейшего успокоения. Он понимал, что это мерило уважения Деламастера к нему – выбрать зелье, которое подведет его к смерти мягко и ласково, а не в муках, как тот предпочитал во многих других случаях.

– Почему? – спросил Василий.

– Это было необходимо, – ответил Деламастер. – Жаль, что так получилось.

Жасмин уже повалилась лицом в свой недоеденный салат «Сердцевина ромен», и несколько официантов бросились проверять ее состояние. Василий не обратил на них внимания.

– Буду ждать тебя в аду, ублюдок. И растяну месть на всю вечность, – из самых последних сил он попытался вложить в эти слова хоть капелюк яду, но они прозвучали негромко и сонно.

– Очень поэтично, – откликнулся Деламастер. – Но боюсь, мне уготовано другое место.

Василий пытался ответить, но язык уже не ворочался, и он рухнул лицом в стол, как незадолго до него Жасмин, не слыша вскриков и замешательства, воцарившихся в его любимом ресторане.

39

Алекс Альтшулер вошел в апартаменты с пакетом, набитым картонными коробками с исходящими паром яствами.

Они распределили коробки по кухонному столу, воткнули в каждую по ложку и начали передавать друг другу тяжелые бежевые тарелки, найденные в шкафчике. Скоро у каждого была груда риса, покрытая множеством блюд из курятины и говядины. Холл позволил Альтшулеру прикончить половину тарелки, прежде чем решил больше не тянуть резину.

Пока Алекс продолжал уплетать за обе щеки, Ник поведал ему, что хочет открыть нечто важное, и попросил

поклониться в полнейшей секретности. Он не сможет сказать это никому, в том числе Файфу или Коуэну. Никому. Если Альтшулер считает, что с этим могут возникнуть проблемы, пусть скажет сейчас.

Очкастый ученый озадаченно насторожился, но пообещал хранить тайну. Холл прочел у него в мыслях, что в этом он был совершенно искренним, как Ник и рассчитывал.

Пока Альтшулер и Меган доедали свои порции, Холл объяснил, как пришел к пониманию, что может читать мысли, и предоставил дополнительную справочную информацию. Как и любой на его месте, Алекс испытывал скепсис и был ошеломлен, но Холл уже отточил умение демонстрировать свои способности настолько, что меньше чем через минуту Альтшулер твердо знал, что он говорит правду.

– Бога душу мать! – воскликнул Алекс после демонстрации. – Святая Матерь Божья... Да вылети у тебя из задницы летающая тарелка, я был бы меньше ошарашен.

– Позволь мне объяснить, почему я сказал тебе об этом, – настаивал Холл. – Чтение мыслей оборачивается проклятием.

– Правда? А по-моему, это было бы потрясно, – заявил Альтшулер с энтузиазмом гика, услышавшего, что свет увидел новый выпуск его любимого комикса.

– Это только потому, что ты не посвящал каждую секунду раздумьям об этом, – возразил Холл. – А когда подумаешь, тебе станет очень неуютно пребывать рядом со мной. Хотя, – поспешил он уточнить, – обещаю не копаться в твоём сознании в поисках чего-либо постыдного. Или уязвимых мест.

Альтшулер сглотнул ком в горле. Блин! Холл прав. Его голова битком набита мыслями и воспоминаниями, гордиться которыми нечего. Подумав об импонирующей ему порнографии, Алекс содрогнулся. И это далеко не всё. Скверные мысли. Скверные поступки. Мысли и действия, в которых он раскаивается. Неуверенность и комплексы, в которых он нипочем не признался бы.

– А ты можешь это выключить? – с болезненным видом поинтересовался он.

– Нет. Но приглушить могу. И могу выбирать, на каких поверхностных мыслях фокусироваться и в чьих умах добывать информацию. Я стараюсь не совать нос в твои мысли, – снова заверил его Холл, – но нет ни одной живой души, кто не понимал бы, как ужасно, когда каждый твой секрет и частная мысль как на ладони. А может быть, – он приподнял брови, – ты думаешь, что ужасно только, когда читают твои мысли. Может, тебе кажется, что быть по другую сторону формулы, заниматься чтением, было бы очень занимательно... Если так, подумай получше. Во-первых, гомон царит нескончаемый. Во-вторых, люди критичны и жестоки. Даже люди, которым ты по душе. Даже встречные женщины, находившие меня достаточно привлекательным, зачастую очень критично оценивали тот или иной аспект моей наружности.

Альтшулер скривился. Холл куда ближе к стандартам мужской красоты, чем он. Интересно, скольким из встречаемых людей в торговых центрах при взгляде на него приходило на ум слово «гик», «лузер» или «урод»? Он и так уже в полуобморочном состоянии; так что же с ним было бы после недели жизни с экстрасенсорным восприятием? Наверное, заперся бы в четырех стенах навсегда. Стал бы он тогда клеймить общество?

Челюсть компьютерного ученого вдруг отвисла, словно его осенило. Тут же стиснув зубы, он посмотрел на Холла волком.

– Ты обещал не влезать в мой мозг. Теперь. Но ты уже побывал там, не так ли?

Холл промолчал, но виноватое выражение его лицо сказало все.

– Так вот ради чего была вся эта затея с бакалеей... Пока я маячил у груды яичных упаковок, ты перекапывал мои мозги экскаватором. Тогда-то и решил, что можешь мне доверять. Потому что знал, что можешь мне доверять.

– Это правда, – негромко проронил Холл. – И вот почему я знаю, что могу доверять тебе теперь. Ты хороший человек. Куда более добропорядочный, чем большинство.

Холл держал обещание не докапываться до глубоких мыслей и воспоминаний Альтшулера, но поверхностных мыслей ученого не воспринимать не мог. Хотя Алекс и был рад выслушать высокое мнение Холла о своей добропорядочности, он волей-неволей чувствовал себя изнасилованным. Холл прав, ему хочется убраться от него как можно дальше. Эта инстинктивная, глубинная реакция была очень сильна, и чтобы остаться на месте, ему требовалась немалая сила воли. Альтшулер гадал, как это Меган Эмерсон умудряется терпеть настолько долго. Не только оставаться в одной комнате с Холлом, но и наверняка куда ближе того...

Холл перешел к описанию радиуса действия своей способности от шести до десяти миль, как определенные мысли могут пробиться сквозь шум благодаря своей природной сущности или феномену вечеринки, и как он может перемещать фокус на мысли отдельного индивидуума и выделять их.

Потом Холл и Меган выдали множество соображений, которые обсуждали за обедом. Соображений об

обществе и катастрофических последствиях экстрасенсорного восприятия, спущенного с поводка.

Но Альтшулера и не требовалось убеждать. Он соображал настолько молниеносно, что зачастую опережал их.

– Так зачем вы мне в этом признаётесь? – спросил Алекс, когда они закончили.

– Мне нужна твоя помощь, – вздохнул Холл.

– Отключить твое экстрасенсорное восприятие?

– Да; но есть и более срочный вопрос. Если экстрасенсорное восприятие – побочный эффект технологии имплантации, давать ей ход нельзя. Что означает отмену пресс-конференции во вторник и жирный крест на всей технологии.

Альтшулер моментально ухватил, что к чему.

– Хочешь признаться Кэмерону Файфу?

– Нет. Пока нет.

– Тогда с этим возникнут проблемы. Если Кэмерон не будет знать причины, нам нипочем не убедить его отозвать пресс-конференцию. А уж тем паче поставить на технологии крест.

– Это я понимаю, – подтвердил Холл. – Но теперь, когда знаешь и ты, над данной проблемой у нас работают уже три головы. Четыре, если считать твою за две, – добавил он с кривой усмешкой. – Так что давай пораскинем умишком пару минут.

– Ладно, – согласился Альтшулер и смолк на несколько секунд. – Первое и наименее важное на данный момент – подавить твои пси-способности. Можно попробовать ряд подходов, но нет никаких гарантий, что удастся отключить их без необратимого ущерба.

– А разве удаление имплантатов не достигнет цели? – поинтересовался Холл. – Почти наверняка?

– Может, да, а может, и нет. Есть две вероятных возможности. Быть может, это запускает точное, выверенное до микрона размещение четырех имплантатов, и так будет с каждым. Но даже если это так, их удаление может быть опасно для тебя. Методики неинвазивны, насколько нам удалось, но твои имплантаты расположены не просто на поверхности мозга. Они погребены довольно глубоко. Ни их размещение, ни их удаление невозможно осуществить, не причинив некоторого ущерба тканям мозга. Мозг весьма пластичен и способен восстанавливаться – и компенсировать ущерб, – но я видел твою медицинскую карту, Ник. Келвин Грей переставлял имплантаты десятки раз, пытаясь найти правильную конфигурацию. Он делал то же самое с двадцатью шестью другими, пока их мозги не были так измочалены, что они превратились в овощи или умерли.

– То есть, ты говоришь, что мозг Ника не перенесет дальнейшего надругательства, – заключила Меган.

– Я бы не рискнул. Вкупе с физическим надругательством его держали на постоянном пайке «Стиралки – сто девяносто», что еще больше испоганило химию его мозга. Даже мизерные повреждения, причиненные удалением его имплантатов, могут оказаться соломинкой, сломавшей спину верблюду.

– Но ты сказал, что есть и другие варианты, – с надежной в голосе произнесла Меган.

Кивнув, Альтшулер открыл было рот, но Холл перебил его:

– Ты сказал, что имеется две вероятных возможности появления у меня экстрасенсорного восприятия.

Первая – точное местоположение имплантатов. А вторая?

– Что увлекательный маршрут, проложенный имплантатами по твоему мозгу, оказал кумулятивный эффект. Это может быть совпадением с вероятностью один на миллион. Если запуск экстрасенсорных способностей требует точного рецепта, точного пути, по которому Грей раз за разом перепаживал твой мозг; точного выходного электрического уровня; точного уровня повреждения нейронов, причиненного в результате; точной продолжительности их причинения в каждом положении и так далее, – может статься, что больше ни у кого их воспроизвести не удастся.

– А может потребоваться точный путь, но продолжительность и все прочие факторы при этом будут некритичными, верно? – уточнила Меган. – Более терпимыми к мелким вариациям. Так что добиться искомого трудно, но можно.

– Верно, – подтвердил Альтшулер. – Мы на неизведанной территории. Возможно всякое.

– А Грей вел точные записи? – поинтересовалась Меган.

– Да. Что о нем ни говори, ученым он был блестящим.

– Нужно удалить их с его компьютера, – заявил Холл. – Ты можешь это сделать?

Алекс обдумал вопрос.

– Да. Но необходимо сохранить копию для собственного употребления. Она поможет нам распутать, что случилось с тобой, и позаботиться, чтобы это не повторилось. И потом, она может вывести нас на способ дать твоим способностям задний ход.

Обдумав это, Холл кивнул в знак согласия.

– А как насчет нашей непосредственной проблемы? – осведомилась Меган. – Пресс-конференции?

– Если веб-серфинг и порожденные имплантатами экстрасенсорные способности делимы, – ответил Альтшулер, – то мы в шоколаде. Если нет – мы в жопе.

– Значит, остается уповать, что экстрасенсорные способности Ника – результат многомесячных экспериментов, а не текущей конфигурации, – подытожила Меган.

– Верно, – подтвердил Алекс. – Больше ни у кого снабженного этими имплантатами они никогда не пройдут тем же путем, что в мозгу у Ника. Теперь, зная их правильное размещение, мы будем ставить их прямо туда, и делу конец.

– И как же мы узнаем, какая возможность имеет место на самом деле? – не успокоилась Меган. – Компьютерной симуляцией? Моделированием на животных?

– Не годится, – строго сдвинул брови Альтшулер. – Не тот случай. Нужно внедрить имплантаты другому человеку. Если у него или у нее разовьются экстрасенсорные способности, мы в жопе, как я и сказал. Если же он или она сможет серфить в Сети, но не сможет читать мысли, сомнения, что мы выпутались, остаются, пока п равно единице, но нам хотя бы будет куда спокойнее. – Помолчав несколько секунд, компьютерщик испустил тяжкий вздох. – Вызываюсь добровольцем.

40

И Меган, и Холл воззрились на Альтшулера, как громом пораженные.

– Вызываюсь добровольцем, – повторил он. – Это единственный вариант, если мы хотим выступить с разоблачением. Или избежать отчаянной схватки с Кэмероном Файфом по этому поводу.

– Я понимаю, что экспериментировать ты будешь над собой, – сказала Меган. – Но разве это не остается противозаконным?

– Давай скажем так, что просто сохраним это в тайне, как и экстрасенсорные способности Ника. Мир узнает об экспериментах Келвина Грея над невольными жертвами, а об этом – нет. Так что если это наделит меня способностью веб-серфинга силой мысли, как мы рассчитываем, я не проговорюсь.

Сняв очки, Альтшулер принялся протирать их рубашкой. Не потому что нервничал, а потому что стекла замутились.

– Этот эксперимент критически важен, – продолжал он. – Насколько нам известно, Ник уникален, и текущая конфигурация работает только у него. Для экстрасенсорного восприятия или Интернета. Так что установкой имплантатов мне мы добиваемся двух вещей. Это дает второе подтверждение действенности технологии веб-серфинга. А заодно помогает нам определить, являются ли экстрасенсорное восприятие и веб-серфинг двумя сторонами одной медали.

– И если да, – указал Холл, – ты тоже проклят. Проклят знанием, что люди на самом деле думают о тебе и друг о друге. Проклят судьбой парии. И проклят выслушиванием неумолчных голосов в голову и легким эхом слов, когда кто-то говорит.

– Я готов попытать судьбу, – Альтшулер снова надел очки. – И потом, в моем случае это только временно. Поскольку мой мозг практически не поврежден, для меня извлечение имплантатов не представляет опасности. Но могу заверить тебя, Ник: как бы там ни было, мы найдем способ выправить тебя и твои пси-способности.

Холл бросил взгляд на Меган, но выражение ее лица ничего ему не сказало. Он снова повернулся к Альтшулеру.

– Если ты это сделаешь, успеем ли мы разобраться в ситуации до утра вторника?

– Да. Однако я хотел бы начать побыстрее и работать всю ночь.

Алекс рассказал им об оборудовании, спрятанном Греем в комплексе в Мадере. Хотя роботизированное устройство, которым тот пользовался, можно запрограммировать на размещение имплантатов по точным координатам в мозге, для процедуры все равно потребуется эксперт, чтобы сделать нужные разрезы, и экспертное руководство человеком.

– Это может быть проблемой, – заметил Холл.

– У меня есть такой на примете, – ответил Альтшулер. – Женщина по имени Хезер Замбрана. Она годами занималась операциями на животных в фармацевтическом бизнесе. Она один из пяти человек из нашей команды, кто размещал имплантаты в мозгах животных. Я доверяю ей больше, чем кому-либо еще в компании. И она одинока, так что ей не придется скрывать наш маленький заговор от мужа.

Холл прочитал, что заодно Альтшулер давно питает к Хезер Замбране романтический интерес, но не преследовал его, потому что остается ее начальником. Хезер застенчива, умна и привлекательна, однако, будучи

по натуре закоренелым гиком, больше старалась скрыть свою физическую привлекательность, чем тратить время на прическу, макияж или наряды, которые позволили бы ей проявиться, а то и улучшили бы внешность. Для Холла тут важнее всего было то, чтобы Альтшулер считал ее заслуживающей доверия совершенно искренне, даже не будучи ее тайным воздыхателем.

– То есть ты рекомендуешь принять эту Хезер в наш клуб для избранных, – подытожил Ник.

– Да.

– И другого способа нет? – уточнила Меган.

– Боюсь, что нет, – Альтшулер покачал головой. – Но тревожиться особо не о чем, раз уж в нашей группе есть экстрасенс. Как ни противно мне это предлагать, мы можем использовать Ника для проверки моего мнения о том, заслуживает ли она доверия. Мы можем проехать мимо ее кондоминиума, и он может почитать ее мысли. Если окажется, что она неэтична, не умеет хранить секретов или, – добавил Альтшулер с усмешкой, – всегда мечтала о дне, когда сможет объявить миру о существовании реально действующего экстрасенсорного восприятия, то мы можем выбрать кого-нибудь еще.

– План, вроде бы, недурен, – рассмеялся Холл.

– Если она пройдет экзамен, Ник, – произнес Алекс, – ты мне понадобишься еще для двух вещей.

– Дальше.

– Во-первых, тебе придется продемонстрировать ей свои экстрасенсорные способности. Без этого она ни за что не поверит.

– Верно, – согласился Холл. – Я и сам с трудом верю, а я-то ими и обладаю.

– Кроме того, я хочу просканировать твой мозг ЯМР-томографом сверхвысокого разрешения в нашем главном комплексе. Мне нужно подтверждение данных Келвина относительно окончательного местоположения твоих имплантатов. Не хотелось бы выяснить после моей операции, что он ввел не ту цифру, а я из-за этого лишился дара речи.

Холл угрюмо кивнул. Это дельная мысль.

Он уловил, что компьютерщик готов уйти. Но перед уходом надо было напомнить Альтшулеру о тактическом соображении, вылетевшем у него из головы. Холл уже прочел в мыслях Алекса, что тот уже сам измыслил несколько мер предосторожности. Коуэн уверен, что Деламатер потерял след жертвы после их уловки с кредитной картой на бейкерсфилдском железнодорожном вокзале. Но Альтшулер не хотел испытывать судьбу, тем более что люди, вошедшие в круг Холла подобно Меган Эмерсон, тоже стали мишенями.

Именно Алекс догадался привлечь Коуэна к обеспечению безопасности апартаментов еще до того, как сам проникся уверенностью, что сможет залучить Холла обратно во Фресно. И попросил Коуэна арендовать машину, которая не будет связана с именем Альтшулера, и оставить ее на стоянке «Хомстед инн». И оставить ключи внутри. И еще один предмет заодно.

– Алекс, прежде чем мы тронемся отсюда, – сказал Холл. – Учитывая, что мы никого не посвятили в эту небольшую операцию, не думаешь ли ты, что мы должны во что бы то ни стало избегать наших... соседей?

На миг на лице Альтшулера отразилось полнейшее недоумение, пока он не вспомнил об охране по соседству.

– Очень дельное соображение, – одобрил он. А потом с укором добавил: – Я думал, теперь ты не будешь читать мои мысли.

– Ну, некоторые мысли я читаю волей-неволей. Я главным образом имел в виду, что стараюсь держаться в рамках приличий. Избегаю нащупывать деликатные сведения. Но правда в том, что твои идеи насчет охраны я прочитал, когда мы только-только прибыли сюда, – пояснил Холл.

– А меня кто-нибудь введет в курс? – не выдержала Меган.

– Извини, – встрепенулся Холл. – Алекс попросил Эда Коуэна отрядить спецгруппу охраны из двух человек в соседнем бунгало, если мы согласимся поехать с ним во Фресно. Он не стал упоминать об этом, не желая переполошить нас.

– И сейчас они на посту? – поинтересовалась Меган.

– Да. Я прочитал их, когда мы прибыли. Это очень опасные люди. Коуэн приказал им следить за нами и позаботиться, чтобы мы не пострадали. Но поскольку реальных неприятностей он не ждет, велел им не слишком налегать на роль спецназа.

– Думаешь, мы сможем улизнуть отсюда без их ведома? – спросил Альтшулер.

– Почти уверен, – ответил Холл. – Я могу их считать, чтобы подобрать момент. Пойдем по моему сигналу через патио. Если проверить это быстро и тихо, все будет путем.

Он помолчал, задумавшись.

– Ладно, а когда мы завербуем эту Хезер и вы просканируете мой мозг, что тогда? Отправимся прямиком в вашу мадерскую лабораторию для операции?

– Верно. Но туда тебе ехать с нами необязательно. Если я смогу серфить по Сети, но не смогу читать мысли, пресс-конференция нам по-прежнему нужна. Так что я заброшу тебя сюда, чтобы ты смог начать готовить компактную презентацию, которую мы сможем снять до вторника. Тебе стоит пройтись по тому, что с тобой случилось. И придумать самый занимательный способ продемонстрировать свои чудесные способности веб-серфинга. Это потребует творческого подхода.

– А если имплантаты дадут тебе пси-способности? – поинтересовался Холл.

– Тогда мы уничтожим все данные, кроме касающихся зрения и слуха. И ни за что не поведаем об успехе программы. Если кто-нибудь выскажет предположение, что она увенчалась успехом, будем это непоколебимо отрицать.

– Это какое-то безумие, альтернативная реальность, – заметила Меган. – В смысле, ты бы себя слышал. Ты говоришь о долбаном лекарстве от долбаной глухоты и слепоты, как будто это утешительный приз. – Она улыбнулась до ушей. – В смысле, насколько потрясно одно лишь это? Я даже не нахожу слов. Это войдет в историю, как, наверное, величайшее достижение всех времен. Если в технологии не найдется изъяна, создадут Нобелевскую премию специально для тебя, Алекс. И назовут долбаный штат в честь «Лабораторий Тейя».

– Вот уж истинная правда! – осклабился Альтшулер. – Я обдумывал эти проблемы, как математические уравнения. Спасибо, что напомнила мне о гуманитарном аспекте всего этого. Мы воистину принесем в этот мир чудо, несмотря ни на что.

– Так что в худшем случае, – резюмировала Меган, – Кэмерон Файф будет разочарован тем, что не может ухватить весь пирог, чтобы умять его в одиночку.

– Ты абсолютно права, – поддержал Альтшулер. – Если Ник решит довериться ему настолько, чтобы поведать, почему мы умолчали об интернет-аспекте, – если предположить, что это вообще понадобится, – это великолепно. А если и нет, кому какое дело? Ему придется просто удовольствоваться тем, что он станет одним из богатейших и любимейших людей на свете. Если данные будут уничтожены, а Холл не выступит, он ничего не сможет с этим поделать.

41

Меган ждала в апартаментах, праздно перешелкивая телеканалы и не находя ничего, на чем могла бы сосредоточиться в ожидании, когда Холл подаст весточку. Наконец, почти через полтора часа после их отъезда, он позвонил по своему одноразовому телефону, потому что и кондоминиум Хезер Замбраны, и «Лаборатории Тейя» находились вне досягаемости для их телепатии.

Очевидно, чтение мыслей Хезер показало, что она заслуживает доверия именно в той степени, какую определил Альтшулер, и они ввели ее в курс. Теперь она в команде целиком и полностью. Холл сказал Меган, что сейчас они втроем направляются в «Лаборатории Тейя», чтобы просканировать его мозг. Он ведет прокатный автомобиль, а Хезер и Алекс поехали на машине Хезер. Благодаря этому Холл сможет потом вернуться в отель, а Альтшулер и Замбрана двинут в мадерский комплекс.

Почувствовав себя лучше после звонка, Меган приняла долгий горячий душ, показавшийся ей воистину райским наслаждением, и снова перебинтовала бедро. Все складывается расчудесно. Через день-другой, решила она, стоит рискнуть испытать настоящий секс с мужчиной, от которого она стремительно теряет голову.

Меган остановила свой выбор на длинной романтической комедии с оплачиваемым просмотром, и не успела оглянуться, как фильм подошел к концу – неизбежные недопонимания между двумя влюбленными главными героями наконец разрешились, позволив настоящей любви расцвести.

И тут Меган периферическим зрением уловила движение.

Дверь. Открывается!

Прежде чем она распахнулась до конца, в комнату скользнул белокурый мужчина, поднимая перед собой пистолет. Меган инстинктивно бросилась вниз с дивана, когда пуля свистнула над ухом.

Он пытается ее убить.

В механизме ключ-карты на двери торчало специальное устройство, наверняка подменяющее ключ. Выудив приборчик, стрелок сунул его в карман. Все движения поджарого боевика были спокойными и отработанными – профессиональными. Уровень его компетентности и изощренности нападения так и разили Джоном Деламастером. Будь Меган на другом краю дивана, открывающаяся дверь оказалась бы вне поля ее зрения, и она уже была бы покойницей.

Впрочем, большой роли это не играет. Она лишь выиграла несколько дополнительных секунд жизни. Теперь

она на полу – неподвижная мишень, – а ее гость снова промашки не даст.

Потянувшись к двери, прищелец аккуратно прикрыл ее за собой одной рукой, а другой снова поднял пистолет. Но едва он нажал на спусковой крючок, как пуля, выпущенная из оружия с глушителем снаружи, прошла дверь и его плечо, сильно сбив прицел.

Несмотря на рану, тот не мешкал ни секунды. Игнорируя и руку, и Меган Эмерсон, бросился к стене вне зоны обстрела, когда раздалась еще два приглушенных выстрела и две пули прошли дверь.

– Требуется подкрепление, – прошипел он, и его невидимый микрофон наверняка уловил эти слова. – Я в апартаментах Холла. За дверью один или больше противников. Быстрее!

Все шторы в комнате уже были задернуты, но едва боевик договорил последние слова, как внешнюю стену бунгало прошла пуля, пройдя от него менее чем в футе. Он перекатился мимо оцетинившейся щепками двери в стоячее положение позади нее, выхватывая второй пистолет и готовясь открыть огонь по тому, кто попытается войти.

И тут Меган встрепенулась, приходя в себя. Она-то чем занята? Таращится, будто зрительница на спектакле... Сейчас у нее есть шанс.

Держась у самого пола, она по-пластунски проползла почти десять футов, открыла дверь в тесный патио апартаментов и бросилась наружу. Поднявшись на четвереньки, поспешно огляделась. Хотя пешеходные дорожки между апартаментами относительно хорошо освещены, ночь стоит пасмурная и безлунная, и бо́льшая часть обширного комплекса погружена в такую тьму, что не разберешь, не лежит ли в засаде другой снайпер.

Неважно. Выбора все равно нет. Прижавшись корпусом к плоской верхней перекладине невысокой декоративной ограды из кованого железа, окружающей патио, Меган перебросила ноги на ту сторону.

Едва встав, она услышала грохот из номера, когда один из ее защитников – должно быть, одн из телохранителей, которых Эд Коуэн разместил по соседству – вышиб дверь. Ее и без того учащенный пульс понесся бешеным галопом, когда Меган метнулась поперек освещенной дорожки во тьму стремительно и бесшумно, как кошка.

В номере же человек, напавший на Меган, находился на идеальной позиции за дверью и убрал первого из двоих людей Коуэна, ворвавшихся в дверь, выстрелом в торс. Второй из телохранителей врезал кулаком по окровавленной руке нападавшего, выбив пистолет. Но раненый боевик, не обращая внимания на жестокую боль, сравнял счет серией молниеносных ударов открытой ладонью по пистолету телохранителя, заставив его выронить оружие и, приняв боевую стойку, перейти в рукопашную.

Человек Коуэна был хорош, но чужак – лучше. Несмотря на рану, он ухитрился блокировать удар за ударом шквалом тщательно отточенных приемов из арсенала боевых искусств.

Вот тут-то защитник Меган и совершил фатальную ошибку. Выхватив из кармана смертоносный выкидной нож, он ринулся на противника. Тот перехватил руку с ножом, чтобы, воспользовавшись инерцией движения нападавшего, сломать ему запястье и вогнать нож в грудь владельца. Это было сделано столь искусно, что движение руки телохранителя было плавным и непрерывным от начала его выпада до момента, когда его легкие заполнились кровью и он рухнул на ковер.

Стояла поздняя воскресная ночь, и лишь считанные соседи, еще остающиеся на ногах, не поленились выглянуть в окна, чтобы определить причину громкого треска, раздавшегося, когда выбивали дверь. Но поскольку эта дверь находилась вне прямой видимости из любого другого блока, они просто пожали плечами и вернулись к своим делам.

А в тридцати ярдах оттуда Меган Эмерсон затаилась во тьме в полной уверенности, что буханье ее сердца слышно в другом городе и что оно выдаст ее, как в том жутком рассказе Эдгара Аллана По[27].

Женщина не сводила глаз с вестибюля, стоящего на подступах и служащего единственным входом на территорию большой общины для временных жителей, не требующим перелезать через ограды или стены. Сквозь двери вестибюля промчались двое субъектов, источавших несомненную ауру вышколенных убийц. Они из кожи вон лезли, стараясь напустить на себя беззаботный вид, но их потуги выглядели крайне убого.

Меган распласталась на темной земле. Когда те двое миновали ее, спеша к своему товарищу, она поднялась на четвереньки и бросилась к дверям вестибюля. Но когда уже собиралась протиснуться в них, заметила в дальнем конце вестибюля еще двоих, небрежно трепавшихся у выхода на улицу. Пребывая в состоянии повышенной бдительности и усиленной паранойи, Меган ни на миг не усомнилась, что эти двое – тоже члены штурмовой группы, пытающейся убить ее.

Сколько ж их там?

Отступив обратно во тьму, она позвонила Нику Холлу, стараясь заслонить свет телефона телом и руками.

Он только что прошел сканирование на ЯМР-томографе и уже направлялся в прокатной машине в отель.
– Ник, – торопливо прошептала Меган, едва он ответил, – тут прямо все черти с цепи посрывались. Люди Деламастера тут так и кишат.

Ему потребовалось всего пару секунд, чтобы уяснить внезапную новость, но Меган эти секунды показались целой вечностью.

– Ты не ранена? – встревожился он и тут же добавил: – А как же люди Коуэна по соседству?
– Я в порядке, – шепнула она. – Наши соседи пытались их остановить, но не сумели. Я прячусь на территории.
– Ладно, – его голос осип от едва сдерживаемых эмоций. – Постарайся укрыться, как можешь. Если схватят, тяни время. Минут через пять я буду в радиусе и смогу прочесть, что да как, и помочь тебе. Удачи, Меган.

Интонации его голоса сказали куда больше, чем простое пожелание удачи, и женщина поняла, что ему до смерти хочется сказать ей, что она для него значит, но он хотел, чтобы ее внимание было сфокусировано не на телефоне, а на выживании.

Меган посмотрела в сторону тренажерного зала, прикидывая, не спрятаться ли там. Не годится. Он все еще ярко освещен даже в одиннадцать вечера, и там несколько окон. Преследователи смогут увидеть ее, а она не будет видеть, что творится снаружи. Очень скверная идея.

Пока Меган взвешивала свои ограниченные возможности, человек, покушавшийся на нее, сумел снова закрыть дверь и заняться своей раной. Теперь двое бросившихся ему на помощь прочесывали территорию, делая вид, что беззаботно прогуливаются, убрав оружие с глаз долой.

Меган видела их, когда они показывались на освещенных участках, и поняла, что, скорее всего, ее накроют прежде, чем Холл доберется до зоны охвата. Укромные места тут можно по пальцам перечесть, а эти ребята очень методичны, так что когда они на нее выйдут – лишь вопрос времени. И притом этого времени всего ничего.

Нужно двигаться. Если она останется на прежнем месте, ее обнаружат через считанные секунды.

Меган бесшумно двинулась в сторону бассейна. Бассейн и спа закрыты с половины десятого, и в обоих царят глушь и запустение.

Рядом со штабелем сложенных на ночь шезлонгов стояла большая прямоугольная тележка для белья на колесиках с блестящей стальной рамой и ярко-синими матерчатыми стенками. Сейчас она стояла пустая в ожидании, когда завтра постояльцы набросают в нее десятки мокрых полотенец.

Меган поняла, что это ее единственная надежда. Район бассейна из соображений безопасности ярко освещен, так что преследователям даже в голову не придет, что она спряталась там. Подобравшись к матерчатому контейнеру, женщина осторожно уместилась внутри.

«Где же Ник? Сколько ему еще до зоны охвата?»

Но едва подумав об этом, Меган поняла, что это и не важно. Те, кто ее ищут, очень дотошны. Может, им и потребуется пара лишних минут, чтобы догадаться проверить контейнер для полотенец, но догадаются они непременно – и задолго до прибытия Холла. Экстрасенсорное восприятие у него выдающееся, но на сей раз ему нипочем ее не спасти. Во всяком случае, от этих.

Очень жаль. Было бы забавно подкинуть Нику шуточку. «Почему я спряталась в тележке для белья? – спросила бы она его. И сама ответила бы, улыбнувшись: – Потому что не всякому повезет найти открытый помойный контейнер, когда приспичит».

Ага. Когда-нибудь они от души над этим посмеются. К сожалению, обождать со смехом придется до загробной жизни.

42

Ник Холл был вне себя от тревоги. Он уже чувствовал панику прежде, но такой – ни разу. Даже в туалете заправки «Шелл».

У него хватало друзей и коллег на скриппсовском «Эксплорере». Но перспектива лишиться Меган Эмерсон была немыслима. Психологически она буквально парализовала его.

Холл чувствовал себя совершенно беспомощным.

«Держись, Меган, – молился он богам, бросая взгляд в темное, безлунное небо. – Пожалуйста, держись».

Ник притопил педаль газа, и прокатный автомобиль скачком разогнался до восьмидесяти с гаком. На подъезде к красным светофорам Холл включал дальний свет и давил на гудок, звучащий, как долгий предупредительный вой, а затем проносился через перекрестки ракетой.

Отчасти ему хотелось поддать еще больше газу, но он был не на автостраде и не мог позволить себе большей опрометчивости, не рискуя быть задержанным. В этот поздний час улицы были почти пусты, но если б хоть

один подъезжающий водитель не расслышал его предупреждения или оказался не в том месте не в то время, его увезли бы в мешке для трупов.

И все это время Ник напрягал свой разум до предела в поиске знакомого ментального присутствия Меган Эмерсон. Но по-прежнему оставался вне зоны досягаемости.

Он проносился мимо редких автомобилей, как будто те стояли на месте, а поскольку дорога была трехполосной, всякий раз ухитрялся изыскать способ обогнуть сверкающих отблесками «лежачих полицейских», не сбрасывая скорости. Игнорировал мысли о «говнюке», «где горит, козел» и похуже, исходившие от обгоняемых водителей. Ни один из них не оказал ему ни малейшего кредита доверия, даже не заподозрив, что промчатся мимо них, превысив официальный скоростной лимит вдвое, его вынуждает вопрос жизни и смерти.

Приближаясь к очередному перекрестку, Холл вдруг врезал по тормозам, сам не зная почему и сообразив только тогда, когда у него перед самым носом пронеслась машина в тот самый миг, когда его визжащий шинами автомобиль вылетел на перекресток, теряя скорость, и его сознание перехватило панические мысли ехавшего поперек водителя, прежде чем глаза Холла увидели его. Феномен вечеринки снова поднял свою изумительную голову.

Холл снова набрал скорость, подобравшуюся к девяноста на улице с официальным ограничением в сорок пять. «Блин!» – подумал он тридцать секунд спустя, перехватив мысли двух копов в машине, патрулировавшей этот район. Но было слишком поздно. Они и без радара поняли, что он нарушил все ПДД до единого. Но даже если б Ник сбросил скорость до пятидесяти достаточно быстро, чтобы ускользнуть от их внимания, что было выше его сил, Меган не могла позволить себе ни малейшей отсрочки.

Он утопил педаль газа в пол под раздавшееся позади улюлюканье сирены. Перемигивание красных и синих огней патрульной машины было видно в ночи на целые мили, словно следом за ним летел разъяренный НЛЮ. Холл поднажал еще больше, оставляя преследователей все дальше и дальше позади, и вопль сирены пошел на убыль.

Копы гнались за ним уже добрую минуту, когда в голове вдруг щелкнул выключатель. Аллилуйя! Наконец-то он ощутил непроницаемое ментальное присутствие Меган. Она еще жива!

«Меган, – принялся Ник транслировать изо всех сил. – Я в радиусе. Как обстановка?»

«Ник, слава богу! – моментально донесся ответ. – Я прячусь в тележке для полотенец у бассейна. Два человека прочесывают территорию, разыскивая меня, и как минимум еще двое в фойе».

«Понял, – передал Холл. И после короткой паузы добавил: – Считаваю двоих на территории. Они проверили тренажерку, вокруг бань, теннисные корты и гардеробные горничных. Один из них направляется к бассейну».

«Просто везение, что им потребовалось столько времени... Ник, из этого тебе меня не вытянуть. Ты не сможешь. Но я рада, что хотя бы смогла попрощаться. Я просто хочу, чтобы ты знал...»

«Меган, Меган, Меган, – взволнованно перебил Холл. – Они не за Деламастера! Это спецвойска США».

Он прочитал, что они пришли за ними обоими – за ним в первую голову, – и им было сказано, что если с него или Меган хоть волосок упадет, покатаются их головы.

«Не знаю, куда они вписываются, но у них строжайший, непреложный приказ не причинять тебе вреда».

«Ник, они стреляли в меня! Дважды».

Лицо одного из охотившихся за Меган появилось перед ней в призрачном свете фонариков, освещающих окрестности бассейна. Подняв пистолет, он в упор прицелился в нее.

«Они стреляют всего лишь дротиками с транквилизатором, – передал Холл, начиная сбрасывать скорость, осознав, что не поспеет к сроку, а от него мертвого ей проку не будет. – Меган, я вытащу тебя из этого, – настаивал он. – Как-нибудь, но вытащу, клянусь. Прими от него таблетку. Тут все чисто».

– У вас два варианта, – шепнул нависший над Меган мужчина, и она почувствовала себя и впрямь мокрым полотенцем. – Этот пистолет стреляет транквилизатором. Я могу всадить дротик вам в ногу и вырубить вас. Но это будет куда болезненнее, чем требуется. Однако у меня в кармане есть таблетка, оказывающая такое же действие. Выбор за вами.

– Кто вы? – спросила Меган.

Тот пропустил вопрос мимо ушей.

– У вас три секунды на выбор. Если нет, придется стрелять. – Он выдержал паузу. – Три, два...

– Дайте таблетку, – сказала Меган.

Сунув руку в карман, тот достал и протянул ей прозрачную зеленую капсулу. Сунув ее в рот, Меган сглотнула. «Увидимся на том свете, Ник».

Слезинка, сбежавшая из уголка правого глаза Холла, медленно потекла по щеке. «Крепись, Меган, – передал он, съезжая на обочину, чтобы принять свою пилюлю от едущих следом полицейских. – Увидимся снова на этом свете. Можешь не сомневаться».

43

Полковник Джастин Гердлер был единственным постояльцем одинокой конспиративной квартиры в этом районе – в Мерседе, милях в пятидесяти к северо-западу от Фресно. Если и это недостаточно далеко от Холла, тогда дело безнадежное.

Майор Майк Кэмпбелл, оставшийся в Северной Каролине, появился на одном из его мониторов, и у обоих рядом стояло по отдельному монитору, отображавшему идентичную видео-, графическую и тактическую информацию.

Едва Гердлер успел сесть в Калифорнии, как Кэмпбелл наконец-то отследил Холла и Эмерсон до «Хомстед Инн». Но, учитывая экстрасенсорные способности Холла, решили ничего не предпринимать, ведя наблюдение за отелем, пока не изберут наилучший курс действий.

Когда Холл и Эмерсон разлучились, и женщина оказалась вне досягаемости восприятия Холла, Гердлер ухватился за внезапно предоставившуюся возможность. План его был дерзким – и рискованным. Пришлось пойти на множество допущений. И если хоть одно из них неверное, весь план может рухнуть.

Но его первое предположение – что Меган Эмерсон важна для Ника Холла – оказалось оправданным. Ролик, где эти двое обнимались в «Вонсе», явно свидетельствовал, что физическая близость у них была. Впрочем, он вовсе не обязательно значил, что она хоть сколько-нибудь дорога ему. Однако теперь Гердлер и Кэмпбелл видели на своих мониторах, что все-таки дорога.

Полковник смотрел, как машина Холла несется по дороге, и чувствовал скорость даже сквозь спутниковое изображение. «Несется, как холера», – подумал он и тут же, даже посреди руководства заданием, поймал себя на мысли, что вышел недурной каламбурчик. Холл несется, как Холл-ера.

– Еще не нашли Эмерсон на спутниковой картинке? – с досадой спросил он Кэмпбелла.

– Мы уверены, что территорию она не покидала. Осталась где-то там.

– Как, черт возьми, спутники могли ее прозевать?

– Там темно, и контраст слишком велик, – ответил майор. – Спутниковая съемка – не магия, и даже ИК-камеры не безотказны. В данном случае наши люди на земле найдут ее раньше спутника.

И улыбнулся, потому что едва он закончил мысль, как картинка обновилась, выставив его вруном.

– Посмотрите-ка на это, – сказал Кэмпбелл, а затем включил канал связи с командой в «Хомстед Инн». – Девушка прячется в каком-то контейнере у бассейна.

– Вас понял, – отозвался лейтенант Дэн Хаббард, оказавшийся ближе к бассейну. – Будет без сознания меньше, чем через минуту.

Гердлер кивнул. К сожалению, двое неизвестных противников, сунувших гаечный ключ в конвейер операции, казавшейся рутинной, оба мертвы. Придется отправить команду зачистки и попытаться выяснить, кто они и каким образом тут замешаны. Но это обождет.

Он снова переключил внимание на образчик самой отчаянной езды, какую видел в жизни. Холл буквально играл в русскую рулетку на каждом красном светофоре. Такими темпами он скорее сам покончит с собой, прежде чем до него доберется Гердлер.

– Майк, а ты уверен, что Ник Холл и Меган Эмерсон не состояли в связи прежде? Он мчит, как на пожар.

– Полной уверенности у нас нет, но нет никаких свидетельств этого. Насколько мы можем судить, они впервые увидели друг друга в пятницу.

Не успел Гердлер задать дополнительные вопросы, как лейтенант Хаббард доложил, что девушку нашли у бассейна, как и ожидалось. Теперь ее переносят в грузовичок компании по перевозке мебели, припаркованный на стоянке, держа ее в стиле «Уикенда у Берни»[28] и делая вид, что она перебрала лишнего.

Тем временем на левой половине монитора Холл остановился, и двое полицейских осторожно приближались к нему, пребывая в готовности выхватить оружие.

– Не могу винить копов за мандраж, – заметил Кэмпбелл, находившийся за тысячи миль отсюда. – Встреться мне маньяк, ведущий машину подобным образом и отказывающийся остановиться, я бы тоже занервничал.

– Их командира уже нашли?

– Вот-вот... есть, – доложил Кэмпбелл. – Я надавлю на рычаги и отправлю их восвояси.

– Хорошо. Давай побыстрей, – отозвался Гердлер.

– Так точно, – Кэмпбелл тут же приглушил звук и взялся за телефон.

Гердлер с большим интересом смотрел на крохотные изображения полицейских, обыскивающих Холла без намека на деликатность. Они затеяли дискуссию, и судя по жестике и языку тела, насколько удавалось разобрать, требовали у Холла документы, а тот ни в какую. На этом этапе подобное поведение вряд ли их удивило, отметил про себя полковник.

Пару минут спустя посреди их жаркой перепалки с Холлом один из копов вытащил из кармана мобильник. Гердлер не мог толком разобрать выражения его лица, но вполне догадывался, что тот почувствовал. Замешательство и гнев. Уж если это не доведет копа до белого каления, то его из пушки не пробьешь.

Коротко переговорив, он сунул телефон в карман и еще короче переговорил с напарником. Через считанные секунды они отступили к своему автомобилю, всю дорогу покачивая головами, и укатили в ночь, оставив Ника Холла стоять с разинутым ртом.

– Отличная работа, Майк, – похвалил Гердлер. – Просто-таки новый рекорд скорости.

– Спасибо, – майор снова прибавил громкость. – Есть и еще хорошие вести. Как мы и надеялись, у Меган Эмерсон был сотовый. Одноразовый, как и предполагалось. И звонила она только на один номер. Вывожу его на экран.

Идеально, подумал полковник. Пока что все идет, как запланировано. Ну, как запланировано... если не считать, что одного из его людей ранили в стычке с двумя таинственными телохранителями, теперь покойными, а Меган Эмерсон бегала по территории отеля, как невидимый кролик.

– Звоню туда, – сообщил Гердлер. – И подключаю тебя, Майк. Но отключи звук со своего конца.

– Так точно.

На мониторе миниатюрное, скверно освещенное изображение Ника Холла, еще стоявшего рядом с автомобилем, ответило на звонок без колебаний.

– Ник Холл, меня зовут Джастин. Джастин Гердлер. Ваша подруга у меня.

– Кто вы? – действительно спросил Холл.

– Мисс Эмерсон звонила вам из отеля. Так что я знаю: для вас является полным сюрпризом, что сейчас она у нас под... опекой.

Если Гердлер не ошибся в своих предположениях, Холл уже прочитал мысли команды его людей в отеле, которой сказали, что и Эмерсон, и Холл – цели операции, но никто из них не должен пострадать. Холл также узнал, что они члены элитного подразделения армии США. Если его предположения верны.

– Повторяю, – прошипел Холл; ярость его была жарче лавы. – Кто вы? И чего хотите?

– Я – полковник спецвойск, – ответил Гердлер, позаботившийся, чтобы мобилизованная команда не имела ни малейшего понятия, что получает приказы от пси-отдела. Знай Холл, что это так, он мог бы тотчас же заключить, что их интересуют его экстрасенсорные способности, а этого Гердлер раскрывать не хотел. – Нам надо лишь потолковать с вами, Ник, вот и всё. Мы не хотим причинять вам вреда.

Холл быстро провел поиск в киберпространстве, отыскивая имя Гердлера в сочетании с «армия», «спецвойска» или «полковник», но ничего не выудил.

– Значит, вы похитили невинную женщину только затем, чтобы получить возможность поболтать? – презрительно, чуть ли не плевком, бросил он.

– Вынужден признать, что тут мы сели в калошу. Думали, что вы в комнате вместе с ней, – соврал Гердлер. – С кого-то снимут голову за этот промах. Прошу прощения за Меган Эмерсон. Повторяю, в первую голову нам нужны вы.

– Зачем?

– Правда, Ник? Неужто не догадываетесь? Мы оба знаем, что вы были в злополучной экспедиции «Эксплорера». А поскольку вы единственный уцелевший, нам представляется, что вы можете быть причастны к его гибели. При нормальных обстоятельствах мы не пришли бы к такому выводу. Но мы узнали, что вы живы, когда нашли ваши отпечатки на месте двойного убийства в офисном комплексе. Ничего не напоминает?

Последовала долгая пауза.

– Значит, армия США теперь занимается расследованием бытовой преступности? – с подозрением осведомился Холл.

– Послушайте, у меня нет времени разбирать с вами сложную сеть юрисдикций ведомств США. Но даже если б и было, в данном случае это неприменимо. «Эксплорер» находился в международных водах, и дело получило международную огласку. Так что я во главе расследования. И буду искренне признателен, если вы прекратите бегать и уделите некоторое время ответам на вопросы. Весьма цивилизованные вопросы. Если вы останетесь на месте, мы подъедем за вами на мебельном фургоне. Меган Эмерсон находится в нем в бессознательном

состоянии, но без единой царапинки. Если вы совершите короткую поездку с находящимися там людьми, не пытаясь снова сбежать или подстроить ловушку, мы освободим девушку. – Он помолчал. – И даю вам слово, что вам не причинят вреда.

Гердлер порадовался, что Холл сейчас не видит его лица, иначе игра была бы проиграна. Еще ни разу слова, срывавшиеся с губ полковника, не отдавали такой горечью. Введение в заблуждение – это одно. А давать слово невинному, беспомощному человеку в стопроцентной уверенности, что твое слово яйца выеденного не стоит, ниже низкого. Гердлеру прямо-таки блевануть хотелось.

– Ага. И откуда мне знать, что я могу вам доверять?

Сделав глубокий вдох, полковник постарался напомнить себе, почему прибег к подобному курсу действий. Что возникновение псионики – или предотвращение ее возникновения – будет поворотным пунктом в истории человечества.

– Поймите, мы в эту самую секунду смотрим на вас со спутника. Вот откуда мы узнали, что вас остановили. Очевидно же, что как раз мы-то и отозвали копов.

– Очевидно, – повторил Холл.

– Сверх того, вы говорите по треклятому мобильнику. Так что вы – ярко подсвеченная мишень. Если б я хотел вашей смерти, то мог бы сию секунду послать ракету прямо в вашу тощую задницу.

От этих действий он воздержался не только из-за неспособности объяснить их Соболю. Использование военной техники для стрельбы по гражданскому лицу на территории США возможно – да и простительно – лишь в том случае, если таковое гражданское лицо держит в руках детонатор ядерного арсенала.

Если догадка Гердлера верна, Холл еще считает, что у него есть туз в рукаве. У него нет основания подозревать, что полковнику что-либо известно о его пси-способностях, так что Холл рассчитывает на возможность проверить, заслуживает ли Гердлер доверия, миль за пять-десять. И если узнает, что полковник лжет, то у него будет в запасе уйма времени, чтобы удрать от людей, не ведающих о его преимуществе перед ними.

– Итак? – произнес полковник. – Что скажете? По рукам?

44

Ник Холл простер сознание вширь, нащупывая. Действительно, люди из «Хомстед инн» отнесли Меган в свой мебельный фургон и теперь находятся менее чем в миле от него, стремительно сокращая расстояние. Они получили новый приказ: забрать его и доставить на конспиративную квартиру в Мерседе, в сорока пяти минутах езды отсюда. Им недвусмысленно приказано обращаться с ним бережно, как с хрустальной вазой, если он будет сотрудничать. Эту рыбку командир намерен поймать и отпустить, как на спортивной рыбалке.

Холл уловил смутный абрис сознания Меган, но прочесть ее мысли не мог даже в этом ее состоянии. Неважно. Достаточно знать, что она жива, и люди в грузовике предоставили подтверждение, что она как огурчик.

– Ваши люди ехали сюда, пока мы разговаривали, а? – сказал Холл в телефон.

– Хорошая догадка, – ответил полковник Джастин Гердлер. – Они почти на месте. Сказать им, что вы будете сотрудничать? Чтобы они могли привести Меган Эмерсон в чувство и подбросить ее обратно в отель?

– Я буду сотрудничать, – глубоко вздохнув, произнес Холл.

– Хороший выбор, Ник. Я дам им знать. Они скоро подъедут.

Не прошло и минуты, как на место прибыл четырнадцатифутовый мебельный фургон знакомой оранжево-белой расцветки, съехавший на обочину и остановившийся рядом с прокатной машиной Ника. Задняя стенка фургона отъехала кверху, явив взору двух человек. Оба были вооружены и усыпляющими пистолетами, и настоящим огнестрелом. Меган была аккуратно пристегнута к одной из стенок с подушкой под головой.

Холл даже сам не поверил чувству, нахлынувшему при виде нее. Словно с груди сняли сокрушительное бремя. Он ощутил невероятное облегчение и ликование, и одна лишь стихийная мощь этих эмоций застала его врасплох. Ступив в фургон, он бросился прямо к Меган, опустившись на колени рядом с ней и убедившись, что она в полном здравии.

Один из двоих откатил заднюю стенку фургона вниз, и автомобиль тронулся. Внутри включился свет, обеспечив прекрасное освещение. Второй кивнул Холлу.

– Мы признательны вам за сотрудничество.

Приемник за ухом военного включился, принимая вызов. Холл не мог расслышать, что передают, но прочел слова в его сознании. «Лейтенант, – произнес голос. – Это полковник Гердлер. Новый приказ. Я хочу, чтобы вы выстрелили в нового гостя транквилизатором. Живо! Без колебаний!»

Холл прочитал в сознании лейтенанта, что он так же ошеломлен этим приказом, но отреагировал с

восхитительной скоростью, выхватив пистолет, как ковбой на Диком Западе. Нику не хватило времени, чтобы даже подумать уклониться, когда военный уже нажал на спуск.

Ощувив укол дротика, Холл понял, что Гердлер играл с ним нечестно.

О чем он еще лгал?

Сознание Ника стремительно гасло, но страх, охвативший его перед самым наступлением тьмы, был не за себя, а за жизнь женщины по имени Меган Эмерсон.

45

Когда сознание начало мало-помалу возвращаться, Холл обнаружил, что его правая рука прикована наручниками к тяжелому стальному стулу в большой спальне. И его интернет-подключение не действует!

Ник стал настолько зависим от мгновенного доступа в киберпространство, что его отсутствие буквально вышибало из колеи. Он интегрировал эту новую способность в свои чувства настолько быстро и основательно, что ее утрата оказалась настолько же мучительной, как потеря руки, а то и глаза.

Неужели его имплантаты извлекли?!

Напротив сидел мужчина с темными с проседью волосами в возрасте за пятьдесят, вперив в него пристальный взгляд. Холл вошел в его сознание, и ответы и на его вопрос, и на многие другие хлынули с такой скоростью, с какой он успевал усваивать информацию.

Этот человек оказался полковником Джастином Гердлером, начальником пси-отдела, и находились они на конспиративной квартире в Мерседе, о которой он говорил по телефону. Гердлеру пришлось воспользоваться конспиративной квартирой, потому что он нарушил прямой приказ своего начальника – генерала по фамилии Собол, так что о ближайшей базе ВВС «Эдвардс» не могло быть и речи.

Гердлер воспользовался электронным прибором, чтобы заглушить Wi-Fi поблизости. Система 6G не падает никогда. Ее зона покрытия охватывает все пятьдесят штатов сплошь и с перехлестом. Но Гердлер не хотел, чтобы у Холла была возможность отправлять электронные письма и текстовые сообщения, либо как-либо еще использовать самую внушительную из систем обмена информацией, какую знал мир.

Холл открыл было рот, чтобы опротестовать свою причастность к гибели «Эксплорера» и заявить, что убийства в «НашВашОфис» были самообороной, но не успел и слова сказать, как прочел, что это полковнику до лампочки.

Гердлер и так это знает.

А еще знает об экстрасенсорных способностях Холла. Вот потому-то тот и здесь.

Ник продолжал прощупывать. Мысли Гердлера открыли, что в доме больше никого нет, кроме пребывающей в беспамятстве Меган Эмерсон двумя комнатами дальше и единственного стерегущего ее человека, которого Холл уже и сам обнаружил. Ему отдан строжайший приказ не покидать комнату ни при каких обстоятельствах. Гердлер позаботился, чтобы ему не мешали. У того, что здесь разыгрывается, свидетелей не будет.

Полковник знал не только о его экстрасенсорном восприятии, но даже о приблизительном радиусе его действия.

– Но откуда? – пробормотал Холл вслух.

Выдержал паузу в несколько секунд и вдруг изумленно вытаращился, выудив ответ на свой вопрос.

– Я отправил вам электронное письмо?! – прошептал он, словно никак не мог в это поверить. – Я предупредил вас сам? – закончил он в ужасе.

– Если б вы прочли все послание в моем рассудке, – заметил Гердлер, – то не распекали бы себя так уж жестоко. Это был жест отчаяния. Мы думали, что вы могли снова потерять память и не осознавать, что отправили его. Ваша реакция это подтверждает.

– И вы также думаете, что заодно я только что подтвердил свои экстрасенсорные способности, что для вас играет критическую роль.

– Разумеется, вы правы. Ваши способности изумительны. Просто невероятны. Интеллектуально я убедил себя, что эти способности у вас есть. Но столкнуться с ними в реальности просто... экстраординарно.

Холл не отзывался ни словом. Бросил взгляд на цифровые часы на краю стола. Два часа ночи. В это самое время Альтшулеру сверлят череп, и эта технология имплантируется в мягкие ткани его мозга.

– Хоть вы и можете читать мои мысли, – изрек Гердлер, – я предпочитаю настоящую беседу. Таким образом я смогу направлять и организовывать изложение своих мыслей вместо того, чтобы вам приходилось наугад выхватывать, что захочется. Вы, несомненно, прочли, что я планирую убить вас здесь сегодня утром. И почему.

– А что вы планируете сделать с Меган Эмерсон? – с напором спросил Холл.

Он уже прочел суть ответа, но Гердлер был прав. Если человек упорядочивает мысли, направив их на нужную

тему, он получает более четкий, изобилующий нюансами ответ. Он способен выхватывать отдельные воспоминания и специфические сведения, но распоряжаться мнениями, планами на будущее и ответами на субъективные вопросы одним лишь чтением мыслей куда труднее.

Ответ на вопрос «понравился ли вам только что просмотренный ужастик?» можно прочесть мгновенно. А вот ответ на вопрос «Считаете ли вы, что вам понравится новый фильм ужасов, выходящий на будущей неделе?» прочесть не в пример труднее. Этот ответ – сочетание жанровых предпочтений, актерского состава, режиссера, сценариста, мнений друзей, рецензий, которые человек мог прочитать и так далее. И только человек, которому задали вопрос, знает собственный рассудок достаточно хорошо, чтобы мгновенно взвесить и скомбинировать переменные для получения ответа. А вторгшемуся в его мысли менталисту это не под силу.

– Ваша подружка очнется довольно скоро, – ответил Гердлер. – Мой коллега даст ей вторую дозу, а затем вернет ее туда, где нашел, в целости и сохранности.

Холл прочел в уме Гердлера, что разные люди реагируют на нокаутующий наркотик по-разному, а она столь миниатюрна, что дать ей вторую дозу, пока она не пришла в сознание от первой, было бы неоправданным риском. Тот факт, что Гердлер не хочет идти на этот риск, несколько ободрял.

– Я практически уверен, что ей известно о ваших способностях, – продолжал полковник. – Но если вы не сможете продемонстрировать их, ей никто не поверит. Как и вы, она ни в чем не повинна. Даю вам слово, что ей не причинят вреда.

– Ваше слово? – презрительно рассмеялся Холл. – Нам обоим известно, что ваше слово не стоит ни шиша.

Гердлер вздрогнул, и Ник понял, что попал по больному месту.

– Зачем вы дали мне очнуться? – поинтересовался он. – Я же улавливаю, как это вас огорчает. – Холл не знал, так ли уж утешительна мысль, что человек, который его убьет, будет сожалеть об этом до самой глубины души, психологически платя самую жестокую цену до конца своих дней. И добавил: – Так зачем было давать мне знать, что меня ждет? Так куда труднее для нас обоих.

– Мне нужно было убедиться, что вы можете читать мысли, – полковник насупился. – И мой долг перед вами – не убивать вас издали, как трус, не дав вам даже узнать за что.

– Ваш долг передо мной? – презрительно бросил Холл. – Seriously?! А вам не приходило в голову, что я предпочел бы не знать об этом заранее? Что так было бы куда гуманнее?

– Я должен был убедиться в ваших пси-способностях, – жалобно пролепетал Гердлер. – Убить невинного человека и так трудно. А уж убить на основании ошибочного предположения... немыслимо.

– Ладно. Значит, от необходимости убить меня вас курочит. Это я ухватил. Так вот вам идея. Не надо! Я разделяю вашу позицию, что чтение мыслей слишком опасно, чтобы давать ему ход. Искренне разделяю. Хотелось бы мне, чтобы вы могли прочесть мои мысли хоть на секундочку, дабы убедиться в этом лично. Я из кожи вон лезу, чтобы исцелиться от этого проклятья и позаботиться, чтобы его рецепт был стерт из истории навеки. Даже если я не смогу избавиться от этой нежелательной способности сам, обещаю никогда в ней не признаваться. Больше никогда ее не демонстрировать. Как мне вас убедить?

Лицо полковника лишь еще более омрачилось. Потупив взор, он тихонько проронил:

– Никак. Я вам верю. Все, что я узнал о вас, говорит, что вы достойный человек с высокими нравственными принципами.

– Так отпустите меня! – настаивал Холл. – Поступите правильно.

Вид у Гердлера был, как будто ему дали под дых.

– Я поступаю правильно, – произнес он с отвращением к самому себе. С отвращением к невероятной ситуации, когда возможны лишь решения холоднее льда. – Я верю в ваши добрые намерения, Ник. Сейчас. А как насчет завтра? Учитывая, что сотворили с вашим мозгом, просто чудо, что вы еще живы. Ваш рассудок и память безжалостно испохабили. С момента отправки вами того электронного письма у вас уже был провал в памяти. Ваше сознание перенесло многократные тяжкие травмы и потенциально нестабильно. Кто знает, что там впереди? А если вы вдруг потеряете психическую уравновешенность? Станете параноидальным шизофреником, способным читать мысли?

Холл побледнел. Теперь у него был вид, словно ему саданули под дых. Этот леденящий кровь сценарий ему даже в голову не приходил.

– Или могущество вас переменит? – продолжал Гердлер. – Власть портила хороших людей и прежде. Так что потенциально вы – психически неуравновешенный ядерный боеприпас, уверяющий меня, что самодетонация ему не грозит. Я верю искренности ваших чувств, когда вы говорите, что не станете выпускать джинна из бутылки. – Он горестно тряхнул головой. – Но ставки тут слишком высоки, чтобы оставить все, как есть. Не

уверен я в том Нике Холле, которым вы станете через год. Да и вы тоже, – кивком указал он на пленника.

Гердлер прав, осознал Холл. Он слишком потенциально опасен, чтобы жить. Значит, его смерть пойдет на благо общества? Оспаривать это он не мог.

Но его инстинкт выживания оставался слишком силен. Он не мог поставить крест на своей жизни лишь из-за того, кем может стать, что может олицетворять. Может, это и правильно с точки зрения этики, но он на это не способен. Так что он будет бороться за выживание до последнего вздоха, даже понимая умом, почему не должен оказывать ни малейшего сопротивления.

Он снова стал живым примером урока, который Меган Эмерсон почерпнула из бродвейской пьесы. Ее эффекта злой. При взгляде с одной стороны, Джастин Гердлер – герой, не чурающийся своего долга, как бы омерзителен тот ни был, устранить вероятную угрозу безопасности цивилизации. При взгляде с другой, Холл – невинный, казненный без суда безжалостным самодуром. И Ник не мог не заметить, что Гердлер – герой с куда большего числа точек зрения, чем он.

В отличие от Альтшулера, у полковника в шкафу имелись крайне неприглядные метафорические скелеты. В общем и целом, он хороший человек, вынужденный слишком уж часто принимать невозможные решения, принимать которые не следовало бы никому; но в личной жизни отнюдь не ангел. Порядочность Альтшулера почти не запятнана, а вот у Гердлера в прошлом немало серых пятен.

Однако нет ни малейших сомнений, что вынужденная необходимость убить Холла оставит на его душе психологические шрамы, которые никогда не исцелятся, равно как и в том, что Гердлер жаждет излить свою ярость за то, что его поставили в эту ситуацию, – на Джона Деламатера. Вот уж здесь убийство доставит ему удовольствие. Даже упоение.

Меган в своей комнате упорно продиралась из беспамятства, и Холл наконец-то ощутил в ней перемену, означавшую, что она сможет воспринять его мысли.

«Меган! – мысленно взревел он изо всех сил. – Меган, не открывай глаза. Если ты меня принимаешь, ответь сейчас же. Но не открывай глаза, что бы ты ни делала».

Нет ответа.

– Ладно, полковник, – произнес Холл вслух. – Было забавно. Правда, забавно. Но отомкните мои наручники и отпустите меня. Или я буду вынужден убить вас на месте.

Гердлер поднял брови.

– Чтение мыслей – не единственная невозможная вещь, которая мне по силам, – изрек Ник. – Я могу заставить ваше сердце остановиться. Я могу использовать свой рассудок, как стальную руку, которая дотянется до вашего сердца и остановит его напрочь, прежде чем вы успеете поднять пистолет.

– Очень впечатляюще, Ник, – Гердлер даже улыбнулся. – У вас кишка не тонка, и вы не теряете голову даже в самых отчаянных обстоятельствах. Этому не научишься. Поверьте, я знаю. Вы ведь слыхали про гляделки с козами, так ведь?

– Я не только слыхал об этом, – твердо заявил Холл. – Я могу это сделать. Убивать вас мне будет ничуть не приятнее, чем вам – меня. Но если не отпустите меня через десять секунд, вы сами подтолкнули мою руку.

– По-моему, вы блефуете, – покачал головой Гердлер. – Будь у вас такая власть на самом деле, вам не пришлось бы расстреливать двух человек в «НашВашОфис». Вы бы просто остановили их сердца, предоставив властям чесать в затылке.

– Я только вчера понял, что способен на это.

– У меня нет иного выхода, как заставить вас выложить карты на стол, – отозвался полковник. – Если у вас действительно есть такая сила, вы куда опаснее, чем я думал.

Холл подумал было, не начать ли обратный отсчет, но экстрасенсорное восприятие подсказало ему, что театральные эффекты тут не помогут. Гердлер хочет попытать судьбу. Ник вздохнул. Его заставили раскрыть свой блеф, и не остается ничего иного, как бросить карты на стол.

– Честно говоря, не уверен, что сделал бы это, даже если б мог, – сознался он. – Но правда в том, что мне даже муравья не притормозить.

Полковник кивнул, испытыв облегчение, несмотря на выказанную решимость. Холл прочел, что тот проникся искренней симпатией к человеку, которого собирается казнить, но это только усугубляет ситуацию. И еще он понял, что проникается уважением к своему палачу. Причудливый вывих даже для эффекта злой.

– Значит, я не могу убедить вас не делать этого? – спросил Холл.

– Хотелось бы мне, чтобы могли.

– Ну, надеюсь, вы способны признать, что в отношении моей смерти мы сходимся в том, что не сходимся.

Гердлер не удержался от улыбки, хотя горечи в ней было куда больше, чем веселья.

Повторив свое экстренное телепатическое воззвание к Меган, Холл сказал:

– Прежде чем вы сделаете это, позвольте рассказать вам все об ублюдках, преследующих меня. Все, что произошло. Если Делаmater будет стоять мне жизни, я хочу помочь вам всадить пулю ему в башку.

Впервые за сегодня Гердлер развеселился, и его разум отреагировал на эту идею с энтузиазмом пса, хозяин которого только что вернулся домой.

Холл начал неспешно излагать свою историю с момента пробуждения в мусорном контейнере. И каждые тридцать секунд вновь посылал Меган телепатический призыв. По иронии судьбы, как раз в тот миг, когда он описывал Гердлеру, как Меган угораздило присоединиться к его бегству, от нее донесся ответ – настолько слабый, что едва удалось уловить.

«Ник? Где... Где я?»

«Меган! – взволнованно передал он и тут же повторил: – Ни в коем случае не открывай глаза!»

«Ник, что происходит?»

– Полковник, – вслух сказал Холл, – по-моему, я мог упустить что-то важное. Память у меня уже не та, что прежде, как вам известно. Дайте мне пару минут подумать, – закончил он, закрывая глаза.

«Меган, тебя усыпили в тележке для белья в “Хомстед инн”. Помнишь?»

Последовала короткая пауза. «Да. Теперь помню».

«Хорошо. Что бы ты ни делала, не открывай глаза. Сейчас ты на конспиративной квартире в Мерседе, и за тобой присматривает караульный. Я в ванной, в двух дверях от тебя. Полковник из пси-отдела знает о моем экстрасенсорном восприятии и считает, что я слишком опасен, чтобы жить. Он планирует вскоре убить меня».

«О боже, Ник!»

«Я в порядке. У меня есть план. И ты играешь в нем ключевую роль».

«Говори, что делать».

«Человек, стерегущий тебя, толком не знает, когда ты очнешься, но не боится, что ты его одолеешь. Ты сидишь на полу в спальне, опираясь о стену».

«Откуда ты знаешь?»

«Вижу комнату глазами человека, находящегося там с тобой. На несколько футов правее тумбочка с лампой футов четырех в высоту, сейчас она выключена. Ее основание напоминает вытянутую цветную каплю. Может, это и стекло, но, по-моему, это плотный акрил. Как бы там ни было, если схватишь ее чуть ниже абажура, где она сужается, можешь использовать дно вместо дубины. Розетка, в которую она воткнута, примерно в двух дюймах от твоей правой руки. Пошарь, пока не нащупаешь, а затем медленно вытяни вилку, чтобы она выдернулась, когда ты замахнешься лампой. Но делай это настолько медленно, чтобы проиграть гонку с ледником. Нельзя позволить, чтобы он обнаружил хоть малейшее движение».

«Сделаю», – донеслось в ответ.

А в комнате с Ником полковник начал терять терпение.

– Ничего нового не пришло на ум? – поинтересовался он.

– Да, – ответил Ник. – Но дайте мне еще минуту-другую, чтобы окончательно разложить все по полочкам, и тогда я продолжу.

«Ладно, – передала Меган тридцать секунд спустя. – Готово».

«Шикарная работа! Этот тип считает, что ты все еще в беспмятстве. Открой глаза на волосок и найди лампу, чуть выше твоей головы справа. И найди своего стражника. Он прямо по центру перед тобой».

«Вижу сквозь ресницы и ее, и его», – передала Меган пару секунд спустя.

«Отлично. Мне нужно, чтобы ты мысленно отсчитала “три, два, один, пошел”». Когда дойдешь до “пошел”, я заору во всю глотку. Достаточно громко, чтобы долетело до твоей комнаты. Это отвлечет парня. Так что как только подумаешь “пошел”, подсказывай, хватай лампу у верхушки и лупи его изо всех сил».

Холл не хотел смерти часового. Хватит просто вырубить его. Так, может Меган попридержать удар? Как ни крути, он ведь убил Балдино одним ударом... Но он сильнее и смог долбануть твердой рукояткой пистолета Балдино по голове с чудовищной скоростью. Не имея возможности ни оценить силу Меган, ни угадать, будет ли удар скользящим или прямым, нельзя идти ни на малейший риск. Хочется уповать на то, что часовой останется жив.

«Не миндальничай, Меган, – добавил он, приняв решение. – От этого зависит моя жизнь. Так что никакой жалости. Вложи в удар всю свою ярость и ненависть. Пистолет у него в руке стреляет транквилизатором, и у него строгий приказ не ранить тебя. Так что даже если это не удастся, тебе ничего не грозит. Никакого риска».

Только вознаграждение».

«Ладно, Ник. Я тебя не подведу. На “пошел”. Готов?»

«Готов».

«Три... два... один... пошел!»

46

Холл взвыл, как ошпаренный. Леденящий, первобытный вопль заставил Гердлера испуганно подскочить. Ник вкладывал в крик максимум децибел, сколько мог, пока его связки не взмолились о пощаде, и продолжал крик и после того.

И в то же самое время он находился в голове человека, охранявшего Меган. Тот подскочил от крика, прошившего стены, как бумажные, и обернулся в его сторону. Но едва успел закончить поворот, как подсознание уловило звук движения позади, предупреждая об опасности и необходимости повернуться обратно.

Слишком поздно. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть тяжелое основание лампы, летящее ему в голову.

И тут же сознательное мышление часового оборвалось, и мысленное изображение, которое Холл заимствовал у него, исчезло. Несмотря на это, Ник чувствовал, что военный жив. Идеально!

«Я сделала это!» – телепатически крикнула Меган.

«Замечательно!» – откликнулся Холл, наконец обрывая крик, чтобы пощадить саднящее горло. – В кобуре на лодыжке у него настоящий пистолет. Бери и его, и усыпляющий, и жди моих указаний. Двигайся предельно тихо».

Гердлер лишь покачал головой.

– Накричались? Думаете, кто-нибудь снаружи дома может вас услышать и прийти на помощь?

– Вообще-то нет, – отмахнулся Ник. – Но я подумал, что вселенная задолжала мне один последний первобытный вопль.

Гердлер кивнул, а Холл заглянул к нему в мысли. Пленник испытывает чудовищный стресс, думал полковник. Вполне понятно. Вопль – причуда довольно эксцентричная, но он все-таки в камере смертников, а каждый дает выход напряжению по-своему.

– Пожалуй, ничего нового я в конце концов так и не вспомню, – непринужденным тоном продолжил Холл. – Так на чем я остановился?

– Прежде чем у вас снесло крышу и вы попытались поднять мертвых из могил, – сообщил Гердлер, – вы повествовали мне, что Меган была ранена. И вы вывели ее из здания на ее офисном кресле.

– Верно. Я понимал, что не могу доставить ее в больницу. Так что отвез в затрапезный мотель.

– И вызвали «скорую», – уверенно досказал Гердлер. Фрагменты головоломки все лучше укладывались в единую картину. – Мне интересно узнать, что там произошло. Мы допрашивали друзей и знакомых фельдшеров, приехавших на вызов.

Холл озадаченно наморщил лоб.

– А почему вы не допросили их самих?

– Оба убиты.

– Нет! – крикнул Ник, в ужасе распахнув глаза.

Он прочел, что Гердлер тотчас же раскаялся в том, что сказал об этом. Зачем заставлял Холла страдать еще больше? Большинству идущих на казнь позволяют насладиться напоследок любимым блюдом. А он вместо того обременяет Холла чувством раскаяния и вины.

Но у Ника не было времени раздумывать об этих бессмысленных смертях по его вине, пусть даже косвенной. Пока он продолжал беседу с Гердлером, Меган прокралась в соседнюю комнату. Поскольку видеть ее глазами Ник не мог, то указал ей положение лишь приблизительно – футах в шести от левой стены. Зато она заодно слышала голос полковника сквозь стену и потому была уверена, что зашла точно ему за спину. И стояла там, едва дыша и ожидая от Холла сигнала.

– Полковник, – сказал Ник, – я проникся к вам симпатией и уважением. И понимаю, почему вы считаете нужным меня убить. Но если вы хотите остаться в живых, я вправду хочу, чтобы вы бросили мне ключи от наручников и не шевелились. И на сей раз я не блефую.

– Вы уже признались, что не сможете остановить и муравья.

– Я обнаружил, что есть небольшой процент людей, чьи мысли мне недоступны. Меган Эмерсон – одна из них. Сама она не может показывать никаких фокусов, но по какой-то причине я могу телепатически общаться с ней.

Полковник задумался. Если это правда, это интересно. Но непонятно, зачем Холл говорит ему это сейчас, снова пустившись в пустые угрозы вместо того, чтобы продолжать рассказ.

– Она сейчас свободна. И не только свободна, но и в упор нацелила пистолет вам в спину. Как по-вашему, какой толщины здешние хлипкие гипсокартонные стенки? В частности, та, к которой прислонен ваш стул? По-вашему, она может остановить пулю сорок пятого калибра, выпущенную в нее с расстояния шести дюймов?

– Притворяетесь, что можете повторить номер, который выкинули в «НашВашОфис»? – невозмутимо произнес Гердлер. – Только на сей раз в наручниках? Могли бы придумать нечто поинтереснее. – Он покачал головой. – Первый ваш блеф был куда лучше.

– Да неужто? – спросил Холл, посылая Меган указание.

Позади полковника гроыхнуло от удара кулаком в стену как раз в районе его затылка. Гердлер перепугался до безумия, а ударная волна, прошившая стену, толкнула его голову вперед.

– В следующий раз в стену ударит отнюдь не кулачок, – изрек Холл. – Я знаю, что вы – героическая личность, полковник Гердлер. Но вам не помешать моему бегству, будете вы сотрудничать или нет. Так к чему швыряться собственной жизнью?

Сунув руку в карман, полковник извлек ключи от наручников Холла, понимая, что тот без труда уловит любое покушение на обман. И швырнул их Нику, перехватившему ключи в воздухе свободной левой рукой.

В мыслях Гердлера Холл прочел, что по большей части подобный оборот событий его обрадовал. Хоть пленник и получил отсрочку приведения приговора в исполнение, Гердлер тоже получил отсрочку – от исполнения претившей ему роли палача.

Освободившись, Холл велел полковнику пнуть к нему сначала боевой пистолет, потом усыпляющий. Подобрал оба, попятился и велел Меган присоединиться к ним.

Как только та переступила порог, Холл поднял усыпляющий пистолет, нацелив его на полковника.

– Знаете, вам следовало бы взять тот, что с боневыми патронами, – устало промолвил Гердлер. – Я уверен, вы можете прочесть, что если позволите мне жить, мне все равно придется вас убить. Ставки слишком высоки. Иного выхода нет.

– Знаю. Но я не убийца. И вы мне нравитесь, полковник. Я даже согласен с вами. – Холл нажал на спусковой крючок, и дротик впился Гердлеру в живот. – Но вы уж простите, что не желаю вам удачи, – добавил он, а затем обернулся, чтобы обнять стоявшую рядом женщину.

47

Сказать, что последние несколько дней в насыщенной событиями жизни Алекса Альтшулера самыми невероятными, было бы сильным преуменьшением. Он нацепил «жучок», чтобы подловить босса, едва не простился с жизнью, на время оглох после выстрела, снесшего изрядную часть лица Келвина Грея, и получил недвусмысленные доказательства существования безупречного экстрасенсорного восприятия.

А теперь, стоя в тайной подвальной комнате мадерского комплекса «Тейи», сам был способен серфить по вебу одной лишь силой мысли!

Хезер Замбрана была так взволнована успехом хирургической операции, что бросилась его обнимать, и Алекс ощутил, что она восприняла это как положительный опыт, который он попробует углубить как-нибудь в другой раз.

Разумеется, ему придется пробовать, потому что он не может читать ее мысли.

Киберсерфинг и экстрасенсорное восприятие не связаны! Второе вовсе не обязательно идет в нагрузку к первому.

Эксперимент увенчался ошеломительным успехом во всех отношениях.

Даже физически он, Алекс, ощущает себя не так уж и скверно. Кровопотеря минимальна, а болевых рецепторов в мозгу нет, потому-то нейрохирурги и могут проводить операции на бодрствующих пациентах, тем самым гарантируя, что хирургическое вмешательство не оказывает пагубного влияния на зрение, речь или моторные функции. И хотя в черепе болевые рецепторы есть, боль была не так уж и сильна даже до того, как Хезер дала ему сильное обезболивающее.

Замбрана нарочито откашлялась, но Альтшулер был так поглощен освоением возможностей своего интернет-подключения, что ничего вокруг не замечал. Он экспериментировал в бешеном темпе уже сорок пять минут. Холл сообразителен, но тут Альтшулер не знает равных, плюс к этому он еще и специалист по компьютерам и Интернету. Так что Алекс освоился с манипуляциями системой лучше Холла меньше чем за час, и перед его мысленным оком с пулеметной скоростью мелькала страница за страницей.

Хезер откашлялась во второй раз, но столь же безрезультатно.

– Гм... Алекс. Если ты чувствуешь себя хорошо, я бы поехала... Можешь продолжить эксперименты в машине. И, по-моему, гм... ну, знаешь, у меня дома было бы удобнее.

Альтшулер оцепенел. Что это значит? Боже, что бы он только ни отдал за возможность читать ее мысли хотя бы пару секунд...

У них всегда были замечательные рабочие отношения, и может быть, она ощущала, что он к ней чувствует, как бы ни тщился это скрыть. Но теперь Алекс вынес ей мозг откровениями о Грее, об «Эксплорере», о полнофункциональном персональном Интернете, управляемом силой мысли, и о человеке по имени Ник Холл. Выдернул ее из царства обыденности и рутины прямо в стратосферу экстраординарного и невероятного. Тот факт, что он выбрал ее на роль четвертого члена эксклюзивного клуба, хранящего самый потрясающий секрет в истории, не мог не повысить его привлекательность для нее. А теперь они разделяют не только невероятный секрет, но и невероятную цель. Как же это может их не сблизить?

Но насколько близко? И насколько быстро?

Альтшулер был практически уверен, что Хезер не состоит в отношениях ни с кем. И в ее кондоминиуме действительно будет куда удобнее, чем в подвальной лаборатории. Вот только что – она просто невинно указывает на достоверный факт, что дома более комфортабельная обстановка, или это ее способ сексуально намекнуть, что там более удобно?

– Алекс? – окликнула Хезер. Он уже несколько секунд смотрел на нее, моргая и ничего не говоря. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя великолепно, – наконец отозвался он. – Благодаря тебе. И ты права. Пошли отсюда. У нас уйма дел.

Поднявшись на первый этаж, они покинули здание. Машина Хезер была на стоянке первой и единственной.

– Ты твердо уверен, что не можешь прочесть мои мысли? – спросила она во второй раз, пока они одолевали несколько футов до ее машины по ночной прохладе.

– Твердо, – снова ответил Алекс. Нельзя винить ее за переживания ввиду перспективы, что он получит доступ к ее сокровеннейшим личным мыслям. – Поверь, я понимаю, какое облегчение ты должна чувствовать.

На ее потупленном лице, озаренном огнями фасада, не гаснущими ночь напролет, промелькнул намек на улыбку.

– Я испытываю чрезвычайное облегчение, но тут, – постучала Хезер себя указательным пальцем по лбу, – может быть пара вещей, которые ты мог бы прочитать, я не против.

Не надо быть гением, как Альтшулер, чтобы понять, что это заявление заслуживает расследования.

Он открыл было рот, чтобы выяснить, что это означает, когда услышал свое имя, прозвучавшее из темноты футах в десяти от него.

– Доктор Альтшулер? – произнес низкий, скрипучий голос.

К ним приближались двое.

На пустой парковке в три часа ночи, под темным безлунным небом опасение внушает даже приближение старушки с клюкой. А уж при виде двух мужчин, буквально источавших угрозу, оба ученых застыли как вкопанные, с учащенно бьющимися сердцами.

– Что вам надо? – спросил Альтшулер, про себя отметив, что ни у одного нет оружия – во всяком случае, пока.

Говоривший сунул руку в карман, извлек бумажник и, открыв его, продемонстрировал удостоверение какого-то трехбуквенного государственного ведомства, о котором Алекс и понятия не имел. Но, что еще более тревожно, поиски этого агентства с помощью внутреннего Интернета тоже ничего не дали. Откуда следует, что его не существует и эти люди мошенники, – или существует, но так засекречено, что не упомянуто ни единого раза среди триллионов доступных страниц киберинформации. Дурной знак – что так, что эдак.

Неужели они работают на Джона Деламатера?

– Извините, что беспокоим в столь поздний час, – сказал тот, убирая бумажник в карман, – но мне нужно задать вам и мисс Замбране несколько вопросов. Если будете любезны проехать с нами, наша машина припаркована за углом.

– А если не будем? – спросил Альтшулер в полной уверенности, что лицо у него сейчас бледнее окружающего света.

– Боюсь, выбора у вас нет, – отрезал тот. Его напарник хранил молчание.

– Стоять! – раздался мужской голос с противоположного конца стоянки. Если на двоих ученых и двоих мужчин напротив них падал свет здания, то этот голос исходил будто из черной дыры. – Руки вверх! Живо!

Двое якобы из правительственных органов переглянулись. Говоривший едва заметно качнул головой, и даже

Альтшулер понял, что означает этот жест: он просчитал все шансы и решил, что стрелять во тьму – вариант не из лучших. Оба подняли руки над головами, стиснув зубы.

– Алекс и Хезер, – велел отдававший приказы, – быстро отойдите от них. Двигайтесь на мой голос.

Когда двое ученых, тоже поднявших руки над головами, опустили их и сделали, как было велено, из мрака вынырнул второй человек, направившийся к двум пленным, напомним, что его коллега по-прежнему целится в них. Он бросил им пару пластиковых наручников, приказав надеть их на запястья и затянуть зубами. Скоро руки у обоих были связаны.

Кричавший, чтобы они стояли, появился из темноты, подойдя к двум ученым.

– Я Эрик Траут, – сообщил он. – Меня послал Эд Коуэн. Оставайтесь здесь, я вернусь через пару минут.

Оба повели пленников прочь. Но хотя ушли четверо, вернулся лишь один Траут.

– А где остальные? – любопытствовал Альтшулер.

– Я помог коллеге пристроить их во внедорожнике. Он увезет их кое-куда для... э... расспросов. – Он повернулся к Хезер. – Дайте мне ключи от вашей машины. Я поведу.

Когда они выезжали со стоянки – Траут за рулем, а ученые на заднем сиденье, – Альтшулер сказал:

– Спасибо, что спасли наши головы. Но как вы нас нашли? И как узнали, что мы могли попасть в беду?

– Три или четыре часа назад на апартаменты Ника Холла в «Хомстед инн» напали. Два человека, поставленные Коуэном на охрану, были убиты.

Альтшулер содрогнулся, будто увидел призрак.

– А Ник и Меган? – спросил он, заранее страшась ответа.

– Не знаем. Будем надеяться, моему коллеге удастся выведать побольше у двоих захваченных. Как только Коуэн узнал, что произошло, он нажал на все рычаги, чтобы найти вас. Он не знал, ни кто за этим стоит, ни будут ли покушаться заодно и на вас. Думаю, они поджидали, когда вы выйдете из здания. Кто знает, насколько долго...

– Куда мы едем? – поинтересовалась Хезер.

– На конспиративную квартиру в окрестностях Сакраменто. Но не напрямую. Нужно будет пару раз сменить машину на определенных крытых стоянках определенным образом, чтобы избавиться от возможного спутникового наблюдения. Хотя я и сомневаюсь, что кто-то стал бы тратить спутниковое время на эту операцию, как только выяснил бы ваше местонахождение. Они рассчитывали, что захватить вас будет пара пустяков. Они не достали оружия и оставались на свету. Бьюсь об заклад, больше никто не узнает, что здесь случилось, еще несколько часов. Но лучше перестраховаться.

Траут приказал своему ПЦП связаться с Эдом Коуэном и Кэмероном Файфом.

– Они на ногах с момента нападения на «Хомстед инн», – пояснил он, пока шло соединение. – Мне нужно доложиться.

Траут делал доклад уже три минуты, когда телефон Альтшулера завибрировал.

– Алекс, это я, – раздался запыхавшийся голос Ника Холла, как только он ответил. – Будь осторожен! Кто-то смог отследить нас до «Лабораторий Тейя», а значит, могут отследить вас до Мадеры. Убирайтесь оттуда сейчас же! И будьте начеку!

– Вы с Меган в порядке? – с волнением спросил Альтшулер, отметив про себя, что предостережение Холла несколько припозднилось.

Нику заверил его, что они в полном ажуре, и Меган тоже участвует в звонке.

– Это Ник и Меган? – осведомился Траут с переднего сиденья, во время рапорта услышав слова Альтшулера. – В каком они состоянии? – спросил он, прежде чем Алекс успел ответить.

– Оба невредимы.

– Хорошо. Организую для нас всех телеконференцию, – заявил Траут, тут же отдав своему ПЦП инструкцию сотворить чудо, необходимое, чтобы соединить Меган Эмерсон, Ника Холла, Эда Коуэна и Кэмерона Файфа через громкую связь «Тойоты» Хезер.

Альтшулер быстро ввел Меган и Холла в курс последних событий. Объяснил, что предупреждение Ника слишком опоздало, зато Траут вмешался вовремя. И что сейчас они все трое в машине Хезер.

Наступила очередь Холла, рассказавшего, что его с Меган похитили военные, доставив на конспиративную квартиру.

– Если они были военными, – вступил Коуэн, – почему же не отвезли вас в «Эдвардс»?

– Понятия не имею. Как не имею понятия, кто они такие и чего хотели.

– Они не сказали, чего от вас хотели? – с недоверием переспросил Файф. – Они пустились во все тяжкие,

чтобы просто отпустить вас? Не задавая никаких вопросов?

– Нет, они не просто отпустили нас. Я подхожу к тому, как мы сбежали. Они собирались начать меня допрашивать, когда на выручку пришла Меган. Их было всего двое, в разных комнатах. Меган сумела оглушить одного лампой по голове и вытащить меня. Оба будут в отключке еще долго.

– У вас не жизнь, а сказка какая-то, – заметил Файф; по тону было ясно, что ему трудноверно поверить, что кому-то может так же постоянно везти, как Холлу. – А почему вами заинтересовались военные? Бессмыслица какая-то...

– Понятия не имею, – упорствовал Холл. – Но чего бы ни хотел их командир, он не похож на того, кто легко сдается.

– Где вы сейчас? – справился Коуэн.

Ник объяснил, что они забрали машину своих похитителей, и сообщил свое местонахождение. Коуэн покинул телеконференцию на несколько минут. Вернувшись, он велел Холлу выбросить телефон, доехать до ближайшего торгового центра и ждать, когда их заберут, перед витриной «Мэйси» на юго-восточном углу комплекса.

– Посланные мной люди будут менять машины и прибегать к другим трюкам, чтобы наверняка избавиться от небесного ока, – растолковал Коуэн. – После этого вы присоединитесь к Алексу и Хезер на конспиративной квартире в Сакраменто – чуть более сотни миль от вашего нынешнего местонахождения.

– Великолепно, – саркастически заметила Меган. – И как это я всю жизнь прожила без конспиративной квартиры, кстати, ни сном ни духом не ведая, что за чертовщина эта конспиративная квартира? А теперь две разом. Прикиньте-ка шансы.

– Послушайте, Кэмерон, – сказал Холл. – Нам нужно выведать, что к чему, прежде чем кто-либо узнает, где я. Теперь мне надо опасаться не только Деламастера, но и правительства. Так что знакомство с ФБР во вторник исключается. Вам придется состряпать для пресс-конференции какую-нибудь байку. Сказать, что я снова скрылся. Или выдумать еще что-нибудь. Но мне нужно выиграть больше времени, пока мы не разложим все по полочкам.

Последовало долгое молчание.

– Ладно, – в конце концов согласился Файф. – Об этом я позабочусь. Эд, найми еще бывших военных, чтобы заняться и этим. А я пока что потереблю свои контакты в попытке выяснить, что творится.

Беседа продолжалась еще несколько минут, прежде чем Файф и Коуэн дали отбой. Как только они отключились, Холл попросил Траута отключить его от громкой связи и перевести обратно на телефон Алекса.

– Меня не могут подслушать? – тихонько спросил он, когда это было сделано.

– погоди, – сказал Альтшулер, сунув руку в карман и достав беспроводный наушник, чтобы вставить его в правое ухо. – Теперь валяй.

Холл, как мог быстро и без обиняков, ввел Алекса в курс случившегося на самом деле: что Гердлер узнал о его экстрасенсорных способностях и счел его слишком опасным, чтобы жить, страшаясь гонки пси-вооружений.

Альтшулер просто оцумел. Последствия просто чудовищные, но раздумывать над ними некогда.

– Хорошая новость в том, что все мы доберемся до конспиративной квартиры без проблем, – сообщил Холл. – За этим стоят два человека – полковник Гердлер и майор Кэмпбелл, его заместитель. Но в сознании Гердлера я прочел, что майор Кэмпбелл не занимался внешним наблюдением, когда мы убежали. Гердлер сказал ему, что всё в ажуре, и приказал поспать.

– Почему?

– Полковник считал, что идет на подвиг, убивая меня вопреки приказу, и хотел, чтобы майор был чист, если это когда-либо выйдет на свет. Правдоподобное отрицание... – Холл помолчал. – Но теперь, когда люди, которых Гердлер отправил за тобой и Хезер, вынесены за скобки, а сам полковник пробудет в беспмятстве еще пару часов, никто за нами не следит.

– Рад слышать, – отозвался Альтшулер, тщательно выбирая слова, поскольку Траут его слышал. – Информация о начальстве – как раз то, что доктор прописал.

Он знал, что Холл достаточно сообразителен, чтобы понять его слова. Раз Гердлер послушался приказа, Нику нужно перекинуться парой слов с лицом, отдавшим этот приказ.

– Мне тоже это пришло в голову. Проблема в том, что его начальник – генерал – тоже не хочет меня отпускать. Я нужен ему в качестве морской свинки. И оружия. Но над этим мне определенно стоит поразмыслить. А пока суд да дело, как прошла операция?

– Безупречно, – произнес Альтшулер обыденным тоном из-за Траута, даже намеком не выдав энтузиазма,

который при других обстоятельствах так и фонтанировал бы из него. – Как в сказке.

– В смысле, ты можешь серфить, но не можешь читать мысли?

– Вот именно.

– Фантастика! Наконец-то хорошая новость. И на этой реплике, – вздохнув, добавил Холл, – мне лучше закруглиться. Нужно избавиться от телефона и отправиться к... э-э... «Мэйси». Но я хочу потолковать с тобой, Алекс, и на другие темы, так что береги себя.

– Ты тоже, – отозвался Альтшулер. – Увидимся в Сакраменто.

48

Проснувшись, Хезер Замбрана посмотрела на часы на тумбочке. Почти полдень. Она не отказалась бы поспать еще чуток, но перехваченный сон и так чудесно освежил ее после безумных событий предыдущей ночи, затянувшейся до самого рассвета.

Конспиративная квартира оказалась большим, ничем не примечательным типовым домом в умеренно зажиточном районе, с четырьмя спальнями и скудной, утилитарной мебелировкой. Двое людей, доставившие их сюда, Эрик Траут и некий Тайрон Тьенда – оба демобилизованные военные, – остались караулить у передней и задней дверей, пока четверо гражданских повалились спать, даже не раздевшись.

Когда они с Алексом прибыли, Меган Эмерсон и Ник Холл уже крепко спали, потому что находились ближе к Сакраменто, выбрав одну комнату на двоих. Что и не удивительно, судя по тому, что Алекс рассказал о них, хотя Хезер и была уверена, что они слишком измотались, чтобы заниматься еще чем-либо, кроме сна. Они с Алексом взяли разные комнаты. Но она питала надежды, что это может измениться – и не далее как сегодня вечером.

Этот дом призван скрывать и защищать тех, кто находится в бегах или в опасности, так что момент появления и характер постояльцев совершенно непредсказуемы. Поэтому он основательно снабжен незатейливой мужской и женской одеждой нескольких размеров, нераспакованными зубными щетками и прочими туалетными принадлежностями.

Принимая душ и переодеваясь, Хезер думала об Алексе Альтшулере.

Он абсолютно гениален. И притом добр. А еще смотрит на нее с обожанием, как влюбленный неуклюжий школьник. Правда, красотой он не блещет, но внешность ее никогда и не интересовала; главное, чтобы человек был хороший. Ну так что ж, что у него недвес в десять фунтов? У нее как раз перевес на десятку. Они уравнивают друг друга. А еще она на несколько лет старше его, но если это его не волнует, то ее уж тем паче.

Он любит науку и научную фантастику, он забавный и интересный собеседник. Хезер без труда представляла, как они вместе посещают «Комик-кон», каждый в костюме своего любимого супергероя. Ну, разве не весело?

Она намеревалась соблюдать кодекс «начальник – подчиненный», но последние события все радикально переменили. Настало время идти ва-банк. А если отношения заладятся, Алекс всегда может изменить структуру, чтобы она больше ему не подчинялась, и сообщить об отношениях, как требует того устав корпорации. Или она может уволиться и устроиться на работу в другом месте... Так или иначе, сейчас не время прятаться за дурацким корпоративным кодексом, призванным защитить руководство от исков в сексуальных домогательствах.

Когда она и ее коллеги-штатские встали и привели себя в порядок, отмывшись дочиста и переодевшись в унылые, зато чистые вещи из запасов конспиративной квартиры, телохранители устроили им экскурсию по дому. Последним экспонатом стала «комната паники», вход в которую находился сразу за кухней.

Траут завел их внутрь, и Хезер нашла ее весьма впечатляющей. Комната размером с небольшую гостевую спальню была защищена стальными плитами, кевларом и пуленепробиваемым стеклопластиком. Ее вентиляционная система сообщалась с наружной атмосферой. Полы были застелены коврами – редкость для подобных помещений, потому что обычно их занимают только в экстренных ситуациях, так что комфорт и вид отходят на второй план. У боковой стены стоял стальной верстак, назначения которого Хезер даже не пыталась угадать, а над ним – впечатляющая демонстрация огневой мощи.

У другой стены ряд мониторов обеспечивал двенадцать разных точек обзора внутри дома. Те же видео постоянно доступны с мобильных и планшетов Траута и Тьенды, а ПЦП по имени Таня уведомит их обо всем необычном, что обнаружат камеры. И, несмотря на это, объяснил Траут, ему с коллегами платят за паранойю, так что чаще всего они дежурят у передней и задней дверей – просто на всякий случай.

– Я задал камерам предпочтительные для меня настройки, – пояснил Траут. – Они охватывают каждый квадратный дюйм периметра дома на расстояние до шести ярдов. Я также выбрал несколько панорамных видов.

Хотя подальше от дома и есть несколько слепых зон, я охватил все углы, с которых подходил бы я, если б возглавлял нападение на нас.

Хезер сглотнула от очередного напоминания о том, что тут ей не там.

– Очень утешительно, – сухо заметила она.

Через час после экскурсии Хезер сидела за кухонным столом вместе с Алексом, Меган и Ником, уплетая ветчину и швейцарский омлет, приготовленный Меган на всех. Они попросили телохранителя оставить их в кухне наедине. Тот с радостью оказал эту любезность, и все равно они разговаривали вполголоса.

Альтшулер сообщил о только что законченной беседе с Кэмероном Файфом и Эдом Коуэном. Файф готовит пресс-конференцию, как запланировано, – за одним примечательным исключением. Он не станет представлять Алекса в качестве гендиректора. Файф сам станет ВРИО гендиректора до поры, пока не разберется, с какой стати военные прицепились к Холлу и почему послали своих людей за Альтшулером. Объявлять гендиректором человека, которого правительство США вознамерилось похитить или убить, – отнюдь не тот шаг, который заслужит поддержку акционеров.

Хезер воззрилась на Альтшулера, сидевшего прямо напротив нее, озабоченно нахмурившись.

– Ужасно жаль, Алекс. Ты сильно расстроился?

– Я расстроился, – ответил он, а потом, с намеком на усталую улыбку, добавил: – Но и почувствовал облегчение. Быть гендиректором впервые страшновато. И еще страшнее, когда вот-вот разверзнутся хляби небесные. Благодаря этому я буду в стороне от неистовства стихий, пока все не утрясется. И я не могу винить Кэмерона. По-моему, это очень разумное решение.

– Кстати, о пребывании в стороне от опасности, – вступила Меган. – Коуэн не сказал, удалось ли ему узнать что-нибудь у людей, которых он захватил вчера ночью?

– Нет, – тряхнул головой Альтшулер. – Это оперативники спецназа, получившие законные приказы от начальства. Но они не знают, кто стоит на вершине пирамиды и с какой стати приказал доставить нас.

– А они, часом, не... ну, знаешь... не пытали их или типа того, а? – нахмурилась Хезер.

– Нет. Я задал Коуэну тот же вопрос. Они воспользовались «сывороткой правды» и отпустили их. У меня сложилось впечатление, что Коуэн поступил так из практических соображений, а не из этических. Сказал, что пытаться правительственных агентов, а уж тем более убивать их – верный способ разворошить осиное гнездо и крайне скверный шаг.

– Никаких выходов на Деламастера? – осведомилась Меган.

– Никаких. Файф надеялся, что сможет подать его на тарелочке с голубой каемочкой на пресс-конференции. Но тут пока без просвета. Коуэн изрядно накрутил счетчик, подрывая десятки наемных охранников вроде наших двух друзей в доме, но они ничего не добились. – Он посмотрел на Хезер щенячьим взглядом. – Файф интересовался новым членом нашей группы.

– И что ты ему сказал? – приподняла брови Хезер. Учítывая, что Файф не в курсе экстрасенсорных способностей Ника, ответить на такой вопрос было бы трудновато.

– Что я перетрусил, опасаясь возможных технических проблем с имплантатами. Дескать, изложить я их не могу, потому что требуется лезть в тонкости. Проблема, которая может вызвать глюк в системе через пару месяцев. Чтобы разобраться, мне требовалось кое-какое оборудование из Мадеры и знания Хезер. Я сказал ему, что тревога оказалось ложной, но мне пришлось посвятить Хезер в ситуацию с «Эксплорером». А раз мир узнает об этом очень скоро, я взял на себя смелость принять такое административное решение.

– Весьма креативно, – похвалила Хезер с широкой улыбкой. Алекса этот комплимент явно потешил.

Когда завтрак закончился, Холл и Альтшулер заняли противоположные кушетки в гостиной и закрыли глаза на добрый час, объяснив всем, что заняты изысканиями. Вот оно, предвестье будущего, осознала Хезер. Будущего, в котором, наткнувшись на человека с закрытыми глазами и смахивающего на зомби, нипочем не поймешь, спит он, подбивает баланс своего банковского счета, пишет роман или смотрит в голове кино.

Когда Алекс и Ник оказались вне игры, Хезер сочла это хорошей возможностью поближе познакомиться с Меган. Вернувшись за кухонный стол, они потягивали кофе и болтали на самые разные темы.

– Так вы с Ником довольно близки? – в какой-то момент поинтересовалась Хезер.

– Учítывая, сколько мы знакомы, – очень близки, – улыбнулась Меган. – Были бы даже ближе, если б не досадная рана. – Она заговорщицки подалась к Хезер. – Вы с Алексом тоже вроде как запали друг на друга, а?

– Это Ник тебе сказал?

– Нет. Ник не такой. Он знает, что присутствие телепата воспринимается как угроза, и ни за что не полезет в чужую голову без нужды. Просто я и сама вижу.

Хезер подтвердила, что имеет определенный интерес к Алексу – и верит, что тот тоже.

– Может, в воду чего подмешали? – заметила Меган. – Кажется, Ник мне очень нравится, но учитывая, что вы с Алексом тоже запали друг на друга, может статься, что если мужчину и женщину столкнуть поневоле в скороварке вроде этой, их гормоны начнут чудить с их мозгами.

– У некоторых биологических видов отмечено, – сообщила Хезер, – что если еды и места для жизни достаточно, а популяция резко сократилась или испытывает стресс, индивидуумы испытывают желание спариваться чаще. Типа природного способа ускорить возрождение популяции, оказавшейся под угрозой. Но я не думаю, что дело в этом. Во всяком случае, у нас с Алексом. Мы типа были равнодушны друг к другу и до того, хотя делали вид, что это не так. Вот почему Алекс и остановил выбор на мне.

– Как бы там ни было, – ухмыльнулась Меган, – у меня есть чувство, что у нас нынче ночью будет две пары, пытающихся, гм... восстановить популяцию, так сказать. Будто мы в каком-то сюрреальном летнем лагере, где мальчики и девочки разбиваются по парам, чтобы заняться ночной гимнастикой, избегая бдительных взоров вожатых.

– А вожатыми выступают Эрик Траут и Тайрон Тьенда?

– Именно. Хотя когда я ездила в лагерь, вожатые не были вышколенными убийцами с пистолетами. – Меган отхлебнула кофе. – Интересно, сколько имплантатов надо воткнуть человеку в башку, прежде чем мы избавимся от таких жизненных нужд, как утешение в объятьях собратьев-приматов?

Не успела Хезер и рта раскрыть, как в кухню ступил Альтшулер с возбужденно горящим взглядом, с порога спросив:

– Где Ник?

– Был в комнате с тобой, – пожала плечами Меган. – Может, пошел в туалет.

– Я погляжу, – бросил Альтшулер, удаляясь.

Пару минут спустя он вернулся с Холлом на буксире и провозгласил:

– По-моему, я нашел способ решить проблему Ника.

– Фантастика! – Лицо Холла озарилось радостью. – Но, помнится, ты говорил, что любая возня с моими имплантатами может быть опасна.

– Говорил. Но я провел изыскания с мыслью о возможной подоплеке твоего состояния. И пришел к мнению, что должен быть какой-то частотный диапазон, на котором Интернет работает, а твои пси-способности – нет. Я уверен, что могу написать довольно простую итеративную программку, которую зашлю в твои имплантаты. Запрограммирую их на изменение частоты каждые несколько секунд. Тебе тем временем надо просто продолжать серфить в Сети и читать мысли. Уверен, мы найдем настройки, при которых Интернет работает, а твои экстрасенсорные способности исчезнут. Как только мы их найдем, я их зафиксирую и модифицирую твою прошивку так, чтобы имплантаты не принимали больше никаких модификаций настроек. Тогда ничто на свете не вернет их обратно.

– И надолго затянется подготовка с твоего конца? – взволнованно спросил Холл.

– Пару-тройку часов.

– Замечательно. У меня как раз будет время снять мой ролик для пресс-конференции. Если это сработает, Алекс, с меня обед.

– Ну, как я могу устоять перед такой мотивацией? – рассмеялся Альтшулер.

Извинившись, он улегся на кровать, закрыл глаза и сосредоточился на манипуляциях файлами и программами силой мысли, пока трое других перебрались в гостиную к телевизору.

За последние пять лет с конвейеров не сошло ни одного телевизора без возможности подключения к Интернету и без встроенной камеры высокого разрешения для видеоконференций и съемки простых роликов для «Ю-тьюба» – вроде того, которым Холл собирался заняться прямо сейчас, чтобы его показали завтра утром на пресс-конференции. Лучшие телевизоры и снимали, и показывали трехмерное изображение, и имеющийся в конспиративной квартире исключение не составил.

Единственная проблема состояла в том, что Холл не представлял, с какого конца взяться за дело. Они обсуждали это почти сорок минут вне пределов слышимости телохранителей, и в конце концов решили, что в видеоформате нипочем не доказать, что Холл может манипулировать Интернетом с помощью мысли.

Разумеется, если б он устраивал презентацию без записи, это было бы просто. Пусть несколько журналистов, пользующихся доверием публики, пошлют по текстовому сообщению на адрес его мозга, пока он стоял бы с завязанными глазами перед ними и, ко всеобщему изумлению, прочел бы эти сообщения им. Или попросили бы его зайти на случайно выбранные URL-адреса и зачитать найденные там страницы, чтобы они могли проверить

точность его чтения по собственным компьютерам. На ум мгновенно приходили десятки захватывающих демонстраций.

Но видео с публикой не взаимодействует, его можно и сфабриковать. Меган могла написать текст, показать его камере, а затем Холл мог мгновение спустя прочесть его с завязанными глазами. Но у зрителей нет никаких гарантий, что она не рассказала Холлу содержание сообщения заранее.

Их самая креативная идея заключалась в том, что Холлу не только завязали бы глаза, но и надели несколько толстых лыжных шапочек на голову, а Меган в том же ролике трижды бросила бы кости. Потом ввела бы случайные результаты бросков в свой мобильник, тоже перед камерой, и нажала на кнопку «Отправить». Мгновения спустя Холл зачитал бы числа. Она может повторить это несколько раз. Поскольку Меган никак не узнать, какие числа выпадут, нет и возможности сговора.

С этой идеей имелось лишь три небольших проблемки. Во-первых, методы видомонтажа стали столь безупречными, что склейки просто не обнаруживаются и весь ролик можно сфальсифицировать. Во-вторых, неизвестно, не наблюдает ли кто-нибудь за кадром и не передает ли числа Холлу через скрытый приемник у него в ухе. И третье: талантливые фокусники могут провернуть трюки и более впечатляющие, чем этот.

В конце концов, Холл просто представился, изложил свои воспоминания о последних минутах на борту «Эксплорера», пока он был в сознании, и описал свой внутренний интернет-доступ, включая и способность системы идти в обход зрения и слуха, тем самым исцеляя от слепоты и глухоты, и серфинг одной лишь силой мысли. Он пустился поэтично расписывать, как замечательно иметь возможность мгновенно обузывать мощь величайшего хранилища информации на свете. Потом вместе с Меган провел несколько демонстраций, прежде чем наконец признать, что они сознают, что эти демонстрации не очень убедительны и могут быть сфабрикованы. Однако обещал, что как только освободится от обязанностей помочь в расследовании трагедии «Эксплорера», то непременно убедительно продемонстрирует возможности своих имплантатов любому числу известных репортеров лично, пока не останется ни тени сомнения.

Как только ролик был готов, Ник отправил его Файфу в Нью-Йорк. Он был состряпан на раз-два, без репетиций, по-дилетантски, но Меган настаивала, что как раз отсутствие лоска и придаст ему аутентичности и обаятельным.

Если это действительно так, подумал Холл, видео получилось обаятельным не по-детски.

49

Альтшулер закончил с программой даже раньше, чем Холл – с видео. Закруглившись со своей важнейшей работой, Ник уселся на диван с закрытыми глазами, а Альтшулер снова удалился в спальню.

Эрик Траут и Тайрон Тьенда дважды появлялись в поле зрения каждый, но им платили за охрану, а не за вопросы, так что они воздержались от комментариев по поводу странного поведения подопечных: один дрыхнет в спальне посреди дня, второй вроде бы уснул на диване, а обе женщины взирают на спящего прямо-таки с вожделением.

Хезер и Меган хотели бы продолжить разговор и познакомиться еще лучше, но ни та, ни другая не желали пропустить этот эксперимент.

Менее часа спустя глаза Холла распахнулись, и он подскочил на ноги, воскликнув:

– Сработало!

Выражение триумфа на его лице мешалось с ошеломлением, а через секунду показалось, что он готов расплакаться.

Ник обнял Хезер, поцеловал и обнял Меган, а когда в комнату чуть позже впорхнул Альтшулер, облапил щедедушного ученого медвежьими объятьями секунд на десять, оторвав от земли и закружив по комнате.

– Спасибо тебе, Алекс! – с ликованием провозгласил он.

– Всегда пожалуйста, – отозвался Альтшулер, когда Холл отпустил его. – Но в следующий раз сперва угости меня обещанным обедом, прежде чем лезть ко мне с подобными объятьями.

Холл засмеялся.

– Я так рада за тебя, Ник, – с увлажнившимися глазами тихонько обронила Меган.

Хезер не сомневалась и в этом, и в том, что Меган рада за себя, не в силах взять в толк, как женщина может вступать в романтические отношения с мужчиной, способным прочесть каждую ее мысль.

Закрыв глаза, Холл испустил долгий вздох.

– Это потрясающе, – провозгласил он. – Больше никакого нескончаемого гомона. Больше никаких порочных, мерзких мыслей детей и родителей, начальников и подчиненных. Больше никаких муторных сексуальных фантазий.

Хезер сказали, через что пришлось пройти Нику, но, будучи новым членом группы, она еще до конца этого не уяснила.

– Ты в самом деле принимал нечто подобное все время? – спросила она.

– Да. И научился с этим справляться – по большей части. Подавлять и игнорировать. Превращать все это в белый шум и становиться невосприимчивым. Но стоило мне оказаться рядом даже с не слишком большой группой людей и сосредоточиться на индивидуальных мыслях хоть ненадолго, как подобная пакость захлестывала меня с головой. А некоторые мысли не удавалось игнорировать, как я ни старался. Более порочные, злобные, преисполненные ненависти мысли казались сильнее остальных и пробивались сквозь шум. – Холл содрогнулся при этом воспоминании. – Но благодаря гению этого человека, – он от души хлопнул Альтшулера по спине, – затяжной кошмар окончился.

Встретившись взглядом с Алексом, Хезер Замбрана одобрительно кивнула.

– Теперь мне осталось лишь найти способ доказать, что я лишился экстрасенсорного восприятия, одному полковнику, – сказал Холл. – И все мы будем жить долго и счастливо. Особенно я, – он широко улыбнулся Меган.

– Не хочу тебя обламывать, – заметил Альтшулер, – но тебе нужно позаботиться, чтобы Гердлер не сумел убить тебя до того, как ты сможешь поделиться с ним доброй вестью.

– Тут ты прав, – согласился Холл. – Когда ты труп, провести убедительную демонстрацию куда труднее.

Хезер улыбнулась, оценив, что Ник способен на юмор висельника, когда в петле его собственная шея. Но после всего, что он перенес, остается или относиться ко всему с юмором, или рехнуться.

Два часа спустя Холл и Альтшулер настояли на приготовлении обеда, воспользовавшись интернет-рецептами, которые им удалось подобрать на основе продуктов, найденных в холодильнике и морозильнике. Еще через час все шестеро обитателей конспиративной квартиры поедали томатный суп с базиликом, салат «Цезарь» и курицу в лимонном соусе. Траут и Тьенда, подменявшие друг друга, чтобы поспать пару часов, забрали еду на свои посты на внутреннем периметре дома, а четверо штатских устроились на кухне.

После обеда они вернулись в гостиную.

Хезер прямо не верилось, что все складывается настолько хорошо. Исторические события разыгрываются в молниеносном темпе. Это не только знаменует монументальный рывок вперед в истории человечества, и они изумительным образом к этому причастны, но и у них с Алексом теперь еще больше общего, чем прежде. Они начали мало-помалу улавливать и усиливать сигналы обоюдного интереса друг у друга, и к девяти вечера оказались настолько близко друг к другу, что почти соприкасались. И даже несмотря на это, Алекс по-прежнему держался так, будто Хезер окружало силовое поле. А она была чересчур застенчива, чтобы взламывать лед дальше.

Альтшулер вышел в туалет, Хезер быстро переговорила с Меган и вернулась на свое место на диване. Когда Алекс снова сел, Меган подошла к ним и покачала головой.

– Боюсь, у меня скверные новости, – изрекла она. – Я говорила с Траутом. Смахивает на то, что вам двоим сегодня придется занять одну спальню. – Она повернулась к Хезер. – Ты не против?

– Ни чуточки, – тряхнула головой Замбрана.

– Но я не понял, – встрял самый умный среди них, во всяком случае, в некоторых отношениях. – Тут масса комнат. С какой стати нам...

– Правда, Алекс? – перебила его Меган. – Вот Хезер говорит, что не против разделить с тобой спальню сегодня. Ты уверен, что хочешь задавать вопросы?

Альтшулер скрипнул зубами и словно хотел хлопнуть себя ладонью по лбу.

– Ах, да, – проговорил он с глуповатой ухмылкой. – Раз у нас маловато комнат, то комнат у нас маловато. Знаете, если мы должны чем-то жертвовать, то я вполне готов пойти на такую жертву.

– Отлично сыграно, Алекс, – усмехнулся Холл.

Разговор продолжился, и скоро уже Альтшулер обнимал Хезер одной рукой, а она положила голову ему на грудь, чем оба были очень довольны.

Двадцать минут спустя группа обсуждала свои любимые фильмы, когда в комнату влетел Эрик Траут, сразу бросившийся к окну.

– Таня только что пробила тревогу, – сообщил он, имея в виду ПЦП, обслуживающего телевизоры компьютеры и систему безопасности дома. – Вы это слышали?

Теперь, когда об этом зашла речь, Хезер сообразила, что действительно что-то слышала – несколько завываний сирены, очень тихо и где-то вдалеке. Все сгрудилось у окна вокруг Траута. Сирены стали громче, и

скоро в ночи стали видны легко узнаваемые вспышки огней нескольких полицейских машин.

– Они что, сюда едут? – осведомился Альтшулер с намеком на панику в голосе.

Траут тут же отзвонился Эду Коуэну, описав происходящее, но через несколько минут стало ясно, что машины все-таки направляются не к ним, к великому облегчению всей группы.

Чуть позже Коуэн сделал ответный звонок, коротко переговорив с Траутом.

– Мы провели разведку, – объяснил телохранитель. – Какую-то женщину сильно избили у нее дома. Очевидно, муж нанял какого-то типа, чтобы забил ее до смерти. Причем как можно медленнее, чтобы она страдала.

– А я думала, у моих родителей был трудный развод, – содрогнувшись, шепнула Меган со смесью печали и отвращения. – Этот тип очень-очень ненавидел жену.

– Удалось спасти? – поинтересовалась Хезер.

– Ага. Ублюдка схватили, не дав ему довести работу до конца. Женщине придется несколько дней провести в больнице, но она поправится.

– Слава богу, – выдохнула Хезер.

– Ох уж это человечество, – покачив головой, печально промолвил Холл. – Порой трудновато его любить.

– Это уж точно, – поддержала Меган. И после долгого молчания добавила: – Но, как это ни ужасно, мы не должны поддаваться разочарованию именно сейчас.

Все согласно закивали, разделяя ее чувства.

– А, знаю! – встрепенулась Меган несколько секунд спустя с лукавой улыбкой. – Почему бы нам не удалиться в свои комнаты, чтобы найти позитивный способ укрепить веру в свою человечность?

Отвернувшись от Меган, Альтшулер заглянул на самое дно глаз Хезер.

– А вот это, – сказал он, наученный предыдущим промахом, – лучшая идея из всех, какие я слышал за последнее время.

50

Еще ни разу в жизни Алекс Альтшулер не был так счастлив. Они с Хезер занимались любовью несколько раз за ночь и рано утром, а когда их тела не были слишком заняты, болтали, как подростки на пижамной вечеринке. Поспать им удалось всего пару часов, но Альтшулер испытывал и душевный, и физический подъем, а Хезер Замбрана так и лучилась счастьем рядом с ним.

Пресс-конференция была запланирована на десять утра по нью-йоркскому времени, когда в Калифорнии было только семь утра. Они поставили будильник на шесть, но в пять тридцать сна у них не было ни в одном глазу, так что решили начать день с места в карьер, поскольку Альтшулер был уверен, что будет не в состоянии заниматься любовью еще много часов – а может, никогда.

Оба по-быстрому приняли душ и уже направлялись в кухню, чтобы сделать остальным постояльцам дома сюрприз, поджарив на завтрак оладьи, когда услышали пронзительный вопль «не-е-ет!» со стороны спален. Голос, вроде бы, принадлежал Нику Холлу.

Они бросились к его комнате, и Альтшулер постучал в дверь.

– Ник, ты там в порядке?

Ни звука в ответ.

– Ник, если ты не отзовешься, я вхожу.

Так и не дождавшись ответа, Альтшулер повернул ручку, и они с Хезер ступили в комнату.

Холл сидел на кровати в голубых пижамных штанах и без рубашки с ошеломленным видом, словно впал в кому. В руке он держал исписанный блокнотный листок.

Когда они вошли, он поднял глаза, но не шевельнулся. Листок выпал из его пальцев на кровать.

– Ник? – с тревогой спросила Хезер. – В чем дело? Где Меган?

Холл встретился взглядом с Альтшулером.

– Прочти, – произнес он, словно испытывая нестерпимые муки, и чуть заметно кивнул на упавший листок бумаги. – Валяй, Алекс. Прочти вслух.

Альтшулер бросил взгляд на Хезер, только тут осознав, что держится с ней за руки. Отпустив ее ладонь, поднял листок с кровати, встал посередине между Хезер и Холлом и начал читать.

Драгоценный мой Ник!

За то короткое время, что ты был в моей жизни, ты стал мне дороже всех на свете. После того, как вчера ночью мы позанимались любовью (ну, в пределах возможного для раненой неандерталки) я испытывала непреодолимое желание сказать, что люблю тебя. Я совсем сбрендила? Я напугана, Ник. Я еще никогда такого

не чувствовала. Я влюбилась в тебя чересчур сильно и чересчур быстро.

Я говорила тебе, что напугана? Забавно, меня пытаются схватить или прикончить уже несколько дней, но собственные чувства пугают меня куда сильнее этого...

Я так счастлива, что ты избавился от этого псионического проклятья. Скоро твоя жизнь войдет в колею. Ты станешь знаменитейшим из знаменитых, а поскольку ты больше не будешь парией, то сможешь получить любую женщину, какую захочешь. Я помню, как ты сказал, что больше не любишь Алисию, но подозреваю, что это вроде как зелен виноград, потому что ты знал, что в прежнем состоянии больше не мог поддерживать с ней отношений.

«Что еще за Алисия? – озадачился Альтшулер. – И что Меган подразумевала под “раненой неандерталкой”?» Он начал было думать, что хорошо знает Ника Холла, но, оказывается, не тут-то было. Впрочем, сейчас не лучший момент для таких вопросов, решил он, и продолжил чтение:

Это не твоя вина, Ник. Ты невероятен. Веселый. Умный. Героический. Каждая девушка может только мечтать о таком. Но это становится чересчур реальным и чересчур быстро. Ты знаешь, что я думаю о женитьбе. Мои родители когда-то страстно любили друг друга, а кончилось все горечью и взаимной ненавистью. И я уж не говорю о случившемся вчера вечером. Так что, быть может, люди не созданы для женитьбы.

Но когда я с тобой, я уже не верю в это. Ты как наркотик, меняющий сознание. И я боюсь, что это может скверно сказаться на моем здоровье.

Кроме того, быть девушкой, с которой знаменитость встречалась до того, как прославиться, просто оказавшейся в нужном месте и в нужное время, а потом быть отброшенной в сторону ради кого-нибудь получше, не в моем стиле.

Так что я ухожу. Мне нужно время, чтобы вырваться из зоны твоей харизмы. Время поразмыслить. Да и тебе тоже нужно время.

Не тревожься, я буду отмечаться у Эда Коузена каждые пару дней. Я взяла часть твоего покерного выигрыша, чтобы залечь на дно до поры, пока он не скажет, что уже можно поднять голову без опаски. Может, однажды я соберусь с духом позвонить тебе и узнать, как ты поживаешь. Но, подозреваю, в ближайшее время это будет слишком больно.

Удачи тебе, Ник. Ты замечательный человек, и я желаю тебе только самого лучшего. Я знаю, что на днях буду читать и смотреть о тебе все подряд.

С самыми теплыми воспоминаниями,
Меган

Альтшулер поднял глаза от письма. У Хезер глаза были на мокром месте, а Холл по-прежнему выглядел, как мокрым мешком накрытый.

Алексу оставалось лишь догадываться, что чувствует Ник. Что он сам бы почувствовал, если б Хезер ушла из его жизни как раз тогда, когда у них все так замечательно сложилось? Что он чувствовал бы, если б знал, что сам в этом никак не повинен, что причиной всему то, что она просто влюбилась в него слишком крепко? Какая брутальная ирония... Насколько же горькая пилюля...

И вдруг, прямо на глазах у Альтшулера, выражение Ника от крайнего уныния в мгновение ока сменилось яростью.

– Ждите здесь! – бросил он, подсакивая с кровати и по-прежнему без рубашки устремляясь к двери.

Пропустив его слова мимо ушей, Алекс и Хезер ринулись следом.

Холл направился напрямик к Эрику Трауту, несшему ночную вахту, пока его напарник спал, и ожидавшему скорой смены.

– Что-нибудь интересное случилось вчера ночью или нынче утром? – ядовитым тоном осведомился Холл.

Траута это застало врасплох.

– Нет. Тишь да гладь.

– Правда?! – взревел Холл. – Неужто вы настолько некомпетентны? Да вы хоть знаете, что Меган Эмерсон больше нет на этой так называемой конспиративной квартире? Знаете вы это?!

Судя по выражению лица Траута, тот не ведал о том ни сном, ни духом.

– Это невозможно.

– Я опупенно уверен! – орал Холл. – Так как же вы не знаете? Разве вы с напарником не следили за дверями? Не смотрели свое видео? Как вы могли позволить ей просто упорхнуть отсюда?

Верхняя губа Траута вздернулась. Казалось, он вот-вот раздавит Холлу кадык, но сумел удержать себя в руках. Все-таки ему платят за защиту этих людей, а не за их убийство.

– Таня, – проговорил он в свой планшетный компьютер с едва сдерживаемой яростью, – покидала ли Меган Эмерсон территорию? – И бросил на Холла презрительный взгляд, словно был уверен, что тот окажется неправ и выставит себя опрометчивым ослом.

– Да. Меган Эмерсон удалась в три тридцать утра, – ответствовал успокоительный, невозмутимый компьютерный голос.

– Что?! – рявкнул в ужасе Траут. – Почему меня не предупредили?

– Меган Эмерсон записана как проживающее лицо. Я запрограммирована игнорировать приходы и уходы проживающих лиц.

– Черт тебя дер! – крикнул Траут. – Что за сраное...

Тут он прикусил язык, сделав явное усилие совладать с собой, и обернулся к Холлу с горящим взглядом.

– Приношу свои извинения, Ник. Идиотское программирование, я поправлю его. Это не должно было произойти без моего ведома. Но не могу же я разорваться, – продолжал он. Тон его так и сочился гневом, несмотря на старания. – Так что если Меган решила обождать, пока я не перестану ее видеть, и ускользнуть, я ничего не мог с этим поделать. По большому счету, я могу защитить только людей, которые хотят защиты. Если она питает достаточно суицидальные наклонности, чтобы удрать, то должна пенять лишь на себя. Кстати, куда, на хер, она направилась?

Физиономия Холла снова преобразилась. Теперь он выглядел, как побитый щенок.

– Не знаю, – шепнул он. – Просто ушла. Собирается залечь на дно и отмечаться у Коуэна каждые пару дней.

Развернувшись, Ник зашагал прочь, не обронив больше ни слова, и Альтшулер с Хезер увязались за ним обратно в его спальню, где он снова уселся на кровать.

– Ник, – промолвила Хезер, – ты справишься?

– Не знаю, – бесцветно прошелестел он, явно опустошенный.

Поглядев на человека, теперь кажущегося пустой оболочкой, Алекс решил, что миндальничать не время. Не хочется бить лежачего, но на карту поставлено слишком много, и его долг перед Холлом – да и перед собой тоже – вернуть его на землю.

– Я ужасно сочувствую, Ник, – начал он, – но момент сейчас неподходящий. До пресс-конференции Кэмерона меньше часа. После этого все черти с цепей посрыгаются. Не говоря уж о могущественных людях, до сих пор пытающихся тебя убить, – во всяком случае, пока ты не докажешь, что на твоих экстрасенсорных способностях поставлен крест. Опять же, не могу выразить, как я тебе сочувствую, Ник. Но, боюсь, если ты не возьмешь себя в руки, то можешь не сдюжить. Это как войти в горячую зону с ослабленной иммунной системой.

Хезер потупилась, но кивнула в знак согласия.

Холл открыл было рот, но снова закрыл его, не обмолвившись ни словом. Несколько секунд он глядел на Альтшулера, потом на Хезер. И наконец, бессознательно сжав правую руку в кулак, поднялся с кровати.

– Ты прав! Ты абсолютно прав. Больше никаких празднеств. Я не могу позволить себе такой роскоши. И знаешь еще что? Я верну ее! Как только смогу убедить Гердлера, что чист. Мне плевать, что для этого потребуется. Я докажу ей, что мне плевать на Алисию, плевать на славу, плевать на всех девушек, которых я могу встретить в будущем. Я не сдамся, пока она не передумает. Она думает, что это она упряма. Ну, это ей только так кажется.

Альтшулер взглянул в стальной отблеск глаз Холла, написанную на его лице решимость, и губы его тронула чуть заметная улыбка. В жизни ничего не гарантировано, подумал он. Может, Ник Холл и не сможет в конце концов вернуть Меган. Но он, Алекс, будет последним, кто поставит против него.

51

«Лаборатории Тейя» и прежде проводили корпоративные спонсированные пресс-конференции, но Нью-Йорке – еще ни разу. Кэмерону Файфу не удалось в срочном порядке забронировать большой конференц-зал в шикарном отеле, да и не очень-то хотелось, по большому счету. В конце концов конференцию устроили в довольно тесном помещении в отеле «Хадсон» – не столь уж известном заведении, обосновавшемся почти в миле от Таймс-сквер. Собралось человек пятнадцать журналистов. Файф заверил каждого, что им дают эксклюзивную пресс-конференцию, которую им не забыть никогда, но, увидев скромную аудиторию и невзрачный интерьер, большинство начали гадать, не обвели ли их вокруг пальца.

Пресс-конференция была не настолько важна – во всяком случае, так считал мир, – чтобы транслироваться в прямом эфире хоть одного из многих сотен доступных телеканалов. Зато шла видеозапись, которую мог увидеть в реальном времени любой, кто зашел на веб-сайт «Лабораторий Тейя» или на общий сайт пресс-конференций и ввел слова «Лаборатории Тейя».

Когда конференция началась, к ней подключилось лишь пять или шесть телевизоров, считая и стоящий в гостиной типового дома под Сакраменто, Калифорния. К концу же, мобилизованные лихорадочно настроенными текстовыми сообщениями нескольких посетителей, зрители повалили тысячами, и число это экспоненциально возросло каждые пару минут.

Ровно в десять часов Файф поднялся на подиум рядом с экраном восьмифутовой высоты, выглядевшим, как большое панорамное окно. Представившись врио гендиректора «Лабораторий Тейя», он без дальнейших эквивалентов перешел к самой сути.

Начал с показа короткого документального ролика нападения на «Эксплорер», пояснив, что тот изъят с компьютера бывшего гендиректора «Лабораторий Тейя» Келвина Грея, ныне покойного – застреленного несколькими днями ранее в стычке, последовавшей за предъявлением ему обвинений в преступной деятельности.

Это вступление взбудоражило внимание толпы, как ничто другое. Материал был снят с вертолета с наездом на океанский корабль, почти затерявшийся в бескрайних, безмятежных сине-зеленых морских просторах. По мере приближения «вертушки» стали видны находившиеся на борту «Эксплорера», в беспамятстве как попало валявшиеся на палубе. С другой стороны на судно на бреющем полете заходили еще четыре больших вертолета, и вскоре бесчувственных людей погрузили в «вертушки», как дрова, – предположительно, для доставки на другое океанское судно, находящееся на расстоянии перелета.

Файф спокойно и методично объяснил, зачем этих людей похитили и убили, и предъявил улики, изобличавшие виновных и их мотивы. Грей даже сделал ряд видеозаписей, излагая продвижение экспериментов, и Файф показал их подборку на несколько минут – просто затем, чтобы все уверились, что за всем этим стоял окончательно свихнувшийся Грей.

Файф объяснил, что в эту самую минуту сотни гигабайт видео и текстов, изъятые из компьютера Грея и служащие явным свидетельством его чудовищных преступлений, передают в распоряжение прессы, общественности и правоохранительных органов. Улики недвусмысленно доказывают, что все бремя вины ложится на плечи Грея, а также таинственного субъекта по имени Джон Деламастер, и что сотни человек, которыми руководил Келвин, опираясь на результаты своих экспериментов, не имели о них ни малейшего понятия.

Как и планировалось, Файф красноречиво выразил от лица компании свое сожаление и гнев, дав ясно понять, что семьи жертв получают щедрую компенсацию за свои трагические утраты, хоть он прекрасно сознает, что вернуть жизнь тем, кого у них столь жестоко отняли, невозможно никакой ценой. Далее он высказал намерение руководства «Тейи» не останавливаться на этом и вычеркнуть эту позорную страницу из истории компании с помощью филантропии и повышения качества человеческой жизни.

И хотя Файф ясно дал понять, что ничто не может изгладить чудовищную природу преступления, «Тейя» верит, что вплотную подошла к исцелению слепоты и глухоты. Он показал видеопрезентацию со сложной трехмерной анимацией, демонстрирующей, как имплантаты могут работать в обход глаз и ушей и как визуальная и слуховая информация может быть передана сугубо нужной группе нейронов таким образом, чтобы мозг не мог отличить, поступают ли сигналы от сетчатки или слухового нерва, или генерируются имплантатами.

Он воспроизвел еще одно видео, демонстрирующее, как в сочетании со слуховыми и зрительными возможностями можно осуществлять веб-серфинг силой мысли, подчеркнув, что эта технология тоже была доведена до совершенства, хоть и трагической ценой человеческих жизней. Общество само должно решить, пользоваться ли этими изобретениями, оплаченными кровью невинных жертв, но Файф выразил надежду, что в конечном итоге общество не повернется спиной к столь революционным открытиям только из-за того, как они совершены. Что, если их использовать во благо общества, получится, что мужчины и женщины с «Эксплорера» отдали свои жизни не зря. Тут он прямо-таки блистал красноречием.

Далее Файф воспроизвел видео, снятое Ником Холлом, сперва растолковав, что это единственный оставшийся в живых член экспедиции «Эксплорера», нагромоздив еще одно невероятное, шокирующее откровение на кучу предыдущих, так и не дав своей миниатюрной аудитории избавиться от ошеломленного выражения, не сходявшего с лиц на протяжении всего часа.

Файф объяснил, что жизнь Ника Холла подвергается угрозе, так что он скрывается, и никто, включая и самого

Файфа, не знает о его местонахождении. Когда угроза будет устранена, заверил он аудиторию, Ник Холл посвятит властям столько времени, сколько им будет угодно, и продемонстрирует функционирование своих имплантатов, как и обещал в видеоролике.

Закончил Файф предупреждением, что будущее этой технологии зависит от мнения мировой общественности и от органов надзора и регулирования каждой суверенной нации, так что если б даже технологии дошли до этой точки легальными средствами, все равно потребовалось бы еще несколько лет испытаний, прежде чем они стали бы доступны для пациентов и широкой общественности.

В изложении менее искусного оратора информация, раскрытая Файфом, могла бы растянуться на целый день, но он знал, что надо выложить все менее чем за час, дабы весть разлетелась, как лесной пожар, по миру, все менее способному концентрировать внимание на чем-то одном, и в последнюю минуту этого часа надо вложить удар силой с падение астероида.

Файф окончил конференцию ровно в одиннадцать утра, заявив, что не станет отвечать ни на какие вопросы, и удалился, не дав никому опомниться.

И все же, если б он не продумал все заранее и не подрядил двух человек, нанятых Коуэном, в качестве живого щита, эта небольшая группа журналистов буквально затоптала бы его, не дав добраться до выхода. Однако при сложившихся обстоятельствах Файф благополучно добрался до автомобиля, дожидавшегося перед отелем, доехал до ближайшей вертолетной площадки и менее чем через час поднялся на борт частного самолета, зафрахтованного для полета в Калифорнию.

52

Резонанс конференции с лихвой оправдал ожидания штатских обитателей конспиративной квартиры в Сакраменто. Не прошло и пяти часов, как свыше четырехсот миллионов человек по всему миру посмотрели ее хотя бы частично. Поначалу предполагали, что это фальсификация, особенно потому, что Ник Холл очень кстати оказался недоступен для уточнения подробностей. Но по мере того, как следователи, журналисты и просто неравнодушные граждане корпели над сотнями часов видео и тысячами страниц дополнительных улик, выгруженных Файфом на публичные сайты, многие начали проникаться убеждением, что все это правда, и мир так и гудел предсказаниями технической и медицинской революции, затмевающей все предыдущие.

Развернулись дебаты – и по телевизору, и в онлайн – об этичности использования результатов противозаконных экспериментов, но подавляющее большинство склонялось к использованию, как и стало очевидно, когда Файф спросил Альтшулера, запретит ли тот абсолютную панацею от рака только потому, что ее открыл Гитлер. Разумеется, ответ был «нет».

Прения разгорались, сосредотачиваясь прежде всего на риске возникновения пагубной зависимости от технологии и на вопросе, в какой момент мы перестанем быть людьми. Многие ухватились и за другие ключевые разногласия: порно, нехватка приватности, любые слова, сказанные рядом с кем-то, могут быть записаны навечно, и так далее.

Фото Холла загрузили миллионы раз, и сообщения, что Холл замечен там-то и там-то, поступали из десятков стран. Граждане уповали обнаружить его с пылом и рвением детишек, пытающихся найти золотой билет в состязании Вилли Вонки.

И это была только верхушка айсберга – ведь многие еще не узнали об этой истории, а многие по-прежнему считали ее надувательством. Вот когда история будет неопровержимо доказана, тут-то все и забурлит.

СМИ нагрянули в гости к каждому работнику «Лабораторий Тейя» без исключения, донимая их просьбами дать интервью и захлеб обсуждая, что самого вожделенного объекта интервью – Алекса Альтшулера, заместителя Грея – не могут найти нигде, как бы ни старались.

Но работники, попадавшие представителям прессы, твердили, что и не знали о смерти Келвина Грея, и хотя «Тейя» действительно трудится в этой технологической области, ни о каких революционных прорывах им не известно, и они так же шокированы, как и все остальные.

Большинство сотрудников «Тейи» признавались, что считали Келвина Грея образцовым гендиректором – обаятельным, умным, красноречивым, а также добрым и щедрым. Но, как ни трудно поверить, что он вершил подобные зверства, против фактов не поперешь.

Почти шесть часов спустя по окончании пресс-конференции Файф позвонил Альтшулеру, сообщив, что совершил посадку в Калифорнии и уже едет, изменив внешность; через час-другой он подоспеет вместе с Эдом Коуэном. Сказал, что с нетерпением ждет личной встречи со всеми ними, но особенно с героем дня – новоиспеченной знаменитостью Ником Холлом.

Последний все еще был несколько не в себе, но уже почти оправился. Отсутствие Меган сильно сказалось и на

Альтшулере с Хезер, успевших за короткое время знакомства проникнуться к ней искренней симпатией. Но они испытывали от новообретенных отношений такой подъем, что даже если б его поубавить вдвое, то все равно пребывали бы в эйфории.

Сразу же после звонка Файфа группа из трех штатских вернулась на вахту у телевизора, которую несла с самой пресс-конференции, состоявшейся много часов назад, оценивая по новостным каналам и Интернету реакцию на конференцию. И Холл, и Альтшулер использовали заодно и свои внутренние интернет-подключения, и если находили что-то действительно заслуживающее внимания, то перебрасывали это на телевизор, чтобы увидели все.

Они смотрели новостную программу, сообщавшую, что источник в Пентагоне подтвердил достоверность показанной Файфом съемки «Эксплорера», когда Алекс Альтшулер вдруг охнул.

– Ни хрена себе! – сказал он обоим спутникам. – Вы должны это видеть.

Мгновение спустя на экране главного телевизора появился онлайн-анонс завтрашней утренней передовицы «Айова газетт». Она была озаглавлена: «Экстрасенсорное восприятие: о чем умалчивают «Лаборатории Тейя»?»

Холл только рот разинул.

– Но как они могли заподозрить?

– Ответ тебе не понравится, – Альтшулер указал на экран.

Холл и Хезер прочли короткую заметку в молчании.

Автор Дженет Холлингера описывала, как в прошлый четверг получила электронное письмо, адресованное ей и еще сорока с лишним журналистам. В сообщении говорилось, что оно отправлено неким Ником Холлом, потерявшим память, способным заниматься веб-серфингом силой мысли и отчаянно пытающимся достучаться хоть до кого-нибудь в уверенности, что его жизнь подвергается непосредственной угрозе. Ах да, и оно содержало еще одну мелочь.

Холл утверждал, что может читать мысли!

В анонсе было продемонстрировано все сообщение Холла целиком – практически идентичное тому, которое он послал в полицию и правительственные органы, а потом вычитал в уме Джастина Гердлера. Но Гердлер не знал, что Холл заодно послал сообщение и на вторую группу адресов.

Дженет Холлингера перешла к тому, что получает по электронной почте сотни мистификаций, но это письмо все-таки прочла, посчитав его куда более креативным и надуманным, чем большинство. Она заподозрила, что спам-фильтры помешали увидеть это письмо большинству ее коллег, а остальные наверняка сочли его фальсификацией – а как еще его следовало воспринимать в то время? Ряд других репортеров с ее подачи подтвердили, что теперь нашли это послание в своих папках для спама или архивах удаленных сообщений.

Когда весть о пресс-конференции «Лабораторий Тейя» разнеслась по миру, Дженет Холлингера тут же вспомнила об этом электронном письме. Ее газета провела быстрое расследование и завтра утром даст развернутый рассказ.

Склад, упомянутый в электронном письме, оказался тем самым, который только что разоблачили «Лаборатории Тейя» вкупе с кучей опубликованных улик. Тем самым, который несколько раз снял на видео Келвин Грей. И он же выгорел дотла почти тотчас же за отправкой электронного письма Холла. Также удалось узнать, что нескольких человек расспрашивали о складе члены какого-то таинственного правительственного агентства.

Сообщение все равно может быть мистификацией, но учитывая, что в электронном письме корректно описана природа имплантатов Холла и местоположение склада за много дней до откровений Файфа, оно выглядит достоверным на все сто.

Так, может быть, имплантаты Холла еще и наделяют его экстрасенсорными способностями? Способностью серфить не только по Сети, но и по мыслям других людей?

Если Холл не лгал в остальной части послания, задавалась вопросом журналистка, к чему же лгать об этом? И как иначе он мог ускользнуть от Келвина Грея?

Заканчивалась статья предположением, что если письмо полностью соответствует истине, Кэмерону Файфу предстоит дать еще уйму объяснений, а также сообщением, что куда более подробный отчет будет доступен завтра утром каждому, кто купит печатную или онлайн-версию газеты. Нет никаких сомнений, что на один день «Айова газетт» соберет куда больше читателей, чем «Нью-Йорк таймс», «Ю-Эс-Эй тудей» и «Уолл-стрит джорнал» вместе взятые.

– Ух ты, Ник, – проговорила Хезер. – И ты не помнишь, как писал это, да?

Холл лишь головой покачал.

– Да уж, ты на этом складе сложа руки не сидел, – заметил Альтшулер. – Найти электронные адреса такого множества журналистов в публичном доступе не проблема, но нужно очень постараться.

– И насколько же велика проблема? – поинтересовалась Хезер у Ника Холла. – В смысле, ты ведь больше не можешь читать мысли. Раньше мог, а теперь нет. Конец истории.

– Хотелось бы мне, чтоб все было настолько просто, – промолвил Альтшулер.

– Все будет в порядке, – откликнулся Холл, но Алексу показалось, что он скорее пытается убедить в этом себя, чем их. – Мы можем пойти на попятную. Это прибавит нам головной боли, но это не конец света. Я просто скажу, что мой рассудок подвергся многократным травмам, и экстрасенсорное восприятие было лишь галлюцинацией. Что это как раз неправда. И что когда другие получают имплантаты, то сами убедятся, что не могут обрести никакое вуду-восприятие.

– Вуду-восприятие? – приподняла брови Хезер.

– Ну, знаешь, я стараюсь, чтобы это звучало нелепо. Без скептиков, конечно не обойдется. Но когда люди начнут получать имплантаты и убедятся, что не могут читать мысли, это станет несущественным примечанием истории новой эпохи.

Они продолжили обсуждение этой и прочих тем, и сделали мониторинг нескончаемой бомбардировки публикаций, порожденных прошедшей пресс-конференцией. Это выглядело бы достаточно дико, не будь они ко всему причастны, но из эпицентра событий все выглядело чистейшим безумием. Слово «сюр» даже намеком не передавало суть происходящего. Особенно для Ника Холла, чье фото красовалось на видном месте в углу каждого крупного телеканала, говорившего о нем, разбирая буквально по косточкам.

Через пятнадцать минут после того, как они прочли статью из «Айова газетт», Холл отвечал на заданный Хезер вопрос, когда глаза его вдруг закрылись. Прямо посередине предложения.

Алекс Альтшулер заметил этот необычный оборот событий даже прежде самого Холла.

– Хезер? – встревожился он. – Ты в порядке?

Но едва он договорил, как Хезер Замбрана повалилась на диван – безвольно, как кукла.

– Блин! – буркнул Холл, наклоняясь, беря ее за руку и нащупывая пульс.

Но не успел он почувствовать биения, как его собственные веки смежились, и он рухнул на пол, совершенно ослепленный тем, что все это вызвало.

В голове Альтшулера вспыхнул образ бессознательных тел на борту скриппсовского «Эксплорера», но лишь на миг, прежде чем он тоже соскользнул на пол, в объятья бездонной тьмы.

53

Еще не открыв глаза, Альтшулер понял, что его интернет-подключение оборвано. Холл упоминал, что Гердлер с помощью электронного прибора подавлял Wi-Fi поблизости от него, и наверняка к этой тактике прибегли снова. Как и Холл до него, Алекс был потрясен тем, насколько уже стал зависим от способности, приобретенной менее двух дней назад.

Голова еще кружилась, мысли барахтались, будто в киселе, но мало-помалу он осознал, что сидит на бежевом ковровом покрытии «комнаты паники», где они побывали во время экскурсии, привалившись к стене с руками, скованными за спиной наручниками. Хезер находилась справа от него, а Холл – по ту сторону от нее. Все трое были закованы в наручники одинаковым манером.

Попытавшись как-нибудь переместить руки, Альтшулер обнаружил, что каким-то образом связан с Хезер, а та, в свою очередь, связана с Холлом – такая неуклюжая человеческая гирлянда. Кэмерон Файф только что закончил впрыскивать Холлу, находившемуся в конце короткой цепочки, какое-то неизвестное средство. Судя по тому, что и Хезер, и Холл зашевелились, средство должно было привести их в чувство.

Файф устроился на стальном верстаке у стены, в нескольких ярдах левее и нескольких футах выше ряда пленников, сидевших на полу у стены. Болтая ногами, не достающими до пола, он пристроил рядом с собой полуавтоматический и парализующий пистолеты, конфискованные у Холла; совсем недавно это оружие принадлежало Джастину Гердлеру.

Альтшулера захлестнул буквально физически ощутимый ужас, какого он не чувствовал еще ни разу. Ему грозит смерть! Накануне беспримерной технической революции, целостной частью которой ему предстояло стать, как раз тогда, когда он нашел покой и счастье в объятьях Хезер Замбраны...

Это несправедливо.

И все же в душе Алекс понимал, что вселенная склонна к жестоким насмешкам, а смерть в конечном итоге неизбежна.

– И долго мы были в отключке? – прошептал Альтшулер. Язык еще едва ворочался. И едва спросив это, Алекс

заметил время на экранах мониторов в серебристых рамках на противоположной стене. Недолго. Час от силы.

– А где Эд Коуэн? – оглядев комнату, добавил он. В голове наконец начало проясняться.

Файф проигнорировал его.

– Он уже здесь, – отозвался Холл заплетающимся языком, понемногу приходя в себя. – Он помог затащить нас сюда. Они убили Траута и Тьенду, когда те тоже отключились. Коуэн избавляется от трупов. Вернется через час или два.

– Очень хорошо, Ник, – приподнял брови Файф. – Я уж гадал, будешь ли ты притворяться, что не можешь читать мысли.

– А толку-то? Ты же знаешь, что могу.

– Ты еще можешь читать мысли? – пьяным голосом пробормотала Хезер.

Когда никто не ответил, она обернулась к Файфу.

– Вы убили наших телохранителей? – Слова звучали еще невнятно, но уже четче. – Зачем?

– Скажи ей, Ник, – поддел Файф.

– Потому что теперь, когда я знаменитость, они знали слишком много. Они знали, кто я, что я здесь и что Файфу прекрасно известно, где я.

– Именно, – Файф снова обернулся к Хезер. – Так что когда я сожгу этот дом дотла и ваши останки опознают по зубоврачебным картам и скелетам, будет лучше, если Траута и Тьенды поблизости не окажется.

– А почему мы в этой комнате? – любопытно спросил Альтшулер.

– Мне всегда здесь спокойнее, – Файф пожал плечами. – А если ваши останки найдут в «комнате паники», это приукрасит мировую сенсацию, вы не находите?

Хезер, окончательно пришедшая в себя, воззрилась на Файфа в ужасе.

– Что все это значит? Вы с ума сошли?

Файф тряхнул головой, словно вопрос его позабавил.

– Вы двое не сказали ей, а? – Он развел руками. – Пожалуй, разумно. Нет смысла ставить свое будущее против ее актерских способностей.

Замбрана повернулась к мужчинам, сидящим рядом с ней на полу.

– Да что все это значит?! – спросила она с растущей паникой.

И снова все ее проигнорировали. Бросившаяся в лицо Хезер кровь дала ясно понять, что это ее взбеленило.

– Почему ты еще не убил нас? – осведомился Альтшулер.

– Скажи ему, Ник, – пригласил Файф.

– Да не буду я твоей читающей мысли марионеткой, чтобы ты поберег голосовые связки, – покачал головой Холл. – Я могу читать мысли, а не намерения. Так что в большинстве случаев будет проще, если ты сформулируешь свои ответы. Мне бы не хотелось исказить твое психопатское мышление в пересказе.

Файф вперился в Холла ледяным взглядом с такой пристальностью, что тот поневоле несколько раз моргнул.

– Я хочу, чтобы все прошло цивилизованно, – спокойно проговорил Файф. – Но если уж дойдет до нецивилизованности, подумай, кто здесь в господствующем положении, а кто нет. Я ясно выразился?

Холл неохотно кивнул.

Файф обернулся обратно к Альтшулеру.

– Почему я еще не убил тебя, Алекс, – повторил он, – так это потому, что я, очевидно, совершил ряд ошибок. Иначе ты не заподозрил бы, что я – Джон Делаmater.

И хотя теперь их подозрения подтвердились, Альтшулер был настолько уверен, что Файф и Делаmater разные люди – находящиеся на радикально противоположных концах криминального спектра, – что даже зная, что сидящий перед ним человек – Джон Делаmater, поневоле продолжал воспринимать его, как Кэмерона Файфа.

– Так что прежде чем я отправлю вас на тот свет, – продолжал Файф, – я хотел бы понять, где ошибся. – Он помолчал. – Кто-нибудь из вас знает человека по имени Хосе Капабланка?

Ответом Файфу послужили лишь недоумевающие взоры.

– Он был чемпионом мира по шахматам с двадцать первого по двадцать седьмой годы, и его считали самым одаренным от природы шахматистом в истории. Капабланка считал, что можно узнать куда больше, изучая поражения соперника, чем его победы. Я и сам играю на уровне гроссмейстера и склонен согласиться с ним. И хотя в конечном итоге я победил, в миттельшпиле у меня случилась заминка. – Он склонился к Холлу. – Так поведай же мне, Ник, где я дал промашку? Как ты меня заподозрил?

– Ладно, скажу тебе все, что хочешь знать, – ответил Холл. – В мельчайших подробностях, если захочешь. Но я хочу услугу за услугу. Ты тоже должен ответить на вопросы.

– О? И с какой это стати?

– Потому что времени у тебя хоть отбавляй, так почему бы не уделить лишний час-другой, чтобы ублажить нас? Потому что ты сам знаешь, что это самый легкий способ заручиться полным сотрудничеством. И потому что ты любишь шахматы. А мы были достойными противниками. Куда более достойными, чем ты мог предполагать. И ты испытываешь некоторое уважение к тому, что нам удалось совершить. Монетка в ту же копилку – это твой шанс поделиться своими блистательными ходами с аудиторией, способной их оценить. Другого такого шанса тебе уже не выпадет. А если блистательная партия разыграна в лесу и никто не может ею восхититься, к чему вообще было играть?

Файф улыбнулся, но по-крокодилу, без малейшего снисхождения.

– Какой дзен, Ник!.. Ты можешь читать мои мысли, так что знаешь, какие аргументы должны подействовать. Но это не уменьшает их действенности. Ты прав. В жизни, как и в шахматах, можно восторгаться игрой противника, даже когда собираешься свалить его короля... Ладно. По рукам. Но почему бы вам с Алексом не высказаться первыми? Скажите, где я опростоволосился? – Он указал на Холла. – Полагаю, первым заподозрил ты.

Встретившись с Альтшулером взглядом, Хезер ощерила зубы и поглядела на него волком. И винить ее было не за что. Они с Ником догадались об опасности и решили пойти на риск, не посоветовавшись с женщиной, жизнь которой своим решением тоже поставили под удар. Остается лишь уповать, что она поймет, почему они решили не посвящать ее, прежде чем их всех убьют. Алекс сам не понимал, почему это так важно, но мысль, что она умрет, считая его предателем, была для него несносна.

– Подозрения вызвала не одна какая-то вещь, – ответил Холл, – а их комбинация. И началось все с Эда Коуэна. Алекс доверял тебе и Коуэну безоглядно. Это ты вытащил злодеяния Грея на свет. А Коуэн спас Алексу жизнь. Но когда теряешь память, а все пытаются тебя прикончить, тут уж поневоле научишься быть параноиком. Так что я присягнул не доверять полностью никому, чьи мысли не читал. Ты был довольно далеко, – Холл кивком указал на Файфа, – но Коуэн-то базировался в Северной Калифорнии и даже снял апартаменты в «Хомстед инн». Так что весьма любопытно, что он ни разу не приблизился ко мне на расстояние чтения мыслей. Разумеется, всех завербованных им наемников я читал. Ни один из них ничего не знал ни о его прошлом, ни о настоящем, что я нашел довольно странным и не мог не задуматься, так ли уж легально он действует. А несколько из его наймитов и сами недоумевали, почему Коуэн так старательно удерживает дистанцию от штатских, которых так жаждет защитить.

– Но что навело тебя на мысль, что ему вообще известно о твоих экстрасенсорных способностях?

– На самом деле я и не догадывался до последнего времени. Но до этого я еще дойду. Просто было странно, что мне ни разу не выпал шанс его прочитать. Однако самое подозрительное поведение из всех проклюнулось у него с самого начала. Эд Коуэн оказался наименее параноидальным телохранителем в истории. В голове у Алекса я прочел, что это Алекс настоял на дополнительных мерах предосторожности в «Хомстед инн». Коуэну и в голову не пришло разместить охрану поблизости. Но даже разместив, он сказал им, что неприятностей не ожидает. Почему? С чего это он проникся такой уверенностью, что легендарный Джон Делаmater, продемонстрировавший невероятную сноровку не раз и не два, снова не сядет нам на хвост?

– Да, – задумчиво кивнул Файф. – И ты понял, что тут может быть только одно объяснение. Эд знал, что Делаmater вас не потревожит, потому что он работал на Деламатера. – Вздох. – Наш небольшой, но предательский недосмотр... Для виду ему нужно было продолжать действовать, как будто Делаmater представляет огромную угрозу. Теперь я понимаю.

– Так что этот ход мыслей подвел меня к подозрению, что он может работать на Джона Деламатера. То бишь на тебя. Ты ведь сам же и нанял Коуэна и ввел его в игру. Я воспользовался имплантатами, чтобы разведать о тебе и Коуэне, но не нашел почти ничего. Ни один из вас не оставил ни малейшего следа. У вас обоих нашлось по единственной веб-страничке с подложной личностью, и только. Полный тупик.

Холл помолчал.

– Что еще подозрительнее, в ночь нападения Гердлера на наши апартаменты в «Хомстед», когда мы общались с тобой по громкой связи в машине Хезер, ты даже не поинтересовался, что Алекс и Хезер делали ночью в мадерском комплексе. А тебе следовало бы спросить об этом первым делом. Ты потребовал от всех нас строжайшей секретности, но этот поворот событий тебя ни капельки не смутил.

– Задним числом я сообразил, что дал здесь маху, – признался Файф.

– Верно, – поддержал Альтшулер. – Как я понимаю, именно поэтому ты распекал меня за Хезер на следующий день.

– Сходится.

– Я рассудил, что ты не поднял эту тему, когда мы были в машине Хезер, – продолжал Холл, – потому что прекрасно знал, чем они заняты. Откуда следует, что ты подсунул Алексу «жучков». В его телефон, а может, и в одежду. Это сугубо умозрительно, просто догадка.

– Хорошая догадка, – похвалил Файф. – Продолжай.

– Поскольку ты знал о намеченном нами эксперименте, – вступил Альтшулер, – и не вмешался, значит, одобрил его.

– Да. Мне ничуть не меньше твоего хотелось подтверждения, что успех с Холлом можно воспроизвести. И что экстрасенсорное восприятие не является нежелательным побочным эффектом. Мои поздравления вам с Хезер.

Альтшулер стиснул зубы. Хотя они с Холлом и догадывались, что его поставили на прослушку, от этого подтверждения его все равно продрал мороз по коже. Файф на три шага опережал их с самого начала. И даже когда они считали, что делают что-то не по сценарию, это в конечном итоге опять-таки служило его интересам.

– После звонка в машине Хезер, – снова повел Холл, – я решил поделиться подозрениями с Алексом. Момент был идеальный, потому что теперь, когда он тоже обзавелся работающими имплантатами, мне больше не нужно было бояться прослушки. Мы могли общаться в полнейшем молчании и безупречной секретности с помощью своего интернет-доступа. Алекс даже настроил ПЦП, имитировавшие наши собственные голоса, для зачитывания моментальных сообщений друг другу. Это порядком смахивало на настоящий разговор, только такой, которой не могут подслушать никакие уши или «жучки».

Файф насупился, явно раздосадованный, что не учел эту очевидную возможность уклонения от его надзора.

– Как только Холл поделился своей озабоченностью, – подхватил Альтшулер, – я озабочился тем, чтобы найти тебя в реестре ПКИ. Даже самые скрытные из инвесторов должны значиться в реестре президентской комиссии по инвестициям, как тебе известно, хоть ее архивы и не в открытом доступе. Пусть ты не наследил в онлайн, но если ты действительно инвестировал в ряд компаний, как утверждаешь на своей веб-странице, кроме «Тейи», то должен был оставить след в ПКИ. С помощью имплантатов я хакнул ее секретные файлы без излишнего труда.

– И там я следа тоже не оставил, – тряхнул головой Файф. – Вынужден признать, я в полном восторге. Почти жалею, что придется вас убить. – Чуть помолчав, он с жестокой усмешкой подчеркнул: – Почти.

Альтшулер выверился на Файфа с нечеловеческим накалом. Последние события закалили его, сделав его хребет нестигаемым. Это был уже не сопливый гик, нервно протиравший очки, как при первом столкновении с Греем. Не будь мелкотравчатый и относительно неспортивный Альтшулер прикован к двоим другим, он бы уж нашел способ свернуть шею этому самодовольному ублюдку, сколько бы пуль в него ни всадили при этом.

Но он был связан и имел дело с непредсказуемым психопатом, так что решил продолжать сотрудничать. Как и Холлу, ему было любопытно узнать точный характер плана Файфа, и он не хотел дразнить зверя, ведь это могло бумерангом ударить по Хезер.

Сделав глубокий вдох, Альтшулер сумел сохранить спокойствие.

– Я же хакнул и все файлы Грея, – продолжал он. – Как тебе также известно. Перерыл их все в поисках упоминаний о Кэмероне Файфе. Но не нашел ни единого. Что невозможно. Грей записывал для потомков каждое впечатление. Дьявол, да у него есть заметки и обо мне, и обо всех других работниках «Тейи» до единого. Его впечатления. Умны они или придурки, как с ними лучше держаться... Их ценность для него – потому что все вращалось вокруг него и его умения манипулировать людьми. У него есть даже пространственные заметки о поставщиках, с которыми ему довелось иметь дело. Никого не упустил. Кроме Кэмерона Файфа. – Альтшулер помолчал. – Это могло иметь смысл лишь в одном случае: если Грей знал, что Кэмерон Файф – на самом деле Джон Деламатер. Записки Грея дают ясно понять, что у Деламатера имелся доступ к его компьютерным файлам, и тот не потерпел бы никаких упоминаний о нем, кроме его причастности к нападению на «Эксплорер». Отсутствие малейших упоминаний о тебе так и режет глаз.

– Весьма впечатляюще, Алекс, – кивнул Файф. – Снова прекрасно сработано. Может, на том свете ты сумеешь стать детективом.

Спрыгнув с верстака, он встал во весь рост и посмотрел на Холла с еще большей высоты, чем прежде.

– Так скажи же мне, Ник, как ты понял, что мне известно о твоих экстрасенсорных способностях?

– Если ты в самом деле был Деламатером, значит, пытался убить меня с самого начала. Чтобы подчистить за собой. Я мог вывести противозаконные эксперименты Грея на чистую воду, а тебя это не устраивало. Теперь я могу читать твои мысли, так что знаю, с какой стати ты дал задний ход и перестал стараться меня прикончить. Но я позволю тебе растолковать свои резоны Алексу и Хезер чуть попозже.

– И растолкую, – заверил Файф. – Но пока что твоя очередь. Как ты догадался, что я знаю?

– Я к этому как раз и подвожу. Как я сказал, ты был Делаmaterом, пытавшимся меня прикончить, когда я удрал со склада Грея. Так что, учитывая, что тебе были известны точные подробности всех моих побегов, ты также знал, что я опускал в рассказе, когда считал тебя Кэмероном Файфом. В роли Файфа тебе хватило сообразительности разыграть скепсис по поводу моей везучести, чтобы повысить достоверность образа. А в роли Деламатера тебе хватило сообразительности понять, что у меня есть какое-то преимущество, иначе мне нипочем не удрать бы от твоих людей. Я предположил, что ты мог заподозрить наличие у меня экстрасенсорного восприятия, а теперь наверняка знаю, что так и было. И хотя я тебе этого не говорил, когда меня похитил некий полковник Гердлер, я узнал, что фельдшеро́в, оказавших помощь Меган, убили. Я понял, что за этим мог стоять ты, а они должны были рассказать тебе о способностях, которые я им продемонстрировал.

– Весьма резонно, – одобрил Файф. Губы его изогнулись в намеке на жестокую усмешку. – И я рад, что ты упомянул о Меган. Прискорбно слышать, что она тебя покинула. Вот уж где болезненная рана...

Холл опалил его взглядом, но промолчал.

– Только не считай, что ей удалось благополучно улизнуть, – продолжал Файф. – Не тут-то было. Ее не пощадят. Когда Меган выйдет на человека, известного вам под именем Коуэна, как она запланировала через несколько дней, мы позаботимся и о ней. – Он развел руками. – Но ты в самом деле оказался достойным противником в этой партии, так что обещаю, что смерть ее будет быстрой и безболезненной.

– Если у нее хоть волос с головы упадет!.. – взревел Холл с пунцовым от ненависти лицом. – Я уж позабочусь, чтобы... чтобы...

– Ни к чему это, Ник, – тряхнув головой, чуть ли не со скукой отозвался Файф. – Если только не изыщешь способ защитить ее из-за могилы, то ничего не сможешь с этим поделать.

Лицо Холла покраснело еще больше.

– Ты выставляешь весьма привлекательный фасад, – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Я рад за друзей, что они не могут заглянуть в твой больной психопатичный рассудок. Это вроде купания в выгребной яме.

– Как я уже предупреждал, этот привлекательный фасад может исчезнуть в любой момент. Это последнее предупреждение. Я пытаюсь сделать твои последние минуты на земле цивилизованными. Но я же могу сделать их нецивилизованными, так что ты будешь умолять о смерти, – походя, словно рассуждая о погоде, обронил Файф. Затем снова забрался на стальной верстак и добавил: – Продолжай, пожалуйста.

Холл сжал за спиной кулаки, но теперь сделал долгий очистительный вдох.

– Убийство фельдшеро́в радикально повысило шанс, что мой секрет тебе известен, – наконец, сказал он; несмотря на ровный тон, глаза его продолжали пылать ненавистью. – И объяснило, почему вы с Коуэном так старательно держите дистанцию между вами и мной. Но все это были лишь предположения. Может, это и впечатляющая цепочка рассуждений, но у нас с Алексом не было ни крупицы улики. И это являлось серьезной проблемой, потому что если ты действительно Делаmater, то непременно должен был прикончить меня в ближайшее время.

– Но почему? – озадаченно спросила Хезер. Во время разговора она по большей части хранила молчание, зачарованно следя за происходящим, но тут уже не смогла удержаться от вопроса, вертевшегося у нее в голове.

– Хезер, я знаю, насколько ты умна, – ответил Файф. – Так что предположу, что усыпляющий наркотик спутал тебе извилины. Трудно поверить, что ты еще не сообразила, что к чему.

Альтшулер открыл было рот ответить, желая, чтобы Хезер продолжала оставаться тише воды, ниже травы, но Холл дал ему фору.

– Ему пришлось бы убить меня, потому что он не мог держаться вне досягаемости для меня вечно, – пояснил он. – Но стоило ему приблизиться, и игре конец.

Челюсть у Хезер отвисла, глаза широко распахнулись.

– Теперь понимаю. Всё-всё. Вот зачем ты убедил его, что Алекс избавил тебя от экстрасенсорного восприятия. Так ему не пришлось бы никого убивать. И он без страха приблизился бы к тебе. Чтобы ты смог выудить сведения о его личности и планы прямо у него из головы.

– Именно, – подтвердил Холл. – И мы решили, что этот дом нашпигован «жучками». Но меня они прослушивать не могли. Я всегда мог прочесть это их намерение. Зато могли натывать «жучков» до моего прибытия. Как в апартаментах в «Хомстед инн». И в этой конспиративной квартире. Если наши с Алексом догадки были верны, здесь они должны кишмя кишеть.

– Так что вы с Алексом устроили представление об излечении твоих экстрасенсорных способностей. Специально для Файфа, – заключила Хезер, больше не называя по имени человека, проявившего свою звериную

натуру. Затем кивнула в ответ на какие-то свои мысли. – Я думала, что это как-то уж чересчур легко, чтобы быть правдой. Но не стала подвергать сомнению только потому, что Алекс – умнейший человек из всех, кого я знала. Решила, что если кому и дано найти способ отключить твое экстрасенсорное восприятие, то только ему. – Хезер помолчала. – Но почему ты был так уверен, что Файф не захочет убить тебя, если ты даже действительно утратил способность к чтению мыслей?

– Я не был уверен. Но решил, что если номер не прошел, то смогу уловить это в его сознании, пока он будет еще за много миль отсюда, и уйти в бега.

– А как же ты понял, что Ник прикидывается? – поинтересовался Альтшулер у Файфа. – И как вырубил нас?

– Неужто уже моя очередь? – с издевкой спросил Файф.

– Сам знаешь, что мы рассказали тебе обо всех твоих промахах до мельчайших деталей, – сказал Холл. – Мы выполнили свою часть сделки.

– Я-то думал, я психопат. Что мне какая-то сделка?

– Психопат и есть, – заявил Холл. – И если б тебя устраивало пренебречь собственным словом, ты бы ничуть не беспокоился. Но нам обоим известно, что до возвращения твоего клеветы заняться тебе больше нечем, а ты легко поддаешься скуке.

– Истинная правда, – согласился Файф. – Так что, пожалуй, я все-таки исполню свою роль в этом допросе с пристрастием.

54

– Сперва я отвечу на второй вопрос Алекса, – начал Файф. – Я позаботился об установке в этом доме системы выпуска газа с дистанционным управлением. Когда имеешь дело с телепатом, нужны дистанционные способы вывода его из строя, просто на всякий случай.

– И знание, что мы блефуем насчет экстрасенсорного восприятия Ника? – подсказал Альтшулер.

– Я не был уверен. Вы устроили хорошее представление. Но не блестящее. Задним числом я понимаю, что, не посвятив в это присутствующую тут подружку, вы сделали его более достоверным. Но тем не менее подозрения у меня остались. Ты проделал это чересчур уж запросто. И чересчур удобно. Но раз вы спланировали такую уловку, значит, догадались почти обо всем. Должен признать, в толк не возьму, как такое возможно. И все же я очень осторожен. Тот факт, что утрата Ником экстрасенсорных способностей слишком хороша, чтобы быть правдой, вовсе не значит, что это неправда. Откуда следовало, что мне нужно просто удостовериться.

Холл покачивал головой с выражением крайнего отвращения на лице, и Альтшулер предположил, что он прочел, как Файф подтвердил свои подозрения, и от этого ему стало тошно.

Ухмыльнувшись, Файф постучал себя указательным пальцем по лбу.

– Это была весьма хитроумная шахматная задачка. Как я мог узнать, исчезли способности Ника или нет, не выдавая, что его проверяют? Да притом держась вне радиуса досягаемости для него, если они все-таки целы-целехоньки? Может, с виду это не такая уж и проблема, но поверьте, мне потребовался целый час, чтобы измыслить решение.

Альтшулер был заинтригован поневоле. И поставлен в тупик. Файф прочел это по его лицу, что подстегнуло его и без того раздутое чувство собственного превосходства еще больше.

– В конечном итоге все оказалось просто. Я позвонил безжалостному убийце, с которым мой коллега, русский по имени Василий, работал в прошлом.

– Тот самый Василий, которого ты недавно убил? – шепнул Холл.

– Ты что, в самом деле пытаешься разбудить мое чувство вины? Василий тоже был безжалостным убийцей, так что не изображай негодование. Как ты можешь прочесть у меня в мыслях, он мне нравился. Просто я вот-вот должен был прославиться на весь мир под именем Кэмерона Файфа, и было бы несподручно, чтобы кто-то из живых тоже знал, что это же лицо принадлежало Джону Делаmaterу... Так на чем я остановился?

– Ты связался с убийцей, – подсказал Альтшулер.

– Верно. Он был всего в часе езды от Сакраменто. Я проверил сведения о домах в радиусе пяти миль отсюда, отыскивая принадлежащий одинокой женщине. И когда нашел некую Эйприл Андервуд, то связался с наемным убийцей, назвавшись Биллом Андервудом. Сказал ему, что его мне порекомендовал Василий, и пообещал целое состояние, если тот медленно заберет женщину до смерти. Сказал, что она моя жена. – Файф приподнял брови. – Но ты уже наверняка меня опередил.

Теперь и Альтшулера с Хезер замутило, как прежде Ника Холла, когда до них дошел ужас поступка Файфа, обречшего на мучительную гибель невинную женщину, взятую наугад – просто для проверки. Файф же просто-таки упивался их отвращением.

– Конец истории, – провозгласил он. – Наш парнишка Ник прочел их мысли, хотя его экстрасенсорное восприятие было якобы ликвидировано. Я рассудил, что если какие мысли и могут достучаться до него, то это мысли женщины, которую медленно бьют смертным боем. А будучи добрым самаритянином, он не мог не послать по электронке предупреждение в местную полицию – достаточно подробное, чтобы ему поверили. Я же мониторил их компьютеры, чтобы проверить, не поступит ли подобное сообщение. Я знал, что Ник не может позвонить, потому что считает, что дом прослушивается, а его знание о побоях где-то далеко послужит доказательством, что он по-прежнему может читать мысли. – Повернувшись к Холлу, Файф снисходительно покачал головой. – Держу пари, ты уже начал подумывать, не стать ли таким Бэтменом, а, Ник? Бороться с преступностью в радиусе от шести до десяти миль с помощью своего чутья летучей мышки...

Бросив взгляд на Хезер, Альтшулер увидел, что она, того и гляди, взорвется и наговорит лишнего, вызвав гнев Файфа. Нужно срочно поменять тему.

– А откуда ты узнал о радиусе Ника? – выпалил он.

Впервые Файф поглядел на Альтшулера, как на придурка.

– Он обсуждал это с тобой в «Хомстеде», разве не помнишь? «Жучки» были и на тебе, и в «Хомстеде». Забыл?

– Верно, – поспешно согласился Альтшулер. – Конечно.

Хезер малость успокоилась, но взирала на Файфа, как на редкостно омерзительного таракана.

– А тебя ничуть не тревожит, – голос ее буквально сочился презрением, – что если б Ник действительно утратил свои экстрасенсорные способности, невинную женщину забили до смерти?

– Вيني Ника, – пожал плечами Файф. – Если б он не мог читать мысли настолько хорошо, я мог бы отдать менее радикальные инструкции. И потом, полиция ведь поймала нанятого мной убийцу. А это в конечном итоге приведет к спасению еще многих жизней. Так что мне за это скорее медаль причитается.

Стиснув кулачки, Хезер словно была готова порвать оковы и удушить человека напротив, но мудро удержалась от высказываний.

– И оно того стоило? – спросил Альтшулер. – Столько убийств, столько махинаций... Ты ведь уже богат. Сколько же денег тебе надо?

Файф рассмеялся. Что в образе Джона Деламастера, что под личиной Кэмерона Файфа, этот человек улыбался редко и не смеялся почти никогда. Но теперь смеялся. И было в этом смехе что-то леденящее кровь.

– Валяй, Ник, – отсмеявшись, изрек он. – Долго еще собираешься тянуть? Скажи же им уже.

– Сказать нам что? – удивился Альтшулер и, увидев выражение лица Холла, вдруг усомнился, что хочет знать ответ.

Уставившись Альтшулеру глаза в глаза, Ник оцепенело покачал головой.

– Он сделал это не ради денег. Мы думали, все дело в жадности и жажде власти. Что он незаурядный психопатичный бизнесмен, слетевший с катушек. Но, боюсь, правда куда хуже, чем мы думали. – Тон его был так же мрачен, как и лицо. – Куда хуже.

55

Взирая на своих беспомощных, скованных пленников сверху вниз, Файф понял, что наслаждается. Он не сталкивался с человеком, почти равным себе, включая и недавно усопшего партнера Келвина Грея, уже давным-давно. Эти трое держались на славу. Вынуждая его делать для выигрыша куда лучшие ходы, чем обычно приходилось, в том числе и ход, чтобы проверить, обладает ли еще Холл своим экстрасенсорным восприятием, ход, которым очень гордился.

Но они никогда не смогут его понять. Не сумеют его понять. Мировоззрение их промытых мозгов препятствует этому. Они считают его психопатом, хотя он намного сострадательнее и благочестивее любого из них.

Его родители прибыли в США в 1985 году. Они были героями. А в конечном итоге и мучениками. Расставание с любимой страной – Саудовской Аравией – ради приезда в Великого Сатану[29] было жертвой, которой нельзя требовать ни от кого. Но они принесли ее с гордостью.

Они были выдающимися людьми и правоверными мусульманами. И смотрели далеко в будущее. Они намеревались собрать разведанные, которые другие могли бы использовать в войне против Запада, войне, которой Запад в своем высокомерии даже не замечал до 11 сентября 2001 года.

И они обучили своих сыновей на славу. Научили любви к Аллаху и ненависти к разлагающемуся Западу. Научили благочестию. И терпению, ибо сказано в Коране: «И будь терпелив. Поистине, Аллах не дает пропасть награде добродетельным»[30].

И их родители планировали быть более терпеливыми, чем любой другой правоверный мусульманин в

истории. Они положили собственные жизни не ради собственного преуспевания, а во славу своих сыновей через десятилетия в будущем. Они посвятили свои жизни оттачиванию человеческого оружия, способного нанести удар в самое сердце Запада. Любовью и терпением обучая своих сыновей безмятежности, воплощенной Кораном, и внушая им, что секуляризация, олицетворяющая бездушный американский образ жизни, есть фальшивый кумир.

Его нарекли вонючим американским именем Кэмерон Файф, но родители позаботились, чтобы он любил и уважал свое истинное имя – Гассан Ахмед Абдулла – и имя старшего брата – Рашид. И шли ради сыновей на любые жертвы. Когда они с братом учились в колледже, родители пропали. Позже через свои источники в Саудовской Аравии он узнал, как было дело. Проникнувшись уверенностью, что власти США вот-вот выйдут на их след, во избежание риска разоблачения его и Рашида они предпочли пожертвовать собой в Иерусалиме, прикрепив бомбы к груди и взорвав школьный автобус, битком набитый бездушными детьми, прежде чем те выросли, чтобы стать врагами Аллаха.

Его родители не знали себе равных. Ни у одного сына на свете не было более преданных родителей, и он знал, что сейчас они находятся в особом месте на небесах, отведенном для великомучеников.

Отец всегда говорил Гассану с братом, что они будут самым могущественным оружием на свете, потому что рождены в США. В лоне зверя. Они говорят, как местные. Притворяются, что верят в упадочническое общество, используя это, чтобы распалить свою ненависть. Они могут, не бросаясь в глаза, безжалостно попирать правила, чтобы идти вперед, собирая ресурсы, пока не изыщут способ уничтожить Запад.

Родители научили их принципу такой, сиречь благоразумного сокрытия. В общих чертах он означает, что, пока не наступит великий день, когда ислам возобладает над всем миром, они имеют право провозглашать одно, а делать другое. Это квинтэссенция принципа «цель оправдывает средства». Если Гассану приходилось притворно любить Америку, втайне презирав ее, это было вполне приемлемо. Что бы он ни делал во имя низвержения язычников, это приемлемо; приспособливаться к западному образу жизни, мошенничать и красть у неверных, подолгу игнорировать свою обязанность молиться, когда это могло его разоблачить. Аллах – бог всепрощающий и поймет проступки, совершенные во имя великой цели.

Гассан никогда не сомневался в своем назначении. Будучи шахматным вундеркиндом, он распространял свою шахматную гениальность на все сферы мышления. Поджидал своего часа. Скопил богатство, чтобы добиться своих целей, когда подвернется нужный проект.

Ничем из того, что уже было опробовано раньше, он не интересовался. Бомбы – обычные, ядерные или грязные – его не трогали. Уничтожение зданий – тоже. Он вознамерился нанести Западу сокрушительный удар, который фундаментально и навсегда склонит чашу весов в пользу ислама и шариата. И теперь до этого остались считанные годы. Даже брат теперь поддерживает его обеими руками, хотя поначалу считал его планы чересчур амбициозными.

И Холл был прав. Он разыграл блистательную партию и может насладиться рассказом о ней троим западникам, прежде чем спалить их живьем.

– Так чего же ты ждешь, Ник? – наконец прервал Файф затянувшееся молчание, воцарившееся в «комнате паники». – Скажи им.

Холл устало нахмурился.

– В сокращенной версии, – безжизненным голосом прошелестел он, – на самом деле он – рожденный в Америке джихадист. По имени Гассан Ахмед Абдулла. Агент сверхглубокого внедрения. Вместе со своим братцем Рашидом. Каковой тоже носит весьма американское имя Эд Коуэн.

Альтшулер стал бледнее мела.

– Чушь собачья.

– Если бы, – жалобно отозвался Холл.

– Я не поняла, – вмешалась Хезер. – Какое отношение это имеет к джихаду?

– Вот видишь, Ник, – изрек человек, известный под именем Кэмерона Файфа. – Вы, западники, не способны это увидеть. Даже глядя в упор.

– Увидеть что? – недоумевал Альтшулер.

– Прежде чем сказать вам, – отвечал Файф, – я растолкую превосходство моей идеологии. Я понимаю, что попусту сотрясаю воздух перед неверными, стоящими одной ногой в могиле и не способными ничего понять. Но все равно объясню. В качестве упражнения в терпении. Вы, люди Запада, автоматически считаете всех верующих слову Аллаха варварами. Луддитами, пытающимися повернуть мир вспять на много сотен лет. И это для вас анафема. Но лишь потому, что вы поклоняетесь ложному кумиру техники. Однако к чему ведет

техника? Оружие массового уничтожения. Пагубные пристрастия. Утрата человеческих связей. Человек движется слишком быстро. Ему некогда насладиться миром, сотворенным Аллахом. Помолиться. Поразмыслить. Вместо того он движется еще быстрее по все укорачивающейся бегущей дорожке. Вы потеряли способность подолгу удерживать внимание. Какими бы технологиями вы ни овладели, вы жаждете всё новых и новых. Следующей игрушки. Ваша жизнь становится пустой, поверхностной, бессмысленной и не приносящей удовлетворения.

Файф выдержал паузу – и по выражениям лиц пленников понял, что на самом деле они отчасти признают правдивость его слов. И это его весьма изумило.

– Вы как спринтер, несущийся вперед без конца, – продолжал он, – просто ради восторга спринта. Спринта до тех пор, пока сердце не разорвется или не наступишь на мину, потому что остановиться вы не в состоянии. И толком не представляете, куда направляетесь. Истинные верующие чужаются современных технологий. Потому что мы не хотим отравлять свою истинную природу светскими игрушками. Человеческая психика не создана для так называемого прогресса, сколь бы вы его ни вождели. Поразмыслите о впечатлениях от шахматной партии на пляже или прогулки в лесу с другом за философской беседой. Сопоставьте это с метаниями туда-сюда, как обезглавленные куры, жонглирующие множеством электронных приبلуд одновременно. Многозадачность, намного превосходящая человеческие способности к многозадачности. Делает ли этот сценарий вас счастливее или вгоняет в стресс? Вправду ли технологии незаменимы, вправду ли служат источником счастья? Или важнее вернуться к своим человеческим, духовным корням?

Учитывая ораторское искусство, продемонстрированное Файфом на пресс-конференции, Альтшулер ничуть не удивился, что тот столь убедителен, даже защищая то, что защитить невозможно.

– Ты привел ряд дельных аргументов, – признал он. – Если повернуть дело подобным образом, возврат к простой жизни выглядит соблазнительно. Но попутно ты романтизируешь те времена. До появления техники жизнь у человека была короткой и скотской. Его терзали болезни, отсутствие чистой воды и полнейшее отсутствие гигиены. Окружали постоянно растущие скопления отходов человеческой жизнедеятельности. Его дни были тяжким бременем, заполненные скукой и монотонным трудом.

– Я не предлагаю переставить часы на ноль, – возразил Файф.

Он открыл было рот, чтобы выложить дополнительные доводы, но тут же захлопнул его. Об этом можно вести дебаты часами. Но какой смысл?

– Пора сменить тему, – заявил Файф. – Я и так уже потратил на это слишком много времени.

– Так ты теперь скажешь, что мы упустили? – спросила Хезер.

– Только что вспомнил, что вы просили об этом, – вздохнул Файф. – И что были слишком слепы, чтобы узреть это сами.

Он помолчал.

– Рассмотрим технологию имплантатов. И веб-серфинга силой мысли. Вы ухитрились увидеть все вытекающие отсюда проблемы, кроме самой очевидной. Вы разглядели проблемы с приватностью и патологическим пристрастием. И, естественно, упадочнический западный склад ума все рассматривает через призму порнографии и секса. – Он с презрением и недоверием покачал головой. – Но знаете, о чем вы даже не потрудились задуматься? Позволить кому-то воткнуть прибор вам в мозг?! Воздействующий напрямую на зрительные и слуховые нейроны, не говоря уж о прочих жизненно важных областях... И даже когда вы узнали, что я джихадист, до вас все равно не дошло.

Файф заметил, что Холл даже бровью не повел. Телепат прекрасно знает, куда он клонит. Но двое товарищей Ника вдруг переменялись в лице, когда понимание очевидного вдруг оглоушило их, как пинок под дых.

– Я стану гендиректором компании, владеющей монополией на имплантаты, – повел Файф. – Не каждый на Западе захочет заполучить их не сходя с места, но желающих будет достаточно. И первыми ими обзаведутся богатые и могущественные. Остаться за бортом будет для них большим минусом. Однако вскоре их примеру последуют массы. Не успеешь оглянуться, как эту технологию алчно примут все народы планеты. – Он приподнял брови. – За исключением правоверных мусульман, разумеется.

Тут черты его окаменели, глаза вспыхнули леденящим накалом.

– И я буду контролировать и изделие, и его производство, – шепнул Файф. – Только подумайте! Миллионы и миллиарды западников добровольно воткнули нечто в свои головы. Нечто такое, что смогу контролировать я. Если можно имплантировать топливный элемент, работающий на глюкозе, почему бы не имплантировать и такой, который может выпустить следовое количество ботулина? Токсина, настолько могущественного, что единственный килограмм может прикончить всех мужчин, женщин и детей на земле...

Выдержав паузу, чтобы слушатели усвоили эту леденящую мысль, он продолжил:

– Но это было бы грубо и неэлегантно. Возможностей посеять хаос не счесть. У меня есть программная закладка, открывающая мне доступ через заднюю дверь в мозги несметного множества людей. Вам кажется, что Интернет спустил с цепи скверные компьютерные вирусы? Вот погодите, посмотрите, что могу спустить с цепи я – прямо вам в мозги. Я могу заслать систему инструкции ослепить каждого обладателя имплантатов. Или вместо стимуляции нейронов зрительной коры заставлю имплантаты по моей команде ударить по центрам боли. Или даже хуже, – добавил он со злобным проблеском во взоре, – врезать по центрам удовольствия.

По озадаченным лицам мужчин Файф понял, что только искренне ужаснувшаяся Хезер постигла последствия последнего.

– Хезер, – проговорил он. – Почему бы тебе не поведать друзьям об экспериментах Олдса и Милнера? Я по твоей реакции вижу, что ты с ними знакома.

Хезер с натугой сглотнула, но не ответила.

– Да не стесняйся, – приглашающе взмахнул он правой рукой в сторону девушки. – Прошу. Просвети своих друзей.

И, не услышав немедленного ответа, вперил в нее взгляд с такой чистой, дистиллированной угрозой, что у нее дыхание перехватило.

– Больше я просить не буду, – бросил он.

Хезер насупилась, но выполнила требование.

– В пятидесятых годах, – начала она, – Джеймс Олдс и Питер Милнер имплантировали электроды в мозги крыс. В прилежащее ядро. Которое также называют центром удовольствия мозга. Этот регион играет роль в сексуальном возбуждении и кайфе, который люди ловят от определенных наркотиков. В последних версиях этого эксперимента крысы могли стимулировать данный регион, нажимая на рычаг. – Она невольно вздрогнула. – Оказалось, что крысы нажимали на рычаг снова и снова по несколько сот раз в час, забыв о еде и воде. Пока не погибали от изнеможения.

– Идеальная метафора для Запада, вы не находите? – невесело усмехнулся Файф. – Только ваш рычаг принесла техника. Когда ж вы насытитесь? Вы всё меньше и меньше читаете. Всё больше и больше предаетесь нескончаемой оргии промискуитета и половых аномалий. Вы четверо, находящиеся в этом доме, стоите на пороге технической революции – и все же копулировали вчера вне брака, как ничтожные, грязные животные во время гона. Давили на рычаг оргазма, сколько могли. Ваше общество уже бездушно, бездумно и бесцельно. Вам некогда размышлять о разуме Аллаха. Вы уже хотите включать свой рычаг снова и снова, игнорируя все остальное, пока не издохнете. Так почему бы не позволить моей технологии активировать ваши центры удовольствия менее обходным путем? – Он развел руками. – Дать вам то, чего вы хотите.

Казалось, Альтшулер с трудом сдерживает позывы к рвоте.

– Ты прав, – выдавил он, несколько раз с усилием сглотнув. – Мы прозевали очевидное. Мы рассматривали угрозы, представляемые самой технологией, но не учли грандиозную опасность того, что другие могут активно попытаться превратить ее в оружие.

– А теперь слишком поздно, – отрезал Файф. – Нынче утром поезд ушел со станции. Но я намерен хранить терпение. Не выказывать свою руку. Западники не считают имплантаты богохульством. Они не видят, что становятся нечестивыми. И в то же самое время мои собратья истинно верующие будут чураться этой технологии, как чураются прочих ложных божеств. А тем временем Запад будет поклоняться мне, как богу, за то, что я дал им игрушки, которых они алкали. А заработанные миллиарды направлю на другие джихадистские деяния. После же, когда имплантаты распространятся, как сотовые телефоны, я поставлю Запад на колени одним ударом.

Файф наслаждался видом ужаса на лицах гостей. Холл был прав. Поделиться и вправду все-таки хорошо.

– Как должно быть очевидно, – продолжил он, – идею проекта высказал отнюдь не Келвин Грей. А я. Мне повезло найти гениального психопата в лице Грея, которого я смог убедить усовершенствовать технологию, пока я разыгрывал роль силовика, нанимая армию «солдат удачи». И я сумел посеять эти семена таким образом, что Грей возомнил, будто идея принадлежала ему. Я пристроил его на скользком склоне, позволив гравитации довершить остальное. Моего эндшпиля он не разглядел.

– И в чем же состоял твой оригинальный эндшпиль? – поинтересовался Альтшулер.

– Ник, ты что-то давненько помалкиваешь, – заметил Файф. – Не хочешь ли сказать ему?

Холл несколько секунд не реагировал, словно не расслышал вопроса, но в конце концов кивнул.

– Он планировал дожидаться, когда Грей отточит технологию на своих человеческих морских свинках. Потом,

зная, что они уже наступили на все противопехотные мины – наплевав на то, сколько человек умерло по пути, – они провели бы официальные испытания под эгидой Управления по контролю за продуктами и лекарствами с величайшим тщанием и заботой. С прицелом на идеальный рецепт с первой же попытки. Пройдя испытания с безупречными показателями безопасности. А когда технологию утвердили бы, с Келвином Греем в какой-то момент произошел бы несчастный случай, а Файф, будучи мажоритарным акционером, проголосовал бы за избрание себя на пост гендиректора.

– И что же заставило изменить этот план? – спросила Хезер у Файфа.

На сей раз тот решил ответить сам.

– Когда Ник сбежал, мы не знали, что имплантаты пригодны для веб-серфинга. Он солгал Грею, сказав, что они подкачали. И мы не имели не малейшего понятия о его экстрасенсорных способностях. Которые меня, кстати, не интересуют, потому что это анафема, столь же погибельная для мусульман, сколь и для западников. – Он тряхнул головой. – Но даже когда я узнал, что его имплантаты работают, я все равно хотел придерживаться первоначального плана. Я не хотел порождать полемику, которую теперь спровоцировал. Я хотел избежать малейшего намека на изъяны. Хотя вывод технологии на рынок и отнял бы еще год или два.

– Опять же, – повторила Хезер, – что изменилось?

– А изменилось то, что Ник оказался слишком хорош. Слишком неуловим. Я засомневался, что сумею его прикончить. А если б к нему вернулась память, он мог бы погубить все. Но я понял, что сумею заманить его, если пожертвую Греем чуточку раньше, чем планировалось. Так что я вывел Алекса на роль разоблачителя и героя, подставив Грея. Играл с обоих концов против центра. Как Делаmater, сказал Келвину, что с Алексом сотрудничает некий Эд Коуэн, но я держу его под контролем. Мой брат, разумеется, никакого касательства к Джону Делаmaterу не имел. Сфабриковал пару липовых ранений, состряпал историю о победе над человеком Делаmaterа с помощью боевых искусств – и постучал в дверь Грея. Застрелил его таким образом, чтобы Алекс наверняка повелся на все, и особенно на то, что я – один из хороших парней.

Альтшулер кивнул.

– И ты рассчитывал, что я соображу, что мы можем связаться с Ником Холлом через программную закладку Грея.

– Именно. Если б ты это не предложил, я взял бы это на себя. Я был уверен, что раз Грей принесен в жертву, а ты чист, как первый снег, Ник непременно прочтет твои мысли и поверит тебе безоговорочно. Тогда он придет без страха. А как только придет и окажется фактически под моим контролем в облике Кэмерона Файфа, то поможет нам легитимизировать пресс-конференцию. Продемонстрировать технологию. Приукрасить историю.

– А вскоре после пресс-конференции ты меня прикончил бы, – с отвращением бросил Холл.

– Я бы с радостью использовал тебя в роли пешки куда дольше, но твое чтение мыслей – серьезная проблема.

– Сначала ты собирался продвинуть в гендиректора Алекса, – заметила Хезер. – Или это была лажа с самого начала?

– Нет. Я хотел оставаться вне света рампы как можно дольше. Особенно во время шумихи вокруг экспериментов Грея. Я бы дождался, пока репутацию компании обелят, дал бы Алексу выстоять шторм, а потом позаботился бы, чтобы несчастный случай, который я наметил для Грея, произошел с ним. – Файф помолчал. – Но появление этого полковника, похитившего Ника и пытавшегося похитить Алекса, оказалось совершенной неожиданностью. И мне откровенно не хотелось иметь в уравнении подобного рода переменные, если б Алекс стал гендиректором. Так что я решил принять роль гендиректора на себя с самого начала. – Он развел руками. – Не так я это планировал. Я хотел, чтобы «Эксплорер» так и считали покоящимся на дне океана, и чтобы мир никогда не узнал об экспериментах Грея. Но такой оборот даже сулит некоторые преимущества. Теперь меня считают разоблачителем темных делишек и героем. Ник на славу расстарался, демонстрируя привлекательность технологии. А сочувствие в наш адрес, когда обнаружится, что Ник погиб, – тоже большой плюс.

– Без Ника, – заявил Альтшулер, – все будут считать видео подлогом.

– Пускай себе считают. Очень скоро они убедятся в обратном.

Файф бросил взгляд на наручные часы. Он планировал подождать с их убийством до возвращения брата. Но он и так уже ждал достаточно, и пора готовить дом к поджогу.

– Гадаешь, почему брат еще не вернулся? – Холл устремил на него ледяной взор.

Файф уставился на него в ответ. Что это еще за номер? Холл просто снова козыряет своей способностью влезать в голову, или задал вопрос с умыслом?

– У меня есть скверные новости для тебя, Гассан, – процедил Ник, с горечью подчеркнув его имя. – Боюсь, твой брат малость подзадержится.

Файф поднял свой пистолет, нацелив его Холлу в лоб, игнорируя два конфискованных пистолета, лежащих на верстаке рядом.

– Пытаешься остроумничать или действительно что-то знаешь? – На миг задумавшись, он сменил мишень, направив пистолет на Хезер. – Если ты через три секунды не убедишь меня, что тебе что-то известно, я прострелю ей коленную чашечку.

Холл прочел в его мыслях, что Файф счел угрозу искалечить Хезер куда более действенной стратегией, чем убивать его, – ведь он обещал прикончить Холла так или эдак.

– Угрозы совершенно излишни, – любезно улыбнулся Ник. – Я с преогромным удовольствием расскажу тебе все, что знаю. Твой брат схвачен. Меган Эмерсон. Минут тридцать назад. Ей пришлось заняться кое-какими... приготовлениями... но она перезвонит через пару минут, чтобы договориться об обмене.

– Не может быть. Ей ни за что его не найти. Да если б и нашла, то ни за что не сумела бы его захватить. Опять же, ее давно уже и след простыл. Твой блеф никуда не годится.

– Может, я и не гроссмейстер по части шахмат, – тряхнул головой Холл, – зато ты на совесть постарался, целую неделю обучая меня паранойе. Я знал, что увяз по уши. Видишь ли, ты очень хорош. Настолько хорош, что я понял: недооценивать тебя слишком опасно. Я не предвидел, что ты обернешь ситуацию в свою пользу подобным образом, но все равно счел, что хорошо иметь туза в рукаве на подобный случай.

Холл чуть не улыбнулся, увидев ошарашенные лица двоих друзей, озадаченных не меньше Файфа.

– Оказалось, что я не могу читать Меган Эмерсон. Не знаю почему. Все гадали, как это она может состоять в романтических отношениях с телепатом. Ну, теперь вы знаете. Она для меня непроницаема. И хотя я не могу читать ее мысли, зато мы можем общаться телепатически. Благодаря этому я и улизнул от Гердлера. Так что мне пришлось в голову, что неплохо бы использовать ее в качестве страховки. Ей уже довелось спасти мою задницу и прежде.

Холл почувствовал, как мысли Файфа понеслись стрелой в попытке уяснить новую информацию.

– Так ее письмо было «липой»? – спросил он.

– Совершенно верно. Мы довольно долго обсуждали наш план телепатически. Это еще один способ вести беседу без страха быть подслушанными. Мы решили, что она возьмет пистолеты, конфискованные у человека Гердлера, и удалится со сцены. Затем купит дешевый фургон и будет держаться в радиусе телепатической связи. Просто на случай, если мы Алексом просчитались. Но о нашей телепатии я не упомянул ни словом ни Алексу, ни Хезер. Мы с Меган решили не распространяться об этом, пока не будем в полной безопасности. И хотели, чтобы их реакция на известие, что она меня бросила, была как можно более искренней.

– Будь я проклят, – проворчал Альтшулер. – Так вот зачем ты заставил меня читать письмо вслух... Чтобы наши слушатели наверняка решили, что ее простыл и след, и сбросили ее со счетов.

Холл кивнул. Он пытался заставить себя расплакаться, но не преуспел. Он не представлял, как актеры ухитряются плакать по команде, но это весьма впечатляющий дар.

– Так что Меган вовсе не улизнула от меня, – продолжал Ник. – Я помог ей уйти. Прочел пароль сигнализации в уме Траута и воспользовался им вкупе со своим интернет-подключением, чтобы перепрограммировать Таню. Траут взбесился, что ПЦП не уведомил его об уходе Меган. Ты тогда слушал?

– Да ни за что такой хлипкой необученной штафирке не захватить Рашида, – упорствовал Файф. – Ты все равно блефуешь.

Холлу было странно называть Эда Коуэна именем Рашид. Его зовут Эд, и он представлялся истым американцем. И если б Холлу сказали, что имя Кэмерона Файфа – лишь псевдоним, он поверил бы куда скорее, что его настоящее имя Джон Деламастер, а не Гассан Ахмед Абдулла. В том-то весь и смысл, понял Ник.

– Без моей помощи – действительно, – сообщил он. – Но мне было несложно направить Меган к твоему брату, как только тот оказался в пределах радиуса. Я знал, что он собирается заправить машину, так что велел ей дожждаться, когда он закончит. Она сделала вид, что тоже приехала заправляться, но тут углядела его и пришла в восторг. Я прочел его мысли. Он тоже пришел в восторг. Встреча избавила его от лишних хлопот по поимке и убийству ее в будущем. У него не возникло и тени подозрений. – Холл снисходительно покачал головой. – Думаешь, он должен был задуматься, так ли уж случайно наткнулся на нее? Но он не задумался ни на миг. Меган села к нему в машину, попросила заехать за заправку, где меньше посторонних, потому что ей надо сказать ему что-то очень важное. Потом, когда я уверился, что он ослабил бдительность, она выстрелила в него усыпляющим дротиком. Самое трудное для нее во всей этой операции было столкнуть тяжеленную тушу на пассажирское сиденье, чтобы сесть за руль.

Файф достал свой телефон, чтобы позвонить брату и проверить слова Холла.

– Он не ответит, – предупредил Ник, – но ничего страшного. Меган как раз набирает твой номер. Чтобы обсудить условия обмена.

И едва Холл произнес это, как телефон Файфа завибрировал, сообщая о входящем звонке с номера брата. Он ответил.

– Привет, Гассан, – сказала Меган Эмерсон. – Ник говорит, ты ждал моего звонка.

Ни слова не говоря, Файф поднял один из пистолетов, лежавших рядом на верстаке, направил на Ника Холла и нажал на спусковой крючок.

57

– Что ты сделал? – крикнула Меган Эмерсон в трубку.

– Ты ведь не была в телепатическом контакте со своим любовником, когда я нажал на спуск, а? – с издевкой поинтересовался Файф. – Потому что это было бы мошенничеством.

– Ты убил его? – проговорила Меган, не в силах скрыть истерические нотки в голосе.

– Нет. Я его не убил. Я воспользовался дротиком. Точно так же ты поступила с Рашидом, как я понимаю. Мне сказали, что ты звонишь договориться об обмене брата. Ты вправду думаешь, что я позволю тебе оставаться в контакте с человеком, способным прочесть мои мысли во время переговоров? Это выглядит несправедливым преимуществом, ты не считаешь?

– Дай мне поговорить с Алексом! – потребовала она.

– Вывожу тебя на громкую, – сообщил Файф.

– Алекс, он говорит правду? Ник в порядке?

– Да, – ответил Альтшулер. – Пока.

Он не мог не восхититься ходом Файфа. Тот молниеносно сообразил, что надо вывести Холла из игры.

– Перезвони мне через пять минут, – бросил похититель и дал отбой.

Телефон завибрировал тотчас же, но Файф его проигнорировал; вместо того он вытащил рулон серебристого технического скотча из выдвижного ящика верстака и намотал массу слоев липкой ленты вокруг головы и рта Хезер и Альтшулера, чтобы сквозь них не пробился даже вопль. Покончив с этим, сказал:

– Меган Эмерсон впечатляет, когда действует по подсказке. Поглядим, как она справится сама по себе.

Телефон тут же завибрировал, будто только этого и ждал, и на сей раз Файф ответил, для забавы гостей включив громкую связь.

– Какого черта там творится?! – требовательным тоном спросила Меган.

– Я замотал твоим друзьям рты. Уж больно они болтливы, на мой вкус, – пояснил Файф и немного помолчал. – Итак, ты утверждаешь, что мой брат у тебя. Можешь доказать это?

– Доказательство в твоём телефоне, – ответила она. – Сохранено как видеофайл под названием «Коуэн». Пусть Таня вызовет его и выведет на мониторы у тебя за спиной.

Файф приказал Тане выполнить это, и через несколько секунд на мониторах «комнаты паники» пошло воспроизведение видео. Началось с крупного плана со стороны передних сидений четырехдверного седана. Коуэн, сидевший на пассажирском сиденье, казался дремлющим.

Камера пропанорамировала к полу у водительского сиденья. На коврик, в футе от педалей тормоза и газа, стояла глубокая прямоугольная форма для выпечки. Она была дюйма на три заполнена прозрачной жидкостью. В центре этого озера находилась голубая свеча размером с высокую пивную банку, удерживаемая на месте тяжелым стеклянным подсвечником, полностью погруженным в жидкость. На верху свечи невинно плясал оранжевый огонек. Один конец влажного хлопчатобумажного одеяла, привязанного к рулю, свисал в футе над свечой, а второй покоился на коленях у Коуэна.

И наконец камера дала панораму заднего сиденья, где на полу валялись большие пластиковые бутылки жидкости для розжига «Кингсфорд».

На этом видеоролик закончился и тут же начал воспроизводиться снова бесконечной петлей.

– Видел? – спросила Меган.

– Видел, – огрызнулся Файф.

– Ник передавал мне ключевые моменты вашей беседы, – сказала она, и до Альтшулера дошло, что как раз поэтому Холл так мало разговаривал во время дискуссии. – И я узнала, что ты планируешь сжечь моих друзей живьем. Так что я решила оказать ответную любезность. – Она выдержала паузу, чтобы ее мысль усвоилась. – Я намочила твоего брата и одеяло жидкостью для розжига. Точность тут не гарантирована, но купленная мной свеча должна сгорать за полчаса примерно на дюйм. Откуда следует, что через час или типа того она догорит до

того, чтобы пламя вошло в контакт с жидкостью для розжига, в которой стоит свеча. Когда это произойдет, пламя взметнется кверху и воспламенит одеяло. Если мои расчеты верны, тело твоего брата будет охвачено огнем с головы до ног секунды четыре спустя. Плюс-минус пару секунд. – Меган пожала плечами. – Должна признаться, я в этом новичок. Мне пришлось «погуглить» на «отсроченный поджиг», чтобы нахвататься идей, – кстати, с помощью телефона твоего брата. В нескольких результатах использовались кухонные таймеры, но простота этого решения пришлась мне по душе. Хочешь, pošлю тебе линк на видео в «Ю-тьюбе»?

– Очень гордишься собой, а? – прошипел Файф.

– Да. Да, горжусь. Так что вот мои условия. Я хочу увидеть Алекса, Хезер и Ника живыми и здоровыми перед окном гостиной. Буду на месте минут через десять.

– Где ты?

– Машина твоего брата припаркована... где-то. Может, на улице. Может, на стоянке. Может, позади брошенной церкви. Да где угодно. Когда я зажгла свечу, то махнула на такси обратно к своему минивэну, в котором сейчас еду. Я подойду к передней двери. Впусти меня. Как только я смогу убедиться, что мои друзья живы-здоровы и мы уедем, я перезвоню тебе и сообщу о местонахождении машины твоего брата.

– Обмен троих на одного? Как-то нечестно.

– Прежде всего мне кажется нечестным, что сраный психопат-палач собирается убить троих моих невинных друзей. Буду на месте через десять минут. Ты, конечно, можешь предпочесть убить меня, когда я приеду. Но только знай, что, если ты это сделаешь, твой братец запылает костром задолго до того, как у тебя забрезжит хоть призрачная надежда найти его машину.

– Увидимся через десять минут, – кивнул Файф.

58

Человек, собравшийся поставить Запад на колени, разомкнул наручники, приковывавшие пленников друг к другу.

– Вставай! – приказал он Хезер.

Со скованными за спиной руками и плотно запечатанным ртом это было нелегко, но она справилась. И как только поднялась на ноги, Файф развернул ее, чтобы снять наручники. Потом, дав ей ключи, велел освободить Альтшулера, а сам держал обоих под прицелом.

Алекс промывал несколько слов в адрес Файфа, с легкой насмешкой наморщившего лоб.

– Чего-чего? – поддел он. – Мне малость трудноато тебя понять.

Альтшулер оставил свои попытки общения. Он пытался спросить Файфа, что тот намерен предпринять на самом деле, да что проку? Суть и так ясна. Меган направляется напрямик в западню, несмотря на свой необычайно остроумный план.

Если б Файф на самом деле собирался произвести обмен и отпустить их, его грандиозным планам пришел бы конец. Он считает, что сейчас у него на руках все козыри в игре «Столкновение цивилизаций», и сдаваться не собирается. Даже ради брата. И вообще – ни за что.

Если брата Файфа придется принести в жертву, даже спалить живьем, он смиритсЯ с этим. И, придерживаясь религии, превозносящей мучеников, может даже порадоваться тому, что его брат заручился шикарным положением на том свете благодаря своей жертве.

Меган мыслит, как западный человек, и считает, что Файф поступит так же. А тот блестяще воспользовался ее наивностью, отрезав ее от Холла и позаботившись, чтобы они с Хезер тоже не могли выкрикнуть предостережение. С тех пор, когда Ник наткнулся на нее, она держалась на славу, но ее западный образ мышления и чувства к Нику Холлу помрачили ей взор, не позволив узреть очевидного.

И Альтшулер ничего не может с этим поделать.

Файф приказал Алексу и Хезер выволочь бесчувственное тело Холла из «комнаты паники» в переднюю часть дома. Даже вдвоем тащить его было непосильным трудом, а уж поднять Ника и усадить, привалив к подоконнику с лицом, неуклюже прижатым к окну, было еще труднее, но они в конце концов справились.

Пока шла эта возня, Файф велел Тане отпереть оба замка передней двери и подать на телевизор трансляцию с камер периметра.

Его телефон однократно провибрировал.

– Не вижу Хезер, – гневно бросила Меган, как только он ответил.

Файф дал девушке знак подойти ближе к окну.

– А откуда мне знать, что Ник еще жив?

– Тебе должно быть видно его дыхание на стекле, – парировал Файф.

Прошло пятнадцать секунд.

– Я вхожу, – сказала Меган, очевидно, уверившись, что трое пленников еще живы.

Прошло еще несколько минут. Наконец, картинка с одной из камер на экране телевизора показала, как женщина осторожно приближается к передней двери. Она была одна, как и обещала.

Ручка повернулась, и дверь медленно отворилась внутрь. Меган переступила порог. Она пыталась напустить на себя бравый вид, но Альтшулер подумал, что Эмерсон выглядит пугливой, как зайчишка. И винить ее тут не за что.

Файф с пистолетом наготове быстро обогнул ее и запер дверь.

– Меган Эмерсон, – провозгласил он, – добро пожаловать обратно!

Подойдя к троим пленникам, Меган внимательно осмотрела Холла.

– Помогите мне донести Ника до фургона, – сказала она Алексу и Хезер.

Верхняя губа Файфа вздернулась в оскале.

– Вы никуда не пойдете, – прошипел он.

И хотя это было совершенно предсказуемо, сердце Альтшулера ушло в пятки.

– Только попробуй что-нибудь выкинуть, и твой братец сгорит, – огрызнулась Меган, пытаясь выглядеть уверенно, но руки у нее тряслись. – Без глупостей.

– Я люблю брата, – вкрадчиво проговорил Файф. – Но Аллаха я люблю больше. Я готов пожертвовать братом ради святого дела, как и он готов пожертвовать собой.

Меган пыталась высмотреть в лице похитителя хоть единый намек на блеф, но увидела лишь ледяную решимость. Ни малейшего сомнения, что Файф позволит брату сгореть заживо, даже глазом не моргнув.

Остатки напускной бравады Меган растаяли, и глаза ее начали наполняться слезами.

– Я знала, что ты достаточно психованный, чтобы пойти на это, – обреченно проговорила она, – но попытаться стоило. – И тут же обожгла Файфа взглядом, полным ненависти; одинокая слезинка сбежала по ее щеке. – Но я хотя бы умру, зная, что забрала с собой твоего брата.

– Вот уж не думаю. Думаю, ты скажешь мне, где он.

– Можешь думать, что тебе, к чертям, заблагорассудится. Но если ты не выпустишь нас отсюда, твой братец поджарится.

– Ты и правда считаешь себя крутой, – рассмеялся Файф. – Но ты просто не ведаешь, почему фунт лиха. Так что вот что мы сделаем. Для начала я вырежу тебе ножом правый глаз. Но левый глаз я тебе оставляю, чтобы ты видела, как я убиваю твоих троих друзей – самыми болезненными способами. Я не смогу сделать это настолько медленно, как мне хотелось бы, потому что свеча Рашида горит, – но все же достаточно медленно. Они будут ужасно страдать. Они будут вопить, а в конце умолять, чтобы я убил их.

Файф помолчал, чтобы это полностью дошло до сознания Меган.

– Или, – продолжал он, – ты можешь сказать мне, где припаркована машина моего брата. Прямо сейчас. В таком случае обещаю вам всем быструю и безболезненную смерть.

– Трахни себя в жопу! – сплюнула Меган.

Альтшулер едва дышал, прикидывая, не напасть ли на Файфа, но тот был слишком далеко. У него будет уйма времени, чтобы повернуться и застрелить его. Ну и что же? Зато он заставит убить себя быстро. Алекс уже напрягнул мышцы, мысленно прикидывая стратегию нападения. Его единственный шанс – скрытность. Пока Файф чересчур занят Меган, может быть, удастся подкрасться достаточно близко, чтобы наброситься на Файфа неожиданно...

– Ну, как угодно, – похититель достал из кармана выкидной нож. – Тебе будет куда хуже, чем мне, – добавил он, толкая Меган к стене.

Изо всех сил стараясь быть невидимым и неслышимым, Альтшулер двинулся прочь от окна. Он ухитрился сделать по-кошачьи четыре шага, прежде чем Файф услышал его и обернулся, нацелив пистолет и держа палец на спусковом крючке. Алекс зажмурился.

Но вместе ожидаемой пули в коленную чашечку или другую жизненно важную часть тела услышал звук хлопка из глубины комнаты.

– Вот уж не знаю, Файф, – долетел с той же стороны низкий голос. – Тебе может быть куда хуже, чем ты думаешь.

Открыв глаза, Альтшулер охватил взглядом происходящее. Позади него какой-то мужчина держал пистолет с глушителем. Кэмерон Файф валялся перед ним на полу в большой луже собственной крови, продолжавшей выливаться из зияющей в затылке дыры. Передняя дверь была так забрызгана кровью, что напоминала картину

Джексона Поллока[31].

Хезер съехала на пол, а Меган старалась удержаться от рвоты.

Пока Альтшулер озирался, говоривший вошел в комнату, по-прежнему держа пистолет перед собой.

Алекс поспешно оттянул достаточно скотча, чтобы хоть частично освободить нижнюю губу, и невнятно пролепетал:

– Кто вы?

– Я полковник Джастин Гердлер, – сообщил тот, проходя мимо Альтшулера к окну. Там он сграбастал бессознательного Холла за рубашку и опустил на пол. – Как славно снова видеть тебя, Ник!

59

– Отойдите от него! – потребовал Альтшулер, снова почти неразборчиво. – Я могу избавить его от экстрасенсорного восприятия.

– Хотите верьте, хотите нет, но этого я хочу в последнюю очередь, – Гердлер тряхнул головой.

– Всё в порядке, Алекс, – заверила Меган. – Полковник теперь на нашей стороне. – Она на миг задумалась. – Ну, типа того.

Хезер присоединилась к Альтшулеру в центре комнаты, и он взял ее за руку.

– Вот что я вам скажу, – обернулся Гердлер к ним обоим. – Давайте-ка избавим вас двоих от этой ленты, сварим кофейку и поболтаем на кухне. Ник будет в порядке. Очнется через пару часов. Я знаю. Это ведь мои дртоики использовал Файф.

Десять минут спустя все четверо снова сидели за кухонным столом с дымящимися чашками кофе перед ними. Когда все устроились, Альтшулер уставился полковника, внимательно высматривая признаки вероломства.

– Значит, вы больше не планируете убить Ника?

– Нет, – просто ответил Гердлер.

Хезер тоже смотрела на него во все глаза.

– Хорошее решение, – заметила она. – Потому что мы не хотели бы причинять вам вреда.

Гердлер рассмеялся.

– Надо воздать Нику должное, он умеет в мгновение ока превращать едва знакомых людей в верных друзей. Я поймал себя на том, что мне и самому он нравится.

– Кстати, благодарю за спасение наших жизней, – спохватилась Хезер. – Но откуда вы появились? Должно же быть какое-то объяснение, кроме того, что ваше прибытие оказалось самым счастливым совпадением за всю историю.

– Вы правы, – подтвердил Гердлер. – Удачный момент тут ни при чем. Всем этим вы обязаны присутствующей здесь Меган.

Хезер посмотрела на новую подругу, отхлебнувшую кофе.

– Ладно, Меган. Как ты все это провернула?

– Рада, что ты спросила, – улыбнулась та. – Потому что меня прямо распирает, как хочется рассказать. Я была в телепатическом контакте с Ником, когда он сомлел. Это произошло быстро, но он успел подумать слова «усыпляющий дртоик», прежде чем совсем отключился. После этого – радиомолчание. В тот момент я ударились в безоглядную панику. Думала, не броситься ли обратно к дому, размахивая пистолетами, и спасти его, но с этой стратегией хватало проблем. Я не знала, один Ник лежит без сознания, или все. А если за этим стояли двое телохранителей, и они еще в сознании, дело может кончиться очень скверно. И потом, я всего лишь графический дизайнер. Размахивать пистолетами – не мой профиль.

– Но вообще-то у тебя ведь только один настоящий пистолет? – уточнила Хезер.

– Ага. И это тоже. Ну, значит, размахивая пистолетом. Так что я решила дожидаться, пока Ник очнется, чтобы он телепатически мог передать мне разведданные и инструкции. Я могла помочь ему, только если б он руководил изнутри, направлял меня. Мы вам не говорили, но именно так мы с Ником ухитрились сбежать от полковника.

– А я-то изо всех сил старался забыть, что это вообще случилось, – поморщившись, не без усмешки сказал Гердлер. – Спасибо, что напомнили.

– Вы не можете не признать, что это было эффективно, – заметила Меган.

– Чрезвычайно эффективно.

– Но даже при этом, – продолжала Меган, – мне пришло в голову, что союзник мне не помешал бы. Человек, знающий, что к чему, а не графический дизайнер, прикидывающийся «морским котиком». И тут меня осенило. Ник телепатически сообщил мне, что материал о его экстрасенсорном восприятии увидел свет. Статья в «Айова

газетт». Я поняла, что для полковника это может все поставить с головы на ноги.

Альтшулер задумчиво надул губы и через секунду закивал.

– Соображаешь, – восхитился он. – Поняла, что джина уже выпустили из бутылки. Статья настолько убедительна даже без участия Ника Холла, что ее воспримут всерьез. Гонка экстрасенсорных вооружений, которой опасался полковник, начнется несмотря ни на что.

– Верно, – взволнованно поддержала Меган. – С учетом этого я подумала, что стоит спросить полковника, не заставит ли его передумать этот оборот событий. Ник был о нем высокого мнения. Так что я решила ему довериться, если он скажет, что готов пощадить Ника. Кроме того, я понимала, что с ним шансы остаться в живых у нас куда выше.

– А каким образом ты вышла на него настолько быстро? – поинтересовалась Хезер.

– Вместе с фургоном я купила одноразовый мобильник, – повернувшись к Гердлеру, Меган закатила глаза. – Знаете ли, взамен того, что отобрал у меня ваш человек.

– Ага. Сожалею об этом.

– В общем, – продолжала она с озорной улыбкой, – я позвонила в Пентагон, сказала, что я Меган Эмерсон и потребовала соединить меня с Джастином Гердлером из пси-отдела. Мне сказали, что человек с таким именем у них не числится. Я дала им свой номер и сказала, что если он не перезвонит через пять минут, за жертвы я не отвечаю.

– Этого оказалось более чем достаточно, – одобрительно кивнул ей Гердлер.

– В самом деле? – удивилась Хезер.

– Да. Наши компьютеры отметили ее звонок и сразу же довели до моего сведения. О моем пристальном интересе к Меган Эмерсон было известно. Я перезвонил ей тотчас же. Я уже видел интернет-публикацию об экстрасенсорных способностях Ника и пришел к тем же выводам, что и она.

– Я думала, он должен быть где-то поблизости, – подхватила Меган. – Так и оказалось. Так что он смог подскочить ко мне на вертолете за рекордное время. Прибыл еще до того, как Файф привел кого-либо в чувство.

– Должно быть, славно иметь возможность вызвать вертолет, как только приспичит, – заметила Хезер.

– Это может пригодиться, – признал Гердлер.

– Полковник все спланировал, – продолжила Меган. – И слава богу. Если нужен обманный маневр, лучшего союзника, чем глава пси-отдела, и не сыщешь. Так что Коуэна захватила вовсе не я, а он. С помощью Ника и моей. И это ему пришла идея со свечой. – Она просияла. – Вы должны признать, это было круто.

– Круто полоумным, кошмарным образом, вроде машины Руба Голдберга[32], это уж точно, – усмехнулась Хезер. – Но учитывая, что я в тот момент сидела в кандалах в «комнате паники» в компании безумца, должна признать, что я была в большом восторге.

– Я тоже, – поддержал Альтшулер.

– Это все «липа», – растолковал Гердлер. – Мы купили бутылки с жидкостью для розжига, но форму для выпечки наполнили водой. И одеяло, и Коуэна тоже намочили водой. Как только мы отсняли ролик, я попросил коллег подлететь на вертолете с базы ВВС «Эдвардс» и взять Коуэна в оборот для допроса. – Губы Гердлера изогнулись в полуулыбке. – Так что все разговоры о сожжении живьем – сплошь сценическое искусство. Истинной подоплекой была необходимость выманить Файфа из «комнаты паники», пока он никого не убил. Внутри мы до него добраться не могли, если хотели, чтобы никто из невинных заложников не пострадал.

– От имени невинных заложников выражаю свою радость, что вы учли это обстоятельство, – вставила Хезер.

– Так что вы представили правдоподобный план обмена заложниками и выманили его, зная, что он ни капельки не будет опасаться выйти с Меган один на один? – Альтшулер покачал головой. – Я знал, что этот ублюдок нипочем нас не отпустит. И думал, что Меган слишком наивна.

– Она была наивна намеренно, – уточнил Гердлер. – Чтобы Файф наверняка сам тихо и спокойно зашел в нашу ловушку. И кстати, надо поблагодарить Ника Холла за то, что помог мне подобраться к Файфу.

– В самом деле? – удивилась Хезер. – Вам ведь известно, что он все это время был без сознания, правда?

– Спасти ситуацию, будучи в полном бесчувствии, – тот еще фокус, – ухмыльнулась Меган. – Но, само собой, это сделала его способность заглядывать вперед. Ник решил, что, раз я буду подстраховкой, мне может понадобиться вернуться. В случае если... э... навоз... попадет в вентилятор. Так что он перепрограммировал Таню, чтобы та игнорировала мой уход. А если заметит мое возвращение, чтобы тут же отперла заднюю дверь и игнорировала любое проникновение через нее.

– Это группа умнейших людей из всех, кого я встречал, – рассмеялся Альтшулер. – Ну разве не гениально? Так вот почему ты зашла спереди вот так запросто... Я думал, ты рехнулась. Но как только камеры Тани засекли

твое приближение к парадной двери, она отперла и заднюю, чтобы полковник смог проскользнуть в дом. Пока Файф был занят в передней части дома в полной уверенности, что верх за ним, а ты – полная дура, ты посмеялась последней. Невероятно.

В комнате воцарилось молчание. Каждый вспоминал, насколько безукоризненно Меган и полковник разыграли свой план. Тишину нарушало лишь прихлебывание кофе.

– Есть идея, – восторженно воскликнул Гердлер. – Вам троим выдался довольно травматичный денек. Не лучше ли вам принять душ, переодеться в свежее, а потом снова встретимся, когда Ник придет в себя?

– Прекрасная мысль, – одобрила Хезер. – Пожалуй, у вас настоящий дар планирования.

60

Веки Холла затрепетали и распахнулись. Довольно скоро он сообразил, что лежит на кушетке в гостинной конспиративной квартиры в Сакраменто. Передняя дверь была забрызгана успевшей засохнуть кровью, а по ковру тянулся кровавый след, будто там недавно протаскивали труп.

Холл ухватился за первый подвернувшийся рассудок, принадлежавший Алексу Альтшулеру, и быстро прочел, что произошло, узнав, что оценил ситуацию правильно.

Файф мертв!

Они переиграли гроссмейстера. Остановили потенциально самого опасного противника Запада за всю его историю. Холл возликовал.

Его настроение повысилось еще больше, когда Меган, заметив, что он пришел в себя, бросилась к нему в объятия. Они поцеловались, хоть и знали, что выставляют себя на всеобщее обозрение, а затем Меган села рядом с ним, так и лучась счастьем. Хезер и Алекс уселись на диван напротив, улыбаясь до ушей. Ухмылялся даже полковник, сидевший в кресле слева от диванов.

– Милости прошу обратно, Ник, – произнесла Меган первые слова с тех пор, как он очнулся. – Ты уже воспользовался своим экстрасенсорным восприятием, чтобы узнать о случившемся?

– Да, – кивнул Холл. – А случилось то, что ты спасла мою жалкую задницу. Опять! Знаешь что, Меган, я испытываю почти непреодолимое желание сказать, что я тебя люблю. Я совсем сбрендил? – добавил он игриво, но так, чтобы Меган непременно поняла: это не совсем шутка.

– Эй! – возмутилась она. – Плагиатор! Это письмо – одно из моих лучших творений.

Холл рассмеялся. Если б он мог прочесть ее мысли, то, наверное, узнал бы, что отчасти письмо куда правдивее, чем ей хотелось бы признаться. Но его заявление Алексу – тоже правда. Он ни за что не даст ей уйти. Никогда. Даже притворство, будто она его бросила, было страшным ударом по его психике.

– Спасибо, что помогли Меган, – обернулся Холл к полковнику. – И особенно за то, что не убили меня.

Он прочел, что статья в «Айова газетт» не только расстроила Гердлера, но и обрадовала его – как помилование для Холла, пришедшее в последний момент перед казнью. Теперь полковник, по крайней мере, чувствует, что оказался на нужной стороне, помогая невинным людям, а не покушаясь на их жизни. Теперь ему всего-то навсего надо предотвратить возможную глобальную катастрофу. Холл также прочел, что Гердлера уже посвятили в подробности недавней операции Алекса по имплантированию, ожидая, когда Холл придет в сознание, так что полковнику известно, что экстрасенсорное восприятие и киберсерфинг – отнюдь не две стороны одной медали.

Взяв Меган за руку, Холл обернулся к ней лицом к лицу.

– И спасибо, что смекнула, как эта статья об экстрасенсорных способностях могла изменить умонастроения полковника.

– Насчет этого, – встрял Гердлер, прежде чем Меган успела открыть рот. – Вы знаете, что я собираюсь сказать, Ник, но ради присутствующих произнесу это вслух. – Он испустил долгий вздох. – Хотя я и не хочу вашей смерти, но, боюсь, не могу допустить и вашего избавления от экстрасенсорного восприятия. Гонка вооружений вот-вот начнется. Электронное письмо, отправленное вами репортерам вкупе со спущенной Файфом лавиной информации об экспериментах Грея и имплантатах, слишком уж достоверно, чтобы мир закрыл на него глаза. Эта гонка вооружений будет вестись скрытно, но подобные программы развернут многие страны. Начнут с того, что скопируют размещение имплантатов, использованное «Тейя» в клинических испытаниях, и начнут плясать оттуда в попытке найти рецепт экстрасенсорного восприятия. С ужасающими последствиями, если это удастся, как мы уже обсуждали. – Он подался к Холлу. – Так что теперь наша задача – найти противоядие. Откуда следует, что нам требуется ваше работоспособное экстрасенсорное восприятие, дабы мы знали, когда добьемся успеха. Исходя из предположения, что рано или поздно кто-нибудь найдет рецепт экстрасенсорных способностей, мы посвятим себя поиску способа его подавления. Простой формулы, которой мы сможем

поделиться с миром. Чтобы на случай, если кому-то удастся соорудить бомбу, у нас уже имелась броня.

– И Меган должна сыграть изрядную роль в этом предприятии, – заявил Холл.

– Не знаю, жульничаєте вы тут или нет, но это правда.

Судя по выражению лица Меган, это оказалось для нее совершеннейшей новостью.

– Потому что у нее невосприимчивость, – шепнула догадавшаяся Хезер. – Вот почему она так важна.

– Да, – подтвердил Гердлер. – У нее природная сопротивляемость. Найдутся и другие из этой категории, однако в святая святых будет допущена только она. Но Меган, как и эти остальные, послужит ключом. Мы должны открыть причину ее сопротивляемости. Изучить их гены, их ДНК. Испытать их. Исследовать природу их невосприимчивости. Будем надеяться, это что-то простое. Но мы не можем успокаиваться, пока не найдем рецепт. А когда обнаружим – если будет хоть малейший признак, – что экстрасенсорное восприятие вышло из-под спуда, мы можем бесплатно поделиться им с миром.

– Но насколько секретной будет программа до той поры? – осведомилась Хезер.

Гердлер нахмурился.

– Знаете старую шуточку: «Это настолько секретно, что если я вам скажу, то должен буду вас убить?» Ну, в данном случае это не такая уж и шутка. Пожалуйста, имейте это в виду. Пятеро присутствующих и мой заместитель майор Майк Кэмпбелл – единственные, кому известно об этом. Мне не хотелось бы никого убивать из-за утечки, но это меня не остановит. Ник? – Он сделал знак Холлу.

– Боюсь, он это серьезно, – подтвердил тот и улыбнулся полковнику. – Но хорошая новость в том, полковник, что я читаю и их мысли – у всех, кроме Меган, – и они сохраняют этот секрет.

– Не сомневаюсь. – Минутку помолчав, Гердлер сменил тему. – Смахивает на то, что с уходом Файфа Алекс станет новым гендиректором «Лабораторий Тейя».

Повернувшись к Альтшулеру, полковник поднял брови.

– Вы станете мультимиллиардером, Алекс. Втайне знающим о совершенно секретных правительственных исследованиях. Более того, поскольку вы один из шестерых посвященных, да еще и гений, мы с радостью время от времени приглашали бы вас в качестве консультанта. Вы можете быть вроде Брюса Уэйна[33]. Кроткий гендиректор-миллиардер днем...

– Ага, – перебил Холл, пожившись. – Пожалуйста, не углубляйтесь. Файф уже поминал Бэтмена сегодня, чтобы уязвить нас всех до печенок.

– Правда? Два упоминания Бэтмена подряд? И, между прочим, как же можно уязвить кого-то, назвав его Бэтменом? – Это повергло Гердлера в искреннее недоумение.

Увидев выражение лица остальных, он решил оставить эту тему.

– Ладно, забудем об этом. Но мы будем весьма признательны за ваш интеллектуальный вклад, Алекс. Полагаю, вы понимаете, насколько это важно.

– Всенепременно, – заверил Альтшулер.

Полковник кивнул в знак благодарности.

– Ник и Меган, боюсь, вам придется работать со мной и Майком Кэмпбеллом с более полной занятостью. Хотелось бы мне дать вам возможность выбора, но не могу. В данном случае есть только один приемлемый ответ: «Я с радостью поработаю с вами, полковник».

Холл бросил взгляд на Меган.

– Я с радостью поработаю с вами, полковник, – сказали оба в один голос.

– Замечательно. Итак, вот как я все это себе представляю. Мы уходим отсюда. Майк Кэмпбелл уже направляется сюда, чтобы сжечь дом дотла вместе с Файфом. Мы также подбросим еще два трупа и подменим зубо-врачебные карты Ника и Меган, чтобы выглядело так, будто они тоже погибли в пожаре. Все, кроме нас пятерых и майора Кэмпбелла, должны поверить, что это правда, включая и моего начальника генерала Собола. Когда Алекс узнает о трагической утрате Ника Холла и Кэмерона Файфа – и, кстати, вовсе незачем, чтобы кто-либо узнал об истинной личности Файфа и о его намерениях, – он займет пост гендиректора. Но еще до того он должен приложить все силы, чтобы история об экстрасенсорном восприятии выглядела совершенно неправдоподобной. – Гердлер вздохнул. – Удачи в этом, Алекс. Задание не из легких.

– Вот уж спасибо, – проворчал Альтшулер.

– Я также хочу, чтобы вы в роли гендиректора поработали со мной над тем, чтобы затеять слушания в Конгрессе по наилучшей политике в отношении технологии веб-серфинга. Планы Файфа чертовски пугают. Я убежден, что помешать распространению имплантатов уже невозможно. И не убежден, что мы допустили бы их распространение, будь у нас такая возможность. Но нам нужно утроить избыточность мер безопасности на

каждом уровне программного обеспечения и производства. И необходимо разработать многократно усиленные резервные брандмауэры – просто для безопасности и защиты от злонамеренного и неумелого обращения. Нам нужна абсолютная уверенность, что ни один из планов Файфа никогда не осуществится.

– Аминь, – поддержал Альтшулер. – Для меня будет честью возглавить этот штурм.

– Фантастика, – улыбнулся Гердлер. – Должен признать, будет интересно сотрудничать с вами втайне, когда вы станете могущественнейшим титаном бизнеса в мире. – Он выдержал паузу. – Но вернемся к нашим планам относительно Ника и Меган. Нам нужно изменить внешность Ника и устроить для них комплекс где-нибудь в пустыне. Изолированный более чем на десять миль со всех сторон, чтобы Ник не слышал голосов, если только мы этого не захотим. Мы привлечем вспомогательный персонал, мысли которого Ник прочесть не сможет.

Можем просто выстроить кандидатов, а он скажет, кого именно не может прочитать. Их и найдем.

– Но вы хотя бы притворитесь, что проводите собеседование? – ухмыльнулась Хезер.

– Конечно, – Гердлер улыбнулся в ответ. – Притворство – моя специальность.

Потом, снова посерьезнев, он продолжал:

– Мы всё устроим и запустим за пару-тройку недель. И возьмемся за работу. Узнаем о способностях Ника все, что сможем, и как их блокировать. Ник, вам известно, что я делаю это, чтобы положить экстрасенсорному восприятию конец, а не использовать его, но иной раз вы можете понадобиться мне для проведения допроса. Постараюсь свести это к абсолютно необходимому минимуму.

Холл прочел, что Гердлер в этом совершенно искренен. Если некоему террористу будет известно местонахождение ядерного боеприпаса, который вот-вот взорвется, Гердлер оставил за собой право попросить Холла влезть к нему в мозги за этой информацией. Тут Холл ни капельки не возражал. Более того, узнав о братьях Абдулла, не мог дожидаться, когда окажется в радиусе восприятия от человека, называющего себя Эдом Коуэном.

– Понимаю, – вслух сказал Ник.

– Спасибо. Меган, – повернулся к ней Гердлер, – вы будете заняты в этих экспериментах не все время, так что мы организуем вам другую личность. Вы по-прежнему можете быть владелицей графической компании – просто другой, под другим именем, – устроив штаб-квартиру неподалеку от Ника. Я уж позабочусь, чтобы армия США завалила вас заказами на графические дизайнерские разработки. Если вы хоть на одну десятую так же хороши в этом деле, как в уходе от погони, то мы в надежных руках.

– Мне это нравится, – Меган сияла, как ребенок рождественским утром. – Спасибо.

– Но тем не менее вам двоим придется проводить вместе массу времени. Бок о бок. Уйму времени, – Гердлер лукаво улыбнулся. – Для вас это не проблема?

Тут Холл сообразил, что до сих пор держит Меган за руку. Поглядев на противоположный диван, он заметил, что и Хезер с Алексом тоже держатся за руки. Меган сказала, что в воду что-то подмешали, и с этим трудно было не согласиться. Что-то, превратившее четверых взрослых в мечтательных семиклассников. Держаться за руки? Разве сейчас еще такое водится?

И хотя он и не хотел допытываться, но поневоле прочел, что Хезер и Алекс без ума друг от друга, и не на поверхностном уровне, с которого когда-то начинал Холл, а на глубинном, которого наконец достигли он и Меган... как он надеялся.

Нет, находиться в компании Меган Эмерсон – не проблема. Проблемой будет пребывание вдали от нее.

– Нет. Пожалуй, я могу потерпеть ее какое-то время, – заявил он с озорной усмешкой. – Знаете, она ведь неандерталка.

– В самом деле? – удивился Гердлер. – И это путь к сердцу женщины? Обозвать ее неандерталкой? Видно, у меня все эти годы был неправильный подход к женщинам.

– Ну, тут особая предыстория, – чуточку смутился Холл.

– Хорошо. У вас будет масса времени, чтобы поведать ее мне в грядущие месяцы и годы. А пока давайте изыщем способ оградить мир от псионических монстров вроде вас. Справимся?

1

Т. е. около 20° по Цельсию.

2

«Даллас ковбойз» – американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол), выступающий в Национальной футбольной лиге. Чирлидинг – вид спорта, сочетающий элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцы, гимнастика, акробатика); в практическом плане применяется командами девушек, «разогревающих» и заводящих публику во время пауз в спортивных состязаниях.

3

Так в современной медицине называют синдром хронической усталости. Героиня – возможно, по незнанию – подразумевает не синдром, а эффект Флоренс Найтингейл, заключающийся в том, что лицо, ухаживающее за больным, проникается к нему романтическими чувствами.

4

Теодор Джон Качинский (также известен как Унабомбер; р. 1942) – американский математик, социальный критик, террорист, анархист и неолуддит, известный своей кампанией по рассылке бомб по почте.

5

«Сумеречная зона» – популярный телесериал о необъяснимых и сверхъестественных явлениях, выходивший с 1959 г. В последний раз возобновлялся в 2002 г.

6

Американская железнодорожная пассажирская корпорация.

7

По всей видимости, имеется в виду городок Париж в штате Орегон.

8

«Алив» – нестероидное противовоспалительное и болеутоляющее средство, у нас известно под торговой

маркой «Напроксен».

9

Техасский холдем – одна из разновидностей покера.

10

«Нордстрем» – сеть универмагов категории «люкс».

11

Зона 51 – военная база, удаленное подразделение военно-воздушной базы Эдвардс; расположена в США на юге штата Невада, в 133 км к северо-западу от Лас-Вегаса. Согласно официальным данным, там разрабатываются экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения. Часто используется в массовой культуре как некий символ тайны, скрываемой военными и правительством США, связанной с НЛО.

12

АНБ – Агентство национальной безопасности США.

13

В оригинале название куда более красноречиво: «The Men Who Stare At Goats» – «Мужчины, пялящиеся на коз».

14

Несси – жаргонное прозвище Агентства национальной безопасности, производное от его английской аббревиатуры NSA.

15

«Денниз» (англ. Denny's) – сеть ресторанов-блинных.

16

«Звездный путь» – культовый научно-фантастический телесериал, начавший выходить в 1966 г. Впоследствии претерпел множество реанимаций и римейков.

17

Гровер Кливленд (1837–1908) – 22-й и 24-й президент США.

18

Гик – человек, чрезвычайно увлеченный чем-либо; фанатик. Наиболее часто этот термин применяется к людям, увлеченным высокими технологиями (обычно компьютерами и гаджетами).

19

Парилен – полимер, устойчивый к растворителям и кислотам, имеющий высокую температуру плавления, хорошие диэлектрические и барьерные свойства. «С» в названии означает, что заместителем в бензольном кольце выступает углерод.

20

Эптон Синклер – американский писатель-публицист, автор целого ряда разоблачений.

21

По Фаренгейту. Около 14 °C.

22

Рундуком Дэви Джонса британские моряки называют морскую могилу.

23

Управление по контролю за продуктами и лекарствами.

24

Пер. Б. Пастернака.

25

Аллюзия на научно-фантастический рассказ Т. Годвина «The Cold Equations», увидевшего свет в 1954 г. На русском языке вышел под названием «Неумолимое уравнение» в переводе А. Ставиской и неоднократно переиздавался в различных сборниках. В рассказе речь идет о ситуации, когда сходным образом решается жизнь невинного человека. Кончается рассказ отнюдь не хеппи-эндом.

26

«Злая» (в оригинале “Wicked”) – мюзикл С. Шварца и У. Хольцман по мотивам романа Г. Магвайера «Злая: Жизнь и приключения Злой Западной Ведьмы».

27

Имеется в виду рассказ «Сердце-обличитель».

28

Имеется в виду комедия студии «20 век Фокс», снятой в 1989 г., в которой труп довольно долго выдают за перепившего гуляку.

29

Великим Сатаной называют США в исламских странах.

30

Коран, 11:115.

31

Пол Джексон Поллок (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма.

32

Рубен Люциус Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, скульптор, писатель, инженер и

изобретатель. Более всего известен серией карикатур, в которых фигурирует так называемая «машина Руба Голдберга» – чрезвычайно сложное, громоздкое и запутанное устройство, выполняющее очень простые функции.

Настоящее имя Бэтмена.